

ДВА РУБЛЯ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ КОПЕЕК

Почта
В ЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГОБЫВША.
МАЛАТА.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

И	К	А
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ МОСКВА, ЦЕНТР ИЛЬИНКА, 3 ПЕРИОДСЕКТОР ГОСИЗДАТА		
И	К	А

LIBRARY
★ MAY 23 1935 ★
DEPARTMENT OF STATE

40-41

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

111.224
61
40-41
5-10-35

By Transfer
Dept. of State

SEP 7 1939

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ, ПРАВЫЙ И ЛЕВЫЙ ОПОРТУНИЗМ И ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Мощный подъем социалистического строительства, начавшийся на рельсах нэпа, привел нас к новому и последнему его этапу, который, по словам т. Сталина, характеризуется тем, «что мы уже вступили в период социализма..., хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Новый этап есть этап, когда социалистическая система производственных отношений, растущая в Советском Союзе, с исключительной силой начинает обнаруживать свои преимущества перед капиталистической, что находит свое выражение в быстрых темпах развития социалистической индустрии, в развертывании социалистического соревнования и ударничества, о массовом вступлении бедняцко-средняцкого крестьянства на путь сплошной коллективизации и связанной с этим ликвидацией кулачества как класса, в возросшей организованности и плановости всего нашего хозяйства.

Дальнейший рост социалистической индустрии и коллективизации сельского хозяйства ведет к выкорчевыванию последних корней капитализма и построению основ социалистического общества.

В смысле расстановки классовых сил мы имеем все возрастающее сплочение пролетарских и вообще трудящихся масс вокруг задач построения социалистического общества под испытанным руководством коммунистической партии.

Пролетариат и его партия в борьбе за новое социалистическое общество получают теперь возможность опираться не только на мощный рост социалистического сектора в городе, но и на растущий социалистический сектор деревни в лице колхозов и совхозов, получают в свои руки новые мощные рычаги планового социалистического воздействия на индивидуальный мелкотоварный средняцкий сектор деревни в смысле ускорения процессов его сплошной коллективизации и связанной с ней ликвидации кулачества как класса.

Все эти процессы, происходящие в советском хозяйстве, приводят к гигантским сдвигам не только в области социально-экономических отношений, но и в области культуры, быта и идеологии.

На базе соцсоревнования и ударничества, на базе новых форм труда на предприятиях в виде производственных коллективов и коммун складывается новый тип работников социалистического общества, для которого «труд,—по выражению Маркса,—из средства для жизни» все в большей и большей степени превращается в «потребность жизни». Развернувшееся в невиданных масштабах массовое вовлечение рабочих и крестьян в учебу в самых разнообразных ее формах, растущие формы связи науки и учебы с производством в виде производственной практики, школ-предприятий и т. д. не только знаменует подъем к культуре миллионов трудящихся, но и таит в себе растущие зародыши будущего уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, на гребне мощной колхозной волны в ожесточенной борьбе с мелкобуржуазными частнособственническими предрассудками; со всем «идиотизмом» мелкотоварного деревенского уклада поднимается новый социальный тип колхозника, основой мировоззрения которого вместо индивидуализма все в возрастающей степени становится коллективизм.

На наших глазах с невиданной в истории человечества быстротой происходят перевороты в экономике, быте, психологии и мировоззрении, затрагивающие миллионы трудящихся города и деревни, переоцениваются старые ценности, пересматриваются взгляды, складывавшиеся в течение веков в приобретшие прочность в других условиях трудно искоренимых предрассудков. Все это протекает в обстановке ожесточенной классово-борьбы, которая охватывает огромный фронт экономики, политики, идеологии.

Главными борющимися силами на всех этих фронтах являются полный молодых бурно растущих сил социализм и умирающий капитализм.

Капиталистические элементы, вытесняемые и ликвидируемые победоносным социалистическим наступлением, ведут отчаянную борьбу за свое существование. В этой борьбе внутри СССР им приходят на помощь остатки буржуазии, кулачества и их идеологов, сохраняющиеся еще в советском хозяйстве: бывшие фабриканты, помещики, буржуазные интеллигенты, не переварившиеся в советском котле осколки буржуазных и мелкобуржуазных партий и т. д. За пределами СССР они встречают себе сочувствие и поддержку со стороны белых эмигрантов, генералов, заводчиков, фабрикантов, помещиков, опирающихся в свою очередь на поддержку мирового капитала, мечтающего о низвержении Советского Союза и превращения его в свою колонию.

«Эксплоататоры — писал Ленин, обосновывая необходимость пролетарской диктатуры,—можно разбить сразу, при удачном востании в центре или возмущении войска. Но за исключением разве совсем редких и особенных случаев эксплуататоров нельзя уничтожить сразу.

«Эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движи-

мое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, остается более высокое образование, близость к техническому высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном (деле) (это очень важно) и т. д. и т. д.

«...Международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых из наименее развитых средне-крестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор все революции, коммуны в том числе».

Отсюда Ленин приходит к выводу, «что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми»¹.

Правильность этого анализа сил контрреволюции, борющихся против социализма, находит свое подтверждение на протяжении всех этапов революции и с особой силой обнаруживается на новом и последнем этапе нэпа, когда сопротивление капиталистических элементов развернутому наступлению социализма по всему фронту принимает особенно острые формы.

Об этом в высшей степени красноречиво говорят нам процесс Промышленной партии и раскрытые за последнее время контрреволюционные вредительские организации «ІКП» и другие. Процесс Промышленной партии прежде всего показывает, как низвергнутая крупная буржуазия использовала, выражаясь словами Ленина, свою «близость» к техническому высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу» и свои громадные международные связи и показывает, как мировой капитал, давно понявший, какую смертельную угрозу несет капиталистическому миру бурный рост социалистического строительства в СССР, использует все те контрреволюционные силы, которые имеются внутри Советского Союза и за его пределами, в целях низвержения пролетарской диктатуры и превращения Советского Союза в колониальную страну.

Бешеное сопротивление капиталистических элементов социалистическому наступлению находит свое отражение во всевозможных право- и «лево»-оппортунистических и право-«левацких» уклонах от генеральной линии партии, смыкающихся по ряду своих теоретических и политических положений с идеологией и программой капиталистических реставраторов.

Оживление интервенционистских стремлений среди различных групп мирового капитала и в особенности Франции, а также среди русских белоэмигрантов непосредственно связано с успехами социалистического наступления. Этим же объясняется и оживление контрреволюционной и вредительской работы Промпартии, «ІКП», и различных неонароднических и меньшевистских групп внутри СССР. Большинство обвиняемых по процессу Промышленной партии откровенно признали, что с введением нэпа они связывали надежды на капиталистическое перерождение пролетарской дик-

¹ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. XV, с. 433—434.

татуры и на капиталистический путь развития советского хозяйства. И поэтому, когда эти надежды, по мере развертывания социалистического наступления начали все более и более терять почву, они стали на путь контрреволюции и вредительства. То же самое мы имеем и в отношении мирового капитала. Пятилетка была встречена буржуазным миром как фантастическая утопическая затея потерявших голову фанатиков от революции. Однако, уже итоги первых двух лет пятилетки показали не только всю реальность ее выполнения, но и перевыполнения по ряду важнейших показателей. Так по сообщению т. Куйбышева, данному Американскому телеграфному агентству «Ассошиейтед пресс» об итогах первых двух лет пятилетки, прирост валовой продукции по социалистической промышленности составил 25%, превысив проектировки пятилетки на 5%, причем прирост по отраслям, производящим средства производства, достиг 40%, превысив проектировку пятилетки на 16%; в области сельского хозяйства посевные площади возросли со 113 млн. га в 1928/29 г. до 127,7% млн. га в 1929/30 г., валовой сбор зерновых хлебов в 1930 г. составил 86,5 млн. тонн против 71,7 млн. тонн в 1929 г., а товарная часть зерновых культур оказалась на 32,6% выше проектировок пятилетки. Свыше пяти млн. крестьянских хозяйств перешло к коллективным формам хозяйства. Колхозами в истекшем году засеяно 36 млн. га вместо 20,6 млн. га, запроектированных к концу пятилетки; безработица к концу второго года пятилетки оказалась ликвидированной, между тем как предполагалось безработицу к концу пятилетки свести до 400 тыс. человек.

Все это говорит о полной реальности лозунга «пятилетка в 4 года» вокруг которого партией и советской властью мобилизуются массы. Поэтому немудрено, что все возрастающая тревога охватывает капиталистический мир при виде этих успехов. «Глупо притворяться—пишет бывший депутат английского парламента, консерватор Артур Ронкинсон в журнале «Эмпайр-Ревью»,—будто пятилетний план не удался. Это факт, что во многих отраслях пятилетний план уже преуспевает. Я стараюсь всеми силами предостеречь читателя от ошибки, которую может породить предположение, что пятилетка потерпит неудачу, потому что в действительности она уже достигает такого обширного успеха, который превращает ее в угрозу всему цивилизованному миру. «Серп и молот» может в будущем означать для Европы то же, что в прошлом означал «Юлумесяц». Это может быть и верно, что поднявшийся меч от меча падет, но история последующих пятидесяти лет покажет, что тот, кто не поднял меча, падет более позорной смертью».

В этих словах со всей откровенностью классовый враг обобщивает уже необходимость интервенции не наившими оскомину вымыслами о хозяйственной разрухе СССР, а успехами, достигнутыми нами в деле выполнения пятилетки.

Промышленная партия, состоящая по преимуществу из того самого высшего технического персонала «по-буржуазному живущего и мыслящего», о котором писал Ленин, является по су-

ществу по своей программе партией крупной буржуазии, работающей по прямым директивам «Горгпрома»—союза крупных капиталистов, экспропрированных пролетарской революцией.

Как прежде всего среди членов Промышленной партии, по показаниям Рамзина, «царило убеждение в спасительности и необходимости капиталистического строя, как единственной базы, на которой могут успешно и планомерно развертываться производственные силы страны».

Далее основными пунктами программы Промышленной партии являются возврат фабрик и заводов капиталистам и земли помещикам. Причем, поскольку за годы революции произошли большие изменения в области промышленности и сельского хозяйства, делающие в целом ряде случаев невозможным возврат предприятий и имений их прежним владельцам, постольку Промышленная партия выдвигает обезличенные и акционированные предприятия и денежную компенсацию землевладельцам.

«Это обезличение и акционирование предприятий, — говорил Рамзин на суде, позволило бы, во-первых, компенсировать прежних владельцев за принадлежащие им предприятия, а, во-вторых, в виду того, что ценность, суммарная ценность всех советских предприятий значительно превышает уже прежнюю ценность предприятий, принадлежавших старым владельцам, оставались довольно значительные резервы для общегосударственных нужд и, кроме того, для компенсации землевладельцев». Тактикой Промышленной партии, что вынуждены были признать на суде сами руководители Промышленной партии, было вредительство как в области планирования, так и строительства по отдельным отраслям. Не надеясь на внутреннюю контрреволюцию, Промышленная партия рассчитывала добиться осуществления своей программы путем интервенции, сознательно идя на отторжение целого ряда частей от Советского Союза и превращение его в колонию.

Самой собой разумеется, что осуществление подобного плана означало бы введение военной диктатуры, дикую расправу и невиданную эксплуатацию рабочих и крестьян.

Теория и программа так называемой ТКП, являющейся кулацкой контрреволюционной организацией, в основе своей имела взгляд на советскую систему как на разновидность товарно-капиталистической, управляемой в основном стихийными законами, сведение проблемы планирования к учету стихийных процессов и приспособлению к ним деятельности планирующих органов, выставление лозунга развития производительных сил вообще, имея при этом в виду именно капиталистическую форму этого развития, отрицание преимуществ советской системы перед капиталистической, признание чистой утопией лозунга «догнать и перегнать», требование снижения темпов социалистического строительства и пересмотра плана в сторону усиления легкой индустрии за счет уменьшения тяжелой, ослабление, а на деле ликвидация монополии внешней торговли, ввоз предметов потребления, ставка на кулака и борьба против коллективизации

и совхозного строительства и, наконец, курс на «задержку» роста, а фактически снижение заработной платы. Таковы основные черты теории и программы кондратьевской контрреволюционной партии, поскольку она нашла свое легальное выражение в докладных записках, статьях, речах и т. д. ее представителей.

На деле эта программа шла гораздо дальше в смысле реставрации капитализма в Советском Союзе. Она так же как и Промпартия применяла методы вредительства и добивалась низвержения советской власти при помощи интервенции. В этой программе реставрации капитализма, отражающей интересы буржуазии и кулачества, была и струя неонародничества в лице теоретиков «устойчивости мелкого производства», проводимой и защищаемой Чайновым, Челинцевым и другими, теория реакционная и кулацкая по своему существу.

С этой организацией блокировалась также меньшевистская группа Суханова и Громана.

Все эти контрреволюционные партии и группы объединяло стремление к низвержению советской власти и восстановлению капитализма. Поэтому неудивительно, что в своей вредительской и контрреволюционной работе Промышленная партия, отражающая интересы крупной буржуазии, выступала единым фронтом с кулацкими партиями и группировками Кондратьева, Чайнова, Суханова и других в борьбе против диктатуры пролетариата за реставрацию режима капиталистической эксплуатации, находя полную поддержку со стороны соответствующих белоэмигрантских кругов. Процесс Промышленной партии и вскрытие всех этих контрреволюционных группировок вместе с тем показывает, как буржуазно-кулацкие элементы своим влиянием заражают некоторых идеологически наименее устойчивых членов партии, становящихся рупором этих элементов в их борьбе против строящегося социализма.

Так программа правого уклона во многих точках совпадает, а часто прямо повторяет программу буржуазных реставраторов. Подход к советскому хозяйству и социалистическому строительству с точки зрения равновесия и развития производительных сил вообще, теория вращающегося кулака в социализме, объяснение классовой борьбы в переходный период ошибками и недостатками советского аппарата, отрицание того, что колхозы и совхозы являются столбовой дорогой к социализму, требование снижения темпов индустриализации, недооценка руководящей роли пролетариата в его союзе с широчайшими массами среднего крестьянства и вытекающая отсюда теория самотека в колхозном движении—все это льет воду на мельницу контрреволюции, отстаивающей капиталистический путь развития советского хозяйства.

Программа троцкистов, несмотря на левые фразы, прикрывающие ее оппортунистическую, мелкобуржуазную сущность, так же как и программа правых оппортунистов, имеет по существу очень много точек соприкосновения с программой буржуазных реставраторов.

Теория невозможности построения социализма в одной стране, теория затухающей кривой, борьба против взятых темпов индустриализации, неверие в возможность социалистического пути развития бедняцко-средняцкого крестьянства в условиях пролетарской диктатуры и связанное с этим резко отрицательное отношение к колхозному движению, равно как и вся та по существу контрреволюционная борьба, которую троцкизм ведет против партии и диктатуры рабочего класса, делает его прочным союзником буржуазных контрреволюционеров и вредителей.

Все сказанное нами о правом и «левом» оппортунизме, применимо также и к право-«левацкому» блоку, программа которого наряду с некоторыми левыми выкриками в основном является правооппортунистической программой.

В самом деле, право-«левацкий» блок при построении контрольных цифр вместо борьбы за усиление темпов и дальнейшее развертывание социалистического наступления предлагает «отправляться от прорывов», игнорируя трудовой энтузиазм, инициативу и активность масс, мобилизуемых партией вокруг задачи выполнения пятилетки в четыре года, право-«левацкий» блок мрачно твердит «об упадке энергии, прострации и творческой инициативы»; вопреки успехам, достигнутым в борьбе за повышение реальной заработной платы, право-«левацкий» блок вопит о «нарастающем неблагополучии с заработной платой»; вместо борьбы за снижение цен, право-«левацкий» блок в панике судорожно хватается за старое оружие троцкизма—повышение цен; вместо организации нового подъема колхозного движения, право-«левацкий» блок главную задачу видит в создании стимулов для закрепления «реального, крестьянского, человеческого материала в коллективизации». Не видя громадного усиления планового начала во всем советском хозяйстве в целом, право-«левацкий» блок, повторяя перепевы правых оппортунистов, кричит «об игре в цифры, декретировании процентов и о какой-то беспартийной, «правильной» арифметике»; в полном противоречии с успехами, достигнутыми в борьбе с бюрократизмом советского аппарата, все более и более приспособляющегося к обслуживанию интересов рабочих и крестьян, право-«левацкий» блок говорит «о барско-феодалном отношении к нуждам и интересам» трудящихся масс.

Отсюда, естественно, право-«левацкий» блок, не будучи в состоянии понять качественных особенностей нового этапа, подвергает обстрелу положение т. Сталина о том, что проблема «кто-кого» в области промышленности в основном решена уже в пользу социалистической индустрии и что мы вступили в период социализма.

Излишне доказывать, что программа право-«левацкого» блока, являясь в основном правооппортунистической, ведущей к отказу от большевистских темпов и развернутого социалистического наступления, естественно смыкается так же как и правый оппортунизм и контрреволюционный троцкизм, с установками буржуазных контрреволюционеров и вредителей.

А тот факт, что на этой антипартийной, в основном право-оппортунистической платформе сошлись и правые и «левые» оппортунисты — есть лишнее доказательство того, что оба они отражают сопротивление капиталистических элементов развернутому социалистическому наступлению и в этом смысле имеют общую почву что однако, ни в какой мере не снимает вопроса о тех различиях, которые существуют между правым и «левым» оппортунизмом, а, следовательно, и лозунга борьбы на два фронта с заострением внимания на правом оппортунизме как главной опасности.

Обострение классовой борьбы, связанное с развернутым наступлением по всему фронту социализма на капитализм, находит свое отражение и на теоретическом фронте и не только в форме буржуазно-реставраторских, а также и мелкобуржуазных концепций развития советского хозяйства, но и в тех дискуссиях, которые ведутся по общеметодологическим проблемам в различных отраслях знания.

В свете новых фактов и явлений нужно подойти к оценке итогов и результатов боев на идеологическом фронте. После вскрытия фактов планового вредительства, после раскрытия «ТКП» и Промпартии, после раскрытия новых форм и методов борьбы с диктатурой пролетариата и подготовки интервенции становится совершенно ясным объективный смысл борьбы, которая велась в области политэкономии, литературоведения, истории и на других участках теоретического фронта.

Так в дискуссии, развернувшейся по проблемам политэкономии, обнаружилось со стороны многих экономистов-коммунистов непонимание партийности марксистской науки и неумение проводить линию борьбы на два фронта как против механистических, так и идеалистических извращений марксистско-ленинской методологии. В силу этого ряд товарищей, в политике защищающих генеральную линию партии, в теоретических вопросах защищали механистические позиции, не понимая того, что эти партии являются не чем иным, как теоретическим обоснованием правооппортунистической политики. С другой стороны товарищи, занимавшие примиренческие позиции по отношению к рубинской концепции, не поняли опять-таки классового политического смысла этой концепции, по существу являющейся своеобразной завуалированной формой перенесения на советскую почву идей австромарксизма, концепции, содержащей в себе идеалистическую, меньшевистскую ревизию марксизма в политэкономии.

В настоящих условиях отрыв теории от практики, отрыв формы от содержания приобретает совершенно ясный, определенный, классовый политический смысл, направленный в конечном счете против самой диктатуры пролетариата. Уход от практики в пустые «абстрактные выси» теории, мертвящий академизм, «эмиграция» от действительности в схоластическое теоретизирование от конкретных проблем переходного периода, от современных вопросов международного революционного движения, от практики социалистического строительства—все это есть

не что иное, как одна из уточненных форм влияния буржуазной идеологии на наши ряды.

С этой точки зрения необходимо подойти и к философской дискуссии. Тов. Стэн и другие выступавшие в дискуссии с отстаиванием самостоятельности философии от политики и от партии опять-таки обнаружили полное непонимание партийности философии. Если принять во внимание, что это были в значительной мере как раз те товарищи, которые как например Стэн выступили идеологами «левацких» настроений, то эти выступления с их проповедью о «теоретическом ликвидаторстве в партии», о «ползучем эмпиризме», о «снижении теоретической работы партии» и т. д. по существу явились теоретическим обоснованием право-«левацкого» блока. Все это свидетельствует о связи философской дискуссии с последними событиями внутрипартийной жизни.

Марксистско-ленинская теория—«это могучее орудие в руках пролетариата познания и изменения—мира выковывалось в непрямой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными теориями и «теориейками».

Новые огромные задачи, поставленные перед коммунистической наукой на новом этапе социалистического строительства, равно как и обострение классовой борьбы на всех фронтах экономики, политики, идеологии с особой остротой выдвигают необходимость решительной борьбы с аполитичностью и беспартийностью в теории за реализацию лозунга партийности во всех областях марксистской науки.

Борьба на два фронта в области теории против механистических и идеалистических концепций, разоблачения с разных сторон силами всех Институтов Комакадемии теоретических основ контрреволюционной идеологии буржуазных реставраторов и смыкающихся с ними правого и «левого» оппортунизма и право-«левацкого» блока является важнейшей задачей Комакадемии в ее теоретической работе.

Вместе с тем международная обстановка, характеризующаяся мировым кризисом, обострением всех противоречий капитализма и усиленной подготовкой войны и интервенции против Советского Союза обязывает Комакадемию в максимальной степени усилить внимание к теоретической разработке проблем империализма и в частности проблем, связанных с угрозой войны и интервенции, и повести решительную борьбу за разоблачение перед мировым пролетариатом теоретических основ идеологии буржуазных интервентов, фашизма и в особенности теоретических взглядов социалфашизма, активно выступающего, как показал процесс Промпартии, на стороне интервентов и белоэмигрантов.

О РАЗНОГЛАСИЯХ НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

18 октября 1930 г.

ДОКЛАД В. П. МИЛЮТИНА

Товарищи! Президиум Коммунистической академии поступил вполне правильно, поставивши сейчас вопрос о задачах в области философии. Современный период с особой остротой ставит проблемы методологические. Это вполне понятно, потому что мы вступаем в период, когда социалистическое строительство приближилось к формам социалистического общества и вводит в него. Несомненно, что например, в области экономики проблема генерального плана—это уже проблема социалистического строя. Но если бы вы посмотрели и проверили то, как составлялся этот план до сих пор,—над генеральным планом работают уже 5 лет,—вы бы увидели те минусы, те недостатки, которые проистекают от неправильного применения марксистско-ленинской теории. Такое же явление мы можем наблюдать и в других областях, не говоря о том, что те колоссальные классовые сдвиги, которые дали возможность нам сейчас на новом этапе поставить проблему ликвидации кулачества как класса, выдвигают крупнейшие изменения и в области идеологии, в области нашей культуры. Проблема культурного строительства поднимает точно так же совершенно новые методологические вопросы, и в этом отношении взаимоотношение теоретической работы и практики является центральной проблемой, которая перед нами стоит, и поскольку проблемы методологические, иначе говоря, проблемы марксистско-ленинской философии, сейчас являются руководящими в нашей теоретической и практической работе, постольку этот вопрос о взаимоотношении практики и теоретической работы получает сугубо важное значение, и ошибки здесь чрезвычайно опасны. Всякий отход в этой области от марксизма, разрыв в этой области чреват самыми серьезными последствиями.

Но если я говорю об опасности, то в первую очередь приходится указать на такую опасность разрыва между теоретической работой и практикой в тех специальных наших учреждениях, которые являются штабом нашей философской мысли. Тут опас-

ность несомненно имеется очень серьезная, потому что и в работе этих учреждений и в произведениях руководящей головки этих учреждений начинают проявляться формалистического характера тенденции, сущность которых заключается в разрыве теории от практики.

«Ленинская теория,—я тут цитирую Сталина,—является марксизмом эпохи диктатуры пролетариата и пролетарской революции». В этом отношении ленинизм, теория Ленина для нас является центральной в области нашей практической деятельности. Без применения методологии Ленина мы несомненно в нашей практической деятельности будем ошибаться, наделаем кучу ошибок, будем отходить от ленинизма, не только в теории, но и на практике, здесь имеется угроза отхода от генеральной линии партии. Совершенно не случайно, что наши уклоны в области политики, в области экономики обычно связаны с отходом от марксистско-ленинской теории. Поэтому задача наших учреждений, задача нашего руководства заключается в том, чтобы проверить в первую очередь, насколько полно и насколько правильно производится сейчас усвоение, изучение, разработка и пропаганда ленинизма и ленинской теории. В этом отношении в первую очередь поднимается вопрос о роли Ленина в области философии. Недооценка этой роли, умаление этой роли является не просто какой-нибудь ошибкой, но является принципиальной ошибкой.

И вот первое, что несомненно приходится поставить в минус нашим философским учреждениям и нашему руководству в области философии,—это недооценка Ленина как философа, недооценка наследия Ленина в области философии. В чем это выразилось? Посмотрите работу Института по философии Коммунистической академии. Вы не найдете специального труда о Ленине как философе. Если вы возьмете «Под знаменем марксизма», вы найдете замалчивание роли Ленина как философа. В нынешнем году за исключением небольшой статейки Луппола, который трактует об отношении буржуазных ученых к Ленину как к философу, вы не найдете ничего о философии Ленина. Больше того, в той трактовке, которая имеется у т. Деборина в предисловии к «IX ленинскому сборнику», мы видим несомненно неправильную трактовку Ленина как философа по самому существу.

Как оценивает т. Деборин эту работу Ленина вообще? Он пишет:

«Нет никакого сомнения в том, что если бы ему (Ленину) удалось довести начатое дело до конца, он дал бы серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень». Это первое. Второе, как оценивает т. Деборин вообще отношение Ленина к Гегелю? У Деборина сугубо подчеркнута согласие Ленина с Гегелем. Вы можете у него найти такие слова, когда он говорил о «Логике» Гегеля.

«Особого внимания заслуживает здесь согласие Ленина с Гегелем по вопросу о роли и значении в науке числа. Что касается роли меры, то здесь мы не находим никаких замечаний Ленина.

Это повидимому объясняется тем, что он согласен с основными мыслями Гегеля».

«Ленин формулирует свое понимание этого вопроса более отчетливо, соглашаясь в основном с Гегелем». Ленин же наряду с согласием с Гегелем очень часто критикует Гегеля, выражает свое несогласие с ним.

Вот это отношение Ленина к Гегелю здесь замалчивается. Но Ленин не просто материалистически истолковывает Гегеля, он критически его перерабатывает.

Случайность ли это замалчивание т. Дебориным ленинской критики Гегеля? Я обращаю на это внимание, потому что делая формалистические ошибки, наше руководство исходило из подобного отношения, из подобного понимания. Если мы посмотрим на что упирает т. Деборин в философских вопросах, то увидим, что это не случайный подход т. Деборина. Очень жаль, что Ленинский институт поместил это предисловие к работе Ленина.

Дальше т. Деборин смазывает различие между Лениным и Плехановым. Ведь в том же «Ленинском сборнике» на с. 197 Ленин пишет:

«Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий».

Какое в истолковании Деборина различие между Лениным и Плехановым? Что он находит?

«Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторических фаз в развитии революционного движения и классовой борьбы пролетариата». Только. Так что подобная трактовка Дебориным Ленина и Плеханова — не случайность.

В то время как Ленин в этом сборнике критикует Плеханова как философа, Деборин это различие и эту критику смазывает. В самом деле, что это за две различных исторических фазы? Какие исторические фазы? Плеханов и Ленин жили в основном одну историческую полосу.

Деборин. Ленин сам об этом пишет.

Милютин. Что он пишет? Что они к двум различным историческим фазам принадлежали? Вы этого нигде не найдете.

Деборин. Нет?!

Милютин. Вы этого нигде не найдете, если не будете так цитировать, как вы цитировали здесь. Здесь несомненно есть...

Деборин. Переверните страницу!

Милютин ...смазывание роли Ленина в отношении его к Плеханову.

Деборин. Смазывание, смазывание, смазывание! Это вы смазали все!

Милютин. Несомненно, в области философии марксистско-

ленинской теории наиболее центральным, определяющим все является диалектика. Это безусловно, против этого никто здесь, надеюсь, спорить не будет. Позвольте прочесть три определения. Первое определение:

«Диалектика представляет собой всеобщий метод познания природы, истории и человеческого мышления». Одно определение.

«Материалистическая диалектика, как общая методология, должна проникать собою все конкретные эмпирические науки, является таким образом алгеброй наук, вносящей внутреннюю связь в конкретное содержание».

«Метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь встала во весь свой гигантский рост».

Три определения. Неправда ли, они сходятся между собой в значительной степени?

Должен сказать, что эти три определения действительно тождественны. Два определения взяты из Деборина, третье — из Бухарина. К последнему определению Ленин дает такую приписку: «Только познавательную ценность, а не объективный мир отражающую? Стыдливый агностицизм!». Правда, должен сказать, что это опять не случайность, — т. Деборин, упирая на это определение диалектики, делает сразу целый ряд оговорок. Вы уже видели, как он это делал относительно определения значения Ленина, где он ссылается дальше на другую фразу, которая противоречит первой постановке. Точно так же и здесь он дает положительное определение, а дальше начинает его «объяснять». Он пишет, что «диалектика представляет собой всеобщий метод познания природы, истории и человеческого мышления... «...только благодаря объективной диалектике возможна субъективная диалектика».

Да, в этом отношении незачем удивляться. Конечно Деборина в стопроцентном формализме, идеализме никто не обвиняет, было бы странно обвинять Деборина в том, что у него на 100% все ошибочно, но что имеются определенные тенденции в формалистическом духе, это не подлежит сомнению. Да, не случайны определения, сходящиеся у Деборина и у Бухарина, это не подлежит сомнению. Если хотите, тут к Бухарину точно так же нельзя полностью придрасться. Но Ленин даже на такой относительный уклон Бухарина обратил внимание и сказал: «Стыдливый агностицизм!». Повторяю, опять-таки здесь мы имеем не случайность. Я поэтому поставил центральный вопрос — соединение теории и практики, общей теории и конкретной науки. И не случайность то, что центральным в вопросе, в области философии, в области определения диалектики, в области определения Дебориным диалектики мы наблюдаем определенные тенденции отхода от ленинизма, отхода от постановки Ленина, который все время подчеркивает необходимость именно теснейшей увязки диалектики, которую он определяет как отражение объективного мира, с конкретной действительностью, требует применения методологии диалектического материализма ко всей конкретной действительности. В этом соль. Я уже приводил в своих тезисах к докладу цитату из Ленина, где он пишет, что гениальное открытие Маркса и Энгель-

са заключалось именно в применении материалистической диалектики во всех областях нашего знания, ко всей нашей практике, ко всей нашей теории. Особенно же в настоящий период нужно обратить внимание на умение применять к конкретной действительности материалистическую диалектику. Не давать поводов к разрыву, к отходу от этого. И не случайность, что отход в области политики троцкизма, правого уклона от применения материалистической диалектики связан с ревизией теории Ленина, с пересмотром теории Ленина.

Как ставит Ленин вопрос в области естествознания? Как он прорабатывает этот вопрос? В чем он видит например сущность кризиса физики? Это наиболее характерно, потому что если мы в области экономики, в области политики легко можем заметить разрыв между теорией и практикой, заметить случаи неумения применять метод диалектического материализма, то в целом ряде областей естествознания, где у нас меньше наших работников, где у нас меньше наших завоеванных областей,—там труднее освещение целого ряда вопросов. Как ставит Ленин вопрос относительно физики? В чем видит он сущность современного кризиса в физике?

«Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом».

Как прорабатывает Ленин в своем произведении проблемы естествознания? Он идет к конкретным научным дисциплинам, берет из них то, что относится к диалектическому материализму. А как ставит Деборин этот вопрос? Как ставит Институт философии этот вопрос? Этот вопрос поставлен у них также с привлечением в проработку самих дисциплин их умозрительного подхода, не в связи с проработкой проблем естествознания, и мы видим тут отрыв естествознания от философии. В этом существеннейшая ошибка. В чем заключалось задание Ленина, которое он писал в своем письме журналу «Под знаменем марксизма»? Он пишет, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания».

Перед этим он говорит:

«Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шаптаный в сторону идеализма и скептицизма».

В этом отношении Ленин показал пример применения своей методологии, марксистско-ленинской методологии при прора-

ботке проблем в области естествознания, который мы имеем в его работе об эмпириокритицизме. В этом отношении мы, с другой стороны, имеем плачевный пример, плачевный показ той работы, которую проделал журнал «Под знаменем марксизма», и плачевный пример, который проделал наш институт по философии, оторванный от этих проблем. Институт философии Коммунистической академии оторван от этих проблем целиком. Вот в чем дело. Дальше я обращусь к конкретике в области общественных наук. В области же естественных наук сейчас никто не будет отрицать, что мы некоторые успехи имеем только в области биологии, о которых можно говорить.

И в области физики, и в области химии, и в целом ряде других естественно-научных областей мы имеем в сущности прорыв. Институт философии в этом отношении не помогает нам, не делает в этом отношении того, что нужно. Вот факт, мимо которого не пройдем. В этом отношении то задание, которое давалось Лениным, и тот метод, главное—метод, с которым Ленин подходил к проработке этих вопросов, этот метод не применяется. И это не случайно. Если бы опасность заключалась только в том, что Институт философии Коммунистической академии, или Общество воинствующих материалистов, или журнал «Под знаменем марксизма» плохо выполняют задачу, это дело, которое можно исправить, это дело организационного порядка. Но если мы видим ошибки методологического порядка в разрешении этой проблемы, в постановке этого задания,—это уже ошибки принципиального порядка. Это того же принципиального порядка ошибки, как относительно наследства Ленина. Наследство Ленина не было проработано, было слабо пропагандировано. И второе: в области естествознания мы наблюдаем точно также невыполнение тех заданий, которые оставил Владимир Ильич, и неприменение той методологии, с помощью которой он разрешал эти проблемы, эти задачи. Мы видим здесь опять-таки отрыв от той методологии, которая имеется у Владимира Ильича.

Далее, с такой же центральной задачей связан и отрыв от конкретной политической действительности, то, что я в своих тезисах назвал «политизмом». Это тоже не случайность. Институт философии и философы занимаются очень полезной продуктивной деятельностью. Но, товарищи, если начинают создаваться у нас чистые философы, которые с пренебрежением смотрят на всех не-философов, которые отгораживают свою науку от действительности, то это уже опаснейший симптом! Разве случайность то, что та борьба, которая у нас велась на всех фронтах нашей политической действительности, миновала наши философские учреждения, они были на высотах, над этой борьбой, они не спускались к ней.

Мы имели борьбу с троцкизмом. Что сделали в этой области философы? Имелся ли здесь определенный отпор теории троцкизма? Факт или не факт, что это прошло мимо?

Голоса. Правильно.

Милютин. И больше того. В сущности говоря, в работах философов теория троцкизма получила свое отражение...

Голоса. Правильно! Правильно!

Милютин... причем это отражение не встретило противодействия со стороны философов.

С места. Троцкизм мимо них не прошел.

Милютин. Верно! Если они прошли мимо (троцкизма, то троцкизм мимо них не прошел. Если вам нужен пример формалистической и до известной степени троцкистской трактовки, формалистического подхода в области философии, то я должен указать на работу т. Карева. Безусловно он человек талантливый, очень продуктивный, не в пример некоторым другим, более ретивым, но не столь продуктивным. Но если возьмете его книгу «За материалистическую диалектику», выпущенную им,—это образец формализма...

Голоса. Правильно! Правильно!

Милютин... начиная с первой своей страницы и до последней. Я уже не говорю, что в этой книге, где Карев стремился действительно поставить проблему исторического материализма, проблемы конкретного социалистического строительства, старался их философски обработать, но не получилось, не вышло, почему? Благодаря тому, что эти формалистические тенденции глубоко у него существуют, что они наложили полностью отпечаток на его произведение. Классовая борьба—центральный вопрос нашего социалистического строительства, как трактуется Каревым? В троцкистском понимании, что пролетариат в переходный период в отношении всех классов находится в процессе классовой борьбы, сметено все наше отношение к бедноте, сметено все отношение к середняку, проблема союза, Налицо троцкистская постановка проблемы. Точно так же и история философии. Это тоже чрезвычайно показательно, как Карев ее трактует. У него тоже отрыв истории философии на протяжении всех двух с половиной тысяч лет от социального бытия, от социальных форм. Тот факт, что Институт философии прошел мимо троцкизма,—это не случайность. Далее, Институт философии прошел мимо и правого уклона. Мы имеем, правда, сборник по теории равновесия, выпущенный против «Теории равновесия» Бухарина, где дело сводится по существу к тому, что Бухарин критикуется только с точки зрения его положения о теории равновесия, с точки зрения связи его с механистами. Что механисты уходят корнями в богдановщину, что механисты явились по существу основой для правого уклона—это обосновывать сейчас не приходится. Это факт. Но критика Бухарина и правого уклона в смысле его методологии и в области классовой борьбы не поставлена. А ведь для правого уклона первое, на чем он споткнулся, это была проблема классовой борьбы. Теория правого уклона во всех его разветвлениях не получила отпора в работе Философского института и руководстве им.

Случайность ли это? Троцкисты и правый уклон растут в сущности из одного корня. Сейчас даже формально отличить

троцкизм от правого уклона становится трудно. И если Институт философии и философское руководство прошли мимо троцкизма, то случайно ли, что они прошли в известном смысле мимо правого уклона, и нет ли тут опять-таки формалистических тенденций. Я не хочу обвинять философское руководство в какой бы то ни было степени, что оно сходилось с правым уклоном и т. д.,—но это есть отход, объясняемый не случайностью, не тем, что сил не было, не тем, что средств не было, а это есть отход, происшедший благодаря принципиальному отходу в области методологии, благодаря разрыву между теорией и практикой, между философией и конкретной действительностью, благодаря тому, что не было применения метода диалектического материализма к текущей действительности.

Следующее—это борьба с кондратьевщиной, которая ведется уже давно, борьба с базаровщиной. Велась ли эта борьба в какой бы то ни было степени? Не велась совершенно. Вся эта борьба обойдена молчанием. Это точно также показывает отрыв философии от конкретной политической борьбы. До сих пор молчат по этому поводу. До сих пор посвящают журнал «Под знаменем марксизма» критике Митина, Ральцевича и др., а базаровщину и кондратьевщину не освещают.

Итак, по трем основным фронтам, по которым билась партия, билась работники других областей знания, философы отсутствовали. Это крупнейший недостаток, крупнейшая опасность, и если сейчас товарищи в полемическом задоре не будут оценивать этой опасности, то они совершат не только теоретическую ошибку, но совершат и политическую ошибку.

Голос. Правильно!

Милютин. Они должны признать эти ошибки.

Таким образом наряду с недооценкой наследия Ленина, наряду с невыполнением применения методологии материалистической диалектики к естествознанию мы видим у них отрыв от политической борьбы. Здесь мы видим разрыв по всему фронту. отрыв работников-философов от других областей нашей жизни и деятельности, от социалистического строительства. Это отрыв очень существенный, чреватый минусами для работающих во всех других областях. Нужно выставить такой принцип, что каждый философ должен работать в той или иной конкретной области, и каждый партиец, работающий в той или иной научной конкретной области должен заниматься философией.

Я указал на ряд недостатков в области нашей философской работы не только из-за полемики, а именно потому, что приближение нашей теоретической работы к практике должно начинаться с приближения наших философских учреждений к практической действительности. Если мы не осознаем этого, если мы не сумеем критически вскрыть того прорыва, который есть в этой области, то мы окажемся бессильными в целом ряде областей. Пренебрежение к этим проблемам, отмахивание от них, отход от этих проблем и от вопроса преодоления этих ошибок чреват опасными последствиями.

Я отнюдь не хочу говорить, что в области философии мы не имеем никаких достижений, — мы имеем очень серьезные достижения, — и я решительно выступал против тех, кто смазывает эти достижения. Больше того. (Я уже неоднократно говорил, что оценка, будто наша теоретическая работа и в частности философская работа ничего не дала, что она являет собою пример только отрицательных результатов, это повторение только в измененном виде троцкистской по существу методологии; Троцкий и троцкисты ничему не верили, кроме кризиса в нашей экономике, в нашем общественном строительстве. Точно так же в области теории начинают появляться некоторые группы и некоторые товарищи, которые смазывают нацело всю нашу работу. Если я говорил о том, что мы имели недооценку работы Ленина в области разработки философских проблем, недооценку пропаганды ленинизма и Ленина как философа, что т. Деборин трактовал Ленина больше как практика, как революционного деятеля, но не как теоретика, — это факт, — и что такая недооценка является принципиальной ошибкой, — то наряду с этим мы имели несомненно и известные результаты: наследство Ленина было опубликовано, были даны определенные по этому поводу статьи и т. д. Известные серьезные результаты имеются точно так же и в области пропаганды марксизма-ленинизма. Но в области живого применения методологии марксизма-ленинизма в живой конкретной действительности, в этом центральном вопросе мы имеем наибольшее количество промахов. Здесь лежит опасность отхода с верной принципиальной дороги, отхода от нее. И это есть не просто случайные ошибки, это есть известного рода система ошибок.

Проследите, как развивались оппозиционные уклоны. Они не сразу рождались готовенькими в законченной своей форме. Извините, они начинались с отдельных ошибок, вырастали в систему ошибок, вырастали затем в уклон, в оппозицию. Я указывал, что это не случайность. Недооценка Ленина, неправильное применение методологии в области естествознания, отрыв от конкретной политической действительности, — что это случайные ошибки?

В этом отношении та критика, которая была произведена т. Митиным и Ральцевичем и др., поставила и правильно заострила наше внимание на целом ряде наших больших вопросов. Как эту критику встретило философское руководство? К ней отнеслись опять-таки по своему обыкновению: мы — философы, мы — специалисты, никто ни черта больше в философии не понимает, нас не касайтесь, нас не трогайте. Вопль поднялся, неприличный вопль! Но не беспокойтесь, это грозит не тем, кто критикует, это грозит тем, кто боится этой критики.

Нужно это осознать, чтобы от этих ошибок отойти, потому что так относиться нельзя. В области теоретической работы подняты не маленькие вопросы: в отношении Ленина, взаимоотношения Ленина и Плеханова, в отношении применения методологии к конкретной действительности. Большие принципиальные

вопросы подняты и от них отмахиваться является ошибкой. И так относиться к критике является ошибкой. В этом я вижу следующую ошибку, которую проделывает наше философское руководство, крайне существенную ошибку.

С чем она связана? Она стоит в связи с их теоретическими ошибками, формалистическими тенденциями. Необходимо сейчас серьезно поставить вопрос о преодолении тех опасных симптомов, которые в области нашей теоретической работы могут вылиться в очень серьезные дефекты, серьезные прорывы.

Поэтому необходимо сейчас нашу работу в философских учреждениях пересмотреть в направлении увязки философской работы с конкретной действительностью по всем направлениям нашей деятельности. Эту задачу надо поставить сейчас в первую очередь, надо поставить так, чтобы наши философские учреждения занялись сейчас пропагандой Ленина как философа, созданием трудов «Ленин как философ», «Ленин и Плеханов», «Применение методологии Ленина в области естествознания». Эти работы мы вправе требовать от наших философских руководящих организаций. Нам необходимо, чтобы было выполнено завещание Владимира Ильича относительно увязки нашей философской работы с естествознанием. Сейчас несомненно наше естествознание, наши прикладные науки получают чрезвычайное значение, опять-таки политическое, в связи с нашим социалистическим строительством. Мы переживаем сейчас крайне тяжелый период, и может быть этот год будет для нас чрезвычайно тяжелым, потому что та волна вредительства, которая сейчас вскрыта, имеет несомненно прямую связь с подготовкой нападения капитализма на нас, с подготовкой военных действий в отношении СССР. Сейчас в этой области для нас двинуть марксистов-ленинцев в область естествознания, поднять и расширить применение метода марксистско-ленинской теории к естествознанию имеет сугубое не только теоретическое, но сугубое практическое значение. Я уже говорил, что мы имеем в действительности. Стыдно сознаться в этом отношении, но мы плохо присматриваемся к тому, как вел Владимир Ильич это дело в области естествознания. Владимир Ильич заставил т. Степанова-Скворцова написать работу об электрификации, который дал прекрасный труд, но после этого дело у нас замерло: у нас нет ни трудов по химизации, ни трудов по другим областям аналогичного характера.

Следующий вопрос, который стоит перед нами, — это вопрос о том, что материалистическую диалектику нам чрезвычайно важно применить в области культурного нашего строительства, разветвляющегося сейчас необычайно широко, которое ощутительно выдвигается сейчас на одно из первых мест. В этом отношении опыт тех ошибок, и отходоу и недочетов, которые мы имеем в других областях, может помочь нам избежать этих ошибок в этой области строительства, если мы сейчас же встанем на правильный путь и заставим работать в этой области и на-

ших теоретиков. И наконец в план работ наших философских учреждений нужно поставить борьбу с разного рода уклонами. Борьба с теоретическими основами троцкизма, с правым уклоном, которая имеет значение не только для СССР, но и международное значение, так как ни для кого не секрет, что наши философские учреждения наиболее крепкие, наиболее сильные, таких учреждений нет ни в одной коммунистической партии.

Эта борьба не запоздала еще и должна быть поставлена в порядок дня. Задачу раскрытия теоретических основ троцкизма и правого уклона нужно поставить точно так же, как нужно поставить задачу по борьбе с кондратьевщиной, по борьбе с Базаровым, Сухановым и т. д.

Я сейчас отвечаю на ту реплику, которую бросает т. Деборин мне. Если я говорю, что эти задачи нужно поставить, то по этому, говорит он, нужно разгромить действующие философские учреждения. Наоборот, никто их громить не собирается.

Деборин. Уже разгромили на три четверти.

Милютин. Наоборот, я глубоко убежден, что это не так. Тов. Деборин это такая недотрога, у него такое обывательское отношение к критике. Что это такое? Наоборот, сейчас вас поднимают, поднимают к разработке этих проблем. Если, тов. Деборин, вы не пойдете по этому пути, если не дадите нам разработки ленинского наследия, если не пойдете по пути сближения вашей философской работы с конкретной действительностью, не жалуйтесь. А если пойдете, мы вам поможем всецело.

Деборин. Мы уже пошли, а вы не хотите видеть, потому что это злостное выступление. Я вам покажу, что мы уже пошли.

Милютин. Наоборот, вы в настоящий момент затыкаете уши ватой, закрываете глаза и думаете отсидеться в ваших философских бастионах. Мне кажется, что поэтому очень необходимо и Обществу воинствующих материалистов приблизить к определенному учреждению. Я считаю, что нужно положить конец тому обстоятельству, что Общество воинствующих материалистов является совершенно оторванным обществом, совершенно самостийно существующим. Нужно его включить в систему определенного научно-исследовательского учреждения.

Голоса. Правильно!

Милютин. Эта задача нами должна быть осуществлена. Точно также является совершенно несомненным, что журнал «ПЗМ» не должен являться журналом, который не обслуживает нужд наших марксистских научно-исследовательских учреждений. Он должен стать рупором не отдельных людей, хотя бы очень способных, очень знающих, но он должен стать рупором наших научно-исследовательских философских учреждений. Я здесь имею в виду Институт философии Комкадемии и Институт философии красной профессуры. Он должен стать органом этих учреждений. Это необходимо сделать, потому что совершенно немыслимо положение, при котором философский журнал

находится в полном отрыве от наших научно-исследовательских учреждений и от наших институтов. На что это похоже? Либо мы должны иметь параллельный журнал, что является нецелесообразным, либо этот журнал должен стать органом наших научно-исследовательских учреждений.

Дальше я полагаю, что необходимо более серьезное внимание уделить кадрам философов. У нас такое положение, что определенная группа, очень ограниченная, начинает выставлять себя монополистом на философском фронте. Товарищи, с монополистами у нас плохо дело обстоит в СССР. Здесь у нас есть только одна школа, действительно монополистическая, — марксистско-ленинская школа, и никаких других монополий мы не допустим, будем их критиковать и будем бороться, если оные монополии будут иметь тенденцию образовываться. Это не подлежит сомнению, это для всех понятно и для всех приемлемо, и тут я не надеюсь встретить какие-нибудь возражения с чьей бы то ни было стороны. И вот в свете этого очень важно, чтобы выделились новые кадры философов и чтобы не было такого отгалкивания, которое мы сплошь и рядом наблюдаем. На этот путь нам нужно будет вступить обязательно.

Таким образом, если я обрисовал эти прорывы и минусы и останавливал основное внимание на этих прорывах и минусах, это не значит, что я имел злостное намерение в отношении наших философских учреждений. Наоборот, я их очень уважаю и считаю, что они станут именно на тот путь, по моему для каждого коммуниста ясный, — на путь приближения нашей теории к конкретной действительности, к постановке тех проблем, которые я наметил, и к тем организационным мероприятиям, которые нужно будет нам провести. Вот те задачи, которые ясно сейчас выступают и разрешение которых мы будем вести в свете самокритики. Никакой критики мы бояться не будем и никакого «папского» отношения к конкретной действительности, к этой критике мы тоже допускать не будем.

СОДОКЛАД Г. А. ДЕБОРИНА

Деборин. Товарищи! Сегодняшнее заседание президиума Коммунистической академии имеет большое историческое значение. Впервые за все время существования Коммунистической академии президиум поставил на обсуждение теоретические принципиальные вопросы. Я лично, независимо от исхода нашего спора и нашего обсуждения, стоял всегда принципиально на той точке зрения, что президиум не должен заниматься исключительно организационными вопросами, а что в задачу президиума Комкадемии входит обсуждение принципиальных вопросов. Так что я с этой точки зрения приветствую сегодняшнее заседание. Хотя должен прибавить, что производит некоторое странное впечатление та поспешность, с которой поставлены именно эти вопросы, вопросы философских споров, ибо споры только начались, не в достаточной степени еще выяснены. Есть люди, для

которых достаточно, чтобы кто-нибудь крикнул: формализм, без всякого смысла, без всякого определения, что следует понимать под формализмом, приклеить этот ярлык тому или другому, и на основании этого принять ту или иную резолюцию.

Мы выслушали сегодня доклад т. Милютин, руководителя Комакадемии...

Милютин. Нет, Покровский руководитель.

Деборин... и я должен сказать: самый яркий пример отставания теории от практики представляет доклад т. Милютин.

И второе я должен заявить с самого начала, что наиболее ярким выразителем недооценки ленинизма выступил в сегодняшнем докладе т. Милютин.

Мы прошли некоторые этапы. Мы прошли этап первой конференции, мы прошли этап второй конференции, пленума Комакадемии и очутились на нынешнем этапе. До сих пор наша работа одобрялась Комакадемией и различными нашими конференциями. Что касается существа вопроса, то опять-таки надо вернуться несколько назад. Я не буду вдаваться в историю вообще, так как это ютняло бы у нас слишком много времени, но во всяком случае, следуя методу Ленина, пройти мимо исторических справок нельзя. Что же мы имели на предыдущем этапе на философском фронте? Мы имели борьбу с механистами. В чем был основной смысл этой борьбы и в чем заключались узловые звенья, узловые пункты этой борьбы с механистами? Нужно сказать, что даже товарищи из нынешней оппозиции недавно еще в «Правде» писали, что философское руководство в эпоху борьбы с механистами правильно ухватило за основные звенья. Так было сказано. И это совершенно верно. Основные звенья мы тогда ухватили и ухватили правильно. Эти звенья имели не только чисто философское значение, как это многим представляется. Эти звенья имели огромное значение для поднятия всех дисциплин на большую теоретическую высоту, и никто уже не будет отрицать того обстоятельства, что при разгроме механистов на всех фронтах,—на фронте литературоведения, политэкономии и т. д. и т. д.—на всех этих фронтах основные идеи для борьбы с этими извращениями марксизма-ленинизма конечно брались у философов.

Об этом скажут представители отдельных дисциплин. Во всяком случае в борьбе с механистами было выковано определенное оружие, при помощи которого боролись и борются в области различных наук.

Голос. Партия выковала это оружие.

Деборин. Конечно партия выковала. Но партия выковывает каким образом? Через тех работников, которых она ставит на тот или иной фронт.

С другой стороны, мы поняли моршо и мы это неоднократно обосновывали теоретически, что условия социалистического строительства накладывают обязательства на философов, чтобы они осмыслили те процессы, которые у нас происходят. Все это

проблемы чисто теоретического порядка—проблема качества, количества, сведения и пр. и пр.—имели и сугубо политическое значение. Никто до сих пор не отрицал того обстоятельства, что мы и в области естествознания кое-что сделали.

Левин. Безусловно.

Деборин. В области естествознания мы опять-таки поняли, что в условиях диктатуры пролетариата, социалистического строительства, естествознание приобретает огромное значение для нас, и поэтому мы должны были броситься на этот фронт. Мы кое-что сделали. Тов. Милютин сегодня стоит на точке зрения огульного отрицания, хотя сам же голосовал на второй конференции марксистско-ленинских учреждений за резолюцию, в которой сказано, что мы поставили вопрос о методологическом подчинении естественных наук марксизму-ленинизму и что в этой области кое-что сделано.

Милютин. Так я и говорил.

Деборин. Мы тогда в борьбе с механистами не упустили из виду целого ряда других явлений, с которыми мы должны были бороться. Мы боролись и с идеализмом. Я мог бы здесь дать целый перечень работ, статей, которые посвящены различным течениям буржуазной и ревизионистской мысли. Вот какова была установка. Борьба с механистами была в то же время подготовкой к борьбе с теоретическими основами правого уклёна.

Голос. Вы предвидели, что нужно было с троцкизмом бороться.

Деборин. Успокойтесь насчет троцкизма. Вместе с тем мы великолепно сознавали и наши недостатки и вовсе не является такой новостью для нас, что в нашей работе был целый ряд недостатков и ошибок. Мы это прекрасно понимали и знали. В частности, еще на второй конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений я на это указывал.

В первом же моем выступлении на второй конференции мною было указано и подчеркнуто, что мы отстаем в области истмата, что мы здесь очень мало делаем. Так что мы это сознавали и понимали. Но конечно, общая обстановка того времени, того периода и те задачи, которые стояли перед нами в то время, не давали возможности повидимому перебросить немногочисленные наши силы на все остальные фронты. В последующем, когда мы вступили в новый этап нашей революции, когда мы приступили к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, когда вообще обострилась классовая борьба в связи со всеми новыми процессами,—тогда еще более ярко обнаружилось наше отставание в целом ряде областей, ярко обнажились и наши недостатки и наши ошибки и никто от этого не уклоняется. Никто не говорит о том, что вообще у философского руководства не было недостатков и ошибок, что оно безгрешно, непогрешимо.

Карев. Теоретических ошибок не было.

Деборин. Когда проблема поворота была провозглашена тов. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, то философы были первыми, кто сейчас же откликнулся на этот лозунг и на эту директиву.

Голос. А теорию исключительности кто развивал?

Деборин. Я такой теории не знаю. Может быть вам она известна. Так вы ее изложите. Это вы будете спорить с Каревым.

Так вот мы на философском фронте немедленно поставили вопрос о повороте. Если задержалась на некоторое время принятая нашей фракцией резолюция, то в этом вина не философского руководства.

С места. А кого?

Деборин. Во всяком случае мы поставили эти проблемы и поворот этот, как я говорил в своем докладе на фракции, поворот этот имел для нас прежде всего чисто политический смысл, ибо речь шла у нас об актуализации всей работы философского фронта, о проникновении всей деятельности философского фронта партийностью. Вот как ставился вопрос на фракции.

Там же мы наметили и основные теоретические задачи, которые стоят в связи с этим поворотом. Были указаны наши недостатки, были указаны наши ошибки, но вместе с тем,—не задерживаться же исключительно на этих недостатках, ошибках, не повторять их изо дня в день,—мы наметили положительную программу работы. Характерно, что эта положительная программа работы никем не подвергалась никаким сомнениям, никакой критике. Критика шла совершенно по другой линии. Но во всяком случае наша теоретическая так сказать линия была признана фракцией правильной.

Но характерное явление,—это нужно особо подчеркнуть тоже на сегодняшнем заседании,—что (наша) декларация или резолюция, принятая единогласно примерно двумястами коммунистов философов, эта резолюция, которая и ныне признается правильной в общем,—эта резолюция не была напечатана в «Вестнике Комкадемии».

С места. И правильно сделано.

Деборин. Комкадемия в целом никакого поворота до Философского ин-та не совершила. Но должен сказать, что Комкадемия в целом поворота не совершила и до настоящего времени.

Мы первые после выступления т. Сталина поставили задачу поворота и вместо того, чтобы встретить со стороны Комкадемии всяческое содействие в проведении поворота на деле, мы встретились с помехами и препятствиями—не печатают наших резолюций, не дают ходу и т. д. Тов. Милютин, имейте в виду, всегда на всех участках запаздывает. Он на этом участке тоже запаздывал, как это между прочим видно из его доклада. И странное дело, что о том, что действительно происходит в Ин-те философии,

о наших попытках проведения в жизнь этого поворота, как мы это понимаем, как по линии учебной работы так и по линии научной работы и т. д.,—об этом т. Милютиним сегодня в его докладе не было сказано ни единого слова, хотя должен вам сказать, что план, который он перед вами изложил, якобы продукт его личного творчества, есть не что иное, как маленькая, ничтожная часть плана Ин-га философии. Вот мол чем Ин-г философии должен заниматься, причем многое существеннейшее вычеркнуто.

И вот, когда у нас происходят все эти споры, мы исходим из того, что на предыдущем этапе мы отставали на целом ряде участков нашей работы, сделали ошибки и т. д., и конечно одной из самых тяжелых ошибок является то, что мы не подвергли разгрому теоретические основы троцкизма. Но об этом мы сказали в своей декларации, мы это признали. Признаю и сегодня, это была наша ошибка. Есть вероятно у нас и целый ряд других ошибок. Так что я заранее говорю, что ошибки есть и ошибки будут. Я должен напомнить, то, что Ленин говорил как раз по тому вопросу, которым мы ныне так усиленно, так усердно занимаемся, по вопросу о разработке материалистической диалектики и о переработке Гегеля. Ленин говорил: работа эта чрезвычайно тяжелая, трудная работа и надо заранее сказать, что ошибки здесь неизбежны, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Так вот, мы делали и ошибались, но мы, исходя из отставания на прежних участках в различных областях,—я их перечислять не буду, так как это всем известно,—считаем все же, что поворот, который должен быть сейчас совершен, этот поворот может быть и должен быть совершен на основе старой нашей линии. Вот какова позиция философского руководства. Ведь эта старая линия различными конференциями и различными учреждениями и группами признавалась в целом правильной, ибо эта линия подготовила теоретически к разрешению тех задач, которые стоят ныне на нашем фронте. То же, что происходит сейчас на философском фронте, это можно охарактеризовать как попытку в корне пересмотреть эту основную линию, которая считалась—и как будто считается до настоящего времени—правильной. В этом прежде всего центр вопроса—основной вопрос.

Мы знаем, что имеется уже по этому вопросу целый ряд группировок, со всевозможными оттенками. Одни утверждают, что есть две линии, другие утверждают: есть одна линия, но с системой ошибок; третьи утверждают: есть правильная линия, но с уклоном, а четвертые утверждают, что есть правильная линия, но с ошибками. Этот факт конечно не свидетельствует еще о том, что мы имеем действительно единство взглядов по всем вопросам.

Я уже на фракции говорил, что в силу определенных закономерностей развития неизбежны рецидивы механизма, рецидивы ползучего эмпиризма. Я тогда это говорил, но не думал,

что это подтвердится так скоро, в такой короткий срок. И действительно мы сейчас имеем разношерстные группировки. Целый ряд группировок, начиная с механистов, которых мы в свое время уже осудили, но которые в новых условиях могут рассчитывать на успех. Мы имеем таким образом фронт механистический, который стоит вообще вне непосредственного нашего внимания сейчас, хотя конечно этот фронт в настоящих условиях является наиболее опасным, с которым надо продолжать борьбу. Но ныне мы имеем новые группировки. Здесь говорят: вот, вы не терпите самокритики, вы нетерпимо относитесь к указанию на ваши недостатки, на ваши ошибки и т. д. Я должен определенно заявить, что в этом утверждении нет ни грама правды, нет ничего правильного. Мы сами стоим на почве решительной самокритики, но мы желаем, чтобы самокритика была действительно средством и методом, способствующим изживанию наших ошибок и недостатков, которые давали бы нам возможность совместно всему философскому фронту действительно на деле осуществить поворот.

Но, товарищи, какое у нас создается на философском фронте положение? Достаточно выступить кому-нибудь на собрании или на страницах печати с каким-нибудь неправильным утверждением и декретировать, что то-то формализм, совершенно без доказательств, без всякого разбора по существу, без всякой аргументации, чтобы сразу мы были опорочены с этой стороны. Извините, а этот товарищ не может ошибаться? Эти товарищи непогрешимы? Мы, как говорили здесь, не папы, но ведь и наши товарищи-критики не папы, так что непогрешимостью никто не отличается. Почему же достаточно выступить кому-нибудь с каким-нибудь заявлением, которое ничем не аргументировано по существу, чтобы это сразу было признано правильным? А ведь до сих пор никто не дал определения формализма. Вот т. Милютин сегодня говорил: формализм, формализм, формализм... Но простите меня, т. Милютин, ваше понимание формализма есть отрицание всякой теоретической мысли, всякого теоретического анализа. Знайте, если мы пойдем по этому пути, нам грозит в высшей степени серьезная опасность. Нам грозит опасность действительного поворота от марксистско-ленинской теории. И вот критика, которая сводится к вылавливанию отдельных словечек, отдельных мест совершенно без всякого смысла, без связи со всей концепцией автора, вот это жонглирование отдельными словечками, отдельными цитатами и т. д.— это, извините меня, пожалуйста, не есть критика по существу которая нам поможет в нашей работе.

Милютин. Так все оппортунисты говорят.

Деборин. Вот вам примеры самокритики. Тов. Милютин берет предисловие мое к «Ленинскому сборнику» и, совершенно не понимая о чем идет речь, критикует, обвиняя меня в недооценке Ленина и в переоценке Плеханова.

Я должен сказать, что все это сплющенное недоразумение, потому что все в этом зале знают, что критику Плеханова я на-

чал уже давно и указал на механистические элементы и на целый ряд ошибок у Плеханова.

Но дело в том, что все зависит от того, как мы к этому делу подходим; подходим ли с желанием вычеркнуть Плеханова из истории философии марксизма, или подходим к этому делу по существу, серьезно с разбором и т. д. Это первое дело.

Во-вторых, приводилось место из предисловия к «IX Ленинскому сборнику». Товарищи, предисловие мое говорит совершенно о другом. Тов. Милютин не понял. Я говорю в первой части, в первом абзаце, который я сейчас оглашу, что Владимир Ильич, изучая Гегеля, изучал целый ряд других произведений, целый ряд других мыслителей, а также теоретиков в области естествознания, поставив себе целью дать теорию материалистической диалектики, т. е. то, над чем наше поколение бьется и что мы, даже всем коллективом, не скоро выполним, а если и выполним, то вероятно не очень важно, так что будет еще по этой части жестокая критика. Вот это основное, что Ленин хотел и к чему стремился. И я говорю, к сожалению, в силу того, что Ленину пришлось отойти от этой работы—вспыхнула революция и пр. и пр.,—ему не удалось выполнить этой задачи. Это первое, о чем я говорю.

Потом я говорю о взаимоотношении между Плехановым и Лениным следующее:

«Кто способен наряду с тождеством схватывать и различия, легко заметит, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет новую ступень в развитии диалектического материализма».

Дальше, меня обвиняют в том, что я подчеркиваю историческое различие между Плехановым и Лениным, а это тоже ошибка с вашей точки зрения. Так вот я должен сказать, что Ленин в том месте, которое вы указывали, на следующей странице пишет:

«Марксисты критиковали в начале XX века кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски) чем по-гегелевски». Так сказано у Ленина.

В этом смысле Ленин есть новый исторический этап, новая ступень. Плеханов же был одним из крупнейших представителей диалектического материализма, но тем не менее школа у него была иная и эпоха была другая. Тут непосредственная связь с Чернышевским, с Гельмгольцем, влияние Спенсера и т. д. и т. д., о чем говорить здесь мне конечно не приходится. Совершенно иное дело у Ленина, и в этом смысле мы имеем новую историческую ступень, которую он осуществляет. Плеханов не мог преодолеть в себе эти ошибки, слабости и проч. и не мог подняться на ту ступень, на которую поднялся Ленин. Так что это я говорю и видите ли, моя точка зрения есть точка зрения недооценки Ленина.

Милютин. Умаление его.

Деборин. Что касается недооценки Ленина, то такой не-

дооценки Ленина, которую мы здесь выслушали, мы ни от кого не слышали.

Вот тоже интересный пример: я, говорят, недооцениваю Ленина, потому что написал, что Плеханов прежде всего теоретик, а Ленин прежде всего революционер, практик, вождь. Эта формулировка может быть и неудачна, но из всего контекста книжки видно, что я Ленина считаю величайшим теоретиком. Ведь мною что подчеркнуто? Что у Плеханова преобладает еще созерцательный элемент, а Ленин прежде всего революционер, практик, для которого теория есть прежде всего орудие для изменения мира.

Голоса. Правильно! (шум).

Деборин. Вот как я говорю, и все, кто читали, знают это. Вся книжка моя написана именно под этим углом зрения. И еще больше, я еще дальше иду.

С места. Цитируйте эти места.

Деборин. У меня нет под рукой, я бы процитировал десятки раз, потому что у меня подход вообще совершенно другой.

Милютин. Вот это правильно.

Деборин. И во всей книжке проводится одновременно и другая точка зрения, которая еще не усвоена многими, насчет роли великих пролетарских политических деятелей, вождей, крупных революционеров и пр. Вот о чем идет речь, и это проходит красной нитью через всю мою книжку. Я там говорю что коммунизм есть не что иное, как практический материализм, и связываю в одно целое практический материализм, коммунизм с теоретическим материализмом. Вот какая у меня постановка вопроса.

Вы пребудете немедленного отказа от ошибок. Но вы сначала докажите, аргументируйте, мы с вами будем спорить.— Когда появилась знаменитая статья Фуршика, ко мне пришли товарищи с требованием: откажись!, вот напечатана статья!—Позвольте, милые товарищи, от чего мне отказываться, в чем я виноват. Фурщик кантианец, Фурщик делает такие крупные ошибки, о которых среди марксистов-ленинцев даже не спорят? Нет, откажись! говорили мне. Я всегда со всей искренностью готов отказаться от своих ошибок, но только после того, как я их осознаю.

Так видите, мы не против критики, но мы признаем серьезную критику, которая подвигала бы нас вперед, а не отбрасывала бы назад, а уровень нынешней критики, нынешних выступлений,—это уровень, который снизился по сравнению с тем, что происходило у нас года 2—3 назад. Так что опять-таки мы за самую развернутую самокритику, которая должна вестись по-серьезному, по-настоящему, с разбором аргументов, а не при помощи выхватывания отдельных слов. Французская погоорка гласит, что любого писателя можно повесить, если выхватить из его сочинения фразу. Так что не об этом идет речь. Спорьте с концеп-

циями, с определенной постановкой, с определенными взглядами, но не выхватывайте словечек и не жонглируйте цитатами.

Основная проблема, которая стоит перед нами,—проблема разработки теории материалистической диалектики. От этой проблемы нам не уйти, ибо это основное завещание Ленина в этой плоскости. Вот этот вопрос стоит сейчас перед нами наиболее остро, ибо проблему эту ставит тоже не только чистая теория,—эту проблему ставит именно наша практика. Социалистическое строительство именно на нынешнем этапе ставит ее наиболее остро, острее чем когда бы то ни было. Практика современной истории ставит ее, потому что мы стоим перед окончательной, коренной переделкой всех исторических закономерностей и притом сознательной их переделкой. Ведь отличие от всех предшествующих эпох, когда и наука складывалась стихийно, когда и общественная жизнь протекала стихийно, мы сейчас стоим на совершенно ином историческом уровне, когда перед нами стоят вопросы о сознательной переделке всех закономерностей, о коренной переделке всего человеческого материала, о создании новой культуры. Когда перед нами стоят все эти вопросы, все эти проблемы—и стоят в практической области,—то надо полагать, что в связи с этими практическими проблемами, в деле изучения практических вопросов и практических проблем мы должны бросить силы на разработку теории материалистической диалектики, ибо проблемы смены закономерностей, проблемы смены форм сознания, проблемы смены формации и т. д.—это все такие проблемы теоретического порядка, которые имеют огромное практическое значение. В связи с этим стоят также проблемы перестройки науки. Я даже сознательно выбросил такой лозунг на второй марксистско-ленинской конференции, я говорил: мы вступили в реконструктивный период, перед нами стоит задача и реконструкции науки. Я бросил этот лозунг. Что значит реконструкция науки? Может быть слово реконструкция не совсем подходящее, хотя почему нет? Но во всяком случае проблема переработки стихийно сложившихся в историческом процессе наук стоит перед нами как одна из основных конкретных задач, которых конечно мы не разрешим ни сегодня, ни завтра, но в направлении которых мы должны работать. Если не ограничиваться только сегодняшним днем, а иметь в виду перспективы нашего развития, смену закономерностей переходного периода закономерностями социализма и пр., то вы поймете, что проблема отмирания наук, с одной стороны, проблема рождения новых дисциплин, с другой стороны,—все эти проблемы, которые стоят перед нами, являются жгучими проблемами. Сказано ли по этому поводу какое-нибудь слово? Нет, не сказано.

Дальше, перестройка этих наук может быть конечно с нашей точки зрения произведена только на базе проведения диалектического материализма сквозь все проблемы и весь материал этих наук. Это в высшей степени важно. Проблема соотношения между отмирающими и

уками и нарождающимися новыми научными дисциплинами, в связи именно с нашей практикой, также требует своего разрешения. Вот спурят у нас по вопросам методологии литературоведения или других дисциплин. Здесь стоит задача конечно не «вдвигания» материалистической диалектики и диалектического материализма, но огромная задача проникновения этих дисциплин материалистической диалектикой. Мы должны понять, что все дисциплины, какие бы ни взяли, в том числе и теория советского хозяйства, изучение закономерностей переходного периода, не будут подвигаться вперед без синтетической теории диалектики.

Левин. Даже военная техника.

Деборин. Даже военная техника. Все, что бы ни взяли. Это нужно осознать. А кризис современного естествознания, о котором мы столько говорили, столько писали, — что сегодня огульно отрицается, — ведь этот кризис современного естествознания, характер кризиса в капиталистических странах, проблема смены формаций, создания новой культуры, о которой я говорил — вот тот комплекс проблем, который стоит перед нами. И все проблемы могут разрешаться на основе материалистической диалектики, а вся теория материалистической диалектики это и есть с нашей точки зрения синтетическая теория марксизма-ленинизма в целом, значит и в философии. Вот задача, которая стоит перед нами. Некоторые товарищи говорят: основной смысл нашего поворота — это поворот от Плеханова к Ленину, — вот тоже гениальное открытие — и этим исчерпывают все проблемы, которые перед нами стоят. Нет, дело гораздо сложнее, огромные проблемы, которые стоят перед нами, могут быть разрешены только на основании синтетического охвата всего Ленина. И для нас в этом смысле разработка материалистической диалектики есть не что иное как разработка всего наследия Ленина на основе всего нашего строительства и всей практики партии.

Должен сказать, товарищи, что все упрекают: вот вы недостаточно ленинское наследство разработали. Конечно недостаточно. Если же вы думаете, что это легкая штука, то вы ошибаетесь. (Смех). Это совсем нелегкая штука, потому что для того, чтобы мы приступили к этой синтетической задаче, о которой я говорю, есть еще громадная предварительная работа по разработке отдельных проблем, поставленных Лениным.

Я говорю, что в выступлениях товарищей ничего не сказано нового, кроме того, что было сказано десятки раз. До многих проблем, которые поставил Ленин и которые имеют огромное значение, мы еще не дошли. Вот вам проблема циклов, эту проблему циклов поставил Ленин. Поставил Ленин и проблему закономерностей на основе различных форм противоречия, с одной стороны, антагонистических форм, с другой стороны, неантагонистических форм. Этим самым поставлена перед нами задача изучения различных типов закономерностей. Здесь гениальные идеи, гениальная постановка, но мы еще к этому не по-

дошли, ибо это вовсе не так просто к ним подойти, это сложнейшая задача.

Мы еще очень много и серьезно должны поработать над этими вопросами. А было ли хоть что-нибудь где-нибудь об этом сказано? Вы критикуете нас за то, что мы не боремся якобы с теорией иероглифов? Есть такая теория иероглифов, которая давно умерла, никого не интересует, которая Лениным окончательно раскритикована. Заниматься этой теорией иероглифов можно, но это не составляет существенного для нас дела.

В плане разработки диалектики должен быть использован и Гегель. Материалистическая переработка гегелевской диалектики является также для нас очень важной задачей, хотя ныне это опять-таки встречается как будто бы возражения. Я не буду останавливаться на целом ряде других проблем, как синтез исторического и логического, эта задача тоже поставлена Лениным, не буду останавливаться на таких проблемах как проблема конкретного понятия, от разработки и правильного разрешения которой зависит истории, зависят экономисты, зависят литературоведы, ибо проблема социально-экономической формации есть проблема соотношения всеобщего, конкретного и частного, то же самое относится к проблеме образа в литературе и т. д. Стало быть, без разработки материалистической диалектики у нас будет застой в науках.

Вот, в чем смысл басни сей. То же самое в области исторического материализма. В этой области конечно мы безобразно отстали. Ошибка всех нас, что этот участок у нас запущен, этот участок ныне требует сугубого к себе внимания. Поэтому проблема поворота в этой плоскости, — а здесь самое слабое место, — означает прежде всего поворот к изучению закономерностей переходного периода.

Прежде всего поворот должен быть совершен в этой плоскости, ибо проблемы переходного периода, — может быть это доказывать даже не приходится, так как это всеми общепризнано, — проблемы переходного периода должны действительно сейчас занять наибольшее место и быть предметом специального изучения. В этом вопросе ныне существует установка совершенно неправильная, когда думают, что этим должны заниматься только философы. У нас существуют специальные институты, первойшей задачей которых является это дело. Правильно был поставлен вопрос т. Варгой, но он только неправильно его обосновал. Я с ним несогласен, ибо он сделал политическую и теоретическую ошибку при обосновании. Но мысль, которую он выдвинул, верна. Это создание теории советского хозяйства, науки о закономерностях переходного периода. Наши учреждения, входящие в состав Комкадемии, этими вопросами не занимаются.

Я затронул несколько разрезов, но можно еще указать на следующее обстоятельство. Естествознание тоже область которая имеет для нас огромное значение. Необходимо продолжать работу в направлении, предуглазанном Энгельсом и Лениным.

Теперь разрешите мне перейти к другому вопросу, к во-

просу о положении на философском фронте, в связи с очерченными мною в кратких чертах задачами. Мы имеем сейчас на философском фронте в нашей среде,—ибо вне нашей среды мы имеем конечно прежде всего вечного врага, как я его назвал, идеализм, с которым нам постоянно приходится бороться, но внутри мы имеем механистов, с одной стороны, так называемое философское руководство, с другой стороны, а затем мы имеем ныне образовавшиеся группировки, которые можно назвать блоком, состоящим из разношерстных некоторым образом элементов.

Причем этот блок состоит из двух групп. Одна группа возглавляется гг. Дмитриевым, Фурщиком, Максимовым, Юренцом и пр. Затем мы имеем другую группу, которая возглавляется гг. Митиным и Ральцевичем.

Но для того, чтобы действительно осознать, что происходит, надо брать эти группы и посмотреть, что они собой представляют.

Мы сейчас имеем союз этих двух группировок, которые с моей точки зрения, должен сказать, различаются друг от друга не столько может быть теоретическими разногласиями, сколько тактическими разногласиями, хотя должен признать, что конечно разногласия теоретического порядка между ними имеются. Говорят прежде всего, что заслуга этих группировок или во всяком случае заслуга группы гг. Митина-Ральцевича состоит в том, что она начала самокритику. Я уже говорил о том, что мы вступили на путь самокритики в нашей резолюции, которая была единодушно принята и которая могла послужить действительной базой для совместной работы, ибо то, что я вам здесь изложил, те основные линии теоретического и политического порядка и т. д., которые стоят перед нами, эти основные линии, может быть недостаточно ясно, но были тогда сформулированы и казалось бы на этом можно было бы начать практически, фактически осуществление поворота. Товарищи имеют ту заслугу, что они выступили с самокритикой и заострили ее, но они делают большие теоретические ошибки. Теория материалистической диалектики ныне трактуется в выступлениях и статьях по-плекхановски, а не по-ленински, не в смысле создания целостной синтетической теории, а в смысле разбавления и растворения этой теории материалистической диалектики в конкретных дисциплинах и это есть конечно отход от установки Ленина. Ведь в сущности в этих выступлениях мы имеем повторение старого, того, что мы уже пережили на протяжении истории марксизма. Во всяком случае, если хотят свести диалектический материализм только к историческому материализму, то это ошибка. Такие настроения и такие попытки уже имеются. Мало того, имеются попытки даже такого рода, чтобы ограничить, слить и отождествить диалектический материализм с историческим материализмом. С другой стороны, выкидывается естествознание, которое от диалектического материализма совершенно отрывается.

С другой стороны, надо сказать, что во всей этой нынешней дискуссии вся аргументация механистов снова воскресла. Они

(механисты), я уверен,—я только не знаю, будут ли они говорить, вероятно они будут молчать по тактическим соображениям,—но они могут сказать: товарищи, вы заимствовали у нас все аргументы против так называемого руководства, против всей философской линии, которая проводилась до сих пор.

Говорят, мы против поворота. В то время, когда мы практически осуществляем поворот,—этого никто не может отрицать и т. Милютин, который взял часть нашего плана, не мог отрицать,—вы занимаетесь только критикой. Давайте совместно практически реализовать работу по осуществлению поворота. Так стоит вопрос. Конечно мы тогда имели бы нормальные здоровые формы развития на философском фронте. Но случилось не так.

Основные моменты первого выступления гг. Ральцевича, Митина и Юдина как это всем известно, были заимствованы из нашей декларации, но опять-таки по каким-то соображениям ими не было упомянуто, что было совещание, была фракция, 200—300 человек приняли такую-то декларацию, такую-то резолюцию, а мы не согласны. Этого не было сказано. В выступлениях были сделаны теоретические ошибки. Эти ошибки получают все большее оформление, большее уточнение, и вот мы теперь имеем, я бы не сказал—выдержанную систему, законченную систему взглядов, но во всяком случае мы имеем складывающуюся группировку. Плох был бы тот коммунист, который бы отказался от драки, раз он видит, что в опасности находятся основные наши завоевания, а с моей точки зрения,—это так. Гов. Милютин, который является в некоторой степени представителем этой группировки, как вам известно, очень наглядно показал, куда нас ведут. Но конечно мы не пойдём по пути т. Милютина.

Милютин. Сомневаюсь!

Деборин. В нынешней дискуссии проглядывает попытка,—не знаю, кому это полезно, не знаю, полезно ли это вообще для нашего дела,—непреренно превратить меня в плекхановца. Даже в своей первой юношеской работе, которая вышла с предисловием Плекханова, я в целом ряде пунктов отхожу от Плекханова...

С места. В худшую сторону!

Деборин. Конечно мы знаем ваши тактические приемы, теперь это будет худшая сторона. Мы говорим о том, что ревизуется марксизм-ленинизм в целом; при этом мы видим скатывание многих товарищей к вульгарному эмпиризму и упрощенству и тенденцию объявить всякую теорию формализмом. И это не только один т. Милютин делает, а это целая группировка, которую мы имеем в настоящее время и в этом заключается теоретическая опасность. Теперь нельзя будет написать ни одной теоретической статьи,—все это будет называться формализмом. Это страшная опасность, с которой нужно бороться. Надо понять, что такое настоящий формализм.

Дальше, мы имеем дело с антиисторической, а потому и антидиалектической установкой всего этого блока. Явная антиисто-

ричность! Я уж не буду говорить о выступлениях т. Фурицка, который не знает, не понимает соотношения между природой и обществом, у которого своеобразное понимание историзма, который вообще не понимает, что Ленин был велик прежде всего тем, что его мышление проникнуто насквозь историзмом. Этот историзм и диалектический подход утрачиваются ныне, нег этого исторического подхода ни к чему и ни к кому. И вот это тоже нужно принять во внимание и нужно отметить сегодня.

С другой стороны, примиренческое, явно примиренческое отношение к целому ряду чисто идеалистических установок. Ведь чем нас угостили, чем нас осчастливили? Новой теорией—теорией индетерминизма. Оказывается, детерминизм ничего нового не имеет с марксизмом-ленинизмом. Правда, т. Ральцевич после этого написал письмо, в котором отказывается от этой ошибки. Это очень хорошо, что он отказался от этой ошибки. Но это только показывает устремленность, куда вообще мы идем. То же самое насчет «имманентной телеологии в историческом процессе» т. Рудаша.

С другой стороны, общий лозунг, который должен мол охватить весь наш нынешний этап, это лозунг, который был выдвинут товарищами, лозунг «большевизации марксистско-ленинской философии». Это лозунг, в котором уже резюмируется все направление. Этот лозунг конечно является самым центральным и самым важным, но и самым политически и теоретически вредным, нелепым и т. д. и т. п.

Большевизация марксистско-ленинской философии! Как будто большевизация философии начинается с помещения статьи Митина или статьи Ральцевича, а до них наша философия не была партийной философией. Не было ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, но появился Митин и с тех пор начинается новая историческая эпоха—эпоха большевизации философии!

С другой стороны,—беспринципность. Вы можете нас ругать, сколько вы хотите, но у всех вас мы больше всего имеем дело с беспринципностью. Это беспринципное отношение к принципиальным вопросам должно встретить конечно самый решительный отпор. Совершенно неправильными конечно являются формулировки насчет «правильности линии и системы ошибок». Это политически вредная формулировка, о чем я говорил в начале своего слова.

Что же происходит на нашем фронте? Надо сказать, что мы здесь не должны все мазать одной краской. Мы должны в данном случае понять, с одной стороны, стремление масс к самокритике, а с другой стороны, попытки пересмотреть нашу теорию. Политическая линия нашей работы на философском фронте—и в этом заключается смысл поворота—действительно должна состоять в проникновении партийностью всей нашей работы в области философии. Об этом я говорил, так что, если у нас по этим вопросам, по вопросам теоретическим нет спора, а в отношении генеральной ли-

нии партии мы стоим и должны стоять все одинаково за защиту генеральной линии партии и стало быть, если мы ныне все стоим на точке зрения генеральной линии партии, ее боевую защиту, то естественно, что наша обязанность и наш долг бороться со всеми уклонами от партийной линии,—с правым уклоном, как главной опасностью и «левыми» загибами, а также с контрреволюционным троцкизмом. Это мы должны проводить и в нашей теоретической работе и поэтому план наш,—об этом конечно т. Милютин нам не сказал,—план нашей практической работы идет по этой линии. Если нет политических разногласий и нет теоретических разногласий, то я спрашиваю, в чем же дело?

Мы встречаем помехи в проведении поворота и в этом отношении конечно надо нам помочь. Я призываю всех товарищей, говорю: давайте практически, на основе того плана, который нами принят и который может быть улучшен, изменен, давайте практически осуществим поворот.

Милютин. Если отметите ошибки, голоснете за это, будем работать.

Деборин. Если вы докажете мне не путем выхватывания словечек мои ошибки и докажете, хотя бы насчет моего определения диалектики, тогда я с вами соглашусь и конечно откажусь. Иначе не может быть. Я могу отказаться, когда соглашусь, но для этого мне должны доказать. Если например о моем «Введении» написали, что это есть чисто формалистическое произведение и тут же прибавили: «крайне ценное произведение», то я не понимаю, что значит «крайне ценное» марксистское произведение, которое насквозь проникнуто формалистическим искажением марксизма. (Смех). Я этого не понимаю. Я говорю, что т. Митин не знает, что такое формализм, ибо под формализмом они понимают любую логический анализ. Но если это формализм, то разрешите мне сказать: «Антидоринг» тоже формализм. Так что эти взгляды нас не подвигают вперед. Серьезная дискуссия, о которой я говорю, помогла бы нам осознать те ошибки, которых мы еще не осознали.

Так вот центральной задачей, которая сейчас стоит перед нами, является практическое осуществление поворота. А для этого нужно, чтобы мы имели ясное представление о характере этого поворота и о наших задачах не в узком смысле слова, не о задачах только сегодняшнего дня, а о задачах эпохи в широкой перспективе. И вот я надеюсь, что этот поворот при единодушном желании мы осуществим и что философский фронт так или иначе справится с этими задачами, но тут нужно оговориться, что задачи наши колоссальные, а кадры у нас подрастают все-таки сравнительно слабо. Сейчас может быть произойдет серьезный сдвиг в смысле кадров. Необходимо, чтобы к работе были приобщены все товарищи, тогда этот поворот будет осуществлен. И вот, если мы политически единодушно все станем одинаково, как я говорил, на защиту генеральной линии партии, то нет никакого со-

мнения, что при таком единодушном желании мы под руководством ЦК партии осуществим те задачи, которые перед нами стоят.

Милютин. И исправление ошибок?

Деборин. Правильно. Но я не могу признать ошибками. т. Милютин, то, что каждому вздумается считать ошибками.

Милютин. А как вы думаете?

Деборин. Ошибка была сделана нами в отношении троцкизма. Это большой прорыв в нашей работе; об этом я уже говорил; далее я, разумеется, признаю ошибкой нашу позицию в дискуссии по вопросам политической экономии. В отношении переверзевщины у нас никаких ошибок прямых не было, потому что мы никогда не печатали переверзевцев, а печатали как раз против Переверзева.

Милютин. А недостаточная разработка Ленина?

Деборин. Недостаточная разработка Ленина—с этим согласен. Но у нас не было недооценки Ленина.

Все это верно. Но для этого имеется целый ряд причин. Вот например т. Милютин выступает и разрешает вопросы в высшей степени легко. Ему легко это делать. Вот, говорит, мы выдвинули лозунг борьбы с формализмом. Кстати этот лозунг был выдвинут именно нами—философским руководством—еще перед второй конференцией. О формализме еще задолго до конференции, на страницах «ИЗМ» была напечатана передовая статья, в которой говорилось об опасности формализма, конечно не в том смысле, как здесь говорилось.

Голос. А т. Асмуса защищали!

Деборин. Тов. Асмуса я никогда не защищал—это чистейшая ложь, а если печатал его, то с примечаниями. Так что этими выкриками вы меня не возьмете. Вот те общие соображения. Конечно у меня очень много пунктов, по которым я должен ответить т. Милютину.

Милютин. Вы только насчет Ленина ответьте—центральный вопрос о Ленине.

Деборин. В каком смысле о Ленине?

Милютин. Была ли в вашей работе недооценка Ленина?

Деборин. Я говорю, что это неверно. Но если мне докажут, я признаю. Все мои работы за последние годы проникнуты исключительно Лениным, я опирался во всех работах и в борьбе с механистами исключительно на Ленина. В каком смысле вы понимаете недооценку Ленина?

Недооценка Ленина у вас. Вы не понимаете теоретической высоты Ленина. Вы говорили: применение, применение Ленина, но Вы не понимаете, что действительно нового, великого и гениального внес Ленин. Я вам говорю: нет, у меня нет недооценки Ленина и не может этого быть, отдельные ошибки возможны.

Вы говорите: недостаточно разрабатывали Ленина. С этим я согласен. В сборниках, которые вышли только недавно, ставятся центральные проблемы, но мы еще должны к ним подойти,

нужна предварительная работа над осмыслением этих проблем. И вот конечно мы ныне приступаем к новым проблемам и в смысле изучения Ленина. Но это не делается так, как вы думаете. Популярную книжку или статью можно написать, но если серьезно по-научному разработать, это требует серьезного подхода и серьезного труда. Так что, если говорите, недостаточно разрабатывали, то отвечаю: да, недостаточно.

Тов. Милютин здесь поднял вопрос относительно отрыва философии от конкретных наук. Если поставить таким образом вопрос, то мы об этом сказали в нашей резолюции, принятой на конференции, мы об этом сказали и в нашей резолюции, принятой на фракции, и об этом мы всегда будем говорить. Конечно мы имеем значительный отрыв теории от конкретных наук и от социалистического строительства. Но в чем трудность вопроса,—я вам уже говорил. Необходимо философа таким образом готовить, чтобы он был философом и вместе с тем, хорошим специалистом в какой-нибудь области. Это очень трудная вещь. Но если вы ставите в общей форме вопрос об отрыве философии от естествознания, то нужно сказать, что вы же голосовали на второй конференции за резолюцию, в которой были признаны достижения на этом фронте, в частности в области физики. И должен вам напомнить, тов. Милютин, что специальный доклад, который я поставил в Академии наук, был доклад о Ленине и кризисе физики. Так что пытаюсь таким образом нашу точку зрения проводить и там, среди крупных специалистов. Вообще в этой области мы кое-что сделали. А притти с югульным отрицанием: вы ничего не сделали,—это неправильно.

В этой связи нужно заявить решительный протест против пересмотра всей нашей установки, всей нашей работы в области естествознания. Сейчас раздаются в высшей степени странные голоса. Я имею в виду т. Максимова и других, выдвигающих сейчас новую установку, которая отбрасывает нас назад, заявляя, что естествознание не подлежит методологическому руководству марксистско-ленинской философии. Эти товарищи относятся к величайшим достижениям современного естествознания чисто нигилистически, они не считают возможным, как Ленин нас учил, брать эти достижения и перерабатывать их с точки зрения диалектического материализма.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

20 октября 1930 г.

Председатель (т. Керженцев). Товарищи, заседание президиума объявляю открытым. Слово предоставляется т. Митину.

Митин. Тов. Деборин в своем содокладе был безусловно прав, когда он заявил, что заседание президиума имеет большое историческое значение. В самом деле вопросы, которые сейчас стоят на повестке дня философской дискуссии, чрезвычайно важны. Это вопросы, имеющие кардинальное, принципиальнейшее зна-

чение, это вопросы, которые связаны с пониманием существа и характера марксистско-ленинской теории. Прежде чем перейти однако к характеристике существа разногласий, необходимо остановиться на общей характеристике содоклада т. Деборина.

Прежде всего, давая общую оценку доклада нужно отметить непогрешимый папский тон доклада и прямое третирующее партийной печати, которые допустил т. Деборин. В самом деле, предположим, что выступления, которые были в партийной печати—на страницах «Правды», на страницах «Большевика», на страницах «Комсомольской правды» и т. д., предположим, говорю, что статьи выступавших товарищей страдали большими промахами, недостатками и т. д. Предположим, что теоретический уровень этих статей, о котором говорил т. Деборин, значительно ниже по сравнению с выступлениями целого ряда других товарищей. Предположим, что в наших выступлениях есть целый ряд ошибок. Но тот факт, что эти статьи и именно эти статьи помещаются на страницах партийной печати, свидетельствует о том, что очевидно в философском теоретическом царстве что-то неладно. Это свидетельствует о том, что очевидно необходимо проверить, просмотреть свое оружие, это очевидно свидетельствует о том, что необходимо прислушаться к сигналу, который дает партийная печать, очевидно надо тщательно просмотреть и проверить свои доспехи и т. д. Это первое, что нужно было бы сделать, если бы действительно побольшеvistски подойти к выступлениям, которые были в партийной печати. Но мы в выступлении т. Деборина этого не видели, наоборот, мы имели нечто совершенно иное—полное игнорирование и третирующее той печати, о которой я говорил, полное нежелание считаться с нею, желание стать и стоять выше, над нею. И это конечно не случайно, это связано глубокими корнями с теми принципиальными вопросами, принципиальными разногласиями, о которых я буду говорить дальше.

Второе, что необходимо отметить, это совершенно недопустимое третирующее, которое допустил т. Деборин по отношению к Комакадемии. Как бы ни относиться к работе Комакадемии, как бы ни относиться к ее недостаткам, как бы ни критиковать ее работу, но заявлять на заседаниях президиума о том, что здесь льется проповедь бернштейнианства, заявлять о том, что здесь происходит всесторонняя ревизия ленинизма и т. д.—это, по-моему, т. Деборин, настолько «загнать», что идти дальше некуда. В этой же связи стоит исключительная претензия на абсолютную ленинскую ортодоксальность, которую здесь продемонстрировал т. Деборин. В самом деле, очень смешно и грустно, если хотите, звучит исключительная претензия на ленинскую ортодоксальность со стороны такого «старого» большевика, каким является т. Деборин, со стороны такого «испытанного» ленинца, каким является т. Карев, и со стороны такого непримиримого к уклонам человека, каким является т. Стэн.

Голоса. Правильно. (Смех. Аплодисменты).

Митин. В самом деле, что характерно для содоклада

т. Деборина, что проходит красной нитью по всему содокладу? Красной нитью по всему выступлению т. Деборина проходит следующее: «мы первые сказали», «мы первые провозгласили поворот, а потом Сталин подтвердил», «мы первые говорили о необходимости изучения закономерности переходного периода, а только потом это стало защищаться и проповедываться на страницах печати» и т. д., и т. д. Вот этот подход—«мы первые»,—который проходит красной нитью по всему содокладу,—это чрезвычайно характерно. Как тут не вспомнить то, что я приводил в своей статье в «Правде» относительно того, что первым открыл закон единства противоположностей т. Деборин, а затем только Ленин его подтвердил... Как тут не вспомнить «скромность» подобного порядка у Луппола и т. д. Все это, повторяю, не случайно и связано с основными принципиальными спорами, которые стоят в порядке дня философской дискуссии.

Наконец должен еще отметить тот экивок в сторону молодежи, в отличие от вождей, который делал в своем докладе т. Деборин. Нужно однако сказать, что тут дело совсем не в вождях, ибо если уж употреблять это слово «вождь», то «вожди» тоже молодежные. Не в этом дело, т. Деборин. Дело в том, что вы никакими экивоками, никакими софизмами не сможете смазать того обстоятельства и того факта, что у вас произошел разрыв с партийной организацией...

С места. Правильно.

Митин... с такой важной партийной организацией, какой является партийная организация Ин-та красной профессуры. Никакими софизмами, никакими замечаниями вы этого факта не смажете, и это тоже не является случайным, не является таким делом, над которым вам не нужно было бы задуматься. Я бы предложил, я посоветовал бы вам действительно серьезно вдуматься в это дело, «синтетически охватить смысл» такого разрыва.

С места. Правильно.

Митин. Если бы вы его «синтетически охватили», это могло бы вам найти правильную дорогу в тех спорах и в тех вопросах, которые сейчас стоят перед марксистско-ленинской теорией.

Что же касается существа поднятых в философской дискуссии вопросов, то, давая общую оценку содоклада, необходимо отметить следующее. Содоклад т. Деборина обнаружил, во-первых, полное непонимание необходимости существа, характера и задач поворота. Тов. Деборин говорил: «поворот на основе старой линии». Я спрашиваю, что это за «поворот на основе старой линии» при изменившейся обстановке, при тех громадных изменениях, которые произошли в соотношении классовых сил, при тех классовых сдвигах, которые мы имели, при тех новых теоретических задачах, которые встали, и наконец при той неправильной линии, которую вы ведете уже больше года?

Когда мы говорим о линии поведения, о линии работы—теоретической и практической—данного философского руководства, нам подсовывают генеральную линию развития марксист-

ско-ленинской философии вообще. Получается в связи с таким порядком впечатление, будто наша постановка вопроса об изменении линии означает изменение вообще генеральной линии развития философии марксизма-ленинизма. Не выйдет ничего у вас с такими не «шибко умными» трюками. Сами же вы скандадитесь на этом деле, ибо в своем «зазнайстве» отождествляете свою работу с генеральной линией развития марксистско-ленинской философии.

Нужно только немного вдуматься в деборинское положение «поворот на основе старой линии», чтобы раскусить весь смысл его, направленный по существу против поворота. Ленин учил нас на каждом данном историческом этапе при постановке теоретических и практических задач ухватываться за основное звено, при помощи которого можно вытащить всю цепь. Тем и характерен новый этап развития, новая обстановка, что выдвигаются новые теоретические задачи. Безусловно, что основная задача всей нашей великой эпохи в области философии заключается в том, что необходимо разрабатывать теорию материалистической диалектики. Однако на каждом этапе развития нашей революции выдвигаются на первый план разные стороны этой работы. Кто как раз именно этого обстоятельства не учитывает, кто не понимает того, что центр тяжести в работе над теорией материалистической диалектики в «восстановительный» период лежал в общей защите теории диалектики, в развертывании ее категорий в наиболее общей форме и что с переходом к реконструктивному периоду помимо общей защиты диалектики центр тяжести передвигается в сторону конкретизации этих категорий, в сторону разработки проблем переходного периода и т. д.,—тот действительно ничего не понимает.

Вот как раз такая «эпохальная» постановка вопроса, такая постановка вопроса, которая не учитывает конкретных этапов нашей великой эпохи, и характерна для т. Деборина.

Второе, что необходимо отметить, это полное нежелание по-большевистски признать допущенные ошибки. Нельзя же в самом деле считать признанием ошибок то признание, которое сделал т. Деборин, когда он в конце своего содоклада, разводя руками, говорил: мы признаем ошибки в вопросах троцкизма и рубинщины,—подсыпьте еще ошибки—оптом все признаем. Разве такое признание ошибок может иметь какое-нибудь значение в нашей дальнейшей теоретической работе? Что говорил например Ленин по вопросу о признании ошибок? Когда он охарактеризовал один из важнейших и вернейших критериев серьезности большевистской партии, он говорил по вопросу о признании ошибок следующее: «Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку,— вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Вот, товарищи, постановка вопроса о признании ошибок, которую давал Ленин по отношению к партии, но это, мы мо-

жем сказать, относится также и к теоретической работе и к теоретическим ошибкам. Вот только такой анализ ошибок, только такое обсуждение ошибок действительно направлено на то, чтобы воспитать и класс и массы. Вот этого-то в докладе т. Деборина совершенно не было, это как раз и отсутствовало. Формальным признанием ошибок, которое т. Деборин собрался сделать только в конце своего доклада, делу не поможешь. Такое формальное признание ошибок не нужно. Формальное признание ошибок не даст возможности решать те гигантские теоретические задачи, которые стоят перед нами.

Следующее, что необходимо отметить, характеризуя доклад т. Деборина, это что т. Деборин совершенно не понимает задач борьбы на два фронта в области философии, задач борьбы с механистической ревизией марксизма, как с главной опасностью, и задач борьбы с формализмом. В самом деле, как он характеризует современное создавшееся положение на философском фронте? Он характеризовал тот «блок», о котором он говорил, как рецидив механицизма, как рецидив ползучего эмпиризма. Следовательно борьба с этим блоком есть в той или иной форме продолжение борьбы с механистами, следовательно никакого другого фронта, с которым надо бороться, нет. В продолжение своего доклада, в течение двух с половиной часов т. Деборин не нашел ни одного слова сказать о формализме, не нашел ни одного слова, чтобы сказать о той формалистической литературе, которую мы в настоящее время имеем и которая идет конечно под флагом ленинской ортодоксии в области теории. Тов. Деборин обращался к нам: «Вы до сих пор не давали определения формализма. Дайте, пожалуйста, определение формализма». Как характерно такое обращение! Но, т. Деборин, если вы хотите знать, в чем суть формализма, прочтите внимательно ваши работы.

С места. Правильно.

Митин. Давая общую характеристику доклада, должен отметить последнее по счету, но не последнее по важности обстоятельство. Тов. Деборин совершенно обошел конкретный исторический классовый анализ тех задач, которые стоят на данном этапе. Он ни слова не говорил о конкретной исторической обстановке, которую мы сейчас имеем, ни слова не говорил о той классовой борьбе, которую мы имеем, ни слова о тех новых фактах и явлениях, которые действительно характеризуют нынешнюю конкретную обстановку. Вместо этого—«эпохальная» постановка вопросов, задач и т. д. Ленин очень резко характеризовал такой уход от действительного конкретного анализа конкретной обстановки, уход в сторону «эпохальной» постановки теоретических и вообще политических вопросов. Ленин называл такую постановку вопросов оппортунизмом.

Вот, товарищи, общая характеристика доклада т. Деборина.

Теперь я перейду к существу тех вопросов, которые ставились. Я хотел бы сказать два-три слова по вопросу об истории разногласий. Об этом т. Деборин довольно много говорил в своем докладе. Тов. Деборин много говорил относительно резолюции,

которая как-будто бы была принята единогласно на заседании фракции Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Тов. Деборин извратил историю дела, он неправильно передал то, как в действительности обстояло дело с этой резолюцией. На фракции Общества воинствующих материалистов-диалектиков, когда обсуждался вопрос о новых задачах на философском фронте, резолюция была принята за основу и только за основу. Было предложено правлению Общества воинствующих материалистов-диалектиков обсудить ее вместе с теми поправками, которые будут, а также исходя из учета прений, которые были на фракции, и потом окончательно ее отработать и утвердить на очередном заседании фракции. И как раз по вопросу о поправках, которые мы внесли на правлении Общества, произошли у нас основные разногласия. Для того чтобы охарактеризовать обстановку, которая была на заседании правления Общества, должен сказать следующее: там присутствовали и Деборин, и Карев, и Подволоцкий, и Стэн. Никто из них конечно не может отрицать того факта, что т. Деборин, характеризуя создавшееся положение, говорил следующее: какая-то обстановка паники в связи с поворотом создалась вокруг меня, в панику ударился Подволоцкий, в панику ударился Карев и т. д. Вот как обстояло дело, вот какое паническое состояние создалось у философского руководства. Об этом говорил т. Деборин на заседании правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков... Это крайне характерно. Этим фактом можно объяснить то положение, что философское руководство проморгало новые вылазки механистов, которые мы имели как раз в это время. Нужно отметить, что на новые вылазки механистов, которые были на философском фронте на страницах философской печати, мы со стороны руководства не имели никакого реагирования. И как раз та группа товарищей, которая обвиняется со стороны философского руководства в рецидивах механизма, она первая откликнулась на попытки реванша со стороны механистов. Сейчас наши товарищи уже написали вторую статью, которая пойдет в ближайшее время, для дальнейшего разоблачения новых вылазок механистов. Вот, товарищи, какова действительная история.

А теперь, по вопросу о поправках. По каким вопросам произошло у нас основные разногласия на заседании правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков? Основные разногласия произошли по следующим вопросам: мы вносили несколько поправок, из них некоторые—очень важные. Некоторые поправки были приняты, некоторые не были приняты. Три следующие поправки не были приняты:

Мы настаивали на том, чтобы подчеркнуть в резолюции, что в вопросах борьбы с троцкизмом философское руководство и вообще философский фронт ничего не сделал или сделал очень мало. Эта поправка была отвергнута.

Второй вопрос, по которому у нас были разногласия,—мы настаивали на том, чтобы записать в декларации, что отставание теории от практики относится не только к экономистам, истори-

кам и юристам, но что это относится также к философскому фронту, что одним из следствий этого отставания является нереагирование, неучастие в целом ряде дискуссий и в частности нереагирование на ошибки, которые были сделаны по поводу рубинщины. Эта поправка была тоже отвергнута.

Третья поправка—мы настаивали на том, чтобы в декларации было заявлено, что на прошлом этапе не было борьбы с идеалистическими и формалистическими шатаниями. Это тоже было отвергнуто.

Вот по каким вопросам у нас произошли основные разногласия. Ясное дело, что выдавать теперь резолюцию за принятую единогласно, ни словом не обмолвившись о поправках, которые были сделаны,—это я уже не знаю как назвать, но во всяком случае это есть не что иное, как совершеннейшее извращение истории разногласий и истории борьбы. Вот по этим пунктам у нас произошли основные разногласия на правлении Общества, и по этим пунктам товарищи из философского руководства давали нам бой, называя нас за эти поправки воинствующими эклектиками, примиренцами к механистам и т. д. Вот какова истинная история разногласий.

Теперь я перейду к основным вопросам, стоящим в порядке дня философской дискуссии. Для того чтобы понять эти вопросы, для того чтобы понять глубокий принципиальный смысл происходящей дискуссии, конечно необходимо несколько остановиться на живой реальной связи, которая существует между философскими спорами и современным этапом развития нашей революции. Нельзя ни в коем случае рассматривать философскую дискуссию изолированно от той дискуссии и борьбы, которая была с рубинщиной, от той дискуссии и борьбы, которая была с переверзевщиной. Именно сейчас, в свете новых фактов и явлений, которые мы имеем, нужно подойти к оценке итогов и дискуссии с рубинщиной и дискуссии с переверзевщиной. Сейчас например после вскрытия фактов вредительства, после всех новых явлений того оголтелого сопротивления социалистическому наступлению и той борьбы, которая ведется против нас нашими классовыми врагами, становится совершенно ясным, становится кристально прозрачным весь объективный смысл той борьбы, которая была в области политической экономии, в области литературоведения, а также и на других участках теоретического фронта.

Нужно сказать, что отрыв теории от практики, отрыв формы от содержания—это не только вредные вообще вещи, это не только нечто, что ревизует ленинизм или что не является ортодоксальным марксизмом,—эти вредные вещи в настоящих условиях суть не что иное, как факты отхода от марксизма. В настоящих условиях последнего боя с русским капитализмом все это наполняется определенным социально-классовым содержанием, приобретает определенный смысл. Уход от теоретических споров, от разработки конкретных проблем переходного периода, отрыв формы от содержания, отрыв теории от практики—все это приобретает прямой политический смысл. Только в этом

свете нужно подойти к оценке той борьбы, которая была в области политэкономии, и только в этом свете нужно подойти к оценке той борьбы, которая происходит в области философии. Нужно сказать, что отрыв теории от практики, уход к абстрактным вершинам чистой теории, «эпохальная» постановка вопросов, уход от конкретного содержания, от конкретного реального этапа нашей действительности, это есть одна из самых утонченных форм влияния классовой буржуазной идеологии на наши ряды.

С места. Правильно.

Митин. Кто этого не понимает или не хочет понять, тот действительно ничего не понимает в настоящей обстановке.

Нужно сказать в связи с этим о наших теоретических задачах следующее. Ни на одном из этапов революции к теории не предъявлялись такие громадные требования, какие предъявляются на настоящем этапе. Но вместе с тем однако никогда не было так вредно пустое теоретизирование, какое мы имеем на современном этапе. Пустое теоретизирование является ныне прямым препятствием для социалистического строительства. Современная обстановка и условия требуют революционной теории, требуют широкого теоретического обобщения, требуют использования всей науки, всей совокупности человеческих знаний, человеческого опыта, человеческой практики. Но она вместе с тем требует подлинно ленинской теории, требует конкретной теории, требует содержательной теории, осмысливания колоссальных классовых сдвигов, которые происходят, осмысливания того, что мы вступили в период социализма, осмысливания всего того нового, что этот период вносит, всех этих закономерностей, смены формы, смены стихии планом, окончательного выкорчевывания классов и т. д. Все это требует подлинно ленинской, подлинно содержательной и подлинно конкретной диалектики.

Голос. Правильно.

Митин. И тут перед нами две опасности, которые необходимо отметить. Во-первых, это делачество, оппортунизм, который не понимает роли и значения теории. Это—главная опасность и тут нужно продолжать борьбу с механистами по той же линии, по которой она велась раньше. Но одновременно с этим нужно вести борьбу и с пустым формализмом, со словесной эквилибристикой, которая выдается за ортодоксальную ленинскую теорию, нужно вести борьбу с «цитатным марксизмом».

Голос. Правильно.

Митин. Вот что должно составлять содержание нашего дальнейшего этапа развития. Кто этого не понимает, тот не понимает смысла борьбы, происходящей у нас. В самом деле, вопросы, которые сейчас стоят в области философии,—это вопросы партийности философии, вопросы ленинского теоретического наследия. Не случайно они теперь поднялись, они имеют связь со всем переживаемым нами этапом. Ведь вопросы о партийности философии, о партийности науки вообще связаны с теми процессами, которые происходят сейчас в стране, когда грани пролегают гораздо резче чем раньше, когда становится на точку

зрения пролетариата это значит становиться на точку зрения авангарда его, на точку зрения компартии. Теперь, когда проходит резкая дифференциация среди специалистов, когда одни из специалистов уходят в партию вредителей, другие целиком и полностью приходят к нам, проблема партийности философии, партийности науки выдвигается на первый план всем ходом вещей. Это—не случайно, эти вопросы встали не надуманно. Кто этого не понимает, тот не может разобраться в конкретной обстановке, которая сейчас перед нами стоит. Вопросы осмысливания теоретического ленинского наследия, вопросы соотношения между Лениным и Плехановым—разве это вопросы, которые ставятся только в области философии? Конечно нет. И историки, и экономисты, и литераторы, и другие подтверждают, что об этом ведутся теоретические дискуссии, в этом направлении работает теоретическая мысль.

Эти вопросы не надуманные, они являются вопросами, тесно связанными с той конкретной обстановкой, которую мы имеем. Вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым—это не «темка», как говорит т. Деборин, это вопрос, который связан с действительным проникновением и широким синтетическим охватом проблем ленинизма, синтетическим охватом генезиса его развития, его своеобразия. Эта «темка» связана с преодолением разрыва теории и практики, этого вреднейшего наследия, которое осталось от эпохи II Интернационала. Вот что необходимо понять. Это—не «темка», это—серьезнейшие, важнейшие, принципиальные коренные вопросы. В связи с этим нельзя не напомнить одного места из брошюры Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме»:

«Полезным уроком могло бы и должно было бы быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и много из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими недialeктиками, оказались людьми до того несумевшими учесть быстрый перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова» (разрядка моя—Митин).

Далее Ленин продолжает:

«...Надо постараться, чтобы с коммунистами не произошла такая ошибка». Крайне своевременно на нынешнем этапе напомнить это замечание Ленина, которое имеет весьма важное значение для понимания существа и смысла марксистско-ленинской теории и материалистической диалектики.

Для того чтобы дать оценку тех вопросов, которые стали сейчас в повестку дня философской дискуссии, необходимо дать сжатую коротенькую характеристику того положения, которое

мы имели на прошлом этапе. Подходя к оценке прошлого этапа развития, нужно прежде всего освободиться от совершенно неправильного положения, от совершенно неправильного представления, которое сквозит во всех выступлениях представителей так называемого философского руководства, которое сквозит во всех их документах, в частности в той декларации, о которой говорил т. Деборин. Там отождествляются две вещи, которые не могут и не должны отождествляться: там отождествляется развитие вообще философской коммунистической мысли с работами данной группы товарищей. Это, товарищи, вещи разные, их нельзя отождествлять. В самом деле, что мы понимаем под развитием вообще философской коммунистической мысли? Под развитием философской коммунистической мысли мы понимаем в первую очередь труды Маркса, Энгельса и Ленина. Если говорить о прошлом этапе, то тут какое активное участие «принимали» Маркс, Энгельс, Ленин? За этот период вновь опубликованы работы Маркса, впервые опубликована работа Энгельса „Диалектика природы“, которая представляет собой целую эпоху в развитии марксизма, опубликованы наконец философские тетради Ленина и т. д. Все это является первым важнейшим моментом развития философской коммунистической мысли на прошлом этапе.

Нужно отметить и то, чего как раз не понимают товарищи из философского руководства. В развитие философской коммунистической мысли в качестве важнейшего составного элемента входит и то мастерское применение диалектики, которое проводит наша партия в изменяющемся соотношении классовых сил и т. д. Это и есть тот действительно творческий марксизм, образцы которого на протяжении всего этого этапа давала наша партия в работах своих вождей, те образцы решения кардинальнейших вопросов действительности, а вместе с тем теоретических вопросов, которое давал Сталин,—вопросов, связанных непосредственно с основными категориями материалистической диалектики, таких вопросов, как вопрос о возможности и действительности, как вопрос о сущности и явлении и т. д. Вот эти вопросы, разработку и применение которых давал Сталин, есть важнейшая составная часть развития философской коммунистической мысли. Поэтому, мне кажется, отождествлять развитие философской коммунистической мысли с работами т. Деборина, т. Карева и др., совершенно невозможно.

Вместе с тем, для того чтобы понять и оценить прошлый этап развития, нельзя обойти и прошлого т. Деборина и некоторых других из данного руководства. Нужно сказать, что т. Деборин проявил после Октября большие успехи, большой рост, большое развитие в сторону ленинизма. Но т. Деборин пришел в нашу партию и затем в течение всего прошлого этапа развития сохранил в себе много пехановских традиций, таких традиций и положений, которые критиковались Лениным. И это нельзя не вспомнить, когда мы говорим об оценке прошлого этапа развития, это нужно иметь в виду, потому что это накла-

дывало определенный отпечаток на все развитие, которое находилось под значительным влиянием т. Деборина.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, проводя вот это различие, о котором я говорю, мы не можем вместе с тем, когда мы подходим к оценке работ этих товарищей, когда мы подходим к оценке итогов, достижений и ошибок прошлого этапа,—обойти те большие достижения, которые были на прошлом этапе. Основной вехой, отправным пунктом, указавшим основные задачи в смысле теоретической работы на философском фронте, конечно явилась статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Если мы проследим итоги развития за прошлый этап, если мы посмотрим на те достижения, которые имеются, если мы оценим этот путь развития, то мы должны сказать, что в основном в ряде областей, о которых я сейчас скажу, в основном работа велась в направлении, указанном Лениным. Но это никоим образом не означает, что мы должны замазывать те ошибки и недостатки, которые были на прошлом этапе развития.

По какой же линии, в каких областях работа велась в направлении, указанном Лениным? В направлении, указанном Лениным, работа велась в смысле пропаганды и защиты диалектического материализма как всеобщей методологии общественных и естественных наук. Дальше, работа велась в смысле борьбы с ревизионистскими течениями механистов, работа велась в смысле пропаганды и первых попыток применения диалектического метода в области естествознания. Работа дальше велась в смысле работы над генезисом марксизма, в смысле разработки истории материализма и т. д. Вот те примерно области, по которым шла работа по указаниям, данным Лениным в статье «О значении воинствующего материализма».

Но наряду с этим нельзя не отметить тех коренных пороков, тех ошибок, которые были сделаны на прошлом этапе. Основная и главная ошибка, о которой я сейчас буду говорить,—это недостаточно полное понимание Ленина и ленинского теоретического наследия, недостаточно полное понимание и учитывание роли и значения Ленина и ленинизма в развитии марксистско-ленинской философии. Я сейчас не могу останавливаться на том, что уже стало общеизвестной истиной, что признается всеми,—на отрыве теории от практики, на отставании, на троцкизме, рублинщине и т. д. и других ошибках, которые были на философском фронте. Я на этом останавливаться не буду. Перед нами встает другой вопрос. Нам нужно сейчас проанализировать те теоретические корни этих ошибок, нам нужно сейчас проанализировать, почему произошли такие явления, нам нужно вскрыть, нет ли в самой постановке теоретических проблем на прошлом этапе, нет ли и в самом теоретическом развитии прошлого этапа таких оснований и корней, которые давали именно такой путь развития, а не другой, которые давали именно такие ошибки, а не другие. Вот это нужно сейчас проделать. Это ра-

бота чрезвычайно важная и необходимая, без которой сейчас не обойтись при оценке прошлого этапа развития.

Коренным пороком всего прежнего философского развития, которое находилось под эгидой философского руководства, несмотря на то движение к Ленину, которое мы имеем в ряде вопросов и областей, является недооценка и непонимание ленинского философского наследия. То, что мы слышали в содокладе т. Деборина по этому вопросу, является лучшим подтверждением этого выставляемого мною тезиса. Тов. Деборин на конкретные обвинения, достаточно подкрепленные и обоснованные, брошенные ему со страниц партийной печати, не дал никакого ответа, а наоборот пытался отделаться мелкими софизмами. Мелкие софизмы однако в устах большого человека приобретают большое значение, становятся большими софизмами, а большой человек становится от этого меньше. (Смех). И мы должны сказать, что именно это было характерно в выступлении т. Деборина. Тов. Деборину со страниц партийной печати было брошено обвинение в том, что он понимает неправильно соотношение между Лениным и Плехановым. Ему было брошено обвинение в том, что теперь, в 1929 году, он дает неправильную формулировку по такому важному вопросу. Я должен эту формулировку зачитать, потому что т. Деборин на нее ссылается: „Плеханов прежде всего—теоретик, Ленин прежде всего—практик, политик, вождь“. Тов. Деборин не указал в своем содокладе на ту явную ошибку, которая в этом вопросе допущена. Наоборот он попытался мелкими софизмами представить дело в таком свете, что он хотел сказать о созерцательности Плеханова. Нужно, однако, внимательно прочитать другие места из работы т. Деборина: „Ленин как мыслитель“.

Новиков. Читайте, читайте.

Митин... чтобы понять эти софизмы Деборина, что это нечто такое, что извращает суть дела, что наводит тень на ясный день. Я, товарищи, буду читать и удовлетворю ваше любопытство, т. Новиков. Вопрос о понимании роли Ленина безусловно связан с общим вопросом о понимании ленинизма. Вот что по такому кардинальному вопросу говорит т. Деборин: „Маркс превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы“.

Совпадает ли это с мыслью, что Ленин только политик, вождь и т. д.? Конечно совпадает. Следовательно говорить, что первое положение случайно,—не приходится. Это явно замазывать явную ошибку. Далее, как т. Деборин характеризует, что такое марксизм-ленинизм. Он пишет: „Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм — марксистскую политику и тактику марксизму—как философской исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строилась“.

Голоса. Правильно.

Митин. Что правильно? Я не думаю, чтобы в этом зале был кто-нибудь, кто утверждал бы, что ленинизм есть только политика и тактика.

С места. Где это сказано?

Митин. Думаю, что в этом зале нет никого, за исключением т. Деборина, кто бы так ставил вопрос. Это положение опять-таки тесно связано с тем, которое я приводил. Тут, т. Деборин, вам кланяется Ваганяч. В этом вопросе есть много общего с той постановкой, которую мы имеем в целом ряде троцкистских произведений. Об этом нужно сказать открыто. Такая постановка вопроса о ленинизме как о тактике и политике в противовес марксизму как философской теории,—это положение является совершенно неправильным у т. Деборина. Кто пытается замазать эту явную ошибку т. Деборина в понимании того, что такое ленинизм,—сам впадает в ошибку. Тов. Деборин эти ошибки, которые я указывал в своей статье в „Правде“, в своем содокладе не признал и сделал этим еще большую ошибку.

Я могу привести еще ряд мест, которые идут именно по этой линии. Что он пишет? „Несомненно, вся сила Ленина заключается, помимо его личной гениальности, в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь“. Только применение марксизма, только практика, только политика—непонимание всего теоретического значения ленинизма, вот что характерно для т. Деборина. Ясно, что практика должна быть дополнена теорией.

Если вдуматься хорошо в ту цитату, которую я приводил, то смысл совершенно ясен. Они оба (Плеханов и Ленин), говорит т. Деборин, дополняют друг друга, теория дополняется практикой. Ленина дополняет Плеханов, Ленин как практик дополняет Плеханова как теоретика. Только так можно трактовать это место. Это показывает, что т. Деборин мелкими софизмами действительно хотел отделаться от чрезвычайно важного и существенного вопроса.

Теперь я должен обратить ваше внимание на другие места, связанные с вопросом об оценке Ленина и Плеханова. Тов. Деборин в доказательство того, что он правильно понимает и правильно ставит вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым, приводил цитату из своего предисловия к «IX ленинскому сборнику». Я тоже должен привести цитату из этого предисловия и зачитать соответствующее место, на которое ссылался т. Деборин, и соответственным образом показать, что против этого же места выступает и т. Карев, хотя не говорит, против кого направлено его выступление. Характерно, что, трусливо критикуя Деборина, т. Карев в своем выступлении тоже делает ошибку, но об этом позже.

Итак т. Деборин пишет: „Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторических фаз в развитии революционного движения и классовой борьбы пролетариата“.

Итак между Лениным и Плехановым различие, отражающее различие исторических фаз. Это пока очень общая и мало содержательная фраза. Однако смысл у т. Деборина она имеет

весьма определенный. Основной объективный смысл этой постановки вопроса состоит в том, чтобы прикрыть и замазать ошибки Плеханова, действительное различие между Плехановым и Лениным как диалектическими материалистами. В самом деле, — т. Деборин может представить дело таким образом — то, что писалось Плехановым, соответствовало одному периоду, то, что писалось Лениным, — другому. И Плеханов и Ленин „удовлетворены“ и „исторический подход“ соблюден. Однако сам т. Деборин не может остаться на своей постановке вопроса, пытается ее кое-как конкретизировать. И вот что у него получается:

„Ленин в своих чисто философских работах опирался как на богатый опыт классово-борьбы в эпоху империализма, этого последнего этапа развития капитализма, так и на великие перемены в области естествознания, стремясь в соответствии с этим углубить и чисто теоретически философию диалектического материализма, заостряя все вопросы вокруг методологических основ марксизма, вокруг материалистической диалектики“.

Если сопоставить это место с тем, которое я рассматривал выше, то картина получается следующая: у т. Деборина сквозит попытка такая — Плеханова представить как философа, опирающегося на опыт классово-борьбы эпохи промышленного капитализма, Ленина же — как философа, опирающегося на опыт классово-борьбы эпохи империализма (Шум).

С места. Возьмите определение Сталина, что такое ленинизм¹.

Митин. Помимо крайней схематичности этого построения т. Деборина необходимо отметить крайне неудачное место у т. Деборина, когда он подчеркивает, что «Ленин стремился», «Ленин углубил это», «Ленин дал бы толчок» развитию диалектики и т. д. Еще в 1924 г. Сталин давал совершенно ясную постановку этого вопроса. Он писал: «На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»².

Теперь дальше я зачитаю, что по вопросу о различии между

¹ В связи с репликами, совершенно не относящимися к существу трактуемого мною вопроса считаю все же нужным привести следующее определение ленинизма Сталиным („Об оппозиции“, с. 285): „Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции... Правильно ли это определение? Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его, как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его русской действительности“.

² Сталин, Вопросы ленинизма, с. 88 (разрядка моя — Митин).

Плехановым и Лениным говорит Карев. Он говорит следующее: «Плеханов и Ленин в этом отношении представляли не различные эпохи в рабочем движении, а различные струи в нем, в марксизме — различную глубину его понимания («ПЗМ», № 6, с. 35). Вот другая постановка вопроса о соотношении Ленина и Плеханова, которая по своему существу прямо направлена против т. Деборина. Нужно сказать, что постановка, которая имеется у т. Деборина, неполна, неточна и поэтому она неправильна. Чего недостает в постановке вопроса т. Деборина? В постановке вопроса т. Деборина недостает весьма важного обстоятельства — социального, классового анализа самих исторических фаз, о которых он говорит. Чего недостает в постановке вопроса т. Карева? В постановке вопроса т. Карева недостает другого. Он полемизирует с Дебориным по этому вопросу, но у него все дело сводится к глубине понимания марксизма. Между тем, если подойти с правильной точки зрения к этому вопросу, то совершенно ясно, что глубина понимания марксизма, помимо личной гениальности или таланта вождя рабочего класса, представляет собой также продукт социально-экономической и политической обстановки. Как раз в постановке вопроса т. Карева, его небольшие высказывания, которые были по этому вопросу, показывают, что эта «темка» неправильно ставится, показывают, что необходимо действительно проанализировать все эти важные вопросы; это показывает, что необходимо понять и посмотреть, как ошибки Плеханова в области методологии отразились в его политических работах, в вопросах истмата, в понимании классово-борьбы и т. д.

Нужно сказать, что действительно наиболее ортодоксальными, единственно последовательными, непосредственно примыкающими к энгельсовским высказываниям и высказываниям Маркса являются высказывания в области философии марксизма никою другого, как Ленина. Нужно сказать, что до сих пор остаются действительно ценными, важнейшими указания, которые, по этому вопросу дал Сталин еще в 1924 г. Что по вопросу теории в своей брошюре о ленинизме писал Сталин? Он говорил: «Иные думают, что ленинизм есть примат практики над теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно будто бы беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии». И дальше он говорит: «Энгельс говорил, что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решался даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»¹.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 90.

Вот постановка вопроса, которая была дана в брошюре Сталина о ленинизме. Вот правильная постановка соотношения между Лениным и Плехановым как теоретиками-марксистами.

Конечно, когда мы ставим вопрос о Плеханове, нужно видеть две опасности, которые реально в этом вопросе наметились. Нужно видеть опасность абсолютного отрицания роли и значения Плеханова для развития марксистской теории. Такая опасность уже начала проявляться в литературе и вероятно будет дальше проявляться. Мы знаем ленинские указания на то, что под флагом критики оппортунизма Плеханова протаскивался всякий философский хлам. С такой опасностью нужно вести борьбу. Но вместе с тем на нынешнем этапе развития, когда так остро стоит вопрос о ленинской теории, смазывать различие между Лениным и Плехановым ни в коем случае нельзя. Нужно соответствующим образом понять их соотношение, нужно раскритиковать ошибки, на которые указывал Ленин, и нужно вместе с тем дать правильную оценку того значения, которое имеет Ленин в развитии марксистско-ленинской теории. Нужно сказать, что т. Деборин шарахается от одной крайности в другую. В своем содокладе наряду с защитой своих ошибок в этом вопросе, он впадывает вместе с тем в опасность первого типа, о которой я говорил. Что означает его термин «плехановизм», который он здесь бросил, что означает его положение, будто он когда-то давно, еще «до рождения христов» порвал с Плехановым и т. д. и т. п. Термин «плехановизм» был брошен, пущен в ход никем иным, как именно т. Дебориным. Все это показывает, какие качания в целом ряде теоретических вопросов мы тут имеем.

Теперь о других вопросах, в которых сохранилась ошибочная плехановская традиция в произведениях т. Деборина и его ближайших учеников. Прежде всего надо сказать о плехановской теории иероглифов. Надо отметить, что т. Деборин допустил и здесь ошибку в своем содокладе. Тов. Деборин заявил, что тут суют теорию иероглифов, в то время как она давно умерла. Тов. Деборин тут явно недооценил тот рост махизма, неомажизма, который мы имеем в настоящее время в науке. Тов. Деборин явно недооценил, позабыл распространение агностицизма иероглифических идей, которые имеют место среди естествоиспытателей. Конечно Ленин дал уничтожающую критику этой теории, однако недооценивать значение махизма и агностицизма, который мы имеем в современной науке, никоим образом нельзя, так же, как и необходимость жестокой борьбы с ним. Тов. Гессен, который был на съезде физиков, сумеет нам тут рассказать много интересных данных, в частности и о роли теории иероглифов в современной физике. Тов. Деборин же авторитетно тут заявляет — «теория иероглифов умерла». Далее надо сказать, что как раз в вопросе о иероглифах, в вопросе о смазывании этой ошибки Плеханова, мы имеем стык и смык между т. Дебориным и т. Сарабьяновым, как это ни покажется странным. В самом деле, т. Деборин в своей книжке «Ленин как мыслитель» заявляет следующее: «Ленин был совершенно прав в своем возражении про-

тив теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова все дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса»¹.

Это есть затемнение, замазывание существа дела. После того как Плеханов во втором издании своего перевода книги Энгельса «Людвиг Фейербах» заявил, что эта терминология была неправильной, что нельзя делать терминологические уступки своим врагам, после этого Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» счел нужным писать, что в этом вопросе мы имеем ошибку у Плеханова в «формулировке материализма», «отступление Плеханова от той формулировки материализма, которую давал Энгельс». Что это, в свете этих положений Ленина, как не замазывание ошибок Плеханова у Деборина. И как раз это замазывание ошибок Плеханова в вопросе об иероглифах характерно и для Сарабьянова. Сарабьянов говорит: «Я открыто признаю, что стою на той гносеологической точке зрения, которую развивал Плеханов. Но в этом вопросе я ошибался и впоследствии в предисловии к своей книге, как и в главе «о проблеме физического и психического», показал, что и Плеханов и Ленин проводят по существу одни и те же гносеологические взгляды»².

Итак т. Сарабьянов заявляет, что в этом вопросе никакой разницы между взглядами Ленина и Плеханова нет. Тов. Сарабьянов так же, как и т. Деборин замазывает ошибку Плеханова, ошибку, которая связана с тем, что Ленин стоял на точке зрения отражения, а Плеханов в основном — принимал теорию соответствия.

Нужно сказать, что во время борьбы с механистами бывало так, что как раз Сарабьянов выходил иногда победителем в дискуссиях по этому вопросу. Это объясняется очень просто. Это объясняется тем, что во всей дискуссии его неправильно критиковали, недостаточно последовательно критиковали, критиковали недостаточно последовательно с ленинской точки зрения. Если бы с ленинской точки зрения проходила критика его позиции, тогда конечно Сарабьянов не мог бы в этом вопросе иногда «пожизвиться», не мог бы выходить иногда победителем.

Теперь необходимо остановиться на одном вопросе, первых, о том, как сильно было влияние Плеханова на Деборина в ряде философских вопросов и, во-вторых, как философское руководство не желает прислушаться к критике этих ошибок Лениным. Я имею в виду опубликованные в «XII Ленинском сборнике» замечания Ленина на ст. т. Деборина «Диалектический материализм», вышедшую в свет в 1909 г. Прежде всего вот характеристика стиля т. Деборина (а ведь «стиль — это человек»), какую дает Ленин: «Уф», «эк его», «верные истины изложения в дьявольски вычурном, темном виде». Отчего Энгельс не писал

¹ Деборин, Ленин как мыслитель, изд. 3-е, с. 52.

² „Антирелигиозник“ № 7, 1930, с. 88.

таким «тарабарским» языком? Далее дается Лениным характеристика взглядов т. Деборина о французских материалистах по существу. Тов. Деборин в своей статье писал:

„Французские материалисты с Гольбахом во главе противопоставляли природу как метафизическую сущность вещи, ее свойствам. Это противопоставление означает в известном смысле тот же дуализм, что между „вещью в себе“ и „явлениями“ у Канта...“.

По поводу этого места Ленин делает весьма замечательное примечание: „вранье“. Действительно, тут мы имеем очень существенную ошибку, ибо дуализм Канта между „вещью в себе“ и „явлениями“ находится у него в самой тесной связи с его агностицизмом. Между тем, несмотря на всю метафизичность французского материализма,—обвинять его в агностицизме нельзя. Французский материализм стоял на точке зрения принципиальной познаваемости материи.

Тов. Деборин сам чувствует, что у него тут не все ладно. Он спешит дело поправить и что же получается? Вот что: „Мы были бы однако несправедливы к французскому материализму, если бы отождествили его с кантианством. Материализм XVIII столетия все же признает относительную познавательность даже сущности вещей“.

Ленин по поводу этого места дает следующее примечание: „до nec plus ultra (до самой крайней степени) неуклюже“.

Тов. Деборин продолжает далее „поправляться“. Он пишет: „Но французский материализм недостаточно последователен, поскольку он учит, что познаваемы лишь некоторые свойства вещей, между тем как сама „сущность“ или „природа“ их скрыта от нас и не вполне познаваема“. По поводу этого места, которое действительно обнаруживает деборинскую путаницу в оценке французских материалистов, Ленин делает следующее замечание: „это—каша“.

Казалось бы, после выхода в свет „XII Ленинского сб.“, после этих замечаний т. Деборин в порядке самокритики должен был бы специально по этим вопросам высказаться, написать статью, в которой надо было бы специально проанализировать свои ошибки, проанализировать ленинские высказывания. Между тем прошло довольно много времени и ничего подобного мы не имеем, наоборот, мы знаем, что распространялась такая „теория“ среди ближайших учеников его, что надо замалчивать эти ленинские замечания. Тов. Карев опубликовал о XII Ленинском сборнике специальный доклад в № 6 „ПЗМ“,—однако не счел нужным ни единым словом об этих вопросах упомянуть.

У меня нет времени подробно проанализировать эти высказывания о французских материалистах Деборина и ленинские замечания. Безусловно мы имеем тут повторение плехановской постановки этого вопроса—тут чувствуются некоторые элементы кантианства, которые мы имели у Плеханова. Критика, которая направляется Лениным против Деборина, заодно направлена против Плеханова в этих вопросах. К этим вопросам, в частности

ко всем ленинским замечаниям на статью т. Деборина, надо особо подойти в виде специальной статьи.

Теперь я перейду к другим вопросам, которые встали в процессе философской дискуссии. Я перейду к вопросу об элементах феербахизма, которые мы имеем у т. Деборина. Эти элементы феербахизма опять-таки не случайно связаны с теми плехановскими традициями, которые мы имеем у т. Деборина. Плеханов совершенно определенно переоценивал роль и значение феербаховской философии в подготовке и формировании марксизма. Плеханов совершенно определенно ряд важнейших вопросов в феербаховской трактовке выдает как полностью марксистские.

А что Деборин делает? Он всеми силами пытается доказать в своей работе „Людвиг Фейербах“, что если Фейербах и не стопроцентный марксист, то около этого. Нужно определенно заявить здесь, что брошюра т. Деборина о Фейербахе по своей общей оценке философии Фейербаха значительно отличается от той критической оценки Людвига Фейербаха, которую мы имеем у Энгельса, у Маркса в их работах, которые опубликованы в I томе Архива Маркса и Энгельса. Тов. Деборин вероятно скажет, что его статьи о Фейербахе написаны по случаю юбилея. С какого времени однако у нас юбилейная оценка мыслителей начала отличаться от марксистской оценки, от подлинно исторической оценки?

У т. Деборина есть следующее место, которое характеризует его понимание Фейербаха: „Фейербаху приходилось отмежевываться от этого материализма, так как для него помимо естественной истории существовала еще история человека. Материализм, опирающийся исключительно на естествознание, был для него неприемлем. Фейербах хорошо понимал, что нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку“¹.

Может быть, вы думаете, что это единственное такое место? Вы ошибаетесь: у т. Деборина есть еще целый ряд подобных мест по этому поводу. Он пишет: „Материализм до него уделял внимание главным образом природе. Фейербах же распространяет „права“ материализма на общественно-историческую жизнь“².

Эти положения Деборина прямо противоречат тем положениям и той оценке Фейербаха, которые мы имеем у Маркса. У Маркса есть совершенно ясная, сжатая оценка философии Фейербаха: „Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей, поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями, что впрочем ясно уже из сказанного“³.

Вот постановка вопроса о соотношении между материализ-

¹ Деборин, Людвиг Фейербах, с. 9.

² Там же, с. 162.

³ „Архив Маркса и Энгельса“, т. I, с. 219.

мом в области природы и материализмом в области истории, которую мы имеем у Фейербаха, и постановка, которую мы имеем у т. Деборина. Нужно сказать, что вопрос о Фейербахе сейчас имеет существенно важное значение, потому что отличие Маркса от Фейербаха заключается в том, что он действительно распространил материализм на вопросы истории, отличие состоит в том, что Маркс создал исторический материализм, отличие состоит в том, что Маркс включил как составную часть в теорию познания диалектическое понимание „революционной, практически-критической деятельности“. Прикрашивание Фейербаха полностью под исторический материализм, заявления т. Деборина о том, что нет никакой разницы в понимании практики между Фейербахом и Марксом,—все это свидетельствует о том, что подлинная суть исторического материализма Маркса замазывается, что подлинное понимание общественной практически-критической деятельности и его роли и значения в общей теории марксизма-ленинизма не понимается.

Я сейчас хочу коротенько остановиться на других ошибках, которые мы имеем у т. Деборина и у его учеников, я хочу остановиться на ошибках по вопросу об отношении к Гегелю.

У т. Деборина безусловно большие заслуги перед нашей теоретической мыслью, что он вслед за Лениным в своих работах выпятил роль и значение гегелевской диалектики. У нас была на прошлом этапе проделана большая работа в деле изучения Гегеля, в деле его популяризации. Однако мало Гегеля изучать, мало его популяризовать (хотя в скобках надо сказать, что многое написанное о Гегеле, написано труднее и менее популярно, чем даже у самого „старика“ Гегеля), надо Гегеля материалистически читать, материалистически его перерабатывать. Маркс и Энгельс постоянно в своих произведениях подчеркивали, когда они касались Гегеля, что логику Гегеля нельзя брать, как данное, что ее надо очистить от мистики идей. В письмах к Кугельману Маркс например писал: „Он (Дюринг) знает очень хорошо, что мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я материалист, а Гегель идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после очищения ее от мистической формы, а это-то как раз отличает от нее мой метод“. В „XII Ленинском сборнике“ мы имеем следующие указания Ленина по этому же вопросу: „Логика Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей: это еще большая работа“.

Между тем во всей философской теоретической работе эти указания часто забывались, к гегелевскому идеализму стали подходить некритически и, понятно, наделали ряд существенных ошибок. Одним из самых важных теоретических истоков формалистического уклона у нашего философского руководства является недостаточно критическое отношение к гегелевской системе, к гегелевскому идеализму. Сюда относятся такие ошибки, которые делал Карев, когда отождествлял материалистическую

диалектику с идеалистической диалектикой. Сюда относится ошибка Карева, когда он писал, что марксизм составляется (вслушайтесь в этот термин!) из Гегеля и Фейербаха, из диалектики и материализма и т. д. Сюда относятся ошибки, которые делает т. Деборин, когда пишет, что Гегель дал „всисчерпывающую реальную картину всех форм движения“. Сюда относится ряд подобных ошибок, которые у меня сейчас нет времени анализировать, сюда относится ряд ошибок, которые говорят о перегибах, сделанных на прошлом этапе развития в смысле недостаточной критики системы Гегеля и т. д. Отмахиваться от всего этого, проводить „поворот на основе старой линии“, на основе например имеющихся таких ошибок это значит действительно ничего не понимать, это значит совершенно не понимать тех новых задач, которые перед нами стоят.

Два слова теперь по вопросу о формализме. Тов. Деборин просил, чтобы мы дали ему определение формализма, рассказали бы, что собственно означает формализм. Сущность формализма состоит в том, что задачи теоретической работы над категориями диалектики превращаются в пустое, схоластическое над ними теоретизирование. Формализм состоит в том, что диалектика из живого метода познания превращается в совокупность абстрактных формул, которые внешне накладываются или прикладываются к содержанию. Формализм состоит в том, что происходит в теоретической работе разрыв между формой и содержанием. Формализм состоит в том, что происходит отделение логического от исторического, что философская теоретическая работа например превращается в простую филиацию и ход идей, оторванных полностью от конкретной, исторической, социально-классовой обстановки. Если бы мы имели у т. Деборина такой законченный формализм по всем перечисленным линиям, то ни о каком диалектическом материализме т. Деборина и речи не могло бы быть. Это была бы законченная идеалистическая ревизия марксизма. Мы имеем однако значительные элементы формализма у т. Деборина, мы имеем сейчас в его работах и работах его учеников формалистический уклон, который может, если ошибки не будут признаны, а наоборот будут умножаться, привести к идеалистической ревизии марксизма. Тов. Деборин спрашивал, что такое формализм? Я хотел бы в связи с этим привести одну цитату из „Нищеты философии“ Маркса, из которой с абсолютной ясностью будет понятно, что такое формализм. Маркс в „Нищете философии“, выступая против метафизики Прудона, говорил: „Но раз он поставил себя как тезу, эта теза, эта мысль, противопологаясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой,—на положение и отрицание, на да и нет. Борьба этих двух, заключающихся в антитезе, противоположных элементов образует диалектическое движение. Да превращается в нет, нет превращается в да, да становится одновременно и да и нет, нет становится одновременно и нет и да. Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух моментов

мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтезис. Эта мысль новая опять разделяется на две противоположные мысли, которые в свою очередь сливаются в новом синтезисе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтезис.

Так из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает серия, а диалектическое движение серий порождает всю совокупность системы“.

Вот как иронизирует над таким метафизическим шествием категорий Маркс. Вот что такое формализм в самом законченном чистом виде. Нужно сказать, что многие произведения т. Деборина написаны несколько в этом стиле, в стиле как раз этого замечания Маркса. Я только зачитаю одно место. Я мог бы зачитать целый ряд таких цитат. Возьмем например правильную в общем постановку вопроса о соотношении между внутренним и внешним, которая есть у т. Деборина. „Противоположность между внутренним и внешним имеет разумеется только относительный характер. Отношение между ними таково, что они взаимно переходят друг в друга. Возможность этого перехода объясняется их единством, их „действительностью“, их взаимной связью. Внешнее есть проявление внутреннего, внутреннее есть вместе с тем внешнее. Во внутреннем нет ничего, чтобы не проявилось во внешнем, а во внешнем нет ничего, чего бы не было во внутреннем. Внешнее и внутреннее составляют лишь моменты одного и того же; внешнее лишь относительно внешнее, стало быть, одновременно и внутреннее и наоборот“.

(С мех.)

С места. Где это?

Митин. В „Диалектика и естествознание“. Я бы мог привести десятки таких мест. Почему я критикую это место? Здесь дается в основном правильная диалектическая постановка взаимоотношения внутреннего и внешнего. Но суть этого места, той формулировки, которая дана у т. Деборина, состоит в том, что мы имеем здесь полное отвлечение формы диалектического процесса от конкретного содержания. Суть этого места состоит в том, что оно может быть правильно и с материалистической точки зрения и с идеалистической точки зрения. Суть состоит в том, что здесь речь идет только о пустой форме без всякого наполнения ее конкретным содержанием. Между тем задача состоит в том, чтобы дать содержательную логику. Таких мест можно привести очень много, чтобы доказать, какие значительные моменты формализма имеются у т. Деборина. Должен сказать, что из подобного рода элементов формализма, которые имеются у т. Деборина, выросла целая формалистическая литература со стороны целого ряда непосредственных или бывших его учеников. В самом деле формалистические ошибки, которые были сделаны т. Гониманом, т. Дмитриевым,

т. Тымяньским, — весь этот пустоцвет формализма, который мы имеем в области философии, все это отвлечение от реального содержания — все это есть продукт той ориентировки в целом ряде вопросов, которую давал в своих трудах т. Деборин. Вот что значит формализм, т. Деборин!, и вот с таким формализмом нужно вести теперь серьезную борьбу. Нужно понять, что без преодоления этого формализма не может быть нашего дальнейшего движения вперед, совершенно невозможна дальнейшая разработка материалистической диалектики. Без преодоления такого положения, без борьбы с формалистической литературой, для которой т. Деборин ни одного слова критики не нашел в своем докладе, без преодоления этого мы не сможем двигаться дальше вперед в развитии нашей теоретической работы. Многие попытаются нашу борьбу против формализма представить как борьбу со всякой теорией, со всякой теоретической работой. Этот номер не пройдет. Именно борьба за подлинно-марксистско-ленинскую теорию и означает наша борьба с формалистическим уклоном.

Нужно сказать, подводя итоги: достижений прошлого этапа в борьбе с механистами мы не отдадим. Мы не отдадим завоеваний, которые имеются в этой работе, их не вычеркнут. Всякие рецидивы механицизма будут встречать с нашей стороны резкий отпор. Всякие новые их вылазки будут нами критиковаться и более резко, чем это делалось философским руководством. Об этом уже свидетельствуют наши выступления против них. Но вместе с тем, для того чтобы окончательно преодолеть механицизм, нужно повести решительную борьбу с пустым теоретизированием, которое имеется у нас в области философии, в области литературоведения, в области естествознания. Вот почему борьба на два фронта, борьба с механистической опасностью как главной опасностью, и борьба с формалистическим уклоном — является для нас важнейшей задачей, которая стоит сейчас перед нами.

Нужно сказать, что в начале борьбы с механистами т. Деборин и др. нащупали пульс времени, нащупали те основные теоретические задачи, которые стояли тогда перед марксистско-ленинской теорией. Теперь, на новом этапе они этого пульса времени не сумели нащупать. Вот как нужно охарактеризовать их поведение в вопросе о повороте на философском фронте. Чем скорее они это поймут, чем они скорее поймут сделанные ошибки, чем быстрее они от этого освободятся, — тем лучше. Если же они этих ошибок не поймут, — они будут все дальше и дальше откатываться от позиций диалектического материализма.

Милонов. Я с самого начала должен заявить, что присоединяюсь полностью и целиком ко всему тому, что говорил сейчас т. Митин.

Мне кажется, содоклад т. Деборина очень ярко показал то положение, до которого в настоящий момент дошли т. Деборин и его ближайшие ученики, включившиеся в так называемое философское руководство*. Ведь совершенно ясно, что смысл вы-

ступления т. Милютин заключался в том, чтобы на заседании президиума Комакадемии призвать товарищей к коммунистическому порядку. Смысл выступления т. Милютин и заключается в том, чтобы в Комакадемии, как в коммунистическом учреждении, обратиться к коммунистической совести товарищей и указать им на те большие ошибки, которые они делали, которые они делают,—судя по всему—хотят продолжать делать. Мне кажется, т. Деборин,—а те, кто будет следовать за ним в своих выступлениях, вероятно усугубят еще эту ошибку,—т. Деборин не внял этому слову т. Милютин. На это указывает хотя бы тот факт, что вся первая половина выступления т. Деборина (т. Деборин член партии) по существу была антипартийной речью.

Голос с места. Правильно.

Милонов. Только от злых врагов марксизма, ленинизма и коммунистической партии можно слышать то личное издевательство, которое допустил т. Деборин по отношению к т. Милютину. Последние годы философская молодежь воспитывалась в таком настроении, что философия стоит на-до всем в мире. Этот взгляд имеет совершенно правильные корни в том, что говорит Энгельс об отношении философии и естествознания. Энгельс в своей „Диалектике природы“—я не буду приводить цитаты—говорит о том, что философия стоит над естественными науками, так как для естественных наук необходимо мышление, а мышление не делается философией и т. п. Эту совершенно правильную в отношении проблем философии естествознания мысль философское руководство наше продолжило в ту сторону, куда ее совершенно не нужно продолжать. Оно стало думать, что философия в СССР, философия в стране пролетариата существует как некая самостоятельная сущность, как некая самостоятельная субстанция, как то, что не имеет над собой никакого глаза, как то, что может развиваться совершенно независимо от тех задач, которые стоят перед партией, руководящей диктатурой пролетариата.

Я мог бы указать даже на такие настроения, когда некоторые товарищи, прочитав соответственное количество философских книжек, вообразили, что они стали если не прямо Марксом и Энгельсом, то по крайней мере замами Маркса и Энгельса. Они говорили например о том, что у них существует своя теория империализма... Эти товарищи пытались поучать партийное руководство тому, как надо было бы вести себя с точки зрения „философии“. Мне кажется, что нужно указать этим товарищам, что философия в настоящий момент играет роль партийного оружия (я говорю „в настоящий момент“, имея в виду диктатуру пролетариата, страну советских социалистических республик), и философия является партийным оружием.

Я должен сказать, что тот ответ, который был дан в „Безбожнике“ т. Ярославскому, справедливо указавшему на целый ряд ошибок в этом философском руководстве, является как раз таким ответом аристократов духа, которые снисходительно поучают „ничего не знающего“ т. Ярославского, погрязшего в своей

антирелигиозной работе, основным „философским“ вопросам. С этим необходимо покончить.

Мне кажется, смысл выступления т. Ярославского заключается в том, что то небольшое к сожалению внимание, которое партийными органами уделялось вопросам философским, должно решительно измениться, и партийные органы теперь будут иметь постоянно под своим наблюдением так, как они имеют под своим наблюдением и все остальные идеологические фронты, также и философский фронт. Я во всяком случае думаю, что вне этого глаза, вне этого постоянного контроля дальнейшее плодотворное развитие философии диалектического материализма конечно происходить не может.

Тов. Милютин говорил о том, что до сих пор линия была в общем и целом правильна, но есть отдельные ошибки, очень серьезные ошибки, которые имеют стремление перерасти в систему ошибок. Вот такую-то постановку вопроса и называли обывательской постановкой вопроса, обывательщиной. Два года назад выступления т. Деборина имели гораздо большее теоретическое содержание, потому что тогда он боролся в основном правильно с механистическим миропониманием. В настоящий момент он борется против правильной линии, и эта борьба против правильной линии заставляет его не давать теоретической аргументации. Однако можно и необходимо указать на целый ряд совершенно неправильных положений, которые были т. Дебориным выдвинуты в его речи в качестве доказательства того, что он занимается Лениным очень давно, что никто, как он, не выдвинул так философского значения Ленина и т. д. и т. п. Этот вопрос, вопрос о Ленине, о его философском наследстве действительно является вопросом едва ли не самым важным. Тов. Деборин ссылаясь на то, что особенно большие требования в смысле оценки роли и значения Ленина в марксистской философии не могут быть предъявлены, так как IX Ленинский сборник вышел только в 1929 г., XII—в 1930 г., так что было мало времени для того, чтобы все это сделать. Я утверждаю, что все это неверно.

Ленин в своей статье „О значении воинствующего материализма“, статье, о которой все всегда говорят, что она является руководящей статьей для журнала „Под знаменем марксизма“, ставит не только задачу понять, не только задачу изучать Гегеля, но он дает указания, как надо эту задачу разрешать. Ленин говорит о том, что необходимо изучать Гегеля на основе того, что сделал Маркс в своем „Капитале“. Необходимо изучать Гегеля на основе того грандиозного опыта, который мы имеем в современных поднимающихся колониальных и полуколониальных странах. Это было Лениным написано в 1922 г. С того времени прошло уже 8 лет и несмотря на то, что вопрос о Ленине все считают одним из самых важных философских вопросов, эта мысль Ленина отнюдь не была той мыслью, которая руководила т. Дебориным, руководила всеми остальными, так или иначе писавшими о диалектике, и это очень серьезное упущение.

Но даже больше. Тов. Деборин не соглашается с тем, что он Плеханова в вопросах теоретических ставит выше Ленина. Но, товарищи, как прикажете понимать такие по меньшей мере двусмысленные, если не сказать сильнее, вещи. Помнится, в 1925 г. в свет был выпущен ленинский фрагмент „К вопросу о диалектике“. Журнал „Под знаменем марксизма“ с величайшей радостью оповестил о том, что он там разобрал одно слово, которое не было разобрано Институтом Ленина. Но от „Под знаменем марксизма“ и в первую очередь от т. Деборина ожидали не только этого, ожидали другого и гораздо более содержательного. Ожидали того, что будет ряд статей об основных мыслях этого фрагмента Ленина, чрезвычайно богатого по своему идейному, философскому содержанию. Вместо этого мы у т. Деборина имеем небольшое введение, которое начинается словами, что „льва узнают по когтям“, а потом не показано, ни каковы когти льва, ни то, что это действительно лев.

Возьмите предисловие т. Деборина к „IX Ленинскому сборнику“. Если Ленин неоднократно в IX сборнике подчеркивает, что диалектику можно было бы кратко определить как единство противоположностей, подчеркивает, что „универсальная“ гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть (далее он разграничивает диалектику от философии и эклектики), если Ленин везде подчеркивает, что раздвоение единого, борьба противоположностей и их синтез есть суть, есть основной закон диалектики, — то т. Деборин не взял этой мысли как основной, которая действительно устанавливает громадное принципиальное различие между Лениным и Плехановым, и не сделал основной осью своей работы. На самом же деле это как раз и требовалось.

Товарищи, у т. Деборина в этом предисловии — и он теперь этим... щеголяет — говорится, что Ленин поднял диалектику на новую высшую ступень. Но найду ли я у т. Деборина хотя бы одно слово о том, как Ленин поднимает диалектику на новую ступень? Не найду ничего. Как раз наоборот, я найду у т. Деборина другое, дающее совершенно неправильную установку. Тов. Деборин говорит, что повидимому (?) ленинское понимание диалектики не расходится с гегелевским, что повидимому (?) Ленин мыслил диалектику в общих чертах, в общей основе, так же как мыслит ее и Гегель. Вдумайтесь, товарищи. Вот он говорит о том, что Ленин поднял диалектику на новую ступень, а потом говорит, что Ленин понимал диалектику так же как понимал ее Гегель. Что же выходит? Как известно Маркс поставил диалектику Гегеля с головы на ноги, а Ленин „по-новому“ понял ее и понимал ее так, как понимал... Гегель. Как бы тут ни подходить, какие бы софизмы, как говорит т. Митин, здесь ни приводить, действительной оценки Ленина совершенно не получают.

Здесь бросается как будто бы очень содержательная фраза: „Ленин поднял диалектику на новую ступень“. Но от т. Деборина мы требуем, чтобы он сказал не только это, но и то, как, каким образом это происходило, чтобы была дана действительная оценка

роли Ленина в марксистской философии. На то и существует философское руководство.— „Noblesse oblige“.

Я хотел бы также сделать одно замечание о схоластике, насчет формализма, насчет идеалистических вывертов и т. п. Президиум Комакадемии к сожалению просмотрел, пропустил план того тома Философской энциклопедии, который посвящен диалектическому материализму. И в этом плане есть очень интересные вещи. Сначала там идут вопросы мировоззрения, причем мировоззрение отождествляется с материализмом — это старая и неправильная идея т. Деборина, — а метод отождествляется с диалектикой. В вопросах материализма идут материя, пространство, движение, время и т. п. Причем в вопросах диалектики не имеется материи, но зато имеются законы единства противоположностей, перехода количества в качество, отрицания и т. п. как законы логические. Что же тут такое? Материя без диалектики, а диалектика оказывается без материи. Тут выражена та общая установка, на которую совершенно правильно указывал еще кажется т. Сапожников в одной рецензии на т. Карева. Он указывал, что у т. Карева имеются элементы чистого гегельянства. Это именно та самая установка. И не так давно в одной из программ мне пришлось встретить такую вещь: „диалектика в плане мыслительного процесса“ (единство противоположностей, переход количества в качество и отрицание отрицания). Вы видите, что диалектика есть „план мыслительного процесса“. Диалектика это не „план“ объективно проходящей действительности, а только один мыслительный процесс.

На этом я хочу закончить. Современное положение на философском фронте таково, что т. Деборин и особенно некоторые из его группы закусили удила и хотят очень быстро скакать в сторону от общепартийной линии. Их нужно осадить. Кто читал некоторые партийные документы, кто читал одну статью т. Сталина, кто знает нашу практику, тот знает, что осаживать мы можем на быстром скаку. Мне кажется, что партия осадит и тех, кто зарвался, кто отошел от современных актуальных проблем, кто страдает в весьма высокой степени болезнями идеализма. И товарищи сами виноваты будут, если эта осадка произойдет самым свирепым образом, если они не поймут теперь же того, о чем их предупреждают.

Руда ш. Вопрос, который стоит перед нами, является не только философским вопросом, но и политическим. Это очень чувствуется. С этой точки зрения нам надо подходить и к этим „ошибкам“, как недостаточная борьба против троцкизма, явный уклон к рубинщине, недостаточная борьба против правого уклона и т. д. и т. п.

Если т. Деборин сказал, что он может себе представить только и принять поворот на основе старой линии, я спрашиваю, принадлежат ли эти ошибки к этой линии или нет. Можно ли разделять на одну сторону теоретическую линию, заявляя, что это вышка диалектического материализма, выше чего никто не может стоять и чем владеют только т. Деборин и та маленькая

кучка товарищей, которые очень близки к т. Деборину, и на другую сторону — политику. Это немножко недиалектично, потому что теоретическая линия, с одной стороны, и практическая линия, с другой стороны, это, как диалектики обыкновенно выражаются, некоторое единство, которое разделять механистически нельзя, и как раз нельзя сегодня.

Голос с места. Правильно.

Руда ш. И если это верно, тогда поворот может быть какой угодно, каким образом вы хотите, но не на основе старой линии. Это невозможно. И если эта старая линия была правильна, то почему же вы сами признаете необходимость поворота. Если вы говорите, что линия старая ваша правильна, то почему же вы сами говорите о повороте, о необходимости поворота.

Фридлянд. Это серьезно.

Руда ш. Это серьезно. Конечно, наша линия — это диалектический материализм, и никто не сомневается, что, стоя на этой линии, каждый из нас все-же совершает ошибки. Но здесь не идет речь об отдельных ошибках отдельных товарищей, здесь идет речь, во-первых, о довольно крупных ошибках, и во-вторых, об ошибках так называемого философского руководства. Если икс или игрек совершает ошибку, или если целое философское руководство совершает не одну ошибку, причем один член этого руководства дополняет другого члена этого руководства, тогда с полным правом можно говорить о системе ошибок. Это — система ошибок, это — система взглядов.

Эта обстановка требует обязательно решительного перехода к самокритике. Но вы знаете, понятие самокритики получает у т. Деборина немножко своеобразное толкование. Он говорит: я за самокритику, пожалуйста, критикуйте, но если ты критикуешь, ты сразу превращаешься в злостного критика, и каждый, который хотел бы сказать одно слово против руководства, сейчас же превращается в товарища, который ничего не вложил в марксизм, который никуда не годится и т. д. и т. п. Извините, если я скажу немножко о себе, но все товарищи, которые присутствовали на фракции Комакадемии и О-ва воинствующих материалистов, помнят, как т. Деборин говорил там обо мне. Он говорил так: „Даже такой товарищ, как товарищ Руда ш, с кем, у меня нет никаких разногласий и быть не может“... Это вы вычеркнули из вашей стенограммы (С м е х), но это слышало сто человек. А теперь, когда я осмеливаюсь немножко покритиковать т. Деборина, я сейчас же превращаюсь в имманентного телеолога и т. д. и т. п. Извините, т. Деборин, клевета эта, маневр этот, это презрение тоже принадлежат к тому наследству философского руководства, от которого нам надо раз навсегда отказаться.

Голоса. Правильно:

Руда ш. Теперь, товарищи, перехожу к вопросу об отхождении Ленина и Плеханова. В своей книге „Деборин как мыслитель“, потому что эта книга не изображает Ленина как мысли-

теля, а изображает как т. Деборин мыслит себе Ленина как мыслителя (С м е х), в этой книге т. Деборин рисует Ленина как философа. Можно ли рисовать Ленина как философа без того, чтобы не разобрать вопрос, в чем отличается Ленин как философ от Плеханова? Я думаю, что обойти этот вопрос в полном его объеме нельзя. Но этот вопрос в книге не ставится. Наоборот, на с. 26 своей книги т. Деборин говорит следующее:

„Ленин-философ конечно является учеником Плеханова, о чем он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что Ленин учился у Плеханова, не мешало Ленину самостоятельно подходить к целому ряду вопросов и в некоторых существенных пунктах исправлять Плеханова“.

Обратите теперь внимание на то, что следует: „Оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга“. Хорошо, в каком смысле они дополняют друг друга? В каком смысле например Плеханов дополняет Ленина?

Голос с места. Ленин дополняет Плеханова.

Руда ш. Это т. Деборин и объясняет как раз в знаменитой фразе: „Плеханов прежде всего теоретик, Ленин же прежде всего практик, политик, вождь“. В связи с предыдущей фразой, что оба эти мыслителя дополняют друг друга, это утверждение может иметь только тот смысл, что Плеханов-теоретик дополнял Ленина-практика, вождя. Чем? Своей теорией. Тов. Деборин может быть потрудится нам разъяснить, какой иной смысл может иметь эта фраза в своей связи, потому что то объяснение, которое он дал, что он здесь имеет в виду теоретика как созерцательного человека, — извините, это хуже софистики.

Кроме того мне представляется немножко недиалектическим сказать, что Ленин был прежде всего вождь, потом теоретик и т. д. Такой вождь как Ленин, такой вождь не мог быть вождем, таким вождем без того, чтобы не быть одновременно крупнейшим теоретиком. И это он показывает в своих первых работах, где он ставит вопросы иначе, чем Плеханов, вполне революционно, вполне политически, но и в меньшей мере теоретически, чем Плеханов например против Струве. Нельзя здесь разделять вождя и теоретика. Можно только тогда это сделать, если недооценивать Ленина и как вождя, и как теоретика.

Голоса. Правильно.

Руда ш. Обратимся теперь, товарищи, к той области, где т. Деборин гордо заявил, что он и бывшее философское руководство выковывали оружие в борьбе против механистов, с которыми в этой области потом развивали дальше свою борьбу против всяких механистических тенденций. Эта область — естествознание. Тов. Деборин подчеркивал, что с помощью диалектического материализма они помогли естествознанию, руководят естествознанием. Я этого не отрицаю. Это несомненно правильно, но весь вопрос в том, как они руководят и куда идет естествознание под этим руководством. О некоторых сомнительных явлениях в этом отношении в нашей марксистской биологической литературе пусть говорят биологи.

Левин. Не стесняйся.

Руда ш. Я буду здесь говорить только о книжке т. Гессена „Основные принципы теории относительности“, чтобы потом некоторые взгляды этого автора сопоставить с некоторыми взглядами самого т. Деборина. Тов. Деборин обвинял т. Милютяна в том, будто бы т. Милютин не читает. Тов. Деборина обвинять в этом нельзя—он читает. Он несомненно читает—на это есть даже документальные доказательства. (С м е х). Он например прочитал, по заявлению т. Гессена в предисловии к названной книжке этот труд еще в рукописи, даже сделал ценные указания и автор, т. Гессен, выражает глубокую благодарность за это т. Деборину. Посмотрим немножко ближе, за что т. Гессен благодарит т. Деборина. (С м е х).

Общеизвестно—это в литературе было,—что т. Гессен рассматривает материю как синтез пространства и времени. Это уже известно. Я только обращаю внимание на то, что это значит, потому что это будет важно потом для некоторых фраз т. Деборина. Это значит, что исчезает субстрат, носитель связей явлений, субстанция, остаются только связи, пространство и время синтезируются в материю. Не говоря о том, что это чисто идеалистический взгляд, но тут субстрат, субстанция, носитель явлений, исчезает. Этот взгляд—это может быть меньше известно—совпадает в точности со взглядом английского неореалиста, т. е. идеалиста, Александера на материю. Сравните следующее определение материи последнего с известным взглядом т. Гессена: „Вещи или предмет есть длительная по времени пространственная конфигурация“. Синтез времени и пространства—и вы имеете материю т. Гессена. Тут совпадение.

Итак, исчезает субстрат, носитель явлений. Что важен этот субстрат-носитель, я хочу доказать цитатой известного английского физика-идеалиста, мистика, астронома Эддингтона: „Это не значит, что эфир уничтожен, физический мир невозможно превратить в изолированные частицы материи или электричества и в бесформенное промежуточное пространство. Мы должны приписать промежуточному пространству те же свойства, что и частицам, мы постулируем эфир в качестве носителя свойств промежуточного пространства, подобно тому, как мы постулируем материю как носителей свойств частиц“. Они постулируют потому, что без носителя, т. е. без материального субстрата, даже идеалист не может обойтись в качестве физика. Носитель явлений и свойств нужен физике, хотя бы он был идеалистом в философских вопросах“. И он продолжает: „Быть может философ мог бы поставить вопрос, нет ли возможности принять только свойства, не представляя себе что-либо в качестве их носителей и избавиться одним ударом как от материи, так и от эфира. Но здесь не об этом идет речь“.

На что не решается Эддингтон в качестве физика, устранить субстрат явлений, то без всякой церемонии делает „материалист“ т. Гессен. И не только т. Гессен. Ведь что такое материя, по мнению т. Деборина? В книге „Ленин как мыслитель“

на с. 42 говорится: „Материя есть вся бесконечная конкретная совокупность опосредствований, т. е. отношений и связей“. Я прекрасно знаю, что т. Деборин знает, что материя это есть то, что является источником наших ощущений и т. д. и т. д. Я не хочу перегибать палку и говорить, что т. Деборин не знает, что такое материя. Но вот явно непоследовательная формулировка. Если над этим подумаешь, то что выходит? Чьи связи и отношения эти? Отношения и связи материи. Тогда получаешь такую фразу, что материя есть бесконечная совокупность отношений и связей материи. Получается тавтология, порочный круг. А что такое метод? „Диалектический метод представляет собою совокупность отношений явлений“. Это говорится на с. 92 названной выше книги. Выходит, что нет разницы между материей и метсдом: оба они совокупность связей, отношений.

Возвращаюсь к т. Гессену. Выше мы видели, что материя есть синтез пространства и времени. Послушаем дальше. „Объективная реальность есть не время вообще, не пространство вообще, а конкретное пространство, а конкретное время, т. е. движущаяся материя“. Выходит, что время и пространство—это движущаяся материя. Разве содержание и форма это одно и то же? Разве между движущейся материей и формой ее существования можно ставить знак равенства? Нет, т. Гессен, этого нельзя.

Теперь я хочу показать, что т. Гессен под руководством т. Деборина является метафизиком худшего сорта. Он говорит: „Концепция Ньютона неудовлетворительна еще и потому, что она сохраняет за пространством и временем, независимо друг от друга, раздельное существование“.

Знаете ли вы, товарищи, что это значит? Только нам кажется, что время и пространство имеют раздельное существование. В реальности это раздельное существование не существует. Верно, что теория относительности, вы знаете конечно говорит о том, что время—это четвертое измерение. Но из этого нельзя делать, как т. Гессен делает, метафизику. Я процитирую еще одну фразу, чтобы не говорили, что я говорил только на основе первой вырванной фразы. „Ньютоновская физика рассматривает пространство и время как независимые друг от друга формы, ведущие раздельное существование. Диалектический материализм рассматривает материю как синтез пространства и времени. Время и пространство разделяются только в нашем чувственном восприятии“.

Вот если материя—с и н т е з пространства и времени, тогда разница между временем и пространством только ошибка наших чувств, ошибка, иллюзия, что мы видим отдельно время и пространство. И он продолжает: „Взгляды теории относительности на время и пространство в области физики совпадают с воззрениями диалектического материализма на соотношения пространства, времени и материи“. Тов. Гессен, могу ли я вам поставить вопрос—как они совпадают? Что это значит, т. Гессен, что взгляды теории относительности на пространство и время в области физики совпадают с воззрениями диалектического материализма?

Разве взгляды диалектического материализма—это философские взгляды, взгляды же теории относительности ничего не имеют общего с гносеологией? Извините, это не диалектический материализм, даже чисто идеалистические философы отвергают эту метафизику, что время и пространство являются только нам субъективно раздельными. Прочтите, пожалуйста, юмиста Шлика, который говорит следующее: „Мы представляем себе время как четвертую координату. Это положение значительно облегчает математическую формулировку и вычисления и имеет поэтому чисто формальное значение. Было бы поэтому совершенно ложно сделать из введения четырехмерного способа воззрения какие-нибудь метафизические выводы“.

Да, это ложно. Потом я вам покажу, что сам т. Деборин против этой книги полемизирует в своей книге „Ленин как мыслитель“. Но здесь он терпит эти взгляды, не возражает против них, в виду того, что это его друг и соратник. Это не что иное, как примиренчество.

Далее т. Гессен говорит:

„У нас нет никаких средств решать, какая система абсолютно покоится, какая движется“. Действительно нет у нас такого средства? Диалектический материализм не является этим средством? Никакая система абсолютно не покоится, т. Гессен. Это диалектический материализм раньше знал, чем вся теория относительности, что вечно движется вся система.

Еще одно, чтобы покончить с т. Гессеном; он говорит дальше: „Если нет материи, то с точки зрения общей теории относительности нет смысла говорить о пространстве. Материя создает пространство“. Раньше он говорил, что материя—это синтез пространства и времени, т. е. пространство и время создают материю. Теперь уже материя создает пространство. Но как же это так? Можно принимать, что движение материи создает структуру пространства, конкретную структуру, но оно никакого пространства не создает, потому что пространство так же вечно, как материя, и, нельзя говорить так, что где нет материи, там нет пространства. Тов. Гессен, где нет материи? Есть ли такое место или такое время, где нет материи, или не было материи? Это путаница. Тов. Деборин сам не согласен с этим положением и не может быть согласен, несмотря на то, что читал эту книгу и дал ценные советы. (С м е х). Тов. Деборин говорит:

„Если между причиной и действием нет необходимой объективной связи, то почему бы не следовать причине за действием. Почему время, составляющее существенный элемент действительности и ее закономерности, необратимо. Когда Ленин писал свою книгу „Материализм и эмпириокритицизм“ он не мог предвидеть, что теория относительности станет на такую точку зрения, по которой „после“ и „раньше“ могут меняться местами. Совсем необязательно (говорится мимоходом у т. Гессена—В. Р.), чтобы я раньше родился, потом постепенно состарился и умер с точки зрения теории относительности. Я могу начать свою жизнь с конца

и постепенно дойти до рождения. Эта софистика, опрокидывающая весь мир, всю жизнь, всю нашу практику, покоится на тех же гносеологических принципах, что и махизм, и юмизм и пр. Вопреки этой точке зрения (т. е. точке зрения т. Гессена В. Р.) материализм будет отстаивать объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями, между предшествующей причиной и следующим за ней действием. И материализм будет прав, потому что он стоит на почве конкретной, реальной действительности, а теория относительности имеет дело с чистейшими абстракциями, с математическими фикциями“.

Присоединяюсь к этой оценке т. Дебориным т. Гессена, хотя здесь тоже неправильно сказано по поводу теории относительности. Это еще с того времени, когда т. Деборин стоял на чисто отрицательной точке зрения по поводу теории относительности. Здесь тоже нельзя рисовать так положение вещей, но у меня нет времени это излагать. Я хочу только сказать несколько слов в свою личную защиту. Если я действительно сделал ошибку, я могу и буду признаваться, я всегда буду признавать свои ошибки. Как раз теперь я хочу признать одну свою ошибку. Тов. Деборин обвинял меня в том, что я имманентный телеолог. Я писал в одной статье следующую фразу: „Человечество осуществит социализм, потому что общественное развитие является одновременно развитием, движением в определенном направлении, в направлении к социализму. Эта оценка общественного процесса конечно не телеология, цель, к которой направляется историческое направление, имманентная цель самого исторического развития возникает из самой истории“. Правильно то, что не надо было говорить о цели, а о задаче, которая выросла из исторического процесса. Слово „имманентный“ действительно нехорошее.

Но послушаем т. Деборина об имманентности. Прежде я напомню, что даже Маркс в буржуазной телеологии видит рациональное зерно. Он говорит в письме к Лассалю: „Большое значение имеет книга Дарвина. Я считаю ее пригодной как естественно-историческую основу для исторической борьбы классов. Приходится конечно мириться с грубовато-английской манерой изложения. Несмотря на все недостатки, в ней впервые не только нанесен смертельный удар „телеологии“ в естествознании, но и эмпирически разъяснен ее рациональный смысл“.

Деборин. Правильно.

Руда ш. Тов. Деборин одобряет Маркса, я же только говорю, что если исказить фразу, смысл которой ясен, если бы т. Деборин не знал, что это именно сказано Марксом, тогда т. Деборин мог обвинять Маркса в примиренчестве к буржуазной телеологии.

Но послушайте, что говорит об имманентности т. Деборин, и перед вами встанет тот образец схоластики, тот образец формализма, о котором мы говорим: „Имманентное развитие диалектики требовало перехода к действительности противоположности“. Выходит, что после Гегеля диалектика имманентно развивалась, превращалась в противоположность и встала с головы на ноги,

требовала своей противоположности. Социальное развитие, целая социальная обстановка, которая требовала превращения идеалистической диалектики в материалистическую диалектику, превращается здесь в имманентное развитие диалектики. Конечно это маленькая куча тех „ошибок“, о которых можно говорить, это только одна книга. Можно в других книгах найти то же самое количество формалистических и схоластических ошибок.

Здесь нужен решительный поворот. Если т. Деборин и руководство на философском фронте так руководят философией, как они руководили естествознанием, — тогда очень плохо обстоит дело на философском фронте и нужен действительно решительный поворот.

Новиков. Товарищи, центральная проблема наших разногласий, одна из самых центральных проблем, самая центральная по линии теории — это конечно проблема „Ленин — Плеханов“, вопрос об оценке роли Ленина как философа. Если т. Деборин страдает недооценкой роли Ленина как философа...

С места. А он страдает.

Новиков... тогда вопрос надо ставить несравненно резче, чем его ставят, тогда надо ставить вопрос о перевороте. Оставлять во главе философского руководства „недооценщика“ Ленина как философа, Ленина как мыслителя до тех пор, пока Комкадемией руководит компартия — наша партия, — нельзя. Так надо ставить вопрос, а не замазывать, и так я его здесь поставлю.

Я прежде всего заявляю здесь, что я лично не собираюсь брать под защиту некоторые безусловно неудачные формулировки Деборина, которые здесь цитировались. Я например со всей резкостью заявляю, что деборинская формулировка: „Плеханов — прежде всего теоретик, Ленин — прежде всего политик, практик, вождь“ — неудачна.

С места. Неправильна.

Новиков. Неточна, неудачна и неправильна.

С места. С этого и начинайте.

Новиков... и не соответствует основной концепции взглядов т. Деборина на роль „Ленина как мыслителя“.

С места. Не отвечает линии партии.

Новиков. Позвольте вам процитировать одну из многих формулировок, рисующих концепцию Деборина в этом вопросе. „Ценнейший вклад в теорию и практику марксизма внес конечно Ленин. Его классические работы по вопросам диалектики, теории, империализма, пролетарской революции и диктатуре рабочего класса, его критика международного ревизионизма и реформизма имеют непреходящее значение и составляют достояние международного пролетариата. На них будут учиться целые поколения революционеров. Исключительное, безраздельное влияние Ленина на современную теоретическую мысль, его непререкаемый авторитет во всех областях общественно-научного знания покоится на том, что он глубже всех других проник в существо марксист-

ского метода, в существо материалистической диалектики, гениально применяя ее во всех областях знания“¹.

С места. Применения только.

Новиков. Стало быть, вы ставите в минус т. Деборину то, что он не считал Ленина формалистом, что Ленин проник, по словам т. Деборина, в существо материалистической диалектики, в сущность ее, что он глубже всех понял сущность диалектического метода и гениально применял материалистическую диалектику во всех без исключения областях человеческого знания и в революционной практике. Продолжаю: „Наша марксистская наука обогатилась за последние годы в области диалектики ценнейшими классическими работами Ленина и Энгельса“. Продолжаю дальше: „В области исторического материализма как метода общественно-научного исследования сделано Лениным, ибо каждая его статья, книга или речь представляет из себя блестящий образец применения исторического материализма к конкретным вопросам“². Кричите: „применения“.

С места. Конечно применения.

Новиков. Продолжаю дальше: из книги „Ленин как мыслитель“, та самая „жуткая“ книга, на основании которой т. Деборин подлежит не только повороту, но и перевороту, свороту, извороту и даже сожжению. Вот в этой книге „Ленин как мыслитель“, содержащей, еще раз подчеркиваю, неудачные формулировки...

С места. Неправильная формулировка, вы так и говорите.

Новиков. Неправильные формулировки.

С места. Непартийная, прямо скажите.

Новиков. Вот вы никак не можете без перегибов самокритики. Это чистейший вздор, что у т. Деборина непартийная характеристика Ленина как мыслителя.

С места. Докажите, что партийная.

Новиков. Я сейчас это докажу. Теперь я вам покажу ультрапартийные формулировки. „Он дальше и глубже всех видел“... Кто видел? Ленин дальше и глубже всех видел. „Но тот, кто видит дальше и глубже других, тот является именно философом“. У вас до сих пор книжное, „теоретическое“, в дурном смысле этого слова представление о философии. Надо наконец усвоить тезис Маркса, что в философии речь идет и должна идти все-таки не только об объяснении мира, но и об изменении мира: в этом весь смысл поворота на философском фронте. А эта мысль проходит красной нитью через всю работу т. Деборина „Ленин как мыслитель“. „Его зоркий ум и острый глаз проникают в самую суть явлений и вещей, в законы их изменений“, а вы, конечно, очень

¹ Деборин, Философия и марксизм, Гиз, 1930, изд. 2-е, с. 368. Подчеркнуто мною. — С. Н.

² Там же, с. 370. Подчеркнуто мною. — С. Н.

хорошо знаете, что глубже всех проникнуть в самую суть вещей и законы явлений можно только будучи наиболее глубоким, наиболее дальновзорким теоретиком. Отсюда у т. Деборина следует очень ясный и простой вывод, напечатанный курсивом: „Он стал философом коммунизма“. Тут что ли антипартийная оценка роли Ленина как философа? Ведь это же наивысшая в устах марксиста оценка Ленина как философа-партийца. Дальше что тут неправильного? О действительных неправильностях т. Деборина я говорил.

С места. Надо быть последовательным до конца.

Новиков. Я эту неточность, неправильность и ошибку т. Деборина подчеркивал. Считаю, что это серьезный недостаток книги.

С места. И этим откупились?

Новиков. Я резко подчеркнул эту ошибку еще и потому, что мне формулировка т. Деборина не нравится по следующей причине, о чем еще говорил т. Сталин в цитате, которую здесь приводил т. Митин.

Он говорил о Зиновьеве...

С места. О Троцком.

Новиков... он говорил о Троцком...

С места. Правильно, т. Деборин тут с ним смыкается.

Новиков. По сему я эту формулировку т. Деборина считаю абсолютно неудачной и неправильной.

Голоса. Поздно. (Шум).

Новиков. Но если вы утверждаете, что т. Деборин смыкался и смыкается с троцкизмом, то вы этому конечно сами не верите, ибо вы знаете, что т. Деборин лично ни в каком троцкизме участия не принимал.

С места. Через Карева.

Новиков. Товарищи, во всем нужно знать меру, а вы этой меры не знаете. Я резко вас критиковал здесь ошибку т. Деборина, я указывал на внешнее сходство его неправильной параллели „Ленин—Плеханов“ с троцкистской оценкой ленинизма. (Шум). Но когда т. Деборин заканчивает свою книгу „Ленин как мыслитель“, а не „Ленин как эмпирик“, когда он подводит итоги книги „во введении“,—а вы знаете, что всякое введение является концом книги, а не ее началом,—в итоге и сути книги т. Деборин заявляет, что Ленин—„стал философом коммунизма“. Что же вы думаете, я одобряю т. Деборина за то, что он свое примечание насчет Ленина—Плеханова перепечатал в 1929 году? Нисколько не одобряю. Это непоследовательно с точки зрения концепции самого т. Деборина, но т. Деборина нужно брать в целом, не метафизически, не вырывая отдельных цитат.

Возьмем предисловие т. Деборина к „IX ленинскому сборнику“, то самое место, которое здесь цитировали т. Митин и т. Милютин: „Нет никакого сомнения в том, что если бы ему удалось довести начатое дело до конца, он дал бы серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень“.

На этом основании вы делаете „глубокомысленный“ философский „вывод“: „Ага, вот как скромно т. Деборин оценивает роль Ленина как философа,—он дал бы, но значит он еще не дал“. Товарищи „мудрецы“, скажем так: вы пишете „гениальное“ сочинение о пороке на философском фронте—„За большевизацию философской теории“, т. е. за большевизацию философии Маркса, Энгельса и Ленина. Это сочинение отправляется, предположим, в некую редакцию, но редакция не печатает его без примечания или предлагает печатать с коренными изменениями. Ну, а если эта рукопись философии Маркса, Энгельса и Ленина... останется в письменном столе, то может ли она дать толчок дальнейшему развитию диалектического материализма? Конечно нет, потому что она лежит в письменном столе. Тут никакие ухищрения насчет времени и пространства, никакие фокусы т. Гессена не могут дать марксистского толчка, если рукопись лежит в письменном столе. Из этого ничего не выйдет.

Товарищи жетолкователи, возьмите конец предисловия т. Деборина к „IX ленинскому сборнику“,—а ведь предисловие пишется до того, как книга вышла в свет, вы это конечно знаете. Он пишет: „Появление „Конспекта“ Ленина несомненно составило событие в нашей умственной жизни и даст сильный толчок развитию и углублению теории диалектического материализма“ (подчеркнуто мною—С. Н.). Ясно? Когда сочинение будет опубликовано, когда его прочтут, тогда оно даст сильный толчок развитию диалектического материализма.

А теперь вернемся к началу предисловия. „Кто способен наряду с тождеством охватывать и различия, легко заметит, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет новую ступень в развитии диалектического материализма“. „Новую ступень“—напечатано курсивом.

С места. Только понимание, а не развитие.

Новиков. Уже составляет, не в будущем времени, а в настоящем. Что это значит исторически? „Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторических фаз в развитии революционного движения классовой борьбы пролетариата. Ленин в своих чисто философских работах опирался как на богатый опыт классовой борьбы в эпоху империализма, этого последнего этапа развития капитализма“...

Дальше. Послушаем, как т. Деборин рассматривает Ленина как „ползучего эмпирика, как философа-практика“.

„Ленин в своих чисто философских работах опирался как на богатый опыт классовой борьбы в эпоху империализма, этого последнего этапа развития капитализма, так и на великие перевороты в области естествознания, стремясь в соответствии с этим углубить и чисто теоретически философию диалектического материализма, заостряя все вопросы вокруг методологических основ марксизма, вокруг материалистической диалектики“ (подчеркнуто Дебориным—С. Н.)¹.

¹ IX Лен. сб., с. 3—4.

Какой же вывод отсюда? У т. Деборина имеются неправильные формулировки, которые находятся в противоречии с основной системой его взглядов, с его концепцией,—надо же это понять,—по вопросу о роли Ленина в истории марксизма вообще и в истории материалистической диалектики в особенности.

Товарищи, я возьму у вас только еще несколько минут для характеристики некоторых писаний т. Рудаши. Тов. Рудаш в № 35—36 „ВКА“ выступил с целым рядом теоретических откровений насчет условий осуществления социализма. Послушайте: он пишет, что развитие общества к социализму „есть историческая необходимость, которая должна осуществляться и осуществляется при любых условиях“. Повторяю, развитие общества к социализму „осуществляется при любых условиях“. Это—ультраменьшевистский, архикаутскианский, архилиберальный, макдональдовский вздор, что развитие социализма, как историческая необходимость, осуществляется при любых условиях! Стало быть, при классовой борьбе и без классовой борьбы, при диктатуре пролетариата и без диктатуры пролетариата, при электрификации и без электрификации, при сплошной коллективизации и без нее, при ликвидации кулачества как класса и без нее и т. д. и т. п.

Я сейчас не стану входить в обсуждение методологической подоплеку этой поистине либеральной, каутскианской, меньшевистской путаницы и вздора,—мы этим позаймемся в печати,—а сейчас позвольте продолжать. Каутскианская, либеральная путаница т. Рудаши еще не кончена. „Человечество осуществит социализм (человечество „вообще“), так как социальное движение („вообще“, без классов, без классовой борьбы, без диктатуры пролетариата) есть одновременно и эволюция к социализму“—это даже подчеркнуто „эволюция“.

Товарищи, позвольте еще раз зачитать: „Человечество осуществит социализм“. Почему случится такое счастье? Потому, что „социальное движение („вообще“, без классовой борьбы без диктатуры пролетариата) есть одновременно эволюция (набрано курсивом) к социализму“ (ВКА № 35—36, с. 96—92). Но ведь это архиревизионистский вздор. Я вам в печати с удовольствием представлю из другого источника, из теоретической части программы королевской английской „рабочей“ партии, ту же формулировку и вы увидите, что буквально точка в точку формулировка Рудаши совпадает с макдональдовской.

Разумовский. Товарищи, мое выступление может показаться неожиданным тем товарищам, которым известна моя статья в журнале „Под знаменем марксизма“, написанная в защиту т. Деборина от нападения т. Фурщика. Но я вынужден действовать согласно старинному изречению, соответственным образом верифицировав его: друг Деборин, но истина мне дороже; требования, которые предъявляет сейчас партия, настроения, которые имеются в партийной массе мне ближе и дороже. Я защищал т. Деборина и буду всегда его защищать от всякого рода не-

справедливых и несерьезных обвинений, потому что я высоко ценю т. Деборина как крупнейшего, ценнейшего работника, который дал и может и должен еще многое дать нашей философской работе, нашей партийной работе на философском фронте. Но я таким же решительным образом беспощадно буду бить по т. Деборину, как только я почувствую малейшую трещину между т. Дебориным и партией, как только я почувствую, что образовалось какое-то расхождение во взглядах и что это расхождение мешает дальнейшему развитию нашей философской работы.

И вот, приглядываясь к тому, что делается у нас в философской области, я не мог не прийти к заключению, что такая трещина образовалась, что к сожалению т. Деборин и партия начинают говорить на разных языках.

Голоса. Правильно.

Разумовский. И для того, чтобы положить этому конец, для того, чтобы можно было еще принять какие-то меры профилактики, мне кажется целесообразным не замазывать существующих расхождений и разногласий, а вскрывать их, постараться глубже выявить основные причины, которые вызывают эти разногласия, для того, чтобы коллективными усилиями положить конец тому положению на философском фронте, которое мы имеем сейчас. Товарищи, я не являюсь сторонником цитатного метода доказательств и в этом вопросе вполне солидарен с т. Дебориным.

Я вовсе не хочу сказать, что не нужно критиковать серьезные принципиальные ошибки, которые действительно имеются, я не хочу сказать, что мы должны проходить мимо того, что напечатано в определенных книгах, но мне кажется, что основной метод нашей аргументации должен быть другой. Подумайте только, в течение многих лет мы читали книги т. Деборина и как-то не замечали тех неправильных положений, которые имели место, не обращали на них должного внимания, а вот сейчас стали обращать внимание. Почему это произошло? Каковы те глубокие причины, которые вызвали такую настороженность партий? Очевидно нужно гораздо глубже проследить те причины, которые вызывают у нас такое внимание к отдельным цитатам и отдельным положениям т. Деборина. Я скажу больше. Я берусь подобрать целый букет цитат из работ любого философа, находящегося в этом зале,—начиная с т. Деборина и кончая вашим покорным слугою, где будет гораздо больше и политических и принципиальных теоретических ошибок. Остановлюсь например на таком факте. Сравнительно недавно мои студенты преподнесли мне в „Введении в философию диалектического материализма“ такие формулировки т. Деборина, которые представляют собою прикрытую меньшевистскую концепцию революции 1905 г. Я мог бы указать на целый ряд ошибок в трактовке вопросов истории философии, которые имеются у т. Деборина и по которым с т. Дебориным,—это мне точно известно,—не согласны и его ближайшие соратники. Обращаю внимание хотя бы на такой случайно пришедший мне на память факт, как трактовка соци-

альной философии Спинозы. Спиноза превращается у т. Деборина чуть ли не в социалиста, между тем, как известно, что философия Спинозы представляла собой буржуазную идеологию.

По-моему, товарищи, дело не в этих отдельных ошибках, не в этих неправильных формулировках, число которых можно было бы умножить. Здесь наша задача заключается в том, чтобы проверить, реализуется ли ленинизм полностью на практике в нашей философской работе, проводится ли в ней до конца подлинная ленинская методология. Вот самое важное и основное. Поэтому я хотел бы сосредоточить ваше внимание на двух моментах: 1) на вопросе о развитии самокритики в нашей философской среде, 2) об общих тенденциях нашей философской работы. Эти пункты представляются мне самыми важными и кардинальными.

Как известно за последние месяцы имел место целый ряд дискуссий и выступлений в печати и т. д. Причём, как правильно отмечалось здесь некоторыми товарищами, важно то, что эти статьи печатались в центральных органах партии. Я допускаю, вместе с т. Дебориным, что в этих статьях содержались различные теоретические ошибки, но самый факт, что они печатались в наших партийных органах, самый тот факт, что с ними во всяком случае частично, если может быть не в полной мере, солидаризировались редакции наших центральных органов,—ведь на этот факт должен был обратить внимание т. Деборин. Ведь ясно, было, что речь идет не о „происках“ каких-либо личностей, а о более глубоких процессах, которые происходят в недрах нашей партии и которым нужно дать настоящий марксистский анализ.

А что делает т. Деборин? Разве можно не согласиться с тем, что всякая критика берется им форменным образом в штыки? Объяснение всей этой дискуссии, которая сейчас имеет место, дается им такое: образовался, мол, беспринципный блок из чистых эклектиков и путаников и людей, примиренчески относящихся к эклектизму. С одной стороны, группа т. Фурщика, с другой стороны,—т. Митин и Ральцевич. Товарищи, разве это марксистский анализ, разве это действительно объяснение того, что имеет место? Разве не нужно было т. Деборину понять, что т. Ральцевич и Митин выражали известное настроение, существующее в партии, выражали определенные требования, которые партия предъявляет сейчас к нашей философской работе? Тов. Деборин этого не понял. По мере того как растет и увеличивается этот „беспринципный блок“,—а он не может не увеличиваться, потому что каждый уважающий себя коммунист-философ вынужден будет примкнуть к нему,—каждая такая новая фигура объявляется эклектиком. Об этом уже повествовал здесь т. Рудаш. И я должен засвидетельствовать, что т. Рудаш прав, что на прошлом заседании фракции О-ва диалектиков-материалистов обращение с ним т. Деборина было совершенно другое. Сейчас т. Рудаш превращен в „воинствующего эклектика“. Мы знаем, что т. Рудаш вовсе не является последней спицей в нашей философской колеснице: мы знаем, что у него есть „заслуги“ не только по линии

„имманентной телеологии“, но имеются определенные, действительные заслуги в области борьбы с ревизионизмом, какими немногие могут похвалиться.

Еще более недопустимым было отношение Деборина к докладу т. Милютин.

Ведь сам т. Деборин говорит, что доклад делал руководитель Комакадемии. Можно ли было т. Милютин изображать „как рупор Митина, Ральцевича“ и др.? Мы прекрасно знаем, чьим „рупором“ является Комакадемия. Дело вовсе не в этом. Дело в основной тенденции, которая отчетливо проявилась в докладе т. Милютин и которая отражала только те требования, которые нам предъявляет партия, которые предъявляет нам партийное руководство. Вместо того, чтобы понять такую само собой разумеющуюся вещь; т. Деборин начинает „уничтожать“ т. Милютин, начинает вскрывать его ошибки и т. д., и т. п. Это полное непонимание того, что делается у нас сейчас.

Как должно было поступить в свое время философское руководство, если бы оно желало предотвратить некоторые моменты нашей дискуссии? Оно должно было стать во главе дискуссии, должно было организовать дискуссию и ввести ее в русло критики недостатков работы, в которой так нуждается наша партия. К сожалению этого не было сделано, к сожалению все время оказывалось упорное сопротивление разрыванию дискуссии.

Я был свидетелем этого уже на заседаниях Общества материалистов-диалектиков. Товарищи из правления О-ва воинствующих-материалистов помнят, в каком трудном положении я оказался на заседаниях правления О-ва, стараясь как-нибудь примирить противоположные группировки в интересах нужного для работы единства.

С места. Вы голосовали с ними.

Разумовский. Я голосовал тогда с ними потому, что не был согласен с вашей формулировкой об „отрыве от партийной линии“. Но, как припомнят товарищи, я всегда старался заострять те формулировки, которые мне казались недостаточно партийно заостренными. Я старался создавать такое настроение, которое привело бы самого т. Деборина к сознанию необходимости самокритики. И мне кажется, что т. Деборин должен был бы вместо того, чтобы продолжать упорное сопротивление всему развитию и всяким проявлениям самокритики, поступить совершенно иначе. Я еще совсем недавно говорил с т. Дебориным на эту тему. Я указал ему, в каком совершенно недопустимом положении оказываются наши философы-коммунисты, когда философское руководство попадает в положение какого-то странного разрыва с нашим партийным руководством. Я говорил т. Деборину, что ему нужно выступить с серьезным политически заостренным докладом „Ленин как философ“, что ему нужно высказаться от начала до конца по всем этим вопросам, выявив в них правильную партийную линию, что ему нужно решительно отмежеваться от ошибок тех его учеников, которые составляли

с ним так называемое философское руководство. К сожалению, т. Деборин моему совету не последовал.

Теперь, товарищи, разрешите сказать несколько слов относительно общей тенденции, проявляющейся в нашей философской работе. Конечно проблема „Ленин и Плеханов“ может быть является менее актуальной, чем проблема нашего непосредственного социалистического строительства. Но нельзя сказать, что для понимания нашего философского развития она не имеет никакого значения: она несомненно имеет известное и вполне определенное значение. И я конечно совершенно не могу согласиться с таким пониманием, которое проскальзывало у т. Деборина, когда он говорил здесь, что Плеханов и Ленин в течение некоторого периода занимали одни и те же позиции. Тов. Деборин ссылается на слова Ленина. Но, товарищи, нужно понять скромность Ленина, который пишет таким образом, нужно понять вместе с тем, что даже самые ранние формулировки, которые мы находим у Ленина, в особенности в вопросах исторического материализма, что эти формулировки гораздо глубже аналогичных формулировок, которые имеются у Плеханова. Затем нужно брать Плеханова и Ленина не только как определенный этап нашего философского развития, Плеханова нужно брать и как нечто целое, нужно видеть его ошибки, помнить о борьбе с ними Ленина. Отмахиваться конечно от всего этого нельзя.

Но тут есть еще другая сторона в вопросе об оценке философских работ самого Плеханова. Здесь некоторые развивали такую теорию, что Деборин мол отошел от Плеханова, но не дошел до Ленина, и т. д. Я не буду говорить сейчас, в какой мере это правильно. Но с другой стороны, если взять такие классические работы Плеханова, как „Монистический взгляд на историю“ или статьи против Струве, и вспомнить, как умел Плеханов наряду с философским анализом дать прекрасный экономический анализ, как он умел переключаться с одной проблемы на другую, будучи всесторонним марксистом, а не только „специалистом“ философии,—было бы хорошо, если бы наши философы умели так писать, как писал когда-то Плеханов. Это было бы очень неплохо для нашей философской работы. (Смех). Товарищи, я понимаю, мы не гении, не Марксы, не Энгельсы и не Ленины. Это свойство переключения из одной области в другую, этот универсализм марксизма не у всех может в одинаковой мере проявиться. Мы даже не Меринги и не Лафарги. Мы только специалисты-философы. Но в области философской нашей специальности, разве мы не обязаны уметь переключаться, уметь переходить от одних проблем к другим, разве мы не должны считаться с тем, чему нас учил Ленин, который говорил о том, что в разные периоды выпячиваются на первый план „различные стороны марксизма“? Разве, товарищи, в нашей философской работе не выпячиваются различные философские моменты, различные стороны нашего мировоззрения и нашего метода, на которые мы должны в данный момент больше всего обращать внимание? А по т. Деборину получается так,—имеется завещание Ленина—

разработка теории материалистической диалектики—и этим раз навсегда все сказано. Разве можно ограничиться признанием этого совершенно правильного, но самого общего положения? В самом деле, что мы понимаем под разработкой теории материалистической диалектики? Что такое теория материалистической диалектики? Есть ли эта теория нечто в роде гегелевских „чистых сущностей“? Должна ли напоминать она страницы Гегеля, где природа и общество сосланы в примечание? Или теория материалистической диалектики должна родиться не путем чисто логического анализа, не путем дедуцирования от одной категории к другой, но должна выявиться как синтез огромной конкретной работы над различными областями общественных и естественных наук. Если только в таком высшем синтезе заключается теория материалистической работы, она может и должна вырасти, то, спрашиваю, можно ли противопоставить теорию материалистической диалектики и ее разработку например проблемам исторического материализма? Разве допустимо такое противопоставление. Разве можно стать на такую точку зрения, что исторический материализм есть что-то такое, к чему не должна быть „сведена“ материалистическая диалектика. Тов. Деборин хотел этим вероятно сказать, что, не говоря уже о наиболее общих проблемах методологии, имеется еще диалектика естествознания, и мы это прекрасно понимаем, но следует заметить, что и различные проблемы естествознания тоже ведь развиваются не чисто логическим путем, а должны разрешаться в свете исторического анализа выдвигающей их эпохи и стало быть получают известное освещение также и в свете исторического материализма. А ведь пренебрежение к проблемам исторического материализма в еще гораздо более резкой форме выявляется у других товарищей. Мне например передавали такой недопустимый с моей точки зрения факт, что один из наших философов на дискуссии в Свердловском университете закончил свою речь, направленную против теперешней философской оппозиции следующей фразой: „Я боюсь, что исторический материализм съест Гегеля!“.

Голос. Кто это сказал?

Разумовский. Это сказал т. Баммель. Марксисты никогда не смогут согласиться с формулировкой, которая выражает „опасение“, что исторический материализм „съест Гегеля“. В самом деле, что такое исторический материализм в наших условиях, что такое исторический материализм в реконструктивный период? Ведь это должно быть не что иное, как глубочайшее философское освещение всей нашей политической борьбы и всего нашего социалистического строительства. Разве исторический материализм в этом смысле не является их философским псевдонимом. И вдруг проявляется боязнь, что исторический материализм „съест Гегеля“. Вот к чему приводит та оторванность философии от работ над конкретными проблемами, над проблемами нашего социалистического строительства, которая имела место до сего времени и которую мы всячески должны изжить.

Тов. Деборин говорил и, по-моему, совершенно правильно о тех основных философских звеньях, которые марксистская философия давала развитию мысли в различных областях конкретных наук. Но, во-первых, можем ли мы сказать, что мы дали и даем конкретным дисциплинам все то, чего они от нас требуют, что мы хоть в какой-нибудь мере удовлетворяем тем требованиям, которые они нам предъявляют. Разве отвечаем мы на все различные вопросы, с которыми тщетно обращаются к нам историки, экономисты, искусствоведы и т. д.? Мы не отвечаем, потому что не занимаемся этими проблемами.

С другой стороны, товарищи, что представляют собой те основные звенья, которые давала отдельным наукам наша философия. Ведь эти основные звенья представляли собой не что иное, как тот материал, который мы находили в недавно опубликованных работах Энгельса и Ленина. Мы до сих пор питаемся живыми соками их философского наследия. Конечно нужно признать, у нас проделана громадная работа и ценная по комментированию и изложению этого наследия Энгельса и Ленина. Но ведь у самих Энгельса и Ленина эти основные „звенья“ возникли не чисто логическим, дедуктивным путем, но в результате обобщения огромнейшего опыта работы над конкретной наукой и руководства рабочим движением. Вот как только и могут возникнуть эти диалектические звенья, которые и до сих пор через много лет дают живительные соки для отдельных конкретных дисциплин. Для того, чтобы мы могли дать такие же новые звенья и чтобы в дальнейшем наша работа не выродилась в общие фразы о том, что мы мол занимаемся материалистической диалектикой, необходимо ближе подойти к проблемам, которыми занимается наша советская критика, которыми занимается сейчас наша партия. Я не знаю более высокой проблемы, чем наша классовая борьба и наше социалистическое строительство.

Может быть это недомолвка, но т. Деборин говорил здесь об очень многом, чем должна заниматься теоретическая диалектика. Он говорил о смене форм сознания, говорил о циклах, говорил даже о прямолинейном и спиралевидном типах логики, но не сказал ничего о классовой борьбе и социалистическом строительстве. У Ленина эти проблемы действительно поставлены, они могут и должны получить свое разрешение, но я думаю, что правильное и подлинно глубокое разрешение они получают не чисто умозрительным путем, а только на основе анализа объективной логики происходящей сейчас классовой борьбы и объективной логики социалистического строительства. Я считаю, что здесь обнаруживается какое-то недопонимание, какая-то недовороенность в вопросе о роли, методах и предмете философии. Несомненно, что философия имеет свой предмет и этим предметом является учение о мышлении. Но Ленин указывал, что „законченный философский материализм“ необходимо должен быть распространен с познания природы „на познание общественной жизни“.

То, с чем я соприкасался, убедило меня в том, что есть очень много разговоров о повороте, но нет еще действительного поворота и нет его прежде всего со стороны нашего философского руководства.

Мы разработали в секции исторического материализма Института философии Комакадемии большой план работы, серьезный и солидный, и если бы мы его осуществили, это двинуло бы нашу философскую работу далеко вперед. Но когда мы стали думать о том, что взялся кто-нибудь из руководящих товарищей возмется за эти проблемы, то оказалось, что все они предпочитают заниматься спиралевидным типом логики и т. д., и никто не желает заниматься проблемами нашего социалистического строительства. Получается, что мы должны рассчитывать на „самотек“ и искать отдельных докладчиков, которые случайно согласятся взять у нас ту или иную тему и разработать.

Так обстоит дело с работой в области исторического материализма. Но не менее яркие примеры дает область нашей антирелигиозной пропаганды. Что мы недооценивали эту работу, нет никакого сомнения. Сейчас антирелигиозная комиссия Комакадемии влилась в Ин-т философии. Вы скажете, что вероятно Ин-т философии дал совершенно новые кадры работников для антирелигиозной работы, что кто-либо из руководящих философов взялся за разработку какой-либо антирелигиозной проблемы. Как бы не так. Тов. Подволоцкий—секретарь Ин-та философии—возложил все надежды на т. Ярославского и т. Лукачевского, которые и без того до сих пор работали в этой области. Составлен план работы, в который включили всех прежних работников по антирелигиозной пропаганде. Но сейчас эта работа будет вестись под маркой Ин-та философии, и конечно Ин-т философии будет указывать на то, что работа ведется философами. Я думаю, что здесь проявляется одна характерная черта наших товарищей из руководства—неумение организовать вокруг себя кадры, неумение организовать эту работу.

Здесь очень много говорили по поводу такой „несуразицы“: имеется правильная линия и вместе с тем имеется система ошибок и т. д. и т. п. Мне это представляется следующим образом. В течение „восстановительного“ периода в философии была проведена большая работа по воспитанию кадров, по материалистическому истолкованию гегелевской диалектики, по разработке энгельсовского и ленинского наследия и их комментированию. Когда велась эта подготовительная философская работа и когда проводилась борьба с механистами, эта работа велась несомненно на основе правильной, философской линии. Но, товарищи, всякая старая линия отличается от новой линии именно тем, что она является старой, и когда мы переходим к некоторым иным условиям нашей работы, иным условиям нашей борьбы,—а не нужно забывать, что мы вступаем в третий год пятилетки, что мы живем в условиях реконструктивного периода,—то, конечно, то, что имело значение и было правильным прежде, оно может стать неправильным, поскольку не учитываются новые условия и осо-

бенности работы. Философская линия правильна, поскольку она является продолжением старой правильной линии, она правильна постольку, поскольку она в основном не отходила от генеральной линии нашей партии. Но в конкретном проведении этой философской линии обнаружились некоторые опасные, ошибочные и вредные тенденции. И если эти тенденции будут развиваться, расти, если эти тенденции сейчас не элиминировать, не пресечь заблаговременно, то несомненно, что верная, правильная линия может перерасти в неверную и неправильную линию. А такие тенденции, товарищи, имеются. Я не хочу пользоваться некоторыми аргументами, которыми товарищи здесь пользовались, но я напоминаю лишь некоторые неоспоримые ошибки и промахи. Недооценка борьбы с троцкизмом; недооценка работы на фронте исторического материализма; недооценка нашей антирелигиозной пропаганды, недооценка политического значения „рубинщины“. Разве одни эти факты не говорят о том, что наши философы не желают заниматься целым рядом важнейших проблем, что есть опасные и вредные тенденции отгораживаться от проблем, выдвигаемых нашей действительностью, замыкаясь в царство абстрактного мышления? И можно ли найти для этих тенденций иную квалификацию, как не назвав их схоластическими, формалистическими. Тов. Деборин должен понять, что то, что сейчас происходит, вовсе не „происки“ отдельных личностей, что мы имеем здесь дело с более серьезным и глубоким явлением, к которому он, как марксист, обязан прислушаться. Он должен понять, что ставится серьезнейший вопрос, на который он должен дать отчетливый партийный ответ. Он должен по-партийному, по-ленински признать те недостатки нашей работы, которые начинают складываться в эти опасные тенденции, которые грозят в дальнейшем искривить и исказить правильную линию нашей философской работы, какой она была до сих пор. (Аплодисменты).

Скрыпник. Выступаю я сейчас на философской дискуссии в большом зале, переполненном теоретическими работниками Академии, московских институтов и т. д. не в качестве работника теории философии, а в качестве ее потребителя, в качестве рядового партийного работника, нуждающегося в том, чтобы вопросы стоящей перед нами борьбы, которую мы ведем, были философски теоретически осознаваемы и чтобы в нашей борьбе за изменение общества мы и в этом отношении были достаточно вооружены и снабжены.

Подходя с этой точки зрения,—а эта точка зрения имеет свое право на существование в этом философском зале,—я оцениваю происходящую сейчас дискуссию. В чем суть этой дискуссии для меня и не только для меня? В том, что вопрос о философии у нас ставится как вопрос об оружии в нашей классовой борьбе и в нашем социалистическом переустройстве.

С места. Правильно. (Аплодисменты).

Скрыпник. Партия пережила целый ряд явлений борьбы с различными враждебными течениями и отклонениями. Мы в этой борьбе постарались, дорогие товарищи, не щадя себя и не щадя

врага своего, бить и побили. А вы что сделали, товарищи-философы, в этой борьбе? Ничего. Вы ничем партию не вооружили в борьбе с правыми, с националистическими уклонами, с троцкизмом, с сухановщиной, с кондратьевщиной и т. д. и т. п. (Аплодисменты). И вот, оставляя в стороне все ваши цитаты о материи, пространстве, времени, позвольте мне спросить, что в наше время, в нашем пространстве сделали вы для нашей борьбы? (Бурные аплодисменты). И отсюда вывод: нужно сделать поворот для того, чтобы философия соответствовала требованиям реконструктивного периода.

С места. Правильно. (Аплодисменты).

Скрыпник. Это первое, что нужно: осознание происходящего, философское, теоретическое осознание происходящей классовой борьбы в ее конкретной действительности в настоящий период социалистической реконструкции.

Второе—нам нужно не только осознать, но и изменить общество. Мы это ставим своей задачей, переделываем его. И мы можем требовать от философов, чтобы они в этом приняли активное участие. А между тем, если мы возьмем список тем, стоящих перед нашими работниками-философами, чем и кем он определялся? Индивидуальными свойствами, наклонностями отдельных работников.

С места. Правильно.

Скрыпник. Этот индивидуализм в области философии должен быть преодолен и от индивидуалистического подхода в вопросах постановки тем нужно перейти к плановой социалистической работе. Это должно быть поставлено в области философии соответственно общим задачам реконструктивного периода.

Но как же после этого оценивать мне ту борьбу, которая ведется на данном собрании против т. Милютина, выступавшего с этими положениями от имени президиума Комакадемии? Позвольте спросить, как же это так, что здесь идет борьба против основных положений плановой работы в области философско-теоретического обсуждения социалистического строительства. В том, чтобы вы поставили перед собой целый ряд проблем не абстрактных, „академических“, а требующих диалектики классовой борьбы, диалектики социалистического переустройства страны, чтобы вы эти темы поставили перед собой не оторванно и не разорванно, а координированно в одном плане теоретического обслуживания ведущегося нами социалистического переустройства,—да ведь в этом творческая суть философской работы в настоящее время. И когда по этому вопросу идет борьба, когда выступают против т. Милютина, доклад которого имеет своей осью именно это положение,—я говорю, что очевидно не ладно обстоит дело на нашем теоретическом философском фронте.

С места. Правильно.

Скрыпник. Тянете вы, дорогие товарищи, назад. Как бы вы ни хотели повернуть, а вы все сворачиваете не в ту сторону, куда следовало бы.

С места. Правильно.

Скрыпник. Относительно плана, предлагаемого т. Милютиным, я не считаю, что он является совершенным. Это первая, очень примитивная наметка. Я например скажу следующее. Когда идет речь о том, чтобы применять материалистическую диалектику в естествознании, т. Милютин в тезисах намечает конкретно: диалектическое направление в области современной математики; диалектическое направление в области физики, в области химии. Я считаю нужным поставить вопрос о медицине. Я с этим вопросом встречаюсь, работая в своей области, в области ленинской национальной теории. Мне пришлось встретиться с одной теорией евгеники, или например с так называемой „теорией кровяных групп“, которая, по моему мнению, является теоретической базой для фашизма, ибо эта теория кровяных группировок дает в своем развитии основу для теории расового и национального господства, т. е. представляет собою теоретическую базу для фашизма и национализма. Можно потребовать поэтому, чтобы наши философы поставили перед собой задачу критики методологии этой медицинской теории, как одновременно придется дать критику социологических экскурсов этой теории и работникам той дисциплины, где я работаю, работникам ленинской национальной теории.

Позвольте сделать еще одно замечание. Мне пришлось встретиться с другой областью—областью математики. Я выяснил, что перед нами стоит целый ряд проблем и задач в области математики и я не думаю, чтобы работа наших философов по теории относительности целиком исчерпала те задачи, которые стоят перед нами в области диалектической постановки математики.

Если взять любую область нашей деятельности, мы видим, что наши теоретики-философы, наша теоретическая наука в области философии не дает нам оснащающего нас теоретически оружия в различных отраслях практической и научной деятельности, необходимого нам для расширенного проведения социалистического переустройства страны.

Какие же встают темы? Я могу сказать относительно украинского философского фронта, что там еще сильнее проявляются этот академизм, абстрактность, нежизненность, неконкретность, несвязанность с реальными потребностями классовой борьбы и социалистического строительства, чем здесь. И когда здесь слышу вопросы, что такое формализм в области философии, то я скажу прямо мое мнение: по-моему формализмом является оторванность от потребностей реальной, конкретной классовой борьбы и задач теоретического обслуживания социалистического переустройства страны.

Г о л о с а. Правильно. (Аплодисменты).

Скрыпник. Позвольте отсюда дальше задать вопрос. Под каким же знаком работу нужно вести? Позвольте мне быть глубоко уверенным, что здесь никто отрицать не будет, как безусловное для нас нужно исходить от Ленина, строить на ленинизме философское вооружение партии в ее социалистическом переустройстве страны. Я не буду разбираться в тех формулах,

которые были здесь приведены, и в цитатах, которых было достаточно много. Я имею в виду другое.

Когда т. Керженцев и т. Милютин просили меня выступить здесь после того, как я им высказал в частном разговоре, какие соображения, по моему мнению, надо было бы здесь высказать, я попросил дать мне последнюю книжку т. Деборина „Философия и марксизм“, которая, когда я ее недавно читал, выдвинула передо мной именно те вопросы, которые я ставлю сейчас. Оглашаю последние строки предисловия ко второму изданию „Философия и марксизм“, автор А. Деборин, Гиз. 1930. Эти строки говорят: „Вошедшие в сборник работы написаны автором по различным поводам на промежутке времени, обнимающем около 25 лет; несмотря на это, сборник проникнут внутренним единством, которое определяется мировоззрением автора, защищающего во всех своих работах основы революционного марксизма и философию диалектического материализма“.

Не стану отрицать,—статьи, написанные здесь, в общем стоят на этой точке зрения. Но если речь идет об оценке двадцатипятилетней философской работы, если т. Деборин—член ВКП(б) в предисловии 1930 г. говорит, что он во всех своих работах стоял и стоит на основах революционного марксизма, то я спрашиваю себя, изменяет ли мне память или нет—как-никак прошло с того времени пожалуй 19 лет,—если мне память не изменяет, то в 1908 году не была ли в „Голосе социал-демократа“ помещена статья т. Деборина против Ленина по вопросам философии.

Г о л о с а. Была.

Скрыпник. Значит, мне память не изменяет. А эта работа т. Деборина тоже была проникнута основами революционного марксизма и философией диалектического материализма или нет?

Г о л о с а. Нет.

Скрыпник. Да как же так получается, дорогие товарищи, что в 1930 г. член нашей партии, т. Деборин, дает себе отпускную в своей прежней философской борьбе против Ленина. Э, дорогие товарищи...

Д е б о р и н. Вы меня не поняли.

Скрыпник. Я ссылаясь на память, это было 19 или 18 лет тому назад и читал я в ссылке.

Д е б о р и н. Это не в одиннадцатом, а в тринадцатом году.

Скрыпник. Не помню какой год. Более того, смутно припоминаю этот факт, но припоминается, что была статья и, если не ошибаюсь, статья т. Деборина. Здесь голоса подтверждают, что была.

Д е б о р и н. И я подтверждаю—была статья.

Скрыпник. Тогда позвольте спросить, как же получается, что в 1930 г. в предисловии к сборнику философских статей за 25 лет вы говорите не только о помещенных в сборнике работах, но заявляете, что вы во всех своих работах защищали основы революционного марксизма? Значит, вы не отгораживаетесь и не переборили тех статей, которые вы в свое время писали против Ленина. Нет, дорогой товарищ, я помню формулировку, „я пришел

к Ленину с боями". Но эта формулировка была у Троцкого, который под этой формулировкой хотел принести к нам весь свой старый теоретический багаж, не наш, не ленинский. И вот я спрашиваю себя: где и когда т. Деборин эту необходимую работу самокритики провел? Когда он переработал себя на философском фронте, пришел к ленинизму? Или т. Деборин, не будучи ленинцем и борясь с большевиками, в то же время имманентно носил в себе зародыши ленинского отношения к вопросам философии. (С м е х). Не подходит мне дело. У нас есть работники, пришедшие теперь к ленинизму, и партийные и беспартийные, которые в себе старого не раскритиковали, это держат их в цепях прошлого, в когтях прошедших отношений, довлеет и давит на теперешнее. Не являются ли деборинские формулировки о Ленине, которые здесь цитировались, отражением этого? По-моему—да. Исторический генезис теперешних деборинских формулировок насчет Ленина и Плеханова лежит в прежнем противопоставлении, которое им не преодолено и им не прокритиковано. Можем ждать, можем требовать, чтобы эта критика была, чтобы эта самокритика была проведена.

Если речь идет об „академизме“, позвольте мне обратиться к статьям данного сборника статей т. Деборина. Я не думаю здесь разбирать эти статьи, ибо когда я читал сборник, то я не думал, что мне придется выступать на столь авторитетном философском собрании в политической борьбе в области философии, как это приходится мне делать сейчас. Но я возьму к примеру статью „Революция и культура“, написанную в 1907 г. в „Neue Zeit“ и перепечатанную в 1930 г. Я не могу сказать, чтобы здесь имелись большие теоретические неверности. Хотя кое-что следовало бы взять на заметку. Но во всяком случае отмечу следующее: если в 1930 г. помещать статью „Революция и культура“, то недостаточно говорить о соотношении культуры и классовой борьбы и революции, как это было написано в 1907 г. Надо было сказать о пролетарской диктатуре, а этого в статье нет. Поэтому данная статья, перепечатанная некритически с 1907 г., не проверена в огне большевистской самокритики. Как партиец-политик я должен ожидать широкой острой самокритики. И сейчас она больше чем когда-либо необходима. Ведь если, дорогой товарищ Деборин, вы свою статью писали в 1907 г., а первое издание выпустили, кажется, года три тому назад или больше...

С м е с т а. В 1925 г.

С к р ы п н и к... то ведь теперь вы сборник свой публикуете после опубликования ленинского сборника, где имеются некоторые характеристики, высказывавшиеся со стороны Ленина. Если вы, придя в партию, в борьбу на философском фронте, не произвели самой необходимой самокритики старых своих взглядов, когда вы были вне партии и когда даже боролись с партией, то после ленинских указаний как будто бы это нужно было сделать,—стимул, которого не было у самого т. Деборина, был дан Лениным. И тогда нужно было произвести самокритику и предисловьице написать не на одну страничку строк в 20, а написать кри-

тическую работу, показывающую нам в свете критики старого Деборина, нового коммунистического Деборина.

Г о л о с а. Правильно. (А п л о д и с м е н т ы).

С к р ы п н и к. К сожалению вы этого не сделали. Дорогие товарищи, кончу тем, с чего начал. Есть выражение „закомиссарилась“. Так, по-моему, наши философы закомиссарилась в области философии, отошли от конкретных задач классовой борьбы и ее теоретического обслуживания. Поэтому нужен поворот для того, чтобы в огне самокритики, непримиримой большевистской самокритики завоевать себе право быть работниками теоретического, философского осознания классовой борьбы и теоретического ее выражения. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Б о б р о в н и к о в. Товарищи, основная мысль, которую высказал сейчас т. Скрыпник, сводится к тому, что философия должна быть на службе социалистического строительства. Но кто против этого спорит? Ведь—если говорить о том, что философия должна быть на службе социалистического строительства, то ведь это и есть смысл того поворота, о котором мы все сейчас говорим.

С м е с т а. Но не делаете.

Б о б р о в н и к о в. Сделать поворот в области философии это значит сделать философию действительным и действенным оружием нашей партии и рабочего класса. Как раз этому вопросу было посвящено заседание фракции Общества воинствующих материалистов-диалектиков и Института философии. Какой смысл был постановки доклада т. Деборина на том заседании? Тогда мы констатировали, что теория, в частности философия, отстала от практики социалистического строительства. Этот факт был указан тов. Сталиным. В результате заседания фракции была вынесена резолюция. В этой резолюции отмечается ряд ошибок и ряд недостатков. Там, между прочим, отмечается, что наш философский фронт мало занимался или совсем почти не занимался изучением методологии троцкизма. Там было указано, что проникновение философии в конкретные науки, например в естествознание, хотя и имеет свои достижения, но далеко недостаточно. Там было указано, что философская мысль мало занималась конкретными вопросами переходного периода. Там было указано, что проблемы истмата, в частности проблемы переходного периода требуют к себе большего внимания.

Я спрашиваю, о чем же идет речь. Если философское руководство само пошло на то, чтобы провозгласить поворот в области философии, если само философское руководство отмечает ряд ошибок и недостатков, если само философское руководство говорит о необходимости переворота, то я спрашиваю, о чем же идет речь?

С м е с т а. О критике и самокритике.

Б о б р о в н и к о в. Я ставлю вопрос так: идет ли вопрос о самокритике в рядах философов или идет вопрос о новом направлении в философии. Я, товарищи, боюсь чрезвычайно...

С м е с т а. Смелее.

Б о б р о в н и к о в... что сейчас ставится именно вопрос не

о самокритике, а под флагом самокритики ставится вопрос о новом философском направлении.

С места. О каком? Поворот лицом к социалистическому строительству.

Бобровников. Вопрос идет о борьбе за новое философское направление, борьба идет не за поворот, а за переворот и притом не только лиц, это была бы еще не большая беда, а вопрос идет о перевороте философского направления. Я считаю это опасной тенденцией.

С места. Лицом к социалистическому строительству?

Бобровников. И на эту тенденцию нужно указать. В самом деле, товарищи, для того чтобы подтвердить сказанное, я возьму резолюцию, принятую бюро ячейки Института философии ИКП. Посмотрите, товарищи: „...Это свидетельствует о наличии в философских рядах механистической ревизии материалистической диалектики, формалистического, с большой примесью эклектики, уклона, представляющего по своему внутреннему существу процесс отхода ряда философов-диалектиков от позиций диалектического материализма и ведущего в конечном счете к идеалистической ревизии марксизма“. Дальше говорится, что это обстоятельство является препятствием для развития марксистской мысли. И наконец, страницей раньше говорится, что эта небольшая группа руководящих философов-диалектиков обрастает философами, ничего общего не имеющими с партией, с интересами партии и т. д. и т. п.

С места. Правильно.

Бобровников. Сейчас мы посмотрим, насколько это правильно. Итак здесь идет речь именно о том, что философское направление, возглавляемое философским руководством, является наряду с механистической ревизией марксизма — это знаменательно — является уже таким уклоном, который нужно очевидно ликвидировать решительным образом, оперативным способом. Я полагаю, что такая постановка вопроса в корне неправильна. И то, что это неправильно, разрешите мне подтвердить рядом теоретических ссылок. В той же самой резолюции имеется следующее место. Слушайте: „В этой связи стоят ошибки, допущенные философским руководством в своей работе над гегелевским наследством... Признавалось, будто Гегель дал всеисчерпывающую реальную картину всех форм движения“ (Деборин). Оказывается, уклон философского руководства и все прочие теоретические грехи состоят между прочим в том, что признавалось, будто Гегель дал исчерпывающую картину всех форм движения.

Разрешите зачитать еще одну цитату из другого источника: „Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения“. Очевидно за эту цитату соответствующего автора нужно высечь и объявить уклонистом, препятствующим дальнейшему развитию марксистской философии. К сожалению, или к счастью,

как для кого будет угодно, эта цитата принадлежит самому Марксу. Тов. Деборин в своей книге „Диалектика и естествознание“ на с. 259 берет данную цитату, только не ставит кавычек, и вы за эту цитату его хлещете, говорите об идеалистическом формалистическом извращении материалистической диалектики, о гегельянстве и пр.

С места. Мелко, мелко.

Бобровников. И не может быть поглубже, ведь вы писали резолюцию. Если речь идет о том, чтобы отметить ряд ошибок и ряд недочетов в работе философского фронта с тем, чтобы действительно в плодотворных обсуждениях эти ошибки устранить, то я считаю, что это одно дело, и против этого никто и никогда не будет возражать. Доказательством этого является именно та декларация, о которой я уже упоминал и в которой перечислены ошибки и недостатки работы философского фронта. Но другое дело, когда под видом самокритики начинают ревизовать теоретическую линию нашей философской работы. Это дело чрезвычайно опасное.

Возьмем другой вопрос, вопрос об отношении к тому же самому Гегелю. В этой же резолюции в доказательство гегельянства т. Деборина указывается на слова т. Деборина, что Гегель является исходным пунктом для Маркса в разработке материалистической диалектики.

Я считаю, что в этом пункте фактически пересматривается марксистское отношение к Гегелю. Я считаю, что это совершенно неправильно и опасно, ибо из данной резолюции наши комзувовцы сделают вывод, что Гегеля можно не изучать.

С места. Прочтите это место.

Бобровников. Могу сделать вам это удовольствие: „В разработке материалистической диалектики, несмотря на наличие трудов Маркса, Энгельса, Ленина, исходным пунктом является гегелевская логика“ (Деборин). В каком смысле т. Деборин говорит, что философия Гегеля является исходным пунктом? Ведь только в историческом. Ведь никто же не сказал, что Гегель является исходным пунктом в смысле логическом, в смысле методологическом. Это абсурд. Мы знаем, что исходным пунктом в этом смысле является сама действительность, отношение мышления к бытию. В отношении Гегеля говорится, что он является исходным пунктом в историческом смысле. А разве это неправильно? Вы хотите зачеркнуть всю историю и сказать, что мы не знаем Гегеля и Фейербаха, что для нас не существует истории диалектики, истории материализма, что мы Иваны-непомнящие. Вот это чрезвычайно вредно. По существу это идет в разрез с тем постоянным ленинским утверждением, что каждый коммунист, чтобы стать сознательным марксистом, должен знать и изучать все, что добыто всей предшествовавшей человеческой культурой, что сделано в частности Гегелем, Фейербахом, предшественниками Маркса, Энгельса и Ленина.

Ш м и д т. О. Ю. Тов. Деборин и в большой степени ряд других товарищей недооценили повидимому всей глубины мо-

мента, всей трудности вопросов, которые перед нами стоят. Со стороны т. Деборина, несомненно самого образованного нашего философа, — кто это отрицает, — мы имеем презрительное отношение к не философам, которые осмеливаются говорить в этой области. Я вынужден признать, что я тоже не философ и не собираюсь поучать философов, я принадлежу к тем потребителям, о которых говорил т. Скрыпник. Но как член партии, как член президиума Комакадемии, отвечающий в первую очередь за фронт естествознания, как потребитель, я считаю своим долгом тоже говорить. Вы мне позвольте ограничиться небольшим анализом положения на фронте естествознания, тех запросов, которые со стороны этого фронта предъявляются к философии и того, насколько и как эти наши потребности удовлетворены. Я приведу очень немного, но показательных типических фактов.

Что мы имеем на фронте естествознания? Мы имеем прежде всего несомненно идеологический поворот вправо в мировой науке. Если еще не так давно средним типом буржуазного естествоиспытателя был стихийный материалист, то теперь этим средним типом является вполне сознательный и убежденный идеалист. Что мы имеем в нашей стране? Явно идеалистические высказывания у нас имеют место сравнительно редко со стороны меньшинства. Но в общем у нас конечно картина аналогичная. Остатки же старого до-диалектического материализма, наши последние естествоиспытатели-материалисты находятся на уровне самого примитивного механистического отношения к общим вопросам мировоззрения. Чтобы не быть голословным, один небольшой пример. Один крупный небезызвестный физик, работа которого была мне прислана для напечатания, но не напечатана, говорит следующее: „По мере прогрессов в теории электричества мы сможем лучше понять электромеханические процессы в нашем мозгу, что даст нам наконец ключ к пониманию таких сложных явлений, как революция“ (С м е х). Это уровень наших лучших ученых.

С м е с т а. Плоды механистов.

Ш м и д т. Это не плоды механистов, это корни наших механистов, они у тех учились. К сожалению, наши механисты в плену у таких людей.

Возьмем пример из другой области. Что мы имеем на фронте практического применения естествознания? Не далее как вчера у меня был один из лучших и наиболее советских наших ученых, геолог академик Архангельский, и горько жаловался на то, что сейчас ведутся геологические разведки для изучения нашей страны, с целью применения затем этих знаний для социалистического строительства, совершенно деляческим способом, без теоретического осмысливания, что приводит на деле к растрате средств, к уменьшению темпов, которыми мы могли бы идти вперед. Он жаждет теории, этот беспартийный ученый понимает, что теорию ему может дать только диалектический материализм. И вот он пришел ко мне и говорит: „Я беседовал с Абрамом Моисеевичем, я на старости лет прочел все, что мог — и его и других, но я не вижу ответа. Может быть, вы видите“. Я мог ему ответить,

что я пока не вижу (С м е х), но я согласен с ним в том, насколько остро эти вопросы стоят. Также остро они стоят и в химии, во всем нашем конкретном естествознании, в применении к технике и т. д. Мы дошли до ступени, где без теоретического осмысливания, без теоретического руководства дальше мы не сдвинемся. Исчерпана уже та ступень нашего развития, когда мы могли просто переносить непосредственно технический опыт Запада. Сейчас, в период реконструкции, наши задачи уже качественно иные, более высокие, и без нового теоретического их осмысливания мы практически двинуться вперед не сможем. Это мнение разделяется лучшими беспартийными учеными.

Таким образом спрос на философию у нас стоит чрезвычайно остро. Мы нуждаемся в ней, как никогда. Не только сознательные естествоиспытатели-марксисты, члены партий, но даже значительная часть беспартийных чувствуют, как остро стоит здесь вопрос.

Как же эту теорию надо строить? Несомненно только под руководством философии. Для нас несомненно, что в этом смысле философии принадлежит первое место. Мы будем учиться у философов, мы готовы работать под руководством философов, но и от философов мы вправе требовать руководства, которое было бы действительным, а действительным может быть только руководство конкретное. Несомненно т. Деборину принадлежит заслуга в пропаганде применения диалектики к естествознанию. Задача эта была подчеркнута им не раз, им воспитано несколько, к сожалению немного, но все-таки несколько товарищей, с успехом работающих в этой области. Тов. Деборину и его ученикам принадлежит огромная заслуга того, что они разбили первую помеху на пути теоретического осмысливания естествознания, а именно — механистический подход.

С м е с т а. Дал возможность развиваться механистам.

Ш м и д т. Это несомненная заслуга, которую нельзя не признавать. Но каждая заслуга обязывает, каждая заслуга, повышая значение руководства, должна повысить и наши требования к нему. А между тем, что мы имеем на нынешнем этапе? Мы имеем у механистов в нескольких областях науки, отчасти в биологии, немного в физике, немного в математике, совсем нет в химии, совсем нет в антропологии и т. д., мы имеем пока критику некоторых идеологических установок, идеологических тенденций западных наук. Это несомненно тоже хорошо, но этого бесконечно мало. Одной критикой идеологии мы нашей практике не поможем, хотя это тоже надо делать. Мы сможем нашей практике помочь и реально вмешаться в борьбу в мировом масштабе, только становясь вооруженными теорией на почве конкретного исследования. Опять-таки приведу хотя бы два-три примера. Один пример предвосхитил у меня т. Скрыпник. Я подхожу к нему несколько иначе. Я уже много раз и на конференции марксистско-ленинских научных учреждений, и в других случаях, выступал с призывом к биологам, к врачам, подвергнуть наконец разгрому эту расовую лже-теорию, которая действительно пышно расцвела на Западе —

и у нас имеет свои ответвления—и служит для оправдания колониального гнета, для оправдания классового господства верхов буржуазии, аристократии и т. п. К сожалению этого до сих пор не сделали. Почему? Потому что тут мало сказать: „вот это есть реакционная теория“. Реакционерам этим вы ничего не скажете, не скажете и широкой массе ученых. Надо это опровергнуть фактами и можно опровергнуть фактами, но для этого надо, чтобы теория была хоть в какой-нибудь связи с действительностью. В области физики Гессен—наиболее блестящий из философов физики. Опять-таки он работает в области идеологии, но опять-таки не в области эксперимента. Конкретной химии, как она есть, мы совершенно не тронули, как и конкретной физики. В области математики есть работы, которые подвергаются критике основные теории, господствующие на Западе. Это очень хорошо, но у нас нет математиков, которые бы могли в самую математику внести эту диалектику. У меня у самого есть этот грех, имеется только одна работа, где я математически разоблачаю математическую фальсификацию Пуанкаре, которой он пользуется для узаконения одного своего реакционного течения. Этого бесспорно мало. Можно сказать так: разве этот упрек относится к философскому руководству? Я прежде всего не упрекаю, а констатирую, что на этом участке философского фронта сделаны только первые шаги. Между тем мы должны форсировать шаги дальнейшего проникновения в конкретную научную работу. А то у нас получается так, что наши философы и масса естественников, на которых мы должны влиять и которыми мы должны руководить, друг друга не понимают. Я попытался разговаривать с одним товарищем, который сейчас линию философского руководства кажется целиком не разделяет с т. Максимовым. Я когда-то хотел с ним вместе поставить на одном кружке разработку конкретных вопросов естествознания. Мне было предложено изучить сначала Гегеля. Правильно, если хотите, но не практично. В этом отношении мне лично не так просто изучить Гегеля, при моих занятиях. (С м е х). Тем более неправильно в отношении всей массы естественников, работающих практически. Вы лучше вооружены Гегелем, поэтому помогите нам в нашей конкретной работе. Выявите, что у нас диалектично и что нет, и примените эту диалектику конкретно. Но так уже случилось, что наши естественники, образованные философски, и философы, образованные естественно-научно, так к этому конкретно и не подошли.

Сначала, в первый период дискуссия с механистами была такой, которая нас могла только запугать. Ошибки механистов были быстро разоблачены, и после потери И. И. Скворцова фронт этот настолько оскудел, что, оставаясь главной опасностью теоретической, они практически сейчас уже не стали сильны. Но на фронте самих диалектиков вначале была определенная опасность третирования естествознания, навязывания естествознанию известных формально составленных схем. Когда в 1929 г. по поручению президиума Комакадемии, я делал программный доклад о задачах марксизма

в области естествознания на конференции марксистско-ленинских учреждений, я в проекте резолюции упомянул наряду с той борьбой, которая ведется с механистами, об опасности схоластического подхода к естествознанию. Товарищи-философы мне это место из резолюции вычеркнули. Я тогда не очень спорил, но думаю, что мы, естественники, тогда правильно нащупали возможность ошибок, которые впоследствии расцвели ярче. С тех пор прошло уже полтора года. Можно было сделать больше, но больше сделано не было. Я боюсь, что и на будущее время больше не сделают, потому что эту опасность не хотят осознать. Я должен упомянуть, что я отнюдь не солидаризируюсь с критикой Гессена, которую давал т. Рудаш. Направляя сейчас свою речь на то, что естествознание может предъявить к философскому фронту счет и в основном по адресу философского руководства, которое есть, совсем не считаю правильным замазывать ошибки, которые есть у других, у т. Рудаши, у него—рецидив механистических воззрений.

Дорогие товарищи, сейчас у нас этап, при котором наше естествознание, руководимое марксистами, может впасть в ту же ошибку в какую впали философы, превратиться в пустое, формальное теоретизирование, если оно не сомкнется с конкретными нуждами строительства, каковы они есть. Получается цепь: философское руководство конкретно в отношении естествознания, естествознание конкретно в отношении нашего строительства.

Когда мы слушаем содоклад и прения, то нам становится страшно за линию философского руководства. Не в том дело, чтобы громить, чтобы устраивать переворот, а в том, чтобы вовремя предупредить, указать товарищам, куда они идут. Наиболее показательным в смысле того страха, который может нам внушить положение дел, является один пример, которым только я и закончу—это трактовка т. Дебориным и другими фразы т. Милютина—этой знаменитой фразы о системе ошибок при правильной линии. Тов. Деборин говорил: как это может быть правильная линия при целой системе ошибок. Кто-то с места спросил: „Какая тут логика?“ Товарищи, тот, кто с места спросил, несомненно стоит на почве формальной логики.

С м е с т а. Правильно.

Ш м и д т. Это несомненно, ибо с точки зрения диалектической логики—это так. На самом деле мы имеем правильную линию, в которой мы начали замечать отдельные ошибки. Пока это отдельные ошибки, они нами отдельно берутся, но когда мы видим, что эти ошибки вырастают в систему, тогда мы все обязаны поднять наш голос и предупредить, чтобы из этой системы ошибок не вышло уже в дальнейшем неправильной линии. Никакого противоречия—ни логического, ни по существу тут нет.

Итак, товарищи, и мы, естественники и экономисты, и политики—все мы нуждаемся в философском руководстве. Но мы просим от философского руководства, от всей совокупности философов строжайшей самокритики, исправления того, что у них

пока еще слабо выпрямлено, ибо нам нужно философское руководство вполне ленинское.

Лепешинский. Товарищи, я бы не решился здесь выступать, если бы только не одна формула т. Деборина, которая заставила меня очень насторожиться. Мне кажется, что в этой формуле лежит центр тяжести.

Он заявил: «Все, что здесь было сказано т. Миллютиным,— это есть бернштейнианство». Одно из двух: либо это пустопорожняя фраза, ни к чему не обязывающая; лишенная всякого содержания; когда я бы назвал ее, немножко перефразируя крылатое выражение т. Деборина, «передней мыслью, вышедшей как-то на задний манер», или же эта фраза чтонибудь должна обозначать; тогда как раз нужно иметь в виду эту формулу, как исходную точку для того, чтобы разобраться во всем происходящем сейчас споре, во всей нашей дискуссии. Я думаю, что необходимо вспомнить, в чем заключался доклад т. Миллютина, чтобы посмотреть, представляет ли он собою сплошное бернштейнианство, как о том заявил т. Деборин, или же мы вправе будем сделать совершенно другой вывод.

Во-первых, т. Миллютин ссылается в своих тезисах на известное ленинское положение,—я его здесь не буду цитировать; думаю, что т. Деборин сам стоит на точке зрения этого положения и не станет настаивать на том, что оно имеет зародыши бернштейнианства, или что развитие этого положения обозначает вступление на путь бернштейнианства. Далее: т. Миллютин в своем докладе и в тезисах говорит о том, что теоретическая работа отстает от практики социалистического строительства. Я думаю, что Бернштейн, если бы он присутствовал на нашем споре, сказал бы: «...гм... эта мысль Миллютина мне совсем не нравится». И это вполне понятно. Ведь кто знает, что такое бернштейнианство, тот поймет, что Бернштейн не очень-то жалуется теоретическую работу и не против того, чтобы она отставала от практики: он принципиальный противник революционной теории.

Следующий тезис—работа по философии (конечно не бернштейнианская, а революционно-марксистская) должна стать массовой, должна стать принадлежностью широких масс. Бернштейн как огня боялся революционизирования широких масс и ни в коем случае не подписался бы под этим положением.

Следующий тезис тоже ничего бернштейнианского в себе не заключает. Он гласит, что необходимо направить усилия на более полную разработку идей Ленина. При этом указывается целый ряд тем, которые должны были бы подсказать, в чем именно должна заключаться эта самая разработка Ленина. Я воспользуюсь кстати случаем и скажу, что к этим темам я бы отнес еще чрезвычайно актуальную тему—или ряд тем—по анализу всей практики, а если хотите всей тактики и стратегии нашей партии в свете философско-ленинского учения, ибо ни одного момента в развитии нашей партийной тактики и стратегии не проходило не независимо от ленинских философских идей не под знаком ленинского философского учения.

Затем у т. Миллютина проводится та мысль, что необходимо направить лучи нашего философского прожектора на комплекс явлений, характеризующих как правый, так и «левый» уклон, в частности троцкизм, объективно расчищающих путь для кулацкой контрреволюции. Опять-таки нужно было бы спросить у т. Деборина—эта ли мысль навела его на представление о бернштейнианстве у т. Миллютина. Я тут ничего не вижу бернштейнианского и думаю, что Бернштейн ни в коем случае не подписался бы под этим тезисом. Далее говорится о том, что нужно преодолеть формалистические тенденции в ряде произведений философско-коммунистов. И это совершенно правильное указание, не требующее особых комментариев. Тут можно было бы еще по данному поводу сказать, что если т. Деборин думает, что борьба против формалистических тенденций означает поход на теорию, то он в высшей степени ошибается. По моему мнению, формалистический момент заключается между прочим и в том, что иногда философы склонны придерживаться принципа: «Философия ради философии». Поскольку философия таким образом отрывается от жизни, постольку она становится формалистической. Во всяком случае и в этом споре Бернштейн был бы не на стороне т. Миллютина, а скорее солидаризировался бы с его противниками.

А вот и еще один тезис: «Борьба с религиозными пережитками, борьба за атеизм, это—одна из задач нашего философского ин-та. Можно себе представить с какою гримасою ненависти отнесся бы Бернштейн к этому тезису.

Столь же отрицательно он реагировал бы и на мысль о разработке теории и методологии планирования в связи с рассмотрением методов построения пятилетки.

Я думаю, что мне нет надобности дальше продолжать перечисление всех основных мыслей доклада и тезисов т. Миллютина, чтобы видеть, что здесь и не пахнет бернштейнианством и что было бы большой ошибкой со стороны т. Деборина, если бы он стал упорно защищать свою мысль о бернштейнианском характере основных положений доклада т. Миллютина.

Таким образом я думаю, товарищи, что нужно было бы говорить главным образом о содержании доклада именно с точки зрения тех основных тезисов, которые здесь выставлены: отрыв философии от партийной жизни, формалистическое отношение в тех или иных случаях и т. д. В этом именно заключается основное ядро доклада, и от этого основного ядра как-то спор отошел.

Но, товарищи, я должен тут же отмежеваться от целого ряда товарищей, которые не по существу выступали против руководства и в частности против т. Деборина.

Неправ, мне кажется, в некоторых случаях и т. Миллютин в своем докладе. Он например говорит о том, что руководство в общем и целом вело правильную линию и таким образом является в этом смысле благополучным. Что это означает в политическом освещении? Это означает, что руководство сейчас не нужно было бы разрушать, что его нужно сохранить, поставивши только в известные рамки. Но в своем докладе и в своих тезисах

сах он дал целый ряд таких формулировок, которые должны были бы подсказать другой вывод. Сейчас у меня нет тезисов под руками, но, как мне помнится, там говорится между прочим о том, что философское руководство отличается аполитичностью, там приписывается философскому руководству «аполитизм». Правда, в тезисах поясняется, в каких случаях можно отметить этот самый аполитизм, но самое ведь слово «аполитизм» должно было бы наводить на ту мысль, что руководство принципиально не признает права политики вмешиваться в дело философии. Можно ли это сказать о философском руководстве? Нет, этого нельзя сказать, а если бы это можно было утверждать, тогда ни в каком случае нельзя говорить о благополучии в работе философской верхушки. В докладе руководству приписывается постоянная так сказать неблагонамеренность. В тезисах есть например такие слова: «Проблемы переходного периода в значительной степени обходились и не разрабатывались». То, что проблемы эти в значительной мере не разрабатывались, это верно, а что они «обходились», то тут уж налицо приписывание руководству преднамеренной тенденции, словно бы философское руководство сознательно старалось обойти данные проблемы. Вот это-то излишний прокурорский тон является, по-моему, ошибкой доклада, потому что одно из двух: либо можно и должно в общем и целом говорить о благополучии философской верхушки, тогда, пожалуй; громко ее и бей, и если даже в этом отношении немножко пересолить—не беда. А если в общем и целом философская верхушка благополучна и ее нужно было бы сохранить, то квалифицировать излишним образом грехи этой верхушки было бы тактической ошибкой.

Затем, напрасно т. Милотин персонифицировал философское руководство, избрав для своей цели исключительно т. Деборина, и, по-моему, не всегда попадал в цель,—например в том случае, когда приписывал ему позицию апологета плехановских ошибок в области философии. Ведь если бы только дать т. Деборину задание приняться за Плеханова и разделать под орех плехановские ошибки, то я уверен, что эта задача отнюдь не была бы ему несимпатичной. Он с удовольствием взялся бы за эту работу и оказался бы как критик Плеханова достаточно благополучным. Это же ведь наша общая беда, что мы все в известной мере до сего времени фетишизировали Плеханова как философа. Кто из нас не грешил этим? Это, говорю, наша общая вина или беда, а не грех исключительно лишь т. Деборина. Не стану распространяться о том, что те цитаты, которые здесь приводились, часто могли бы расцениваться как словесные ляпы. Здесь же например фигурировали такие утверждения, что Деборин чуть ли не ошельмовал Ленина и во всяком случае «недооценил Ленина, а переоценил Плеханова». Аргументы на этот счет были не очень сильны.

Вообще говоря, в политике не должно пересаливать там, где это не нужно. Пересол в этом отношении имеет еще между прочим и тот минус, что когда понадобится действительно уда-

рить как следует по явно выраженному оппортунизму, то в окружающей среде может получиться некоторое равнодушие. В пояснение этого напомним вам, товарищи, про неудачные выклики того пастушонка, который всуе кричал: «волк, волк», а когда настоящий волк появился, тогда уже никто пастушонку не поверил.

Шевкин. Товарищи, из хода дискуссии по вопросу о положении на философском фронте становится совершенно ясным, что мы можем успешно работать в области философии в будущем только в том случае, если преодолеем, решительно отбросим всю совокупность ошибок философского руководства. Это тем более необходимо, что та совокупность и политических и теоретических ошибок философского руководства, которая достаточно полно здесь была освещена в выступлениях ряда товарищей, получила весьма широкое распространение в нашей философской литературе. В качестве примера мне хотелось бы указать лишь на некоторые из этих ошибок, имеющие место в вышедшей в этом году вторым изданием книге т. Карева «За материалистическую диалектику». Прежде всего в книге мы встречаем ряд грубых политических ошибок. Еще в первом издании этой книги т. Карев, говоря о классах в переходный период, давал ленинскую трактовку этого вопроса. В статье «Октябрьская революция и исторический материализм» т. Карев писал: «Для каждой общественно-экономической формации существуют свои основные классы, воспроизводимые ходом развития данного общества».

Для переходного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь один основной класс—пролетариат, который, уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя как пролетариат»¹.

Это утверждение т. Карева явно противоречит ленинизму, согласно которому в переходный период существует два основных класса—пролетариат и крестьянство. Ленин, а за ним и Сталин многократно указывали, что в период диктатуры пролетариата после того, как буржуазия пролетарской революцией разбита в качестве основной решающей силы, какой она являлась при капитализме, другим основным классом после пролетариата становится крестьянство, его основные, не эксплуатирующие чужого труда, массы. Тов. Карев таким образом игнорирует крестьянство как другой основной класс в переходный период и тем самым впадает в троцкизм.

Затем, объявив наличие одного основного класса в переходный период, т. Карев продолжает:

«Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе только один класс. В «исторически определенной» для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и частично воспроизводятся и другие, оставшиеся от прежних общественно-экономических формаций,

¹ Карев, За материалистическую диалектику, 1-е изд., с. 62.

классы. Их судьба, пути развития определяются общей динамикой борьбы капиталистических и социалистических элементов переходного общества. Отношение к ним пролетариата есть отношение к классовой борьбе (подчеркнуто мной — В. Ш.). Формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам»¹.

Здесь признается, как видите, существование других кроме пролетариата классов, но не показывается, какие же это «другие сохраняющиеся и частично воспроизводящиеся классы». Все другие классы, без какой бы то ни было попытки различить их, т. Карев относит к враждебному для пролетариата лагерю. Он не проводит различия между капиталистическими слоями и мелким крестьянством, являющимся носителем простого товарного хозяйства. В силу этого по т. Кареву и отношение к ним, т. е. ко всем другим классам, в том числе и к основным массам крестьянства, есть отношение классовой борьбы. Тов. Карев явно впадает в троцкизм. Для троцкизма как раз особенно характерным является отрицание союза пролетариата и основных масс крестьянства. Из отрицания союза вытекала троцкистская ревизия ленинского учения о диктатуре пролетариата. Ясно, что т. Карев воскрешает разбитые уже давно партией традиции троцкизма в вопросе о классах в переходный период. Следовало бы т. Кареву отказаться от этой грубейшей политической ошибки. Повторение этой ошибки т. Карева имеет место и во 2-м издании его книги, дополненной, как известно, новыми статьями и измененной в некоторых своих частях. Так например в статье «Марксистская критика и критика марксизма», посвященной разбору источников, из которых проистекает различного рода критика марксизма, т. е. ревизия, т. Карев пытается дать характеристику основных классов современной нам советской действительности с тем, чтобы наметить принципы подхода к решению поставленных статьей вопросов.

«Современная нам советская действительность,—пишет он в этой статье,—есть в основном своем разрезе борьба двух противоположных друг другу сил—капитализма и социализма. Носителем социалистического начала является пролетариат, его партия, руководящаяся учением Маркса и Ленина; носителем капиталистического начала является нэповская буржуазия со всем штатом ее настоящих и возможных, сознательных и бессознательных сородичей и прихлебателей. Это—основные, определяющие силы»².

Верно в этом утверждении т. Карева то, что современная нам советская действительность, можно говорить, весь переходный период от капитализма к социализму, характеризуется борьбой двух начал—социалистического и капиталистического. Ленин в «Экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата» назвал переходный период периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом. Что неверно в приведенной цитате

¹ Там же, с. 62—63.

² Там же, с. 103. Подчеркнуто мной—В. Ш.

т. Карева, так это определение основных классов в СССР. Неверно утверждение, что основной определяющей силой современной советской действительности, т. е. классом, является наряду с пролетариатом нэповская буржуазия «со всем штатом ее настоящих и возможных, сознательных и бессознательных сородичей и прихлебателей». Как в первом разобранным мною случае, так и здесь т. Карев впадает в одну и ту же ошибку. В обоих случаях он не принимает во внимание крестьянство, абстрагируется от него. В первом случае т. Карев считает крестьянство классом, только противостоящим пролетариату, а во втором он прямо заявляет, что наряду с пролетариатом определяющим классом в СССР является нэповская буржуазия. С ленинской точки зрения вопрос о строительстве социализма, а следовательно и вопрос уничтожения классов упирается в вопрос о взаимоотношении пролетариата и основных масс крестьянства как двух основных классов в переходный период. Ленинизм исходит из утверждения, что диктатура пролетариата выполнит свои задачи, только опираясь на союз рабочего класса с основными массами крестьянства, под руководством рабочего класса.

Малейшее отклонение от этого положения ведет к неправильному, к неленинскому взгляду на классы и классовую борьбу. Надо сказать, что формулировка т. Карева неправильна в методологическом отношении, ибо она не вскрывает своеобразия переходного периода от капитализма к социализму и механически переносит соотношение классов капиталистического общества на эпоху диктатуры пролетариата. В этом смысле формулировка не дает конкретного определения, она абстрактна и схематична.

Ошибка т. Карева усугубляется тем, что он превращает свое положение в исходный пункт при исследовании всякого стоящего перед нами вопроса.

«С этой и прежде всего с этой точки зрения (т. е. с точки зрения того, что основными определяющими классами являются пролетариат и нэповская буржуазия—В. Ш.),—заявляет он,—мы должны подходить ко всякому стоящему перед нами вопросу»¹. Ясно само собой, что если подходить к вопросам нашего социалистического строительства, «с этой точки зрения», то кроме троцкизма ничего не получишь.

Впрочем к какому результату можно прийти при «этой точке зрения», показывает сам же т. Карев. Так например, несколькими страницами позже он пытается дать определение крестьянства, и вот что получается, послушайте: «Крестьянство,—пишет он,—наряду с пролетариатом—важнейший (не основной, а важнейший—В. Ш.) класс переходного общества, у нас численно самый большой класс». Далее оказывается, что «оно (т. е. крестьянство—В. Ш.)—необходимый, но не всегда верный (значит, иногда верный, а иногда и неверный—В. Ш.) спутник пролетариата»². Вместо ленинского положения о том, что крестьянство, основные

¹ Там же, с. 104.

² Там же, с. 103. Подчеркнуто мною—В. Ш.

его массы, есть основной класс наряду с пролетариатом в переходный период, что оно есть член Союза, в котором руководящая роль принадлежит пролетариату, т. Карев заявляет, что оно есть в а ж н е й ш и й, численно самый большой класс, играющий по отношению к пролетариату роль необходимого, но не всегда верного спутника. Вот к чему приводит «эта точка зрения» т. Карева. И это пишется в 1930 г. Как бы там ни было, а дух троцкизма веет над «этой точкой зрения», дух отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в строительство социализма проглядывает в «этой точке зрения» т. Карева.

Я остановлю, товарищи, ваше внимание на ошибках т. Карева по другому вопросу, по вопросу о Ленине и Плеханове. Проблема «Ленин и Плеханов» совсем неслучайно именно теперь встает во весь рост. Дело в том, что успехи, которые мы имеем в социалистическом строительстве, подтверждают правильность генеральной линии партии, строго руководящейся указаниями Ленина. В свете успехов строительства социализма рельефнее обнаруживается особенная сила и глубина мыслей Ленина, вырисовывается своеобразие Ленина как мыслителя, сохранившего, как никто из других последователей Маркса, от начала до конца неизменную верность революционной диалектике, и следовательно поновому становится вопрос о разработке ленинского наследства. Безупречно последовательное проведение революционной диалектики в жизнь, сопряженное с многосторонней разработкой ее,—вот что характеризует Ленина как философа и вождя международного пролетариата. Работы Ленина не только в области философии, но положительно все, начиная от специальных исследований и кончая газетными статьями, должны быть использованы при разработке вопросов материалистической диалектики. Вот почему, мне думается, так остро стоит сейчас перед нами проблема «Ленин и Плеханов», вот почему мы должны дать суровую критику философскому руководству, которое систематически недооценивало роль Ленина в философии. Надо заметить, что недооценка Ленина в философии, которая имеется в работах т. Деборина и на которую здесь совершенно правильно было указано выступающими товарищами, довольно сильно сказалась и на т. Кареве. Не только в ранних, но и в самых последних статьях т. Карева Ленин в теоретическом отношении так сказать стрижется под Плеханова или, с другой стороны, рисуется в противоположность Плеханову как теоретика—вождем, политиком, умевшим лишь наиболее последовательно применять диалектический метод на практике. Свой взгляд на Ленина, который до сих пор остается неизменным, т. Карев высказал еще в 1924 г. в журнале «ПЗМ». «Ленин,—писал он тогда,—стоит целиком и полностью на почве марксизма, применяя его к современной нам обстановке—периоду загнивания капитализма. Он приводит марксистскую теорию, очищенную от оплошлений II Интернационала, в действии. Ленинизм—это марксизм эпохи краха капитализма, переходного периода от капитализма к социализму. Это марксизм на практике пролетарской революции,

для которой не было еще достаточно материальных предпосылок в марксовском Интернационале. Больше всего Ленин был бы удивлен, если бы ему сказали, что он открывает новую эру (?!) в марксизме»¹.

Обстоятельного исследования вопроса о значении Ленина в деле разработки материалистической диалектики от т. Карева не приходится требовать, ибо он, как и другие представители философского руководства, теоретическое преимущество оставляет конечно, на стороне Плеханова, а не на стороне Ленина. Неоднократно встречаются например такие утверждения, что Плеханов правильно понимал диалектический материализм. Ограничиваться только такими замечаниями по поводу Плеханова конечно недостаточно. Ленин иначе относился к оценке Плеханова. Он указывал на существенные ошибки Плеханова в вопросах диалектики. Ограничиваться утверждением, что Плеханов правильно понимал диалектический материализм означает не что иное, как причислить Ленина под Плеханова, как поставить Ленина на тот уровень понимания диалектики, который был свойственен философии Плеханова. Тенденция уравнивать роль Ленина с ролью Плеханова встречается у т. Карева довольно часто. «Наибольшие успехи в борьбе с идеализмом и Ленин и Плеханов,— пишет т. Карев,—одерживали именно потому, что они поражали своих врагов оружием диалектики. Отдельные частные ошибки Плеханова (например в теории «нероглифов») были связаны с недостаточным использованием этого оружия». Может ли быть более разительный пример сведения Ленина к Плеханову чем этот? Разница между Лениным и Плехановым здесь упразднена. Тов. Карев определенно заявляет, что и Ленин и Плеханов одинаково поражали своих врагов оружием диалектики, а если у Плеханова и были ошибки, так это объясняется просто тем, что он лишь недостаточно использовал диалектику. Значит при правильном понимании диалектики Плеханов лишь недостаточно использовал ее. Такая оценка Плеханова противоречит замечаниям Ленина, которые имеются в его работах. Так, в конспекте «Науки логики Гегеля» Ленин отмечал, что «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий». Как видите, Ленин не говорит, что Плеханов недостаточно использовал диалектику в борьбе с кантианством, а прямо говорит, что Плеханов критиковал кантианство и агностицизм вообще более с вульгарно-материалистической точки зрения. Следовательно у Плеханова пробелы в философии были связаны не с недостаточным использованием диалектики, а с ошибками в вопросах самой материалистической диалектики. Если бы это было не так, то Ленин вероятно не

¹ «ПЗМ», № 4—5 за 1924 г. с., 1241. Подчеркнуто мною.—В. Ш.

написал бы в другом месте, что «диалектика есть теория познания (Гегеля) и марксизма: вот не какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Ленин, ставя вопрос о понимании Плехановым диалектики, прямо говорил, что он не обратил внимания на суть дела. Каревская же оценка Плеханова не может итти ни в какое, даже далекое, сравнение с оценкой Ленина. Однако вывод из этого можно сделать один: т. Карев умаляет значение Ленина в философии в сравнении с философией Плеханова. Недооценку Ленина в философии, которую можно было бы демонстрировать на многих других примерах из книги «За материалистическую диалектику», т. Карев старательно пропагандирует на страницах печати и теперь, т. е. уже после того, как на нее указали товарищи, выступившие с критикой философской работы. Так, отмечая отсутствие «яркого выражения идеи партийности в философии» у Плеханова, т. Карев пишет в 6-м номере «ПЗМ»: «Наряду с этим у Плеханова был и другой фундаментальной важности недостаток. Стоя целиком и полностью (подчеркнуто мной — В. Ш.) на позициях диалектического материализма, прекрасно понимая, что только диалектический материализм дает действительные ответы на все те вопросы, которые ставит современное знание, Плеханов однако разработку самой теории материалистической диалектики, как на это неоднократно указывал Ленин, оставил на заднем плане». Стало быть и здесь по т. Кареву выходит, что Плеханов целиком и полностью стоял на позициях диалектического материализма.

Тов. Карев следовательно отрицает непоследовательность Плеханова, отрицает его ошибки в вопросах диалектического материализма. Отрицание непоследовательности Плеханова в философии означает не что иное, как игнорирование замечаний Ленина о Плеханове. Потому-то Плеханов, мне думается, и оставил разработку теории материалистической диалектики на заднем плане, что он иначе, чем Ленин, подходил к вопросам диалектического материализма, что он допускал крупные ошибки, которые Лениным были отмечены и на которые до сих пор еще не удалось привлечь внимание представителей философского руководства в том числе и т. Карев. Представители философского руководства делают погуги обвинять выступающих против недооценки Ленина в попытке пересмотреть ленинское отношение к Плеханову. Мне думается, что это не может встретиться хоть какого бы то ни было сочувствия, ибо речь идет не о пересмотре ленинской оценки Плеханова, а как раз об учете ее. Речь идет о критике ошибок, навороченных философским руководством, до сих пор не сумевшим использовать глубоких высказываний Ленина по этому поводу.

Всем известно, что Ленин высоко отзывался о философских работах Плеханова, называя их лучшими в международной литературе марксизма. Однако это не означает, что у Плеханова не было ошибок.

Речь идет о том, чтобы как раз освободить ленинское пони-

мание значения Плеханова от налета извращений, которым оно продолжает покрываться усилиями представителей философского руководства. Пора наконец решительно заявить, что Ленину принадлежит заслуга в поднятии диалектического материализма на новую, более высокую ступень, до понимания которой еще весьма далеки как все философское руководство, так и т. Карев в отдельности.

Стэн. Поскольку в философской области работы целый ряд важнейших вопросов поставлен весьма остро, требуется в первую очередь сформулировать основные разногласия. Надо отбросить в сторону все частности, мелочи, всякого рода личные и посторонние наслоения. Все всюду и везде говорят, что необходим поворот в области разработки проблем философии у нас. Когда ставится вопрос о повороте, надо с самого начала выяснить, почему необходим этот поворот, чем он вызван и обусловлен. Необходимость поворота создана не субъективной прихотью, не субъективной склонностью отдельных работников на философском участке марксистско-ленинской теории. Эта необходимость порождена характером и содержанием задач нового этапа социалистической революции.

Вообще для нас, марксистов, для нас, революционеров-большевиков, нет отвлеченных теорий, которые разрабатываются в надзвездных пространствах.

Сама революционная практика, ход революционных событий каждый раз выдвигают очередные теоретические звенья, подобно тому, как всплывают практические звенья в области повседневной политики на каждом новом этапе нашего развития. Мы знаем, что Ленин в каждый период своей деятельности имел свое особое теоретическое звено. В определенный период Ленин написал «Развитие капитализма в России». В споре с народниками вопрос об исторических путях развития России имел не отвлеченное теоретическое значение, а являлся вопросом, от которого зависел характер решения основных задач революционной практической деятельности. Ответы на вопросы практической политики упирались в проблему о тенденциях общего экономического развития России.

То же самое, когда Ленин боролся в 1905 г. с меньшевиками когда он противопоставил свою стратегическую и тактическую концепцию меньшевистской концепции. Ленин обосновал это на глубоком теоретическом анализе аграрного вопроса, показал, что тактическая концепция меньшевиков упирается в непонимание особенностей развития России, в непонимание того, что российская буржуазно-демократическая революция является крестьянской революцией.

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленин написал вовсе не из голого интереса к отвлеченным философским проблемам, — это тоже не случайно. После разгрома революции 1905 г., когда массами переваривался громадный революционный опыт, в порядке дня стали вопросы общего мировоззрения. В рядах про-

летарского движения начали нарождаться реакционные, идеалистические течения.

Ленин поставил своей задачей дать отпор этим антиматериалистическим, идеалистическим тенденциям, подрывавшим диалектико-материалистическую основу революционной политики.

Свой «Империализм» Ленин писал не случайно, а потому, что нужно было осознать характерные особенности империалистической стадии капитализма. Не случайно ленинская книга «Государство и революция» поставила основные проблемы диктатуры пролетариата, поставила вопрос об отношении марксизма к государству, потому что Ленин знал, что зреющая революция выдвинет все эти вопросы с небывалой практической остротой.

Поэтому, когда мы сейчас выясняем круг наших задач в области философии марксизма, то эти задачи в первую очередь мы должны рассматривать под углом зрения тех практических задач, которые поставлены перед нами текущей борьбой рабочего класса и содержанием нового этапа нашей революции.

Почему понадобилось нам на философском фронте сейчас говорить о повороте. На философском фронте нам понадобилось говорить о повороте потому, что быстрый ход революционного развития, быстрое продвижение наше в области социалистического строительства поставили целый ряд таких проблем, которые не нашли еще теоретического освещения. Если попытаться в общей форме подыскать тот корень, тот первоисточник, из которого вытекает необходимость поворота на философском фронте, то нужно ответить, что этот первоисточник заключается в том, что наша революция сейчас вступила в свою решающую фазу, в решающую фазу в том смысле, что сейчас решается вторая половина основных задач социалистической революции. Когда мы в Октябре взяли власть, мы национализировали крупную промышленность, создали основные предпосылки для ведения планового хозяйства, но многомиллионное крестьянское море продолжало нас окружать, стихия этого крестьянского мелкобуржуазного, мелкотоварного хозяйства, из которого ежедневно, ежедневно, как говорит Ленин, растет капитализм, продолжало нас окружать, и мы не сразу могли приступить к переделке этого мелкого товарного хозяйства, мы не сразу могли уничтожить и пресечь в корне рост капитализма в сельском хозяйстве. Нам в нашей политике пришлось пройти целый ряд этапов перед тем как вступить в решительный бой с русским капитализмом. Когда наша партия поставила вопрос о ликвидации кулачества как класса, когда она поставила вопрос о сплошной коллективизации, то это означало, что мы вступили в решительную фазу преодоления мелкобуржуазной стихии, окружающей крупную социалистическую промышленность. Это означает создание решающих всеобщих предпосылок для социалистического планового ведения хозяйства. Но это, товарищи, не простой вопрос. Этот вопрос связан с переделкой всей нашей техники, с переделкой всех старых производственных и общественных отношений, с

преодолением всех старых форм общественного сознания. Это колоссальный сдвиг, глубочайшая революция во всех областях. Это означает, что мы в своей общественно-исторической практике переделываем, переплавляем исторические закономерности. Наша практика—это не ползучая эмпирическая практика, которая заполнена частностями, эмпирическими мелочами, наша общественно-историческая практика на настоящей ступени есть реконструкция всеобщих общественно-исторических закономерностей, определявших развитие в прошлом. В этом основной, главный вопрос. Если стихийность исторического развития была основной характерной чертой всех предшествовавших общественно-экономических формаций, то сейчас, когда поставлен вопрос о преодолении мелкого товарного хозяйства, о введении плановости в социалистическом хозяйстве на широких и глубоких основах, это означает, что создаются предпосылки для сознательного воздействия на исторический процесс. Это не значит, что мы уже преодолели стихию, но мы сейчас вступили в полосу ее решительного преодоления. Это самое характерное, самое главное, что накладывает отпечаток на всю нашу общественно-историческую практику. И вот эта общественно-историческая практика занята решительной переделкой всех прежних оставшихся общественно-исторических укладов. В то время, говорит Маркс, как все прежние революции не полностью уничтожали старые общественно-экономические уклады, а включали их как частные моменты в новую хозяйственную систему, в то время как прежние революции не полностью устраняли старые идеологические формы, предшествовавшие формы общественного сознания, а включали их в новые идеологические образования,—коммунистическая революция от прежних революций отличается тем, что она ставит вопрос о коренной, решительной переделке всех общественно-экономических укладов, о коренном, решительном устранении всех фетишистских форм общественного сознания. Наша общественно-историческая практика подошла к решению этих задач, а это, товарищи, означает, что мы вскапываем и поднимаем в области экономики, политики и идеологии такие исторические напластования, которые являются продуктом векового развития. Эта гигантская историческая работа возбуждает сопротивление мелкобуржуазной стихии, работающей на реставрацию капитализма. В этих условиях мелкобуржуазная опасность встает перед рабочим классом и его партией решительно во всех областях как в области идеологии, так и в области политики. Поэтому работу по постановке и решению положительных теоретических задач необходимо увязать с борьбой против тех мелкобуржуазных шатаний и кулацко-капиталистических влияний, которые возникают в области политики и теории. Это важнейшая и существеннейшая задача.

Мне хочется здесь устранить одно недоразумение, которое создают некоторые товарищи, выступающие в нашей дискуссии. Эти товарищи очень часто отказываются спорить по существу, заявляя, что у нас ведь не теоретические разногласия, у нас

разногласия политические. Конечно всякое теоретическое разногласие имеет политический смысл. Но не об этом здесь речь. Дело идет о том, что высказывается мнение, иногда открыто, иногда завулировано, что как же вы можете вообще рассуждать о философии марксизма, какое вы имеете право выступать по этим вопросам, ведь вы политически ошибались, ведь у вас были политические ошибки. Обсуждение теоретических вопросов сводят к политическому шельмованию. Этот прием должен найти самое резкое осуждение, ибо он мешает нашей теоретической работе.

Затем мне кажется, что нельзя подходить к другому партийцу-большевику таким образом, что если он выступает с трибуны и говорит одно, то предполагается, что думает он другое. Если есть такие факты, то нужно их рассмотреть и расследовать, — это совершенно особый вопрос; но если партиец делает определенные заявления и у вас нет никаких фактических данных их опровергнуть, то не имеете права не верить этим ясным определенным политическим заявлениям. Мне, товарищи, по поводу моих политических ошибок приходилось говорить не раз. Да, я ошибался, но я исправлял свои ошибки. Я сейчас стою на той политической линии, которую проводит наша партия, а другой политической линии сейчас не вижу. Политическая линия нашей партии правильна потому, что только на ее основе можно преодолеть те хозяйственные и политические трудности, которые имеют место в период, когда мы переходим самый высокий исторический перевал. Поэтому, товарищи, указанные приемы полемики с самого начала надо отбросить. Они ни к чему не ведут, они не ведут ни к политической, ни к теоретической ясности.

Когда говорят об «актуализации» и «политизации» нашей философской работы, то в первую очередь выдвигают проблему партийности философии и обвиняют «философское руководство» в непонимании партийности философии, хотя так называемое философское руководство, я должен заявить, является существом мифическим. Кто составляет это руководство? Деборин, Карев, Стэн, Луппол? Но ни одно философское учреждение не находится в их руках. Назвать их руководством только потому, что они руководят философскими семинарами, никак нельзя. (Смех). Прозвище «философское руководство» придумано в специальных прагматических целях.

Голоса: «А статья десяти?» — «А платформа?»

Стэн. Вот это так называемое «философское руководство» обвиняют в отрыве от партии, в непонимании партийности философии. Я считаю необходимым на этом вопросе остановиться, потому что в самом деле этот вопрос весьма важен, и если на него не иметь определенного и ясного ответа, то двинуться вперед в деле разработки конкретных теоретических проблем, которые связаны с социалистическим строительством, чрезвычайно трудно. Но в этом вопросе как раз те, кто больше всего кричит о партийности философии, искажают ленинское понимание

партийности философии. В теперешней напряженной обстановке, когда все наше внимание сосредоточено на острых политических и экономических вопросах, создается опасность упустить из виду своеобразные теоретические задачи, вытекающие из социалистической практики, когда мы ее охватываем диалектически как конкретную целостность. Создается опасность в области теории вульгарно-эмпирически обобщать и фотографировать поверхностные явления повседневной политической практики. Вульгарно-практическое сознание некоторых товарищей хочет казаться весьма революционным, когда оно заявляет, что существуют только политика и политические проблемы. Это есть результат непонимания основных форм классовой борьбы пролетариата и их диалектического соотношения. Ленин вслед за Энгельсом указывал, что наряду с экономической и политической формой борьбы существует теоретическая форма борьбы.

Что говорит Ленин о соотношении теоретической, политической и экономической борьбы пролетариата?

«Энгельс признает, — говорит Ленин, — не две формы великой борьбы социал-демократии (тогда все назывались социал-демократии, когда Ленин писал): политическую и экономическую, как это принято делать у нас, — а три, ставя наряду с ними теоретическую борьбу»¹.

Вы все наверное помните, что Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии», где он высказывается по этому вопросу, подчеркивает, что немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля никогда не создался бы немецкий научный социализм — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел, а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сэн-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, кото-

¹ Ленин, Что делать.

рые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно,—так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратиться к себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тредьюнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практическо-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом так сказать концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения»¹.

Что это означает? Это означает, что пролетариат ведет борьбу в трех основных формах: в теоретической, политической и экономической. Все эти формы борьбы суть формы классовой борьбы пролетариата, они являются производными от соотношения классовых сил в каждой данной исторической ситуации.

Коммунистическая партия синтезирует в себе все эти формы борьбы, она одинаково руководит как теоретической, так и экономической и политической борьбой пролетариата. Но это не означает, что нет своеобразия положения, своеобразия задач в теоретической, в политической и в экономической областях борьбы рабочего класса. Те, кто не в состоянии охватить в целом весь исторический смысл нашей практики, не понимают объема и содержания новых теоретических задач, а под давлением острой злобы дня произвольно выхватывают отдельные частные задачи и их механически суммируют. И все это делается под флагом того вывода, что философия марксизма есть частный момент политики, частная форма политики. Такие рассуждения неизбежно приводят к теоретическому ликвидаторству. (Шум). Это есть ликвидация теоретической формы борьбы рабочего класса, в этом надо дать себе отчет.

Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию, как частную форму политики. Политика это своеобразная надстройка, это форма деятельности пролетариата, форма классовой борьбы. Политическая борьба есть форма классовой борьбы. Теоретическая борьба имеет политический смысл, потому что она связана с классовыми задачами

¹ Энгельс, Предисловие к „Крестьянской войне в Германии“.

пролетариата, но теоретическая борьба вовсе не сводится к политической борьбе и не исчерпывается ею.

Если исходить из того, что теоретическая форма борьбы тождественна с политической, то становится непонятным очень многое в поведении Ленина. Методологические ошибки всегда дают знать себя в области политики, но в последнем счете не сразу, не непосредственно. Например у Ленина были философские разногласия с Богдановым до того, как он с ним разошелся политически. Пока философские разногласия не сказывались непосредственно на практической политике Ленин не рвал с Богдановым.

В самый острый период борьбы с плехановской, стратегической и тактической концепцией русской революции Ленин, подчеркивая заслуги Плеханова в деле защиты философии марксизма, расходился с Плехановым. Резко критикуя Плеханова в политической и тактической областях, Ленин указывал, что не надо забывать, что в философской области Плеханов выполнял правильное революционное дело критики ревизионизма. Ленин прямо заявляет: «Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить—дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»¹.

Товарищи, это не означает, что Ленин не критиковал Плеханова как философа. Но надо исторически относиться к вещам, а здесь некоторые товарищи страдают величайшим антиисторизмом, они вырывают из конкретной исторической обстановки явления и весь вопрос сводят к тому: кто больше—Плеханов или Ленин? Что за детская постановка вопроса: кто больше, кто меньше. Разве в этом суть дела, разве Ленин нуждается в такой защите, чтобы, обращаясь к прошлой деятельности, к философской работе Плеханова, спрашивать: кто больше—Плеханов или Ленин. Ленин сделал кое-что такое в области философии марксизма, что если систематически осознавать это, то величие Ленина как философа-марксиста, как материалиста-диалектика вырисовывается без этой вульгарной антиисторической защиты.

В самом деле, возьмем вопрос о соотношении Плеханова и Ленина. Это важный вопрос. Я не скажу, что на философском фронте это основной вопрос, что сейчас главная опасность в области философии—Плеханов. Это чепуха и чушь, это непонимание тех опасностей, которые связаны с ростом у нас вульгарно-материалистических тенденций (механизм), как главной опасности, и ростом формалистических тенденций. Думать, что Плеханов

¹ Ленин, ст. Марксизм и ревизионизм.

сейчас в области философии марксизма—главная опасность,—это чепуха, так дело не обстоит. Но конечно между Плехановым и Лениным есть громадное различие, потому что Ленин дал осознание нового периода всемирной истории, который связан с империалистической стадией капитализма. Он это проделывал на основе философии диалектического материализма и вместе с тем самостоятельно разрабатывал дальше эту философию диалектического материализма. Изучая кризис современного теоретического естествознания, подходя к вопросу о материалистической переработке Гегеля, он выдвинул новые стороны теории материалистической диалектики, новые отношения и связи в самой действительности, новые категории. Если отметить недостатки и слабые стороны Плеханова как философа, то нужно сказать, что в плехановский материализм, который в основном является диалектическим материализмом, просачивались элементы вульгарного механистического материализма. Стоит взять такую важную работу Плеханова, как «Основные вопросы марксизма», и посмотреть, что он там говорит о теории познания марксизма, чтобы заметить, что в понимании проблемы субъекта и объекта Плеханов не поднимается над уровнем феербаховской точки зрения. Плеханов вслед за Фейербахом понимает субъект и объект чисто физиологически, в смысле соотношения «я» и «ты». Те, кто знают отрывок из «Немецкой идеологии» о Фейербахе, опубликованный в первом номере Архива Маркса и Энгельса, помнят, что Маркс критикует Фейербаха именно за абстрактное понимание чувственности, на непонимание того, что внешние органы чувства человека выросли, сложились исторически, что физиология внешних органов чувства человека не может быть взята просто как физиология внешних органов чувств животных, что историческая обстановка, социальное развитие человека наложило отпечаток на структуру чувственных восприятий человека, что чувственное восприятие субъекта и другие формы его познания, которые надстраиваются над чувственным восприятием, надо изучать конкретно, как они складывались в различные исторические эпохи на основе изменения человеком окружающей природы. Совершенно неправильно заявление Плеханова, что теория познания Маркса есть теория познания Фейербаха плюс активность субъекта по отношению к объекту. Это ни в коей мере не передает существенного качественно-нового содержания теории познания диалектического материализма. Вторым важным недостатком плехановского материализма является непонимание соотношения основных форм движения материи. Вы все знаете, что Плеханов любил ссылаться на французских материалистов, ссылаться на то, что материя в первичной форме присуще ощущение, т. е. он стоял в известной степени на точке зрения гилозанизма. Если вы возьмете Маркса и Энгельса, то вы этого у них не найдете по той простой причине, что они подошли к вопросу с точки зрения диалектического материализма, потому что они понимали диалектически соотношение форм движения материи и могли показать, как связывается механическая форма движения с физи-

ческой, как мы подходим к сознанию, как мы подходим к обществу, к общественному сознанию и т. д.

Можно отметить и перечислить еще целый ряд слабых сторон Плеханова. Крупным недостатком Плеханова как философа является то, что Плеханов не сумел поставить вопроса о диалектике как философской науке в целом. Он не ставил перед собой задачи целостной систематической разработки теории материалистической диалектики. Поэтому Ленин замечает, что Плеханов писал очень много о Гегеле, но ничего не сказал о гегелевской «Науке логики», которая содержит очень много такого, что в материалистически переработанном виде может быть использовано в целях построения теории материалистической диалектики.

Теперь, в новую историческую эпоху, мы можем поставить целый ряд вопросов иначе, ярче, правильнее, чем это делал Плеханов, когда он вел борьбу с различными формами неокантианства, с различными формами ревизионизма. Но это не означает, что над этой борьбой, которую вел Плеханов с этими формами ревизионизма, надо поставить крест. Не даром Ленин еще во время знаменитой профсоюзной дискуссии отметил, что именно философские работы Плеханова, собранные вместе, могут служить учебником коммунизма.

Но Ленин ведь делал это указание, учитывая как раз те свои критические замечания, которые он сделал в конспектах о Гегеле и которые только впоследствии были опубликованы. Постановка и решение тех новых задач в области философии марксизма, которые связаны с новым этапом революции, упираются в разработку ленинского философского наследства. Ленин подчеркнул значение разработки теории материалистической диалектики как науки в целом. Эта задача встает сейчас перед философами-марксистами как самая главная задача. Ее надо понять и на ее выполнении сосредоточить все силы. У нас иногда с философа спрашивают все. Он должен быть в одинаковой степени экономистом, экономистом-аграрником, естествовником-биологом, естествовником-физиологом и т. д. Но ведь это же смешно, это несерьезный подход к делу. Когда мы ставим перед собой колоссальные новые теоретические задачи, нам нужна плановая организация научного труда, нам нужно распределить эти задачи. Нам нужно покончить со стихийной организацией научной работы, чтобы не было такого положения, когда каждый работает над чем хочет. Необходимо, чтобы все научные организации были вовлечены соответственным образом в дело решения больших теоретических задач, возложенных на нас нашей эпохой, на основе понимания той главной задачи, которая встает сейчас перед философами-марксистами.

А в чем заключается сейчас самая основная, главная теоретическая задача, которая должна стать перед философами-марксистами? Она заключается в том, что мы должны дать систематическую разработку теории материалистической диалектики. За что больше всего нас надо ругать? За то, что мы, товарищи, ничтожно мало сделали в этой области. Ведь в самом деле прак-

тика наша подвигается вперед, социалистическое строительство ставит перед нами большие задачи. Все науки должны быть поставлены на службу социалистическому строительству. Но все прежние науки суть результат стихийно-исторического развития. Нам необходимо пересмотреть прежний человеческий опыт под углом зрения диалектического материализма. Это—колоссальная задача, задача перестройки науки. Она связана с разработкой теории материалистической диалектики. И в этом отношении Ленин подвинул нас уже далеко вперед, далеко вперед в том смысле, что, если Маркс хотел, как он говорит в одном из своих писем, написать «Логик», в которой собирался изложить рациональное зерно, содержащееся в гегелевской «Логике», и не сделал этого, то Ленин в своих конспектах о Гегеле отмечает новые стороны диалектики, дает новую постановку целого ряда вопросов. Намечает основные направления, основные принципы разработки теории материалистической диалектики. Это колоссальнейший шаг вперед в области философии марксизма. Конечно это еще не означает,—пусть меня обвинят сейчас в недооценке значения Ленина,—это не означает, что у нас есть уже готовая, систематически разработанная теория материалистической диалектики. Этого у нас еще нет. Эту задачу нам предстоит еще решать. Наша практика решительно из всех областей предъявляет нам это требование. Мы с этой задачей до сих пор справлялись весьма плохо.

Мы все росли и растем и надеемся вырастем и укрепим для решения этой задачи. Если характеризовать нашу философскую работу за прошедший период, то надо сказать, что она носила весьма ученический характер. Мы все были учениками, не в плохом, а в хорошем смысле этого слова. Но мы не могли подойти к разработке тех больших основных проблем теории диалектики, которые сейчас перед нами стоят во весь рост. У нас подрастают кадры, у нас кристаллизуются философские кадры. Эту главную задачу нам надо поставить в центре нашей работы, вокруг ее решения организовать наши философские кадры, наших философских работников.

Ленин как раз подчеркнул основные особенности, основные стороны теории материалистической диалектики как науки. Если вы возьмете вопрос о соотношении теории познания и логики, эту существенную сторону теории диалектики, то именно ее Ленин отчетливо выяснил. На этом вопросе необходимо остановиться, потому что он связан с возрастающей у нас формалистической опасностью на философском участке.

Когда мы ставим вопрос о формалистической опасности, то мы должны попытаться определить, в чем же заключается эта формалистическая опасность, что такое формализм. Непонимание соотношения между теорией познания и логикой служит главным источником формалистической опасности в области разработки теории диалектики. Ленин, анализируя структуру гегелевской логики, отмечает, что ее основное значение заключается в том, что она является итогом, обобщением истории мысли: «Понятие [познание] в бытии [в непосредственных явлениях] открывает

сущность [закон причины, тождество], различ[ие] etc—таков действительно общий ход всего ч[елове]ч[еского] познания [всей науки] вообще. Таков ход и ест[ество] знания и [политической] эк[о]номии [и истории]. Диал[екти]ка Г[ег]еля есть, постольку, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на истории отдельных наук. В логике история мысли должна в общем и целом совпадать с законами мышления»¹.

Здесь дана основная линия, главная магистраль разработки теории материалистической диалектики. В логике законы мышления должны в общем и целом совпадать с законами истории мышления. Логическое не есть нечто оторванное от исторического. Логическое есть результат очищения исторического процесса развития от случайных форм проявления.

Когда Маркс в своих подготовительных работах к «Святому семейству» дает оценку значения гегелевской «Феноменологии духа», он подчеркивает именно эту сторону дела. Основное значение гегелевской «Феноменологии духа» заключается в выяснении того, что основной метод гегелевской логики—принцип отрицания—есть вывод из истории форм мышления и форм человеческой практики.

«Феноменология духа» показывает, что внутренняя логическая необходимость, проявляющаяся в связях между категориями логики, есть результат осознания исторической необходимости. В гегелевской логике это соотношение гораздо больше заметно, чем в «Феноменологии духа». В «Логике» историческое подчинено логическому. Разрыв между логическим и историческим, непонимание связи между логикой и теорией познания, непонимание того, что законы логики есть законы истории мышления,—ведет у нас к формализму в области разработки теории материалистической диалектики. По этой же линии проявляется формализм, вырастает и в других областях. Если возьмете например рубинские ошибки в области политической экономии, то основной методологический смысл этих ошибок заключается в разрыве между логическим и историческим, в непонимании того, что экономические категории Маркса не есть какие-то абстрактно-логические категории, которые движутся сами по себе, в непонимании того, что они отражают экономическую историю развития. Если возьмете движение форм стоимости у Маркса, то это движение форм стоимости не есть абстрактное движение категории, это есть воспроизведение целых этапов исторического развития менового общества.

В целом ряде других конкретных областей формализм, формалистическая опасность намечается именно по этой же линии. Наша задача заключается в том, чтобы использовать то ленинское философское наследие и не только специально философское, но и все то, что дал Ленин в своих тактических, экономических и политических работах, и приступить к систематиче-

¹ «XII Ленинский сб.», с. 291.

ской разработке теории материалистической диалектики. Только это даст нам методологическое оружие для победы над всякого рода формализмом.

Когда мы говорим о значении ленинского философского наследия и ведем борьбу с теми, кто недооценивает Ленина как философа, надо вместе с тем иметь в виду и другую опасность. У нас находятся товарищи, которые утверждают, что ленинская философия в смысле метода является чем-то совершенно новым по отношению к Марксу, что марксова философия есть частный снятый момент в ленинской философии, что надо эволюционировать от марксизма к ленинизму, что ленинизм не есть марксизм.

Тов. Рудаш в своей книге «Против новейшей ревизии марксизма» ставит вопрос о соотношении марксизма и ленинизма таким образом:

«Кто оставляет без внимания то реальное и глубокое движение вперед, которое сообщил марксизму Ленин, тот не признает эволюции от марксизма к ленинизму, тот эволюционирует вспять от марксизма».

Но т. Рудаш на этом не останавливается и развивает вульгарно-механическое понимание марксова материализма. Рудаш заявляет: «Но другого философского материализма кроме естественно-научного не существует»¹. Итак, марксизм есть естественно-исторический материализм плюс исторический материализм.

Нам нужно бороться как с теми, кто, недооценивая роль Ленина в философии, не понимает того, что нового дал Ленин, так и с теми, кто отрывает Ленина от Маркса.

Наша задача заключается в том, чтобы осознать те теоретические задачи, которые сейчас перед нами встали в философской области и сплотить все наши философские кадры для дела разработки материалистической диалектики.

Нам бросают обвинение, что мы против самокритики, что мы зажимаем самокритику. Это неправда, мы никогда не были против самокритики. Я не думаю, что эти товарищи, которые здесь выступают, могли бы жаловаться, что их кто-нибудь зажимает. Возражают и возмущаются против резкой теоретической полемики. Но эти товарищи рассуждают весьма односложно.

Ленин всегда подчеркивал практически политическое значение непримиримой теоретической полемики. Когда просачиваются вредные теоретические тенденции, с ними надо вести беспощадную войну. А я считаю, что эти товарищи выражают теоретически вредную тенденцию. Они являются именно препятствием в области разработки теории материалистической диалектики. Если вы в самом деле уверены в тех обвинениях, которые вы нам предъявляете,—что мы оторвались от партии, что мы есть троцкизм,—то надо нас без всякого промедления казнить. Все свои обвинения эта группа товарищей строит на случайно вырванных цитатах. Они берут отдельные неудачные формулировки

¹ Рудаш, Против новейшей ревизии марксизма, с. 128.

из первого варианта декларации и устраивают вокруг них дикуую пляску. Но когда мы начинаем цитировать их статью, сданную в «Большевик», отшлифованную, отработанную, подписанную, за которую авторы отвечают, они протестуют, не имеющие права цитировать. Трудно подобрать на человеческом языке слово для характеристики такого рода явлений.

Нужно во что бы то ни стало ликвидировать ту вредную атмосферу, которая создалась на философском участке нашей работы. Не нужно спекулировать на тех политических ошибках, которые имелись у отдельных товарищей. У меня были политические ошибки, у т. Карева имелись политические ошибки, мы эти политические ошибки исправляем, мы идем в ногу с партией и ведем борьбу за осуществление генеральной линии нашей партии. Совершенно недопустимым является такое положение вещей, что, когда мы обсуждаем философские вопросы, нас ставят в неравное положение и заявляют, что вы невыдержанные большевики, а мы выдержанные большевики и поэтому давайте нам в споре все привилегии. Мы сознаем целый ряд ошибок в прежней нашей политической и в философской работе. Нами допущен целый ряд крупных ошибок, которые могут быть исправлены только на основе большевистской самокритики. Без острой, жесткой самокритики мы не можем идти дальше в области теории. Но тут нужна настоящая самокритика на основе понимания тех больших теоретических задач, которые в настоящее время поставлены перед нами новым этапом революции. Если мы окажемся в состоянии справиться с новыми крупными теоретическими задачами, тогда мы окажемся настоящими предстателями партийности в области философии, настоящими партийцами, ибо в области марксистской философии мы должны выполнять те задачи, которые возлагает на нас современная историческая эпоха и практика классового борьбы пролетариата в настоящий период.

Ярославский (встречен а плодисментами). Товарищи, я нахожусь в несколько трудном положении, потому что не слышал ни доклада т. Милютина, который я, правда пробежал бегло по стенограмме, ни содоклада т. Деборина. Содоклад т. Деборина я имею в направленной стенограмме с массой пропусков (цитат), так что ею пользоваться не имею права. Но то, что т. Деборин с самого начала, начиная свой доклад, указал, что слишком поспешно поставили вопрос о положении на философском фронте, показывает, насколько т. Деборин и те, кто с ним солидарен, не понимают положения, насколько они запоздали с постановкой этих вопросов.

Голоса. Правильно. (А плодисменты).

Ярославский. Напомню вам, товарищи, что некоторое время назад существовало решение, как будто бы даже в июле месяце 1930 г. созвать философскую конференцию. Существовала такая наметка до того, как руководящая группа почувствовала движение живой воды. Так что т. Деборин и в этом случае запоздал на несколько месяцев. А если исходить из того, что здесь говорил т. Стэн сейчас, если исходить из того, что поворот,

который сейчас диктуется,—можно сказать повелительно диктуется,—что этот поворот определяется, как он говорит, тем, что наша революция сейчас вступила в решающую фазу, а надо сказать, товарищи, что она вступила не сегодня, а по крайней мере за год раньше, а я думаю, что ещё тогда, когда ставился вопрос о переходе от восстановительного периода к реконструктивному, тогда это опоздание станет особенно ясным. Конечно тогда, когда был поставлен вопрос о ликвидации кулака как класса, перед нами стало нечто новое, ютично от того, что ставилось нами тогда, когда мы говорили об ограничении кулака и пр. и пр. Но, товарищи, во всяком случае, если взять исходной точкой именно реконструктивный период, потому что он-то и есть та решающая фаза, о которой здесь говорил т. Стэн, то тогда мы вдвойне запоздали с постановкой этих вопросов.

Голос: «Лучше поздно, чем никогда». (Смех).

Ярославский. Да, конечно, в этом отношении можно сказать так, как говорит и т. Милотин—лучше поздно, чем никогда,—но во всяком случае говорить, что мы поторопились, поспешили поставить эти вопросы, ни в коем случае нельзя. Если такими темпами руководствоваться, какими руководствовалось ОВМД в постановке этих вопросов, мы бы их, пожалуй, не поставили и в конце пятилетки.

В связи с этим надо прямо сказать по поводу т. Стэна о том, что наша политика, конечно,—не политика ползучих эмпириков, но когда мы запаздываем на несколько месяцев с постановкой вопросов, тогда именно философская наука становится наукой ползучего эмпиризма.

Насколько мне помнится, вопрос о взаимоотношении теории и практики нашими основоположниками ставился так, что если прежняя философия учила, как объяснять мир, то философия марксистская должна учить тому, как изменять мир. И вот, если вы с точки зрения этого основного требования,—требования, включающего в себе марксистское понимание взаимоотношения между теорией и практикой,—подойдете к т. Деборину, к т. Стэну, к т. Кареву и др. руководителям на нашем философском фронте и спросите их, как же вы учили нас изменять мир, то вы ни по одному вопросу у них не найдете ответа. (Смех, аплодисменты).

Еще два слова в защиту того, так сказать, что надо было во что бы то ни стало поторопиться с постановкой этого вопроса. Передо мной лежит письмо одного из редакторов «ПЗМ»—т. Максимова и ответ г. Деборина, напечатанные в «Правде» (вам всем они известны, и я читать не буду). Тов. Максимов говорит, что положение в редакции создается такое, что, начиная с № 2—3, журнал «ПЗМ» выражает лишь точку зрения тт. Деборина и Стэна,—причем от себя добавлю, т. Деборин играет здесь роль зам-Энгельса а т. Стэн—зам-Маркса. (Смех). В редакционной коллегии в настоящее время представлены три течения. Это конечно очень богатая редакция, где три течения представлены, но такая «триада» ни в какой степени не га-

рантирует нас в том, что здесь есть какое-нибудь единство руководства. Тов. Деборин ответил г. Максиму. В некоторых пунктах его письма он может быть и прав, но по важнейшему вопросу о том, существует ли в редакции «ПЗМ» единство руководства, он нам не ответил. Этот вопрос он «по-философски» обошел (смех) и предоставил нам самим размышлять о сем факте.

Но, товарищи, это совершенно нетерпимая вещь, если создается такое положение, когда в журнале три течения и когда целый ряд статей попадает в печать не по решению редактора журнала, а не-членов редакции с надписью прямо: «Печатать». Если товарищи будут опровергать этот факт, то я сумею доказать, что это так. А с другой стороны, эта триединая редакция не дает возможности поместить статьи, критикующие подобное руководство.

Если говорить о том, каковы основные ошибки, то надо сказать, что основные ошибки правильно подмечены теми молодыми товарищами, которые набрались храбрости в 1930 г. выступить с критикой. Основная ошибка заключается в разрыве теории и практики, в отставании, в том, на что указал Сталин на конференции аграрников-марксистов и на что не реагировали по-настоящему и до сих пор, по существу дела. И до сих пор в переходе от рассуждений о том, что Сталин прав,—к практическому исправлению того, о чем говорил Сталин,—даже через полгода почти ничего не сделано. Под давлением критики, именно под давлением тех «молодых» товарищей, которых тт. Деборин, Карев, Стэн, Новиков и др. называют и путанниками, и эклектиками, и как угодно,—на счет терминологии тут товарищи очень богаты,—под давлением критики этих товарищей конечно произошли кое-какие сдвиги. Вы видите, что уже не только узкий кружок решает философские вопросы. Я смотрел сегодня, как мужественная женщина там у дверей сдерживает героически напор целой толпы молодых философов (смех), которые хотят попасть в эту аудиторию для того, чтобы в конце концов принять участие в разрешении этих вопросов. Не думайте, что это простое любопытство, что люди оставили другие занятия для того, чтобы прийти сюда поговорить об этих вопросах потому, что это «модный» и «острый» вопрос. Нет, этот вопрос чрезвычайно наболел.

Так вот главное это то, что нет единства между теорией и практикой, между теоретической разработкой вопросов марксистской диалектики и нашей практической работой. Я не знаю что—чему—по мнению т. Деборина и т. Стэна—должно предшествовать: теоретическая ли разработка некоторых проблем, которые выдвигаются перед нами, или же мы будем разрабатывать материал, который уже налицо, спустя эти годика два-три после того, как мы например ликвидируем кулачество как класс. Разрабатывать тогда этот вопрос, я думаю, что будет немножко поздно. На целом ряде примеров можно показать, насколько актуален этот разрыв.

И конечно, когда т. Деборин в своих произведениях проводит разницу между Плехановым и Лениным так, что Плеханов прежде всего—теоретик, а Ленин—практик, вождь, то все-таки напрашивается, не хочет ли т. Деборин действительно дополнить и усилить Ленина как практика, Ленина как политика и вождя «правильной» теорией Плеханова. Эта дискуссия, поможет нам и этот вопрос выявить. Я думаю, что после этой дискуссии, как бы она ни была мало подготовлена, а она была очень мало подготовлена, и это надо признать,—участвующие в ней товарищи выйдут хотя бы на вершок выше ростом в вопросах философии. И это надо приветствовать.

Конечно, товарищи, вряд ли здесь у нас найдется товарищ, который бы не понимал ленинского положения, что без революционной теории нет революционной практики. Но когда ставится вопрос, как же философское руководство занималось этой самой теорией,—давайте посмотрим это на целом ряде конкретных примеров.

Тов. Стэн очень хорошо и вдохновенно говорил здесь насчет того, какие колоссальные сдвиги происходят у нас. Действительно сдвиги колоссальные... Но я спрашиваю вас, где вы найдете в журнале «ПЗМ» или в других работах этого руководства,—где вы найдете отражение тех колоссальнейших сдвигов, которые произошли в рабочем классе, прежде всего отражение психологических сдвигов, изменений в идеологии рабочего класса. Ведь например до сих пор наши антирелигиозники пробавляются формулой, что в капиталистическом обществе корни религии—главным образом «социальные». А вот в нашем обществе, в обществе переходного времени, в обществе, которое вступило в социалистическую фазу,—здесь какие корни религии у рабочего класса, у пролетариата? Ведь они же отличны от социальных корней религии, скажем, в капиталистической Германии, фашистской Италии и пр. и пр. Ведь надо же показать, какие происходят здесь процессы. Сделано ли что-нибудь в этом отношении? Конечно нет или почти ничего. Это слишком «низменный» материал, чтобы руководство опу- скалось до таких вещей, вот в чем дело.

Товарищи Деборин и Стэн здесь говорили, что вели очень большую борьбу с различного рода идеологическими уклонами. Товарищи говорят, что им удалось помочь нам в отношении того, чтобы показать, что философская основа правого уклона—это механистическая теория. Когда я выступал с письмом в «Безбожнике», я поставил вопрос товарищам: почему вы до сих пор не разработали, хотя бы например вопроса о социальных корнях троцкизма, почему? На это мы никакого ответа не получили, абсолютно никакого ответа. Но ведь у нас же целый ряд других течений мелкобуржуазного толка. Если социальная природа правого уклона, как это теперь ясно всякому совпартийскому, есть именно отражение настроений зажиточных кулацких слоев крестьянства, отражение капиталистических тенденций этих слоев крестьянства, то что такое троцкизм? Надо же было на эти-то

вопросы ответить, разобрать эти вопросы. Помогли ли они нам осознать все это?

Если мы возьмем вообще вопросы классовой борьбы в переходный период,—разработаны ли они были нашими диалектиками-марксистами? Нет, они не были разработаны.

Большой заслугой диалектиков-марксистов является то, что они вели борьбу с механистами, что разоблачили их ошибки. Но ведь надо же сказать, товарищи, что как раз в области естествознания, где механисты много работают, диалектики-марксисты очень плохо работают, очень мало разработано ими проблем. Если т. Стэн говорит, что мы имеем богатый опыт естествознания, то надо спросить, а переработали мы этот опыт диалектически или нет? Я утверждаю, что эта работа не сделана. А как отвечает на этот вопрос т. Деборин? «Я в своем докладе уже говорил о том,—пишет т. Деборин в журнале «ПЗМ»,—что нами было сделано и что не сделано. Но опять-таки те товарищи, которые для себя считают ниже своего достоинства этим заниматься, будут «критиковать», но не будут этим заниматься. Но если вы думаете, что три-четыре человека могут все это делать, то конечно вы ошибаетесь. Здесь нужна действительно серьезная работа, смычка с союзом безбожников. У нас имеется специальная комиссия по изданию литературы по этим вопросам, нами делегированы представители в союз безбожников. (Должен вам, товарищи, сказать, что эти представители у нас никогда не бывают, в союзе безбожников—спросите т. Луппола—Е. Я.). Разве мы этого не сделали. Но, к сожалению, наш маленький, узкий коллектив не в состоянии справиться со всеми этими задачами»¹. Так вот, видите, т. Деборин не понимает, как тут можно справиться «узким коллективом». Я его спрашиваю: вот был против нас и еще ведется «крестовый поход», в котором принимали и принимают участие и социал-демократы. Они имеют прямую смычку с капиталистическими организациями. Социал-демократы издают журнал «Красный католик». Они организуют «группы верующих» социал-демократов. Как же с этим ведет борьбу журнал «ПЗМ»? Ленин указывал, как на одну из важнейших задач журнала «ПЗМ», что он должен быть органом воинствующего атеизма. До сих пор мы не получили вразумительного ответа, почему это не сделано? Почему с того времени, как это было написано—за шесть лет,—помещены были три статьи? Потому, что считают ниже своего достоинства этим заниматься.

Тов. Новиков в прошлый раз очень «художественно» защищал т. Деборина (прямо «скачет и играет»). Я хочу указать, как т. Новиков относится к такого рода обязанностям, указанным т. Лениным. Когда ему предложили прочесть доклад на тему «Социал-демократия и религия» он заявил, что конечно он не отказывается, он обязательно придет послушать доклад.

Новиков. Выступить с содокладом—пожалуйста.

¹ ПЗМ, июнь, № 6, 1930. А. Деборин, Итоги и задачи на философском фронте.

Ярославский. Конечно выступить, т. е. по поводу доклада поговорить. А вот действительно серьезно заняться разработкой этого вопроса и не ссылаться на то, что у вас два-три человека, — до этого вы еще не дошли. Ведь это же самое мнение, зазнайте, если вы думаете, что у вас 2 — 3 человека. Вопросами философии у нас на самом деле занимаются тысячи партийцев и они пришли к вам получить от вас руководящие указания, чтобы вы их организовали. Вы их не сумели организовать потому, что вы боитесь всякой критики, вы очень ревниво оберегаете это руководство, как бы туда не пролез какой-нибудь Ральцевич. (Бурные аплодисменты).

Голос с места. Не в бровь, а в глаз.

Ярославский. Вот это — такое ревнивое отношение к новым растущим силам — опасно, прямо губительно, нельзя так воспринимать новые кадры. Если бы мы, партия большевиков, так смотрели, что вот у нас есть старая гвардия, старая гвардия померет — кто будет руководить, — тогда мы бы ничего не стоили. А посмотрите, какая огромная армия партийцев воспиталась, являющихся прекрасной сменой старым большевикам! Многие старые большевики отстали и надо сказать, что вы тоже начинаете уже очень сильно отставать от той молодежи, которая не удовлетворяется вашей схоластической работой (Аплодисменты).

С места. Правильно!

Ярославский. Они требуют от вас живого, осмысленного дела. В чем дело? Посмотрите, сколько народу кругом. Вместо того чтобы их организовать, вместо того чтобы мобилизовать их своими знаниями и вооружить для того, чтобы они могли по-марксистски, по-диалектически проработать все эти сложные проблемы, вы ничего не сделали. Мало того, что вы не сделали ничего для этого, вы еще прикрываете ошибки своих единомышленников. Когда т. Гессен договаривается до идеалистической формулировки материи, подвергли ли вы резкой критике эти его выступления? Никакой. снабжаете хорошим предисловием его ошибочные произведения, рекомендуете их и пр. и пр. Вы не подвергли критике его идеалистические ошибки, а таких идеалистических ошибок очень много не только у него. И стоит кому-нибудь выступить против этих ошибок, как это сделал т. Фурщик, как начинают приклеивать клички — эклектик, либерал, что угодно, и начинается политическое шельмование. Здесь т. Стэн по-своему тоже жаловался на это политическое шельмование. Конечно это неправильно, если по всякому поводу вспоминать ошибки прошлого. Это было бы совершенно неправильно, и Владимир Ильич, в частности в отношении т. Зиновьева и Каменева, говорил, что без надобности не следует вспоминать тех ошибок, которые они сделали в 1917 году. Но без надобности мы и не вспоминали их. А когда тут дело сложилось так, что пришлось вспомнить, то что же делать, приходится вспомнить иногда об этих ошибках. И я прошу меня извинить, если мне придется об этих ошибках прошлого кое-

кого из товарищей кое-что сказать. Но во всяком случае, если уже говорить о политическом шельмовании, именно со стороны нынешнего руководства на философском фронте, сколько угодно такого шельмования по адресу других товарищей, которые их критикуют. Возьмем ошибки т. Рудаша. Он неправ в той фразе, которую сегодня цитировал т. Стэн, он безусловно неправ. Но когда т. Новиков называет его либералом, меньшевиком и т. д. и т. д., он абсолютно неправ: это есть именно тот метод политического шельмования, против которого протестовал здесь т. Стэн. И таким путем вы не научите товарищей критиковать, когда вы совершенно не по существу будете им приклеивать разного рода шельмующие их клички.

Насчет формализма. Товарищи теперь этого греха не отрицают, что у них наметился формалистический подход в разработке вопросов диалектического материализма. Они этого не отрицают. Они говорят, что это уже сами отметили и сами ведут борьбу. Но, товарищи, я хотел остановиться вот на чем. Когда мы вели борьбу с механистами, мы были дружно механистов. Теперь тт. Деборин и Стэн и др. говорят: «Мы вели борьбу с механистами и вы сами признаете ведь, что у нас в основном правильная точка зрения». Я бы хотел провести некоторую аналогию. Мы вели борьбу с троцкистами вместе с правыми. Но мы, несомненно, вкладывали все время разное содержание в нашу борьбу, мы по-разному понимали нашу борьбу, и это выяснилось особенно тогда, когда надо было сделать выводы из того, что мы разбили троцкистов. Тогда оказалось, что мы говорим на разных языках. Мне кажется, что до известной степени у нас это повторяется здесь на философском фронте. Мы говорим иногда на разных языках. Да, мы боролись с механистами и мы считали, что это была правильная и нужная борьба; вы должны ведь понять, что на новом этапе прежние ошибки тоже выглядят по-другому, и ваши ошибки прежние также по-другому выглядят сейчас, а в особенности тогда, когда мы видим, что со стороны некоторых из вас нет такого поворота, который нужен партии, нет такой решительной действенной борьбы за линию партии на философском фронте, что у вас есть определенный разрыв с этой линией. Тогда мы должны вам сказать, что такой формалистический (подход, который у вас есть, становится чрезвычайно опасным на этом этапе.

Тут уже некоторые товарищи говорили определенно о формалистическом уклоне. Мы обязаны вскрыть этот уклон, предупредить товарищей, которые в него впадают, потому что если они не смогут повернуть круто, решительно от этого уклона и его изжить, тогда получится разрыв с диалектическим материализмом, — вот что может получиться. Разве мы не знаем, что целый ряд революционных деятелей, идя по наклонной плоскости, начиная с некоторых разногласий, даже не формулируя эти разногласия вначале, вполне определенно потом шли на полный разрыв с партией революционного пролетариата, как это, ска-

жем, имело место с Плехановым? Здесь обижаются на слово «большевизировать». Вот, говорят, до сих пор мы как будто не были большевиками, а пришли Ральцевич, Митин и Юдин и начали эру большевизации диалектического материализма. Конечно это карикатурное изображение положения дел. Конечно точно так же могли бы говорить и коммунистические партии, когда мы оставили вопрос о большевизации коммунистических партий: позвольте, а до сих пор разве мы не боролись за коммунизм? Мы поставили вопрос о большевизации их, чтобы придать определенную четкость, чтобы показать, что большевизм, есть не только повторение слов—«мы диалектические материалисты», а большевизм есть действительно претворение в жизнь, в действие и в теории и на практике всех тех задач, которые стоят перед нами. А есть ли это здесь на самом деле? Достаточно ясно, что этого-то как раз и не было. Статью о диалектическом материализме может написать и меньшевик. Вы думаете, что Ленин не считал, что меньшевик способен написать такие статьи, чтобы он защищал марксизм? Я боюсь, что меня некоторые упрекнут в том, что я разрываю тут с политикой нашей партии, с нашей теорией. Нет, я не разрываю. Мне не хотелось бы цитировать один документ, но я должен сегодня процитировать. Он написан Вл. Ильичем. В 1921 г., когда речь шла о привлечении т. Деборина и т. Аксельрод к философской работе, я обратился к Владимиру Ильичу с запиской. Я писал 20 апреля 1921 года. «Владимир Ильич. Считаете ли вы возможным привлечение к чтению лекций по философии (история философии и исторический материализм) Деборина и т. Аксельрод? Об этом запрашивал Уч. Совет Унив. Свердлова. Мы на Оргбюро вопрос об т. Аксельрод решили отрицательно, теперь он возбуждается вновь лекторской группой. Ярославский». Владимир Ильич ответил: «По-моему обязательно обоим. Полезно, ибо они будут отстаивать марксизм (если станут агитировать за меньшевизм, мы их поймем; присмотреть надо).

Их обоих привлечь надо к выработке детальной программы (и конспекта лекций) по философии и плана издания по философии, Ленин»¹.

Я очень подробно на этом документе не хочу останавливаться—Ленин не нуждается в моих комментариях. Но я обращаю внимание, что Ленин, не считая тогда Деборина большевиком, подчеркивал, что за ним надо присмотреться. Наша ошибка заключается в том, я говорю это прямо,—что мы за ним плохо «присмотрели». Не в том дело, что Деборин впал в меньшевизм,—нет, в этом я его не обвиняю, для этого у меня нет оснований, но не присматривали в том отношении, что он, занимаясь философией, не поставил,—что он обязан был сделать,—целый ряд вопросов так актуально, так связывая их с нашей повседневной борьбой, как ставил их Ленин. Хуже того: мы поставили т. Деборина в несколько ложное положение, когда он стал присма-

тривать за нами—за большевиками. Конечно от этого получилось некоторое, я бы сказал, зазнайство, то зазнайство, которое сквозит иногда и в речах т. Стэна и у т. Деборина в его отношении к молодым сравнительно большевикам и молодым философам. Такого отношения у Вл. Ильича не было, и в этом отношении мы не досмотрели.

Существует ли попытка умаления роли Ленина как философа? Тут т. Стэн изображал это так, что, дескать, люди напрасно добиваются того, чтобы им сказали, что Ленин больше Плеханова, или что больше такого-то. Нет, конечно не это нам нужно. Это ведь тоже карикатура. Но надо все-таки сказать, что вопрос—«Ленин и Плеханов»—это не вопрос о том, кто «больше» или «меньше». Это вопрос о том, насколько будет сильно и наше поколение,—а я себя не отделяю от молодых товарищей здесь,—насколько будет сильно влияние Плеханова на наше поколение. Ведь мы пережили такое время, это было тоже в 1921 году, когда я в Ин-те Маркса и Энгельса слышал от некоторых товарищей, что кабинет Плеханова нужно организовать, но кабинет Ленина... тут разводили руками: ну, можно отвести уголок в кабинете Плеханова и для Ленина. (Смех). Мы поступили иначе, как вы знаете: мы построили Ин-т Ленина. Но ведь было такое отношение к Ленину и ленинизму. Ведь рисовали же некоторые наши историки Плеханова как родоначальника большевизма (см. Тер-Ваганяна). У нас было ведь такое положение, что во время дискуссии о «Народной воле» некоторые товарищи говорили, что Плеханов и Ленин по вопросу о «Народной воле» говорили одно и то же,—что неверно. У нас было еще недавно такое положение, когда по целому ряду вопросов преуменьшали значение теоретических разногласий, которые были между Плехановым и Лениным. Разве и т. Деборин не давал нам совершенно неправильной формулировки, что разница между Плехановым и Лениным заключается в том, что они как бы относятся к различным историческим периодам.

Голоса. К различным фазам.

Ярославский. Ну примерно так. Но это же совершенно неверно. Как будто бы разница только во времени, а принципиальной разницы тут нет.

Деборин. Эпохи исторические.

Ярославский. Вот когда мы имеем такую опасность, то конечно здесь во весь рост вырастает проблема; Ленин и Плеханов. Разработка такой проблемы чрезвычайно важна. Понемножку отходит на задний план та острая политическая борьба, которую мы в свое время вели с Плехановым. Его нет в живых, мы судим его только по книгам. Он ушел в область истории. Но, товарищи, ведь меньшевизм к сожалению еще не умер. Ведь Плеханов все-таки—отец меньшевизма. Конечно неправильно было бы сказать, что главная опасность сейчас Плеханов,—тут я согласен со Стэном. Но когда мы возьмем вопрос об отношении большевизма к таким актуальным проблемам, как вопрос о вооруженном восстании пролетариата, где плехановские

¹ Архив Института Ленина, № 6617. Публикуется впервые.

писания пропитаны буквально отравляющей для пролетариата идеологией, если мы возьмем, что Плеханов говорил о роли пролетариата в революции,—не тогда, когда он говорил, что революция может победить как революция рабочего класса,—нет, тогда, когда он говорил о поддержке пролетариатом правительства Керенского, Милокова, если возьмем плехановскую проповедь буржуазного мира, если мы возьмем плехановские мысли об империализме, если возьмем всю его политическую роль в особенности последних годов и здесь не покажем ярко, сильно, не покажем, какая была связь между всей теорией Плеханова и этими его крупнейшими политическими ошибками, то мы не дадим тогда настоящего оружия пролетариату, мы не дадим настоящего оружия молодому подрастающему поколению, не закалим его в борьбе с идеологией меньшевизма.

Теперь об ошибках. Повторяю слова Ленина, что вспоминать их не следует без надобности. Но если вы возьмете отношение Ленина к ошибкам, то вот например Ленин считал т. Деборина в 1921 году марксистом, а т. Деборин, т. Стэн и др. отказываются признавать марксистами т. Сарабьянова, т. Скворцова-Степанова и т. д. Как вы, говорят они, требуете, чтобы мы их называли марксистами? Не можем мы называть их марксистами. Скажем, если т. Тимирязев, у которого есть неправильные философские взгляды, завтра не признает тех механических ошибок, которые у него есть, то до тех пор эти товарищи будут считать, что к нему нельзя относиться даже как к равноценному члену партии. Поэтому мы требуем и от них, чтобы они свои собственные ошибки крепко вскрыли. И когда т. Деборин перепечатывает свои старые статьи, и считает, что это статьи революционного марксиста, это конечно абсолютно неправильно.

Деборин. Это же новые статьи.

Ярославский. Вы даже до сих пор не сделали того, что должен сделать всякий человек, давший неправильную, недопустимую философскую оценку большевизма. Я беру статью т. Деборина из «Голоса социал-демократа» № 4—5, апрель 1908 г. Печать «субъективизма» и «волюнтаризма» лежит на всей «тактике так называемого большевизма, философским выражением которого является махизм. Махизм—это мировоззрение без мира—в качестве философии субъективизма и индивидуализма образует в сочетании с ницшевским имморализмом, дающим оправдание «зла», эксплуатации, и пр. идеологический туман, окутывающий практические стремления буржуазии. Большевицкие философы в идеологии своей не переходят за пределы мелко буржуазного кругозора. Большевицкие же стратегии, тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание объективной истины и признание права за каждой личностью определять характер дозволенного и недозволенного,

истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого. Наши махообразные марксисты—сознательные большевики, «осмысливающие» практику и тактику последних. Большевицкие же тактики и практики—бессознательные механисты и идеалисты. Махизм—это мировоззрение без мира...».

Но разве т. Деборин в 1908 г. не знал, что «большевицкие стратеги и тактики» в 1908 г. включают и Ленина, принципиального противника махистов. А язык-то какой, прямо можно сказать конфетный! Он уверял тогда почтеннейшую меньшевицкую публику, что «большевицкие тактики и практики бессознательно махисты и идеалисты.

Деборин. Это о Богданове.

Ярославский. Видите ли, он говорит—это относится к Богданову. Нет, не к Богданову.

Деборин. Я же был меньшевиком тогда.

Ярославский. Погодите, не в этом же дело, а в том, что вы и после не признали неправильной эту статью. «Бессилие и политическая отсталость мелкой буржуазии заставляют ее искать временных союзников среди других классов населения. Самым же надежным и революционно-последовательным союзником является пролетариат. Но что бы «расположить» к себе последний, в целях хотя бы «диктатуры пролетариата и крестьянства», приходится прибегать к марксистской фразеологии, дающей возможность прикрывать мелкобуржуазную «сущность». Ведь наши эсеры «тоже марксисты». И разве наши махообразные «тоже марксисты» не «тоже субъективисты»!

«Общественное положение мелкой буржуазии характеризуется, как известно, помимо всего прочего, вечной раздвоенностью, которая необходимо отражается и в идеологии. Поэтому не всегда бывает легко отделить мелкобуржуазную «сущность» от прикрывающего ее тумана марксистской фразеологии»¹.

Я думаю, что достаточно этой цитаты. Для чего я ее привел? Деборин считает, что он и тогда был революционным марксистом.

Деборин. Нет.

Ярославский. Теперь вы говорите «нет», но в том-то и дело, что вы нигде не сказали: «Я написал в свое время философскую статью, в которой характеризовал большевизм как махизм, как идеалистическую теорию. Я считаю, что я тогда глубоко ошибался, что это совершенно неправильно, я тогда умышленно смешивал из политических соображений воедино Ленина и Богданова». Вот это было бы правильно. Есть у вас где-нибудь такое заключение?

Деборин. Я это выкинул еще до революции.

Ярославский. Так нельзя относиться к своему прошлому. Поэтому молодые товарищи, изучающие историю по документам, вправе от вас требовать, чтобы здесь с вашей стороны была

¹ А. Деборин, Философия Маха и русская революция «Голос Социал-демократа» № 4—5, апрель 1908, с. 3—12.

полная четкость и ясность, что вы в целях политической борьбы в свое время шельмовали Ленина как философа. Почему вы этого не сделали в наш век самокритики, хоть где-нибудь в сноске к вашей статье о Ленине. Это нужно сделать для того, чтобы товарищи вам не говорили, что вы эту ошибку свою не вскрываете. В порядке самокритики это надо сделать.

Но, товарищи, надо вам сказать, что это писалось в апреле 1908 года; а в феврале 1908 года в «Неей Цейт» была помещена специальная заметка Ленина от редакции «Пролетария»; что этот вопрос ни в коем случае нельзя так ставить, как ставят некоторые товарищи, ибо среди большевиков и меньшевиков есть сторонники и той и другой теории, как среди меньшевиков есть сторонники махизма, так и среди большевиков есть сторонники махизма. Так что т. Деборин знал, что Ленин решительно выступает против Богданова, борется против махистской философии, и все-таки считал возможным такого рода политическое шельмование. Мы тоже вправе сказать, как вы требуете от других товарищей: «Вы признайте все ошибки, которые вы сделали», чтобы вы признали все ошибки, которые у вас были в отношении большевиков, в отношении неправильной трактовки нашей философии, чтобы к вам доверие было полное, что здесь нет скрывания прошлых ошибок и пр. и пр.

Теперь разрешите мне по поводу своей собственной персоны. Я подвергся тоже некоторой проработке и в журнале «ПЗМ» и в некоторых устных выступлениях. Меня может быть легче сравнительно, проработать чем другого. Я прямо здесь говорю, что я в вопросах философии человек неквалифицированный, начитан я в вопросах философии очень мало, прямо здесь говорю, но большевик я как будто неплохой, это тоже известно. И вот мы в своей практической работе по союзу безбожников привлекаем себе на помощь и механистов. Практика у нас не такая уж плохая; мы сколотили как-никак общество безбожников, больше 3 млн. членов, мы имеем сравнительно богатую литературу; правда, она иногда стоит не очень еще высоко в теоретическом отношении,—это в порядке самокритики надо добавить. Много в этой работе было у нас ошибок. Была у нас и большая борьба на фронте с механистами. Но, ведя эту борьбу с механистами, мы считали возможным сотрудничество с ними, прямое сотрудничество с ними. Мы в этом отношении руководствовались не только указанием Владимира Ильича, данным им в «ПЗМ», где он рекомендовал «союз» даже с буржуазными материалистами, для антирелигиозной пропаганды, союз с материалистами французской революции. Но мы считаем, что мы прежде всего—члены партии, и партия наша обязывает всех нас вести антирелигиозную пропаганду. Надо сказать, что все-таки ряд товарищей механистов эту антирелигиозную пропаганду вели более активно, чем это делали многие из диалектиков-марксистов. Я назову Степанова-Скворцова, который все время был у нас довольно видным авторитетом в этой области. Надо ли перечислять, какие он ставил работы и какое они громадное значение имеют сейчас для

нашей массовой антирелигиозной пропаганды, как он в самой живой захватывающей форме давал памфлеты антирелигиозной борьбы—чего не делает никто из вас! Я был бы очень рад услышать где-нибудь на каком-нибудь большом собрании, хотя бы в рабочем собрании, антирелигиозный доклад т. Деборина, т. Стена, т. Карева и др. Нет, не услышишь! Ничего не поделаешь. А Сарабьянов читает каждую неделю, каждые две недели антирелигиозные доклады. И вдруг нам заявляют сторонники т. Деборина, что пора прекратить это, пора вышибать их из области антирелигиозной пропаганды. Вычищаем же мы, дескать, буржуазных спецов, ну и их также нужно выбросить. Но ведь разница здесь та, что мы имеем дело с членами партии, а там—с буржуазными спецами. Тов. Деборин не интересуется даже тем, что происходит у нас на больших заселениях в СВБ, о которых мы печатаем протоколы и пр. и пр. Эта задача антирелигиозной пропаганды очень близка к разработке вопросов философии. И вот, когда у нас появились такие разговоры, я выступил решительно против, сказав, что на основании тех ошибок, которые есть у механистов, нельзя отказываться от того, чтобы сотрудничать с ними в области антирелигиозной пропаганды.

А что касается нашей принципиальной позиции, то по моему предположению эта позиция закреплена в резолюции, отрывок из которой я прочту для того, чтобы не было больше кривотолков о неправильной позиции в этом вопросе т. Ярославского и союза воинствующих безбожников, которым мне приходится руководить как председателю этого союза. Вот что говорится в этой резолюции: «Работа по подготовке кадров и массовое антирелигиозное просвещение, подчиненные основным задачам классовой борьбы и социалистического строительства в стране, требуют от безбожников внимательного отношения к общетеоретическим проблемам, прежде всего к философской методологии марксизма, дающей обоснование практическому воинствующему атеизму. Исполбюро в развитие решения II пленума ЦС, принятого в связи с вопросом о возможности сотрудничества с механистами-антирелигиозниками, считает необходимым:

а) как в центре, так и на местах укрепить практическую связь СВБ с ОВМД, основную линию которого в вопросах философии ЦС СВБ признает правильной линией диалектического материализма. ЦС СВБ ставит себе первоочередной задачей вместе с ОВМД бороться против механистических теорий всех оттенков, затрудняющих выработку правильного революционного диалектического мировоззрения и мешающих четкой постановке антирелигиозной пропаганды. ЦС констатирует явную попытку со стороны механистов использовать трибуну «Безбожника» под видом дискуссии по вопросам антирелигиозной пропаганды для протаскивания своих немарксистских философских воззрений. Но ЦС не может пройти мимо таких фактов, как слабое участие ОВМД в антирелигиозной работе, как невыполнение журналом «ПЗМ» прямых указаний Ленина, что этот журнал должен быть органом

воинствующего атеизма (с марта 1923 года было помещено только 3 статьи антирелигиозного характера, в том числе ни одной о современном религиозном и антирелигиозном движении в СССР). Исполбюро ЦС отмечает также у отдельных товарищей, выступающих в качестве диалектиков-материалистов, идеалистические шатания, затрудняющие борьбу с механистическим мировоззрением».

Теперь позвольте сказать еще два слова по поводу выступления здесь т. Стэн. Я уже частично касался его выступления, но мне хочется сказать еще два слова. Тов. Стэн здесь бросил упрек, кажется, т. Ральцевичу или кому-то другому, что тот дает совершенно неправильную формулу того, что такое философия. Тов. Стэн несогласен, что философия—это форма политики. Как же т. Стэн тут же определяет, что такое политика! Политика, говорит т. Стэн, есть надстройка. Может быть, я ошибаюсь, тогда наши товарищи меня в этой ошибке поправят; до сих пор я считал, что и философия есть надстройка, что политика это не только «надстройка», это—«функция пролетариата» как класса, это есть одно из средств его борьбы. Так вот, если с этой стороны подойти к определению философии как формы политики, то я думаю, что товарищ не сделал здесь большой ошибки, когда он говорил, что философия есть форма политики¹.

Возвращаясь к записке Вл. Ильича. Когда Вл. Ильич говорил о том, что т. Деборина надо привлечь к разработке философских вопросов, он говорил, что т. Деборин будет защищать марксизм, имея в виду все-таки, что т. Деборин в то же самое время не является большевиком. Значит, он считал, что если т. Деборин хочет работать с большевиками, хочет преподавать в Свердловском университете философию, то он ее будет преподавать так, как это необходимо пролетарской партии, подготовляющей кадры для борьбы за коммунизм. И понятно, он считал, что форма, которую даст т. Деборин, будет формой нашей пролетарской политики, а если он будет давать какую-нибудь другую форму, то его надо на этом поймать. Мы требуем сейчас, чтобы философия была философией диалектического материализма не только по форме. Мы требуем, чтобы она была действенным активным оружием в нашей борьбе за коммунизм, за осуществление большевистских задач. Если бы вы с этой стороны, т. Деборин, подошли к критике своих ошибок, то вы должны были бы признать, что вы здесь очень и очень сильно отстали от требований партии, от требований нашего развития. Вот если вы это признаете как следует и не будете шпынять и третирировать ту молодежь, которая хочет неблагоприятное положение на философском фронте исправить, как вы ее третируете теперь, а по-товарищески поддержите ее,

¹ Примеч. к стенограмме: «Политика есть концентрированное выражение экономики. Политика не может, не иметь первенства над экономикой». В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 50.

тогда это будет настоящим поворотом, тогда, может быть, переворотом и не потребует. (Аплодисменты).

Каммари. Тов. Стэн, как известно, обыкновенно выступает в «планетарном масштабе», выражается очень громкими, напыщенными фразами вместо общепринятых марксистско-ленинских понятий и т. д. Он говорит о «переплавлении закономерностей», вместо того, чтобы говорить об изменении закономерностей, он хочет пересмотреть всю человеческую практику, начиная с первобытного коммунизма, но никогда не доходит до практики наших дней и т. д. Но сказать конкретно по существу тех вопросов, которые сейчас обсуждаются, то он чрезвычайно большой мастер отговориться общими фразами всегда и при всяких условиях. Не так давно, несколько месяцев назад т. Стэн выдумал «новые законы диалектики». Они многим уже известны. Первый закон—признай свои ошибки, второй закон—исправь свои ошибки, третий—отрицай самого себя и четвертый, мы прибавляем,—не загибай. Эти самые три «закона диалектики», которые выдвинул т. Стэн, были известным знаменем для целого ряда товарищей из нашего философского руководства. Это было знаменем сопротивления самокритике. Признание ошибок для них означает отрицание самого себя—вот суть этих самых новых «законов диалектики» т. Стэна. И сейчас он не отказался от них, хотя и спрятал эти законы в карман, но по существу продолжает проводить эти законы в жизнь. Признание ошибок для т. Стэна есть отрицание самого себя, а он не хочет «отрицать самого себя».

Совершенно правильно, когда ошибки признаны, нет надобности о них упоминать, но именно сейчас для т. Стэна такой период, когда о его ошибках надо очень и очень напоминать. Он говорил о политическом шельмовании и т. д. Вопрос совсем не в том, а вопрос идет о том, чтобы т. Стэн осознал всю теоретическую и политическую глубину своих собственных ошибок, а он до сих пор этого не осознал. Он формально признал свои ошибки, а по существу эти ошибки еще не раскритикованы,—вот в чем заключается суть дела.

Ведь т. Стэн был причастен к «левым» ошибкам, утверждая, что партия недооценивает роли теории, что у партии растет хватательный орган за счет головы и т. д. Если бы мы были «Иванами-непомнящими», которые не умеют связать некоторых фактов, то ясно, что мы были бы очень плохими коммунистами. Разве тт. Стэн, Карев, Деборин не повторяют здесь по существу эти старые обвинения.

С другой стороны, т. Стэн проводил в своей статье «Выше знамя коммунизма» троцкистскую постановку вопроса о членах партии, которые действуют на основе своего личного опыта. Эти ошибки в области политической т. Стэн признал. А в области теории, что означала эта самая ошибка, почему вы свое философское оружие не применили для того, чтобы раскритиковать свою ошибку (скатывание к вульгарному материализму) как вульгарно-материалистическое понимание практики или опыта? Почему вы этого не сделали? Вы должны сделать это, чтобы на

ошибках учились другие. Если мы сделали это за вас, тогда не кричите, что мы вас шельмуем, не о шельмовании сейчас идет вопрос.

Второй вопрос. Тов. Стэн в ответ на критику, которую мы развернули на фракции ОВМД, за то, что философское руководство не вело своевременной борьбы и критики методологии троцкизма, выдвигал теорию о том, что у троцкизма и методологии нет, что тут пустое место и поэтому критиковать нечего. Тов. Новиков в «ПЗМ» стал подводить теоретические основы под это же самое положение. Но это как раз показало теоретическую и политическую близорукость т. Стэна. Вопрос идет не о теоретической глубине троцкизма, не о теоретической высоте троцкизма. Вы думаете, что механисты, ревизуя марксизм, отличаются большой теоретической ценностью, теоретической глубиной. Ведь вопрос стоял в том, что у троцкизма как определенной теоретической основы имеется своя социальная база, свои социальные корни и в этом его опасность. И вот, когда вы просто смотрели на ничтожество троцкистской теории и плевали с высоты своего философского величия на критику этой теории, вы не понимали существа вопроса, вы не понимали политического и теоретического значения критики методологии троцкизма, вы проглядели социальную опасность троцкизма в тот момент, и опять-таки это стоит в общей связи с абстрактно-схоластическим формалистическим уклоном, который имеется в целом ряде теоретических работ.

В тот момент, когда партия вела борьбу с троцкизмом, философы-коммунисты и философские организации не были организованы для борьбы и критики методологии троцкизма. Это был несомненно разрыв между теорией и практикой. Это был отрыв от актуальных политических задач. Это был аполитизм, о котором говорится в резолюции. Но значит ли это, что аполитизм вообще не имел никакого политического смысла? Совсем не значит. Он имел определенный политический смысл, и мы должны раскрывать этот политический смысл аполитизма.

В 1925 г. Троцкий написал книжку о Менделееве в тот самый момент, когда шла уже борьба с механистическим мировоззрением. В этой книжке Троцкого «Менделеев и марксизм» имелись механистические формулировки, механистическое сведение психологии, физиологии к механизму. Нужно было раскритиковать по этой линии Троцкого, но это не было сделано. Это был симптом схоластизации нашей теории, которая отрывалась от политической действительности, от практики, от партийных задач.

Тов. Стэн, выступая за «своеобразие философии», «своеобразие политики» и т. д. протаскивает сейчас старую позицию, давным-давно раскритикованную. Только для тех, которые не принимали участия с самого начала борьбы, неясно, что это означает аполитизм философской работы и что между философией и политикой существует разрыв, а т. Стэн прикрывает этот разрыв фразами о своеобразии философии и политики. За чем вы нам об этом толкуете? Чтобы тормозить поворот?

Совершенно правильно поэтому сделало бюро партийной ячейки Института философии и естествознания ИКП на-днях, когда характеризовало всю политику философского руководства за период поворота как правый оппортунизм на практике.

Именно сейчас, в условиях развертывающегося социалистического наступления по всему фронту, борьба с формализмом в области теории приобретает актуальный политический интерес, потому что за формализмом, за теоретическим выражением абстрактно-схоластического формалистического уклона имеется определенная социальная база, которая придает политический смысл нашей борьбе.

Мы имеем такие социальные элементы, которые формально признают социалистическое строительство, формально вынуждены признать диктатуру пролетариата, формально вынуждены считаться с политикой партии. Это те классово-чуждые нам элементы и оппортунистические элементы в самой партии, которые формально признают политику партии и диктатуру пролетариата для того чтобы по существу изнутри подрывать эту самую политику. В этом сущность борьбы с формализмом, и те товарищи, которые не понимают классовой опасности, кроющейся в формалистическом, бюрократическом сопротивлении развертыванию социалистического строительства, — те совершенно не понимают действительного смысла борьбы с абстрактно-формалистическим схоластическим уклоном.

Борьба приобретает сейчас значение политическое, точно так же, как это было в борьбе с механистами. Борьба с механистами показала, что механисты в области исторического материализма, говорившие о развитии производительных сил вообще, без указания того, в каких формах должно происходить это развитие, какое качество должно быть этого развития, по существу вливали воду на мельницу буржуазных, реставраторских элементов, на мельницу кондратьевщины в конечном итоге. Эти теории означали отказ от направления развития производительных сил в новых социалистических формах, эти теории означали самотек в развитии производительных сил по старым буржуазным формам. Вот, что это объективно означало. Такое же значение начинает приобретать для нас и борьба с абстрактно-схоластическим формалистическим уклоном, уводящая теоретическую коммунистическую мысль от разработки актуальных проблем переходного периода в тупик пустых абстракций.

Карев. Товарищи, основной задачей, которую мы сейчас должны поставить в связи с тем положением, которое имеет место на философском фронте, является задача осуществления поворота в его работе. Для того чтобы осуществить поворот, необходимо прежде всего, отдать себе ясный отчет в тех политических причинах, которые вызывают необходимость в этом повороте.

Само собой разумеется, что развитие нашей философской мысли мы не можем брать изолированно, независимо от хода нашего социалистического строительства, от хода развития нашей

революции. Разные этапы в развитии нашей философской мысли, как и разные этапы в развитии нашей теоретической мысли вообще, обусловлены сменой задач, которые стоят на различных этапах построения социализма в нашей стране и развития мировой революции.

Задача, которая стояла перед нашей партией в восстановительный период, заключалась в том, чтобы создать предпосылки для дальнейшего наступления, дать стране передышку после империалистической и гражданской войн, восстановить промышленность, накопить резервы, обеспечить единство воли пролетариата, разгромив различные враждебные партии течения, сокрушив всех отступающих от ленинизма. Без выполнения этой задачи невозможно было бы в дальнейшем форсированное социалистическое наступление.

Реконструктивный период принес усложнение задач, новые задачи, усложнение форм борьбы. Если раньше враждебные партии силы выступали подчас открыто, то в условиях реконструктивного периода мы имеем удвоенную, утроенную их маскировку. В связи с этим партия должна была поставить особенно остро задачу борьбы с примиренчеством во всех его формах, партия со всей силой должна была поставить задачу борьбы с формальным признанием линии партии на словах и отрицанием ее на деле, задачу жесточайшей борьбы с политическим двурушничеством и беспринципностью. Естественно, что в этих условиях обеспечение большевистского, железного единства партии, единства партийной теории, единства ее воли—представляет необходимое условие для дальнейших успехов. Когда мы окружены со всех сторон империалистическими хищниками, когда стоит задача переделки миллионов крестьянских хозяйств, совершенно естественно, что только такое единство обеспечивает для партии возможность действительно форсированного наступления и дальнейших успехов. Эти новые задачи требуют новых лозунгов, требуют, чтобы и партийная теория поднялась на новую ступень развития. Недостаточно на данной ступени повторение и отстаивание общих принципов, революционной теории вообще, надо применить ее к новым условиям, новым отношениям, дать новые лозунги. В то время как партия и ее руководство действительно давали и выдвигали эти новые лозунги, теоретический участок фронта социалистического наступления не оказался в целом на высоте этой задачи,—отсюда внутренняя связь между лозунгом поворота в работе на теоретическом фронте и лозунгом ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации,—одним из важнейших лозунгов социалистического наступления в настоящее время. Лозунг поворота был дан Центральным Комитетом нашей партии. Надо сказать, что на философском фронте мы делали отдельные попытки, которые шли в этом направлении. Я должен отметить статью «Новый этап», которая появилась в «ПЗМ» после II конференции научно-исследовательских учреждений. Я должен отметить в этом отношении работу по разоблачению теоретических основ правого уклона,—но, конечно,

это были только отдельные попытки, не связанные в целое, которым не хватало ни настоящего политического, ни достаточного теоретического размаха и содержания. Только в указании ЦК была дана такая общая директива, которая требовала перестройки всей теоретической работы на новом этапе построения социализма в нашей стране, на новом этапе развития международной революции.

Таким образом различие задач, которые стояли перед партией в восстановительный и реконструктивный периоды, нашло себе отражение и в состоянии нашей теоретической мысли в целом, в частности в той работе, которая была на философском фронте.

Для того чтобы правильно определить те задачи, которые перед нами стоят в нашей дальнейшей партийной философской работе, мы должны с совершенной трезвостью проанализировать то положение, которое мы имеем сейчас на философском фронте. При этом, как мне кажется, мы должны избегать двух опасностей.

Первая опасность, которая сейчас очень явственно выступает, это объявление состояния философской мысли за последние годы кризисным, отрицание ее достижений, объявления линии, нами проводившейся в борьбе с идеализмом, с механистами и правыми уклонистами, «новым изданием гегелевской метафизики». Мне кажется, что такая постановка вопроса может играть только на руку врагам партии, (может быть только на руку троцкистам, правым, международному меньшевизму, который уже пытается ухватиться за соответствующие формулировки. На эту опасную дорогу встал в своем выступлении т. Митин, когда положил в основу своего выступления воскрешение неправильного лозунга, который он выдвинул в свое время, что пора «наконец-то поставить вопрос у нас о подлинной большевизации философии» Мне кажется, что те аргументы, которые он привел, нас ни в каком случае убедить не могут. Тов. Ярославский, защищая это положение, сравнивал лозунг «большевизации философии», который был выдвинут т. Митиным, с лозунгом большевизации коммунистических партий на Западе, скажем, в Германии. Но ведь там большевизация проводится в странах, у которых не было Ленина, а у нас заявление о том, что «пора наконец-то поставить вопрос о большевизации философии» означает большевизацию ленинской философии.

С места. Ничего подобного! (Шум).

Карев... потому что у нас был Ленин.

С места. Нельзя же так, т. Карев!

Карев. Поэтому мне кажется, что этот лозунг—фальшивый лозунг и политически неправильный лозунг, неправильный потому, что он неверно изображает состояние философской теории в СССР. Вы пишете, что пора наконец поставить вопрос о большевизации философии у нас. Но сами же вы пишете о том, что нельзя смешивать у нас философию с имя-рек такими-то. Последнее совершенно верно; нельзя смешивать состояние философской партийной мысли у нас с работой отдельных това-

ришей или учреждений, но раз вы выдвигаете общий лозунг, то он относится к состоянию всего теоретического фронта и поэтому этот лозунг совершенно неправилен и политически вреден.

С другой стороны, мы должны избежать и опасности недооценки собственных недостатков и ошибок, дать критику их в полной мере. Совершенно несомненно, что критика тех ошибок и недостатков, которые были в прошлой работе, составляет необходимую предпосылку для воспитания новых партийных кадров, нашего собственного воспитания, для правильного ориентирования в тех задачах, которые в дальнейшем перед нами будут стоять. Мне кажется, что по отношению к той дискуссии, которая велась до сих пор о положении на философском фронте, следует сказать, что в ней было не слишком много, а слишком мало критики. Почему слишком мало было критики? Потому что недостатки и ошибки в прошлой философской работе действительно ограничивались только десятком цитат, приводимых из статьи в статью, из выступления в выступление тт. Ральцевичем, Митиным и др., цитат, вырванных из контекста, если прибавить, что сплошь и рядом критикуемые цитаты по существу дела правильны, то можно было бы, пожалуй, действительно возгордиться. Если на протяжении восьми лет работы, работы, в которой кадры были слабы, в которой мы были мало подготовлены, на которой товарищи только учились еще, если за восемь лет этой работы нашлось только 8—10—12 ошибочных цитат, то тогда действительно можно было бы возгордиться. Такая критика, товарищи, бьет против самой себя, это есть схоластическая, мелочная, пустяковая критика, которая никакого обеспечения дальнейших успехов нашей теории дать не может.

Когда например т. Шевкин говорит, что наши ошибки на философском фронте были обусловлены преувеличенной оценкой Плеханова и ограничивается вместо доказательств ссылкой на пару неправильных формулировок, то разве эта критика достигает цели? Кому же неизвестно, что вся борьба с механистами была связана с критикой ряда недостатков философских взглядов Плеханова, на которые опирались механисты? Разве неизвестно, что механисты (Степанов и др.) опирались на некоторые замечания Плеханова в вопросе о «сведении» высших форм к низшим, а мы говорили, что мы с Плехановым в этом пункте несогласны? Разве неизвестно, что именно механисты (Сарабьянов, Аксельрод) ссылались на некоторые слабые места теории познания Плеханова, в частности на его теорию иероглифов? Товарищи знают, что почти каждый из нас, и я в том числе, критиковали эти ошибки механистов. Мы критиковали ошибки Сарабьянова, указывая, что теория иероглифов неправильна, выступали против Сарабьянова и Аксельрода и доказывали, что исправления самим Плехановым этой ошибки, которую он допустил, было недостаточно, что Ленин глубже поставил вопрос. Если вы возьмете недостаточное понимание Плехановым партийности философии, то разве мы не указывали на это во всех своих работах? Возьмем плехановские ошибки

в вопросе о «простых законах права и нравственности». Разве мы не выступали против этих ошибок Плеханова? Разве товарищам неизвестны мои, в частности, статьи, касавшиеся всех этих недостатков Плеханова? В этой части тт. Митин и Ральцевич только повторяют то, о чем мы давно писали. Это показывает, что во всех конкретных пунктах, в которых у Плеханова были действительно ошибки, мы вслед за Лениным критиковали их. В этом и заключалась одна из сторон борьбы с механистами, потому что в известной мере механисты были эпигонами Плеханова, а эпигон отличается от своего учителя тем, что он берет слабые стороны учителя и превращает их в свое единственное достояние. Что же вы после этого выходите и говорите: у них была переоценка Плеханова, они недооценивали Ленина! Наоборот, во всей борьбе с механистами мы защищали именно ленинские позиции против тех отдельных слабых мест в учении Плеханова, которые механисты противопоставляли Ленину. Тов. Шевкин же занимается игрой в цитаты. Это пустяки, а не серьезное обсуждение вопроса.

Но если под флагом критики недостатков и ошибок Плеханова нам хотят сказать, что вообще как марксист-философ Плеханов — мертвая собака, что Плеханов жупел, если Плеханова хотят отдать международному меньшевизму, — это совершенно неправильно и против этого мы боремся и будем бороться. Это не ленинская позиция, это — ревизия ленинских позиций. Когда Ленин писал в 1921 г. по поводу того, как нужно преподавать диалектический материализм, он говорил, что нужно поручить профессорам преподавать диалектический материализм по Плеханову. Задача перед нами стоящая вовсе не заключается в том, чтобы выкинуть Плеханова, передать его международному меньшевизму. Основная опасность — не Плеханов, опасность значительно большую представляют идеализм, механизм, формализм, эклектизм и т. д. Нам говорят, что если мы не хотим передать Плеханова международному меньшевизму, то мы недооцениваем Ленина. Это ни откуда не следует. Ленин дважды подчеркнул значение философских работ Плеханова, когда он писал против Троцкого и Бухарина, у которых именно и было непонимание их значения.

Это указание Ленина относится к 1921 г. Надо думать, что Ленин в это время читал уже ленинские замечания об ошибках Плеханова. Вы говорите о связи философии с политикой, но вы не понимаете политического смысла указаний Ленина насчет Плеханова в 1921 г., и после этого вы говорите, что мы не понимаем связи философии с политикой, значения этой связи.

Так вот товарищи, если бы дело сводилось только к игре в цитаты и ограничивалось недостатками частного порядка, тем, что в работах каждого из нас есть отдельные неправильные, неудачные формулировки и отдельные положения, если бы в этом только было дело, то, конечно, мы были бы вправе возгордиться. Это «головокружение от успехов» было бы более опасным, чем «головокружение от успехов» тт. Митина и Фурщик, с первых же своих статей и рецензий, начинающих историю большевизма в философии. Но мы ни в какой степени не должны

поддаваться этому «головокружению», потому что оно пресекало бы действительную возможность перехода на другую, более высокую ступень, нашей философской работы.

Поэтому я хотел бы начать прежде всего с указаний на те более крупные недостатки и ошибки, которые были у нас в работе, с тем, чтобы затем перейти к характеристике положительных задач, стоящих перед нами.

Меня интересует прежде всего общая характеристика самого типа нашей работы, как она до сих пор развивалась, в чем были коренные, основные недостатки в ней. Какие задачи в этом отношении перед нами стоят для того, чтобы мы могли продвинуться дальше. Мы ставили своей основной задачей пропаганду и защиту основ диалектического материализма, подготовку новых коммунистических кадров на основе учения Маркса, Энгельса и Ленина, популяризацию недавно изданных важнейших работ классиков марксизма, пришедших так своевременно на помощь большевистской философской мысли. Наши кадры росли не только в борьбе с механистами. Теперь некоторые товарищи почему-то изображают дело так, что наша философская работа по выполнению философского завета Ленина в письме в ж. «Под знаменем марксизма» начинается только с борьбы с механистами. Нет, товарищи, партийные, философские кадры после ленинского письма о значении воинствующего материализма, определившего всю дальнейшую работу марксистской философской мысли в Советском Союзе развивались, росли не только на борьбе с механистами. Мы вели борьбу с мининщиной, с энчменизмом, с фрейдизмом, с гегельянской интерпретацией марксизма Г. Лукача. Следуя указаниям Ленина, мы понимали, что в сложном деле материалистической переработки Гегеля возможны ошибки, идущие по линии некритического отношения к Гегелю, по линии гегелевского идеализма. Поэтому мы очень резко выступили против Лукача, который персонифицировал собой эту опасность. Мы вели в «ИЗМ» за все эти годы борьбу с различными видами социал-демократической и буржуазной философии, с ее проникновением на нашу почву. Вот, товарищи, как обстояло дело исторически. На философском фронте совершенно правильно, именно следуя Ленину, защищалось само право философии марксизма-ленинизма на существование против Минина, Энчмена и др., защищалась необходимость выполнения ленинского завета о разработке теории материалистической диалектики защищались основные положения диалектического материализма против идеалистов и механистов. Это основная линия нашей работы, это линия, указанная Марксом и Энгельсом и Лениным. Если бы мы при повороте сейчас сошли с нее, то это значило бы, что мы изменили ленинизму. Поэтому утверждение, что сам поворот должен быть сделан на основе какой-то новой линии, — никуда не годится. Это утверждение нужно отбросить со всей резкостью.

Но в этой совершенно правильной борьбе за основные принципы диалектического материализма было сделано очень и очень мало в деле их более глубокого изучения и развития на основе

нового материала, даваемого революцией и современной наукой. Выдвигая со всей силой эти принципы, отставивая со всей силой возможность и значение партийной философской работы для самой практики социалистического строительства, мы сделали очень и очень мало в смысле творческой их разработки. Вот где лежит основной наш недостаток. Не в отдельных формулировках, не в том, что где-то Плеханова возвеличили и якобы недооценили Ленина, — это суицид вздор, — а в том, что мы сделали недостаточно в смысле творческой разработки самого содержания диалектического материализма на основе материалов новой исторической эпохи. Это наш основной недостаток. В этом отношении уровень работы был очень низок. В этом смысле я думаю, что он был значительно ниже уровня требований и достижений практической работы партии. (Голоса: правильно, правильно). Вот это есть наш основной недостаток, этот недостаток мы должны исправить. Тов. Стэн говорил правильно, что мы были в этом смысле школьниками, я бы сказал — притом школьниками первой группы первой ступени. Понятно, что те огромные задачи, которые ставила революция, не могли быть разрешены в столь быстрый срок и с такими слабыми кадрами, какие у нас были.

Когда вы, товарищи, ищите причину недостатков в работе, которые были на философском фронте, отметив и обсудив ошибки, надо при этом учесть, что кадры были перегружены, что основные партийные кадры были отвлечены на другие участки партийной работы и не могли быть до последнего времени брошены на это дело. Философские коммунистические кадры росли очень медленно. Это может быть преодолено только на основе расширения рабочих и партийных кадров, которые были бы втянуты в эту работу, которые бы ее развивали.

У нас отстала более всего, как я говорил, творческая разработка положительного содержания теории — на основе нового исторического опыта пролетариата и успехов современной науки. Именно поэтому такие сложные области, где больше всего нового материала, где менее всего достаточно повторение общих положений, как например, теория исторического материализма, оказались отставшими в особенно большой степени. Там было сделано меньше всего. Я не хочу сказать, что указанная причина была единственной причиной наших недостатков. В этой связи необходимо вспомнить и о некоторых политических ошибках, допускаясь отдельными работниками на философском фронте, в частности, я должен указать на то, что борьба против линии партии, которую я вел в 1926/27 г., когда был в рядах зиновьевской и объединенной оппозиции, нашла себе отражение в это время в одной моей теоретической ошибке, по вопросу об основных классах переходного общества. Однако необходимо при этом, чтобы критика была направлена на действительные ошибки, а не на правильные положения. Когда сегодня т. Шевкин выступает с критикой положения, которое мною было выставлено в статье,

написанной в 1924 г. в «Большевике» против троцкизма, в которой я отстаивал тогда совершенно правильное ленинское положение о том, что вопрос «кто—кого»—основной для нас вопрос, когда т. Шевкин, приведя это положение, объявляет его троцкистским, то эта критика не может быть признана правильной партийной критикой. Но те действительные политические ошибки, которые у нас были, надо признать, ничего зазорного в этом нет, о них следует вспомнить для того, чтобы их исправить и двигаться дальше.

Товарищи, если рассмотреть содержание той положительной творческой работы, которая была сделана за этот период времени, то надо сказать, что больше всего положительного дала дискуссия с механистами. Дискуссия с механистами по своему содержанию имела большое значение для всего развития нашей партийной теории, разработки вопросов, выдвинутых различными науками и для практики соцстроительства. Если вы рассмотрите круг вопросов, которые были поставлены, имевшими место дискуссиями в различных областях теории, если вы возьмете споры, которые были в политэкономии, в литературоведении, в праве, в истории, в педагогике, в естествознании,—то вы всюду увидите, что та общая задача, которую мы ставили,—задача преодоления механистических представлений, преодоления остатков буржуазной науки, которые у нас глубоко сидели в целом ряде наук,—эта задача была охвачена и поставлена правильно. Наша философская борьба с механистами дала крупный толчок для всех наук в этом отношении, послужила определенной службой в борьбе партии с правым уклоном. Те категории диалектико-материалистической логики, которые были выдвинуты в этой дискуссии, выдвинулись не случайно. Скажем проблема скачков и качества, особенно в связи с «Диалектикой природы» Энгельса, не случайно стала в прошедший период в центре внимания философской мысли у нас. Она отражала то обстоятельство, что революция создала новые общественные отношения, отражала продолжение и обострение борьбы с догматическим, материалистическим, меньшевистским «пониманием» марксизма. Она отражала необходимость проникновения марксизма в естествознание и преодоления его механистических тенденций. То обстоятельство, что именно эта проблема была выдвинута на первый план, свидетельствует, что наша философская мысль находилась на первой ступени овладения диалектическим материализмом в том виде, как его понимали и развивали Маркс, Энгельс и Ленин. Надо было углубиться в изучение содержания противоречивых процессов во всех областях действительности, ведущих к скачкам и созданию нового, их борьбы и перехода друг в друга. Надо было понять и развить закон единства противоположностей, который согласно учению Маркса, Энгельса и Ленина выражает основу всякого движения и развития. Здесь, в разработке этих категорий диалектической логики, мы отстали больше всего. А именно эти проблемы в области философской партийной теории

теснее всего внутренне связаны с теми новыми вопросами, которые выдвинуты форсированным наступлением социализма до всему фронту.

Возьмем такую проблему, как проблема типа противоположностей. Эта проблема, которую намечает Ленин в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина, когда он говорит о соотношении между антагонизмом и противоречием. Эта проблема имеет для нас фундаментальное значение и связана с самыми актуальными вопросами социалистического строительства—с проблемой соотношения между конкуренцией и социалистическим соревнованием, с осмысливанием различия движущих сил капиталистической и социалистической системы. Эту проблему нужно было поставить. Если бы пришел критик и сказал: вы здесь сделали ошибку,—это было бы настоящей, указывающей действительные недостатки, намечающей путь их исправления критикой. Так мы должны связывать в области философии разработку проблем теории материалистической диалектики с актуальными вопросами переходного периода.

В чем заключается задача философии, нашей партийной философской теории? Она заключается не в том, чтобы философы ограничивались теми или другими отдельными отрывочными замечаниями, касающимися отдельных вопросов, книг или цитат в различных науках, а в том, чтобы этот участок теоретического фронта формулировал те общие категории и принципы, на основе которых все отдельные конкретные науки и практика в применении этих конкретных наук могли бы осознать те новые отношения, которые сейчас строятся. Задача философии заключается в том, чтобы схватить методологический ключ к задачам, поставленным данной ступенью практики борьбы пролетариата в конкретных науках для их дальнейших успехов на новом историческом уровне. Сумасшедшие пустяки говорить, что философы не сказали-де ничего о разработке методологии животноводства, не занимаются разработкой методологии изучения скоропортящихся продуктов и т. д. и т. д. (Смех). Философы не могут успевать делать все за всех. Если бы философы растворили свою работу в этих отдельных примерах и случаях, они действительно разрабатывали бы диалектику по Плеханову, а не по Ленину и не выполнили бы своих основных задач перед партией. Критики по этой линии выяснения кардинальных узловых моментов нашей работы, было, к сожалению до сих пор очень мало, а положительных указаний того, что нужно сделать—еще меньше. Для прошлого этапа при всех своих недостатках и ошибках, мы правильно уловили основную линию, что выдвинули вперед ряд наук и продолжает еще им помогать, но мы не сделали этого для нового этапа и здесь мы действительно имеем в нашей области отставание теоретической работы от практики соцстроительства. И на этом мы должны сейчас больше всего сосредоточить свое внимание. Поэтому центральная задача теперь марксистско-ленинской философии—раз-

работца, следуя Ленину, ряда теоретических проблем и теории материалистической диалектики, без разрешения которых нельзя двинуть и разработку конкретных наук и конкретных вопросов переходного периода, оставаясь на уровне теоретических требований марксизма и ленинизма. Хуже всего будет, конечно, если мы от уровня этих требований отступим, если мы вернемся к тому уровню, который был несколько лет тому назад, который давно прецеден и который, к сожалению, вновь напомнил о себе на прошлом заседании Президиума.

В связи с этим необходимо отметить, что у нас часто неправильно представляют, что значит разработка теории диалектического материализма по Ленину. Представляют подчас себе это чисто схоластически, и естественно тогда, что работа начинает казаться сугубо отвлеченной, бесплодной и оторванной от повседневной борьбы партии. Отдайте однако себе отчет в том, что значит например разработка проблемы причинности с точки зрения материалистической диалектики по Ленину? Это значит прежде всего, что мы должны осмыслить теорию кризисов Маркса, его замечания на эту тему в «Капитале» и «Теория прибавочной стоимости», в которых дана развернутая постановка проблемы. Это значит, что мы должны проанализировать, как Ленин давал конкретный анализ причин, вызывающих изменения соотношения между классами, это значит, что мы должны осмыслить те вопросы, в связи с проблемой причинности, которые ставит в современном естествознании волновая механика и теория квант, это значит, что мы должны понять, что значит по Ленину проблема двух путей развития. А эта проблема важнейшая для изучения понимания и применения Лениным исторического материализма. Эта проблема связана в свою очередь с целым рядом кардинальных вопросов, — вопросом о свободе и необходимости в историческом процессе, с вопросом о возможности и необходимости, вопросом о соотношении плана и стихии и т. д. Если бы какой-либо товарищ сказал, что одним из важнейших упущений на философском фронте было то, что до сих пор не поставлен вопрос относительно того, что значит сама постановка проблемы, «кто—кого» для понимания основ марксистского метода, я бы сказал, что это правильно. Эта задача перед нами стоит ли на ней действительно нужно сосредоточить внимание. Но к сожалению, наших гг. «критиков» мало интересует существо дела. Вот в чем несчастье и это—величайшая опасность, потому что это действительно может нас отвлечь от разрешения стоящих перед нами положительных задач.

Я перехожу к борьбе с формализмом. С формализмом бороться безусловно обязательно, но если вспомнить историю этого вопроса, то кто выдвинул лозунг борьбы с формализмом у нас за последнее время? (Ведь мне же приходилось на заседаниях ОВМД разъяснять некоторым из товарищей, нас критикующих за недооценку опасности формализма, что значит борьба с формализмом и почему она необходима. (Смех). В докладе о «XII

Ленинском сборнике» я специально касался этого вопроса до выступления Митина, Ральцевича и др. и критиковал формалистические ошибки Дмитриева и Гонимана, а еще раньше—несколько лет назад—аналогичные ошибки Милонова. Так обстояло дело. Ведь г. Митин не решился тогда (даже выступить по моему докладу, хотя он присутствовал на нем. А здесь он повторяет уже против нас выдвинутый нами лозунг, но так, что лозунг этот превращается в карикатуру. Правильный лозунг борьбы с формализмом, от которого нельзя отступить ни на шаг, превращается в карикатуру, потому что формализм отождествляется со всякой теорией вообще. Вот как обстоит дело. И когда г. Милютин, я просто беру этот пример как иллюстрацию, когда г. Милютин выступает на заседании президиума Комкакадемии и говорит: «все что вы писали в вашей книжке—есть формализм», то я спрашиваю—почему формализм? Отдаете ли вы себе отчет в том, какое содержание вкладываете вы в это понятие? С чем я писал в своей книге? Я перепечатал в ней статью о Ленине, появившуюся ранее в «Большевике». В ней вы нашли формализм. Далее, я, исправляя одну свою старую неточную формулировку о гегелевском методе, —написал специальную статью с критикой гегелевской диалектики с точки зрения Маркса, где попытается вскрыть недостатки, идеализм, элементы дуализма, которые были в гегелевском методе. Эта статья, ранее того, как она была перепечатана в книге, вышла под редакцией г. Милютина в «Вестнике Комкакадемии». (Смех). Там вы нашли формализм? Далее, я напечатал в своей книге статью против Богданова, в которой подверг критике теоретические основы «технологии» Богданова и пытался выяснить социальные корни богдановщины. В ней вы нашли формализм? Наконец, в книге помещена статья о «Рабочей Травле», которая в свое время была напечатана в «Большевике» и ряд статей против механистов. Я спрашиваю г. Милютина, в какой из этих статей вы нашли формализм?

Милютин. Начиная с первой. (Смех).

Карев. Когда вы делаете первое общее априорное заключение по теоретическому вопросу, не давая себе труда разъяснить в чем дело—это просто смешно. После этого вы мне сказали:— у вас тот недостаток, как и у всех работников на философском фронте, что вы не рассматриваете историю философии в связи с классовой борьбой. Я пересмотрел вновь специально то, что писал на эти темы. Я писал по истории философии о французском материалисте Леруа, о котором высоко отзывался Маркс, писал о Беконе, писал о Канте, писал о Богданове. Вы проглядели, г. Милютин, в каждой из этих статей, посвященных этим философам, я давал анализ классового значения их учений.

Голос с места. Абстрактно писали.

Карев. Конечно я это делал иначе, чем Богданов или Шлятиков. Наряду с выяснением классового значения учения—я давал и его логическую критику. Я думаю, что если при

анализе классового содержания учения мы не будем рассматривать его логического содержания, то это будет означать рецидив богдановщины, и это будет совсем недалеко от новейшей буржуазной критики марксизма типа Мангейма. С вашей точки зрения тогда и ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» есть идеологическое произведение, якобы оторванное от классовой борьбы, потому что в нем есть и логическая критика различных философских течений. Эта ленинская позиция—единственно правильная позиция. Так вот, товарищи, таким образом поставить проблему борьбы с формализмом, как ее ставят гг. Митин, Милютин, нельзя, если мы не хотим отказаться от теории вообще и оказаться в объятиях буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Если всякий теоретический анализ содержания и объективного значения того или другого положения людмменяют только социальным анализом, это есть богдановский релятивизм. То, что даже на заседании Президиума Комкадемии повторяются эти идеи, подтверждает к сожалению, что мы до сих пор еще не утробили богдановщины окончательно.

Задача борьбы с формализмом есть важнейшая задача. Что такое теоретически формализм? Если дать философскую формулировку, то можно сказать, что формализм заключается в том, что вместо конкретно-всеобщего в познании, которого требует Ленин вместе с Марксом, дается абстрактно-всеобщее, абстрактное отрывается от конкретного, что в конечном счете неизбежно ведет к идеализму. А если дать политическую формулировку, то формализм означает подмену общими фразами конкретного исследования, отрыв его от реальных отношений и конкретных наук, от практики классовой борьбы, взятой в ее историческом целом. Формализм там, где, по словам молодого Маркса, дело логики заменяет собой изучение логики дела. Вот, что значит формализм и против этого формализма нужно бороться изо всех сил. А у нас ищут формализм как раз там, где его нет. Вот вам еще один пример. На одном собрании товарищи, критикующие нашу философскую линию, выступали с такими, полными ланического ужаса, заявлениями: представляйте себе, говорят, что на философском фронте, когда перед нами так остро стоит задача поворота, Стэн выступил с программой семинария по философии, в известной части которой хотел критически разобрать «Феноменологию духа» Гегеля. Какой ужас! Это значит, что человек не просто хочет повернуться от современности к Гегелю, а хочет повернуться еще к раннему Гегелю! И вот я, нарочно выбрав этот,—как будто наиболее разительный пример, прошу вас отдать себе отчет в его содержании. Что значит в настоящий период выставить как одну из задач в изучении Гегеля, задачу критического изучения «Феноменологии духа» Гегеля? Нужно проанализировать, какими общественными причинами это обусловлено. Недавно вышли замечания Маркса на «Феноменологию духа» Гегеля, опубликованные в III томе Архива Маркса, в которых Маркс указывает, что центром философии Гегеля является его

«Феноменология духа». И в этой связи, анализируя гегелевскую «Феноменологию», Маркс формулирует основы коммунизма, разбирает отличительные особенности коммунистической формы сознания и то как эта форма создается, какие ступени она проходит в своем развитии. В «Феноменологии» Гегель в мистифицированной форме стремился показать историческую смену различных форм общественного сознания людей на основе развития их трудовой деятельности, хотя самый труд Гегель понимал как труд духовный, а не труд материальный. Маркс ставит учение Гегеля, с головы на ноги и рассматривает смену форм сознания как обусловленную диалектическим развитием критически-революционной, предметной трудовой деятельности. И в этом разрезе перед нами так же стоит задача осмыслить ту новую форму общественного сознания, ту новую форму культуры, которая создается в стране строящегося социализма. А если хотите по-настоящему широко и глубоко поставить эту работу по исследованию новых форм общественного сознания и новых категорий, которые у нас создаются, то вам неизбежно придется обратиться к изучению характера их смен в прошлом, их истории, того как Маркс ставил эту задачу, создавая научный коммунизм. И хотя на первый взгляд кажется страшным и странным, что в числе прочих задач завещанного Лениным изучения Гегеля выдвигается ныне и изучение «Феноменологии духа», но здесь есть глубокая внутренняя связь! Непонимание правильного соотношения между культурой пролетарской и буржуазной, непонимание того, как создается новая форма общественного сознания, может привести к грубым ошибкам. Для того чтобы создать свою пролетарскую культуру, мы должны критически пересмотреть старые формы сознания и переработать их, раскритиковать их в историческом плане борьбы между классами и посмотреть, каким образом создаются у нас новые отношения. В связи с той же самой «Феноменологией духа» Маркс ставит другой вопрос: он указывает, что только при переходе к коммунизму станет возможным настоящий синтез естествознания и общественных наук, оторванных друг от друга при капитализме. А это для нас центральной важности политический вопрос. Вспомните о необходимости в тех-ни-ке обогнать и перегнать капитализм, сеть вредительства и т. д. Ясно, сколь важна сейчас постановка вопроса о синтезе общественных наук с естественными науками для того, чтобы естествознание поставить целиком и полностью на службу социалистической реконструкции нашего хозяйства. И разве разработать эту проблему—не важнейшая задача на философском фронте? Разве наконец изучение истории знания, которое неизбежно связано с критическим рассмотрением гегелевской «Феноменологии» не является одним из важнейших средств борьбы с закос-тением теории знания, правильного решения соединения логического и исторического, по которому столько ошибок наде-лал Рубин? Если не дать отпора мещанской, мелкобуржуазной ограниченности в теории,—мы поворота совершить не сможем

и настоящей критики своих ошибок и их подлинного исправления не дадим.

Еще маленькое замечание насчет формализма. Товарищи говорят, что у нас формалистический уклон. Я напечатал около года назад статью о теории исторического материализма как науки.

Я доказываю в этой статье, что антиисторическая точка зрения у Бухарина есть важнейшее теоретическое препятствие для осуществления поворота в нашей работе к изучению актуальнейших вопросов переходного периода, потому что если исходить из общих абстрактных категорий, то вы не можете понять своеобразия отношений, которые возникают в переходный период, и закрываете себе возможность раз навсегда осуществить этот поворот. Вы же, не разобравшись, что к чему, пишете, что это формализм и едва ли не кантианство: В теоретической критике надо понимать смысл того, что написано. Нельзя превращать в формализм всякую теорию.

Мы должны вести борьбу на два фронта. С одной стороны, мы должны бороться с механизмом, который остается главной опасностью в наших философских организациях в данный период, и с другой стороны, — с формализмом и эклектизмом, которые сейчас выступают все сильнее. Не видеть и той и другой задачи — значит ничего не видеть. Борьба с эклектизмом, так же как и борьба с формализмом, является сейчас важнейшей партийной задачей, от которой отмахнуться нельзя.

Мы имеем в настоящий период обострение классовой борьбы. Мы имеем кондратьевщину, рубинщину, которые далеко недостаточно еще выкорчеваны. Мы имеем рецидивы всяких правых и «левых» теорий. Естественно, что по всем этим линиям для борьбы со всеми врагами партии необходима мобилизация у нас всего теоретического фронта. Необходима мобилизация всех сил, которые у нас есть, на выполнение тех указаний, которые дает партия.

Я считаю, что к сожалению наша дискуссия, наряду с ее положительным значением, имеет и очень большие накладные расходы, так как ограничивается общими разговорами вместо обсуждения действительных практических задач поворота (Аплодисменты). Несомненно, что с этими общими разговорами мы должны покончить, чтобы люди могли быть проверены на деле, насколько они способны выполнить взятые на себя обязательства. Я не сомневаюсь, что в той работе, которая у нас была в то же время, как мы провозгласили необходимость поворота, вслед за указанием ЦК, у нас сделано еще совершенно недостаточно, но те, которые критикуют так называемое, «философское руководство» (само слово это я считаю неправильным) — я спрашиваю — что вы сделали? Разве мы тт. Сальцевичу и Митину в том же пятом номере «Под знаменем марксизма, который они теперь критикуют столь ожесточенно, не поручали написать статей о методологии троцкизма и правых? Почему они ничего не написали?

Я думаю, что в этом смысле мы должны сейчас потребовать перехода к осуществлению поворота на дело. Это — огромная работа по разработке тех проблем, которые ставит партия, и которую мы должны выполнить для того, чтобы осуществить партийную директиву.

Это дело не отдельных лиц и не отдельных групп и учреждений, это дело всего коллектива, всех коммунистов, работающих в этой области.

Я не сомневаюсь, что мы все вместе, под руководством нашей партии и ее ЦК, те громадные, гигантские задачи, которые ставит перед нашим участком фронта нынешний этап форсирования социалистического наступления, — действительно разрешим.

Пашуканис. Я, товарищи, не принадлежу к философскому цеху, но это не лишает меня возможности оценить те факты, которые у нас у всех перед глазами. Тов. Карев, только что с этой трибуны запретил говорить о кризисном положении на философском фронте. Кризиса нет? Позвольте в этом с т. Каревым не согласиться. Кризис несомненно есть. Тот факт, что журнал «ПЗМ» в сущности ведет полемику с «Правдой» и «Большевиком», тот факт, что в редакции «ПЗМ», как здесь сообщил т. Ярославский, толчутся на одном месте три течения, тот факт, что мы имеем уже на протяжении всей прошлой зимы дискуссию, — это показывает, что кризис налицо.

Я считаю, что те исторические этапы в развитии философской дискуссии, которые намечены т. Дебориным, являются неполными. Он упомянул только о борьбе с механистами, о I и II конференциях и сразу перескочил к этому заседанию президиума Комакадемии. Но до этого была дискуссия в ОВМД, в Ин-те философии, в ИКП, и эта дискуссия обнаружила, что философское руководство попало в тупик. Правда нам говорят, что философское руководство — это категория мифологическая, как сообщил т. Стэн или что это «бывшее» философское руководство, значит очевидно, категория историческая, не филологическая. Но во всяком случае мы видим, что с основной задачей — руководства молодыми подрастающими кадрами — настоящее или бывшее философское руководство не справилось. Оно попало в тупик и, что всего интереснее, оно попало в тупик, несмотря на то, что в борьбе с механистами товарищи занимали в общем правильную линию.

Товарищи, которые так успешно боролись за материалистическую диалектику с механистами, попали в это кризисное положение, в этот тупик именно в тот момент, когда объективная диалектика действительности обнаружила себя со всей силой, когда наступил реконструктивный период. Тут-то бы, кажется, и расправить крылья диалектикам-марксистам. Но здесь-то как раз оказались прорехи и обнаружилось эти недостатки. И как бы т. Стэн ни декламировал здесь, что большевик-революционер не признает отвлеченной теории, а как раз и выявилось, что материалистическая диалектика у товарищей из философского руководства была чересчур книжной, школьной, по латыни гово-

ря—схоластической. Но, товарищи, 'еще хуже: эта материалистическая диалектика уживалась с равнодушием к той борьбе, которую вела партия. Ведь это факт—мимо троцкизма! прошли. Здесь это пытаются объяснить просто забывчивостью: забыли—грубая ошибка, забыли. Но, товарищи, забыть может один человек, но когда эта забывчивость распространяется на целое течение,—это уже нечто большее, это какой-то органический порок, который надо понять для того, чтобы его преодолеть. И т. Карев безусловно был неправ, когда он подсовывал такое детское понимание, что мол взяли 13 цитат, нашли всего 13 ошибочных цитат, какие же тут юшибки? Никто, товарищи, на цитаты здесь не считает и этим не измеряет. А вот то, что здесь т. Карев говорил о недостаточной творческой работе по развитию содержания материалистической диалектики, приводя все эти примеры—и капиталистические кризисы, и проблемы «кто—кого, и причины изменяющегося соотношения классовых сил и т. д.—и сознался, расписался, что в этой области не сделано ничего, это не случайно, ибо эти проблемы ставить и решать как материалист-диалектик может только тот, кто дышит одним воздухом с партией, и тот, кто в каждый момент чувствует себя, как политик.

С места. Правильно.

Пашуканис. (Мы переживаем момент глубочайшей ломки. Что приличествует диалектику в такой момент? Выражаясь терминами Гегеля,—беспокойство, томление духа, ибо открывается новое. Что мы видим у философского руководства?) Спокойное почивание на лаврах. Правда, я должен сказать, что в этой дискуссии тон несколько изменился. Выступление т. Стэна уже не напоминает собой тех развязных его выступлений, которые мы слышали раньше. Теперь т. Стэн говорит о повороте серьезно, а прежде он кричал с места: «Вы будете поворачиваться вокруг своей оси, а я не буду». Теперь он таких заявлений не повторял, так что некоторый сдвиг сделан. Но он недостаточен, этот сдвиг, он недостаточен, товарищи, ибо тон суеверного презрения ко всем тем, кто не сидит на философском Олимпе, прорывается, и тут сейчас недавно прорвался у т. Карева. Он только что заявил, что статьи, которые ими написаны, что это были ученические работы и т. д. и т. д. Но через две-три фразы он эти же работы сравнивает с эмпириокритицизмом Ленина, потому что, мол, Ленин тоже давал там логическую критику. По-моему, это сравнение в данном случае неуместно. Точно так же и заявления насчет болтовни, которой здесь якобы занимаются. Я, правда, сразу после этого подумал, что т. Карев хочет показать в том, что в защиту своего дела они выпустили здесь на трибуну т. Новикова. Это было весьма кстати, но он об этом почему-то также счел нужным умолчать.

Но как объясняют себе товарищи то, что происходит? Они объясняют очень просто. Вот, видите ли, борьба с механистами, в этой борьбе мы занимали правильную линию. У нас были попутчики, а теперь эти попутчики нас оставили и бегут в эклектизм, совершают рецидивы механистических уклонов и т. д. Нет,

товарищи, такое объяснение неправильно. Когда шла борьба с механистами, то не какие-то неустойчивые элементы и попутчики отстаивали вместе с вами материалистическую диалектику,—отстаивали широкие круги партий, которые боролись за ленинизм. И нельзя сейчас объявлять всех тех, кто не согласен в чем-нибудь с тт. Дебориным, Стэном и Каревым попутчиками, которые только временно шли по правильной дороге борьбы за материалистическую диалектику, а сейчас свихнулись. А я считаю, что с механистами можно было бороться и сейчас можно бороться, не разделяя троцкистских ошибок, бывших у т. Карева, ошибок, которые проявились в проекте декларации. Можно говорить, что это случайно, что это черновой набросок и т. д., но от факта увильнуть нельзя. Можно бороться с механистами, не проявляя снисходительности к формалистическим извращениям. Можно бороться с механистами, не относясь примирительно к Рубину. Можно ли должно бороться с механистами не делая грубых ошибок в оценке Ленина, не умаляя его значения для теории. Вот в чем дело, товарищи. И я полагаю бы, что основной грех нашего философского фронта заключается именно в том, что у нас преобладал кабинетный тип работы, школярский, учеба и литературщина. Результатом явилось то, что разработкой методологии идет на холостом ходу, методология процветает ради методологии, а когда на это указывают,—поднимаются крики: позвольте, вы подымаете поход против теории! Конечно не может быть правильной теории без правильной методологии. Но можно заниматься одной только чистой методологией, не давая никакой теории, выходящая эту «амую методологию. Такая опасность совершенно реальна. И когда мы на нее указываем, это не значит, что мы объявляем тем самым поход против теории. Материалистическую диалектику разрабатывают не только философы по специальности, не только этот узкий цех, а все, кто борется за марксистскую теорию во всех областях. Все эти усилия соединяются. С каждым шагом вперед материалистическая диалектика должна давать ответы, совершенно конкретно исторически указывающие на закономерность прошлого и дающие прогноз на будущее и т. д., не повторение только одних форм.

Итак, товарищи, к какому можно прийти выводу? Нужно ошибки признать не на словах только, нужно проанализировать их, вскрыть корни и сказать об этом полным голосом, совершенно бесстрашно, не называя тех, кто на эти юшибки указывает, невеждами, эклектиками, не отталкивая их, не затрудняя этим самым борьбу на фронте материалистической диалектики.

Ральцевич. Прежде всего необходимо заметить, что тон, который сейчас принимают некоторые представители так называемого философского руководства, напр. тт. Стэн и Карев, довольно резко отличается от того тона их выступлений, к которому мы все так привыкли в течение всей нынешней дискуссии вплоть до последнего времени. Мне хотелось бы предостеречь вас, товарищи, от слишком поспешного доверия к этому тону.

Не следует забывать, что в то время как здесь раздаются елейные речи (впрочем «елейность» этих речей весьма относительна, высокомерия и в них хоть отбавляй), в это время выходит № 7—8 журнала «ПЗМ», страницы которого переполнены самой возмутительной клеветой, беззастенчивой ложью, недопустимой развязностью и антипартийным тоном, направленными против тех, кто осмелился на страницах партийной печати усумниться в папской непогрешимости Стэнгов и Каревых.

Т. Стэн и Карев заявляют, что поворот на философском фронте уже давно произошел. Тов. Карев осмелился даже заявить, что он провозгласил поворот уже больше года назад, в своей статье об итогах дискуссии на философской апрельской конференции 1929 г. Само собой разумеется, что этот поворот в области теории, требование которого вытекает из оценки Сталиным нынешнего соотношения теории и практики, тот поворот, ради которого собственно и поднялась волна самокритики в области философии, ровным счетом ничего общего не имеет с поворотом т. Карева. Но посмотрите, какое нестерпимое фанфаронское высокомерие там и сям прорывается в сегодняшнем «мирном» и «скромном» каревском щебетании!

Я приглашаю товарищей оценить значение каревского поворота, якобы имевшего место до выступления Сталина, в свете той «самокритики», которую практиковал т. Карев полгода спустя после своего «поворота» на собрании философской цехячейки ИКП, осенью прошлого года. Тов. Карев, который сейчас извивается ужом, прикидывается ягненком, в ответ на только еще поднимающуюся волну широкой партийной самокритики в области философии говорил: «Из болота Дицгены не вырастают!» Так помогал т. Карев самокритике, так реализовал он свой поворот к новым задачам в области философии, в частности, к задачам подготовки философских кадров из людей рабочего класса, из товарищей, прошедших серьезную школу борьбы со всякими уклонами от линии партии, на деле показавших свою безоговорочную преданность классовым интересам пролетариата.

Не мешает вывести на свет и еще один случай уже «осуществленного» так называемым философским руководством поворота, когда год назад, опять-таки на партийном собрании философской цехячейки ИКП, на замечание т. Ташчилина о необходимости самокритики, о необходимости критики допущенных ранее ошибок, сегодняшний «джентльмен», т. Стэн, приступил к нему с кулаками, и, чуть ли не хватая за горло, говорил: «Затякую самокритику я тебе сапогом на язык наступлю!» Так т. Стэн помогал развертыванию самокритики в партийных философских рядах, так осуществлялся им поворот.

Поэтому я спрашиваю: можно ли верить хоть единому слову этих товарищей, не только не упомянувшим и не осудившим своего прежнего антипартийного отношения к самокритике, к партийной массе, не только не отказавшимся от своей гнилой позиции за все время дискуссии, но наоборот, всевозможными доводами защищающим эту позицию и даже утверждающим, что они

«уже повернулись», уже давно начали «самокритику»? Вы догадываетесь, товарищи, какая поговорка Ленина уместна в этом случае. Вы догадываетесь, какая квалификация должна быть дана тому, кто в подобного рода случаях верит на слово.

И посмотрите, какое поразительное сочетание высокомерия с лицемерием обнаруживают наши оппоненты даже здесь, в стенах Коммунистической академии. Они, видите ли, готовы признать свои ошибки—наконец-то! Но, во-первых, они всячески увиливают от указания, от перечисления хотя бы крупнейших из наиболее крупных своих ошибок. Вообще ошибки были—таково их признание ошибок. Совершенно ясно, товарищи, что такое признание ошибок есть их замазывание, есть отказ от признания ошибок. Такое признание ошибок фальшиво от начала до конца, так как достаточно вспомнить слова Ленина, что «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает», чтобы подорвать доверие к тому, кто требует от так называемого философского руководства признания ошибок вообще. Вы расскажите нам не о тех ошибках, которые допущались потому, что вы «что-то делали». Об этих ошибках кричат механисты и неумно кричат. Мы же знаем, что ошибки были очень крупными, отнюдь не неизбежными, что этих ошибок было много, что многие из них находятся между собой во внутренней связи, что грубейшие политические ошибки были «фундированы» у ряда видных представителей философского руководства философскими доводами. Вот о чем надо было сказать тт. Стэнгу и Кареву. Вот какое препятствие надо преодолеть на повороте в философском движении. Совершенно ясно, товарищи, что стэнговское и каревское признание ошибок не только не устраняет этого препятствия, а наоборот чрезвычайно его усиливает..

С другой стороны т. Карев выдвинул здесь новый довод в пользу смягчения ошибок. Мне в связи с этим вспомнился механист Перов, который на прошлогодней апрельской конференции плакался, что хотя механисты и ошибались, но их не следует бить очень сильно. В самом деле, стоит ли бить «очень сильно» за ошибки, которые, как говорил здесь т. Карев, были ошибками всего лишь учеников в области философии? Школьные ошибки—стоит ли поднимать шум из-за таких пустяков!

Мы не сомневаемся, что не только прежде, но и до сих пор некоторые из представителей так называемого философского руководства являются всего лишь школьниками в марксистско-ленинской философии. В этом у нас нет разногласий с т. Каревым. Умные речи приятно и слушать.

Беда не в том, т. Карев, что вы были школьниками. Беда в том, что, будучи школьниками, вы возомнили себя учителями. Беда в том, что, признавая себя на словах школьниками, вы до сих пор не отказываетесь от своих школьнических ошибок, вы несете их с собой вплоть до настоящего времени, вы и теперь совершаете те же ошибки да еще прибавляете к ним новые. Большая беда состоит в том, что часть товарищей из так называемого философского руководства были учениками не только Маркса, Энгельса, но и учениками Гегеля, Фейербаха, Плеханова, Буха-

рина, Зиновьева и Троцкого. Если т. Карев не говорит здесь ни слова, чьиими учениками они были, то это нас обязывает рассказать, каковы учителя т. Карева и других. Это мы уже отчасти сказали и скажем и докажем подробно при первой возможности. Мы считаем, что у наших руководителей было слишком много «учителей».

Но самая большая опасность, товарищи, состоит в настоящее время в том, что, признавая свои ошибки вообще и считая их ученическими, т. Карев осмеливается и сейчас заявлять: мы выдвинули правильные лозунги, от которых нельзя отступить ни на шаг. Вот где завязывается узел лицемерия и высокомерия, вот где свидетельство папской непогрешимости, вот где геркулесовы столпы самолюбия и зазнайства наших «скромных» «учеников».

Основной якобы правильный лозунг гг. Стэна и Карева, от которого якобы нельзя отступить ни на шаг, сводится в конце концов к тому, чтобы совершить поворот «на основе старой линии». Если от нас еще раз требуют признания значительных достижений в прошлом, то ведь об этом мы заявляли неоднократно и боролись за это положительное. Но ведь наряду с положительным было на прошлом этапе достаточно чрезвычайно существенных, коренных недостатков, существенных провалов и ошибок, которые на данной ступени развития переросли и перерастают в систему ошибок, в уклон, являющийся в основном уклоном формалистическим, абстрактно-схоластическим. Поэтому надо бросить разговоры о «повороте на основе старой линии». Уже в течение восьми месяцев идет ваша новая линия. Вот о чем следует говорить. И вы хотите на основе этой линии, которую вы протаскиваете во всех статьях, направленных против линии «Правды», против линии «Большевика», «Безбожника», «Комсомольской правды», против всего расширяющегося в наших философских масштабах массового движения, — вы хотите на этой основе поворачиваться? Нет, товарищи, на этой линии мы вам повернуться не дадим.

Думаю, что сказанного по адресу гг. Стэна и Карева пока вполне достаточно. Ответить на весь тот вздор, на всю клевету, которую Карев с Новиковым настряпали на 30 страницах в № 7—8 журнала «ПЗМ», здесь нет никакой возможности, охоты да и нужды. Меня мало интересует т. Карев сам по себе. Гораздо больше меня интересует т. Деборин.

Надо прямо сказать, что содоклад т. Деборина был никуда негодным, гнилым содокладом. Разве мы здесь в лице т. Деборина увидели товарища, который хотя бы в малейшей мере совмещал единство теоретика и политика, теоретика и революционера, то единство, которое является высшим достоинством большевиков? Нет, товарищи, в содокладе т. Деборина не было ни большевистской политики, ни большевистской партийности, у него оказалась политическая линия совсем иного порядка и даже прямая антипартийность. Это настолько ясно для всех, что об этом не стоит распространяться. Но и с точки зрения «чисто» теоре-

тической, что здесь нам дал т. Деборин? Сплошной поток безответственных и бездоказательных обвинений, разбрасываемых по адресу всех выступающих с критикой так называемого философского руководства. Послушать т. Деборина — так все являются ревизионистами, все ревизуют Ленина, протаскивают бернштейнство — ни более ни менее. Не только мы являемся ревизионистами, но вот и т. Милютин, официально выступающий с докладом от имени Коммунистической академии, также попал в ревизионисты ленинизма. Разве же это не смехотворно! Тов. Деборин протестует? Так вам придется основательно обработать свой содоклад, так как вы неоднократно бросались такими обвинениями. Впрочем в деле «исправления» стенограмм, со времени апрельской дискуссии на фракции ОМВД в Комкадемии, вы основательно набили себе руку.

Так вот все критики руководства — ревизионисты, лишь так называемое философское руководство является носителем запятанной «ленинской» ортодоксии. И естественно конечно, что в центре этого руководства стоит сам непогрешимый папа — т. Деборин, который, по его словам, был ортодоксальнейшим ленинистом чуть ли не с 1901 г. Вот до каких пустяков договорились люди.

Мы — ползучие эмпирики. Массовое движение в философии есть, оказывается, в своей теоретической основе, ползучее эмпирическое движение. Мы принижаем роль теории, мы принципиально отрицаем теорию, искажаем Ленина, ревизуем ленинизм — так ков букет обвинений, который нам преподнес т. Деборин в своем содокладе. Ну, а как насчет их обоснования? Тяжкие обвинения требуют серьезных доказательств. На деле же у т. Деборина не оказалось никаких доказательств.

Но если нет доказательств, нет фактов, нет подтверждений нашего якобы отрицания теории, то мы вправе потребовать у главы философского руководства хотя бы намека на логику.

Верно или не верно, что мы чрезвычайно остро ставим вопрос о необходимости бороться за ленинскую теорию, за ленинскую диалектику, за ленинскую философию в первую очередь? Верно или неверно, что именно мы, имея в виду указания Сталина, сказали о недооценке вами непревзойденного значения Ленина в развитии материалистической диалектики, сказали, что все философы-специалисты, в том числе и вы — «руководители», не поднялись до того теоретического уровня, на котором стоят все работы Ленина и в частности его философские работы? Вместо того, чтобы честно ответить на прямо поставленные вопросы, согласиться, что в философских работах еще очень мало имеется действительно ленинской философии, сознаться, что была и притом систематическая, неслучайная недооценка Ленина как мыслителя, вместо этого нас же обвиняют в отрицании теории вообще. Если эта логика, то что называется абсурдом?...

Мы смыкаемся с механистами. А доказательства? Ни единого. Наоборот, и по этой линии мы предъявляем нашему так называемому философскому руководству счет. Пусть ответят, написана

ли ими хоть одна статья против механистов после подведения итогов дискуссии на апрельской конференции прошлого года. А ведь после этого прошло уже полтора года. Единственная статья, написанная представителями руководства весной т. г. по вопросу о механистах, в действительности была направлена не против механистов, а против самокритики на философском фронте, подвнятой в печати т. Ярославским. Против действительной вылазки механистов—их письма в газету «Безбожник»—наши бывшие «механоеды» не проронили ни слова. Против выступлений тт. Сарабьянова и Гурова в «Антирелигиознике» летом т. г. (см. № 6 и 7 «Антирелигиозника») наши бывшие «механоеды» не проронили ни звука. То, что вы не критикуете механистов теперь, когда особенно резко стоит вопрос о борьбе против механистических, эклектических корней правого уклона, то, что вы по существу не считаете механистическую ревизию диалектического материализма главной опасностью, тот факт, что ни один товарищ из так называемого философского руководства не выступил в течение целого года против механистов на страницах журнала «ПЗМ», тот факт наконец, что вместо борьбы с механистами журнал «ПЗМ» уже полгода ведет бешеную борьбу против товарищей, борющихся с механистами,—все это свидетельствует о том, что не мы, а так называемое философское руководство повернуло спиной к действительным достижениям прошлой философской работы.

Если этих доказательств вам мало, получите еще. В 1928 г. т. Карев говорил: «Что дали механисты? Кроме путаницы—ничего. Не выдвинули ни одной проблемы»¹.

«Почему так опасны в этой общей перспективе механисты? Потому что, приходя иногда в конечном счете даже к признанию тех или иных, ранее оспаривавшихся ими, положений материалистической диалектики, они уже самими своими выступлениями объявляют дискуссионными такие положения марксизма, которые составляют его внутреннее ядро. Они независимо от своей воли диктатуру марксизма стремятся превратить в дискуссионную проблему. И в этом основная опасность «механизма»². В 1928 г. т. Карев считал, что дальнейшие споры, дальнейшая дискуссия с механистами теряет всякий смысл. А вот что говорится в конце 1929 г., через год—полтора после этого, в предисловии «от издательства» к книге т. Сарабьянова «В защиту философии марксизма». «Издательство надеется, что несмотря на всю дискуссионность существенных своих положений книга т. Сарабьянова послужит новым поводом для дальнейшей разработки марксистско-ленинской теории»³.

Вы спрашиваете, кто это писал? Это писал т. Карев. Такова действительная «принципиальность» нынешней «борьбы» философ-

ского руководства с механистами. Признать два года назад, что никаких дискуссионных проблем не может быть в споре с механистами, а спустя год объявить дискуссионными существенные (ре-визионистские!) положения т. Сарабьянова, признать два года назад, что наибольшей опасностью является обращение механистов «ко всем и вся»,¹ спустя год редактировать и писать ренегатские предисловия к насквозь путанной, всесторонне вредной механистически-эклектической книжке, автор которой в своем предисловии самым беззастенчивым образом обращается именно «ко всем и вся»,—разве это не подлинная беспринципность?

А кто дал отпор и сарабьяновскому ополчению марксизма и каревской беспринципности?

Заканчивая о нашем якобы «смыкании» с механистами, останьтесь еще на одном примере действительного смыкания с механистами со стороны... все того же «принципиального» т. Карева. Ведь это же факт, товарищи, что Карев на философской дискуссии в ИКП летом этого года ссылался против нас на механиста покойного т. Степанова. Тов. Карев против нас—«ползучих эмпириков»—ссылался на т. Степанова, как на образец понимания теории. В продолжение 4 лет жестоко критиковать т. Степанова, объявить философское течение, которому он положил начало, ревизионистским, и затем вдруг превратить т. Степанова в авторитет в деле понимания теории. Таков последний (последний ли?) принципиальный курбет т. Карева по вопросу о механистах.

Таким образом мы считаем доказанным, что в утверждении т. Деборина о нашем якобы примиренчестве к механистам нет ни грама объективной истины, что на деле т. Деборин и с ним все руководство в вопросе о примиренчестве к механистам валиг с большой головы на здоровую.

Следующий вопрос—о Плеханове. Кое-кто из философского руководства стремится представить дело в таком свете, будто мы хотим чуть ли не [стереть] с лица земли Плеханова, хотим отдать его ревизионистам, механистам и т. д. и т. п. Это—чушь. Такие вещи надо доказать. Где доказательства, кто их может привести?

У нас нет никаких шатаний в вопросе о Плеханове. Наоборот, нынешняя позиция так называемого философского руководства в этом вопросе представляет собой нечто в высшей степени путанное, комическое и жалкое. Ведь это же факт, что на протяжении 3—4 номеров в журнале «ПЗМ» несколько раз дается противоречивая оценка Плеханова как философа.

Напр. в № 5 «ПЗМ» т. Новиков резко противопоставлял Плеханова-философа, Плеханова-диалектического и исторического материалиста, Плеханову-политику. Новиков не заметил в этом номере ни одного недостатка в методологии Плеханова. В № 7—8 «ПЗМ» т. Новиков, в полную противоположность тому, что он говорил в № 5, так «изобразил» Плеханова-философа, что

¹ Карев, За материалистическую диалектику. Изд. Моск. Раб. 1929, с. 318.

² Там же, с. 319 (Разрядка автора—В. Р.).

³ С. IV. (Подчеркнуто нами—В. Р.).

¹ „За материалистическую диалектику“. Изд. 1-е, с. 319.

не нашел у него ни одного достоинства. Такова тоже «принципиальность» — вроде каревской — т. Новикова, а вместе с ним и журнала «ПЗМ».

Но что говорить о т. Новикове, если т. Деборин в своем содокладе вдруг заговорил о «плехановизме», который он заметил у т. Милотина. Что это за новая категория, т. Деборин? С каких это пор появился «плехановизм»? С каких это пор диалектический материализм Плеханова — лучших философских произведений в мировой литературе марксизма, по словам Ленина, — превратился в «плехановизм»?

Против такой «принципиальности» мы будем вести жестокую борьбу. Мы будем драться против лозунга «плехановизм». А вместе с тем мы считаем необходимым резко выступить и против таких лозунгов, которые считают Плеханова высшей ступенью в развитии марксистской методологии, против щукинского лозунга: за плехановскую ортодоксию, выдвинутого им в книге «Две критики». Мы будем выступать против подобных лозунгов особенно потому, что и переверзевцы и некоторые представители руководства РАППА, а дальше Плеханова не идут, материалистической диалектики Ленина, действительно высшей ступени в развитии марксистской философии не замечают.

Недавно еще нам напоминали слова Ленина о необходимости изучать философские произведения Плеханова для того, чтобы стать настоящим коммунистом. При этом забывали вспомнить, что Ленин же указал на ряд существенных, коренных недостатков и пороков философской работы Плеханова. Да, надо изучать Плеханова-философа. Но надо изучать и ошибки Плеханова и на этих ошибках учиться, чтобы избежать их. Мы решительно против тезиса: учиться диалектическому материализму по Плеханову. Ошибки Плеханова не являются необходимым элементом диалектического материализма.

Мы учимся и будем учиться диалектическому материализму по Ленину. Поэтому мы считаем своим долгом выступить против тех, — а эти «те» есть все так называемое философское руководство, — кто вплоть до настоящего времени продолжает твердить, что между Лениным и Плехановым нет существенных разногласий в философских вопросах, кто на протяжении 6—7 лет вводит в заблуждение массы утверждением, что Плеханов является теоретическим дополнением Ленина.

Теперь т. Деборин заявляет, что никогда не был плехановцем. Запутался т. Деборин окончательно. Ленин, по словам т. Деборина, был «учеником» Плеханова, а вот он, Деборин, никогда не был плехановцем. Разве это не смехотворно!

Ошибки т. Деборина в его старом произведении «Введение в философию диалектического материализма», которое он до сих пор переиздает без всяких исправлений, того же типа ошибки, что и ошибки Плеханова. Разве мало формализма в этом произведении т. Деборина? Разве это не аполитичное произведение? Куда, т. Деборин, у вас пропала практика как критерий познания — это основное положение диалектического материализма? Ра-

зве вы не считаете в этом произведении, что механическая причинность — неотъемлемая характеристика философии марксизма?

В предисловии к работе вы пишете, что лучше всех сознате ее «недостатки». И тем не менее считаете необходимым воспитывать на этой работе кадры философов-большевиков. Все ваши работы, т. Деборин, мы изучать будем, но... с «поправками». Каковы эти «поправки» вы видите и еще увидите. Эти поправки сводятся к очищению пути между Марксом — Энгельсом и Лениным. Выполняя необходимую и положительную работу очищения этого пути от всякого мусора, вы вместе с тем оставляете на нем достаточно и собственное хлам. Мы против таких оценок вашей работы «Ленин как мыслитель», какая дана в рецензии т. Карева — будто ваша книжка дает наиболее полное и наиболее верное изложение основ диалектического материализма. Занялись вы, товарищи! В книжке «Ленин как мыслитель» нет ни наиболее полного, ни наиболее верного изложения основ диалектического материализма. Эта книжка не только не дает представления о том новом, что внес Ленин в сокровищницу марксистской философии, но (наоборот, по целому ряду принципиальных вопросов диалектического материализма вообще дает неверную, отчасти механистическую, отчасти эклектическую трактовку.

Пусть т. Карев наберется смелости и скажет откровенно и по этому вопросу, что в оценке «Ленина как мыслителя» он допустил «ученические» ошибки.

Говорят, т. Деборин дает высокую оценку теоретическому гению Ленина. Это неверно, товарищи. Конечно попадаются и у т. Деборина отдельные места, где он расцедривается в положительной оценке философского значения Ленина. Но в основном и общем, в основных установках, в общем и целом т. Деборин, как и все «руководители», систематически затушевывает непрезойденное значение Ленина в развитии материалистической диалектики. Это будет доказано шаг за шагом на всем произведении «Ленин как мыслитель».

Тов. Деборин видит у Ленина лишь блестящее применение материалистической диалектики. Применение, применение — это слово употребляется буквально десятки раз в работе т. Деборина. «Несомненно, — утверждает т. Деборин, — что вся сила Ленина заключалась помимо его личной гениальности в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь»¹. Таков исходный пункт и конечный вывод деборинской оценки Ленина как мыслителя, такова установка т. Деборина, проведенная им с необъяснимой последовательностью буквально на каждой странице «Ленина как мыслителя». Но если т. Деборин теперь хочет затушевать проводимое им различие между «развитием» и «применением», если т. Новиков изо всех сил тужится и пыжится, чтобы доказать, что применение и есть в понимании т. Деборина развитие, то

¹ «Ленин как мыслитель». Изд. 3-е, дополн. 1929, с. 12.

т. Карев уже давно выболтал тайну оценки так называемым философским руководством того, что сделано после Гегеля в разработке материалистической диалектики. Еще в 1924 г. т. Карев утверждал:

«Маркс писал Энгельсу, что «если придет снова время для подобных работ, мне очень хотелось бы в объеме 2—3 печатных листов сделать доступным общему человеческому рассудку то разумное в методе, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил». Пришло для Маркса время для написания этой работы? Где она? Не смешал ли т. Гониман применение метода с разработкой самой диалектической логики? И мог ли Маркс в 2—3 печатных листах дать что-либо иное, нежели абрис метода, т. е. общие его основы? (выходит, что Маркс не дал даже общих основ своего метода!—В. Р.). Осталась ли эта задача для последующих поколений марксистов и выполнена ли она? Не ее ли мы (поглядите, какие скромные наши «ученики» — В. Р.) разрешаем, когда вместе с т. Гониманом разбираем все разумное, что есть в гегелевском учении о «действительности»?». Как видите, т. Карев прекрасно понимает «что к чему», что такое развитие и что применение. Подлинно, что у т. Деборина на уме, то у т. Карева на языке. Вы видите, как прекрасно увязываются «ученические» ошибки прошлого с папской непогрешимостью настоящего.

А вот теперь, когда мы говорим, что каждая строка «IX» и «XII Ленинских сборников» снимают, снимают буквально десятки статей наших незаменимых разработчиков диалектики, они поднимаются на дыбы и яростно кричат: вы ревизуете ленинизм, вы смыкаетесь с механистами и еще чорт знает с кем!

Но тов. Деборин протаскивает в своем «Ленин как мыслитель» не только философское старье, но и свой собственный старый политический хлам. Тов. Ярославский зачитал нам интересный документ, относящийся к 1908 г. В этом документе т. Деборин «вскрывал» социальные, классовые, мелкобуржуазные корни большевизма. В своем «Ленин как мыслитель» в 1929 г. т. Деборин все еще не может окончательно распротиться со своей старой политической «ортодоксальностью». В этой брошюре т. Деборин обходит вопрос о том, что среди махистов были не только большевики, но и меньшевики, он все время говорит лишь о тройце «махизма, богоискательства и отзовизма»¹. Он боится нарушить эту триаду включением в нее откровенного ликвидаторства справа. Самое большее, до чего договаривается т. Деборин, заключено в следующих трех строках: «Как это ни странно, но ликвидаторы-меньшевики сочувственно относились к махизму и отзовизму группы Богданова-Луначарского»². «Сочувственное отношение» меньшевиков к махизму т. Деборин в 1929 г. считает весьма странным!

¹ „ПЗМ“, № 10—11 за 1924 г., с. 226. (Разрядка моя—В. Р.)

² „Ленин как мыслитель“, изд. 3-е, с. 22.

³ Там же, с. 22.

В предисловии к первому изданию «материализма и эмпириокритицизма» Ленин перечисляет русских махистов, желающих быть марксистами: Базаров, Богданов, Луначарский, Берман, Гельфонд, Юшкевич, Суворов, Валентинов. Он говорит о них: «И все эти лица, объединенные—несмотря на резкое различие политических взглядов—враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты»¹. Меньшевик Валентинов написал махистские «Философские построения марксизма», меньшевик Юшкевич написал махистский «Материализм и критический реализм, участвовал в махистском сборнике «Очерки по философии марксизма», вкупе и влюбил в Богдановым и Луначарским.

Таким образом Ленин прямо указывает, что в прямой и непосредственный блок махистов, «желающих быть марксистами», входили и отзовисты—бывшие большевики и меньшевики. Деборин же утверждает в 1929 г., что ликвидаторы-меньшевики лишь «сочувственно относились к махизму и отзовизму», между ними существовал не союз, а «союз», и прибавляет к этому: «как это ни странно!».

Деборин. Я говорил о махистах.

Ральцевич. Вы говорили о махистах? Вы говорили о махистах только то, что они находились в среде бывших большевиков, в среде отзовистов. Ленин боролся не только с «большевиками-махистами», но и с меньшевиками-махистами, со всем откровенным блоком отзовистов и меньшевиков махистов.

Деборин. Я об этом говорю.

Ральцевич. Совсем вы не об этом говорите. У вас нет ни единого слова об этом.

А теперь послушайте о социальных корнях богостроительства:

«Все эти настроения и течения не могли не отразиться на некоторой части социал-демократической интеллигенции, которая стала «противопоставлять» богоискательству буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции так называемое богостроительство, идя навстречу господствовавшим в среде интеллигенции и особенно в среде крестьянства религиозно-мистическим предрассудкам, в целях сохранения «союза» с ними, в целях удержания этих элементов на прогрессивных или революционных позициях»².

Теперь сравните этот классовый «анализ» богостроительства (которое находится ведь в триединстве с махизмом и отзовизмом, по мнению т. Деборина) с тем «анализом» классовых корней большевизма, который давал т. Деборин в 1908 г. Там он высмеивал ленинский лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства»,— он считал, что большевизм вполне закономерно стремится обогнуть союз пролетариата с крестьянством субъективистской

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, изд. Инст. Ленина, с. 11 (разрядка моя—В. Р.)

² „Ленин как мыслитель“, изд. 3-е, с. 15. (Разрядка моя—В. Р.)

философией махизма. Разве в «Ленине как мыслителе» не чувствуется отвратительная отрыжка старой деборинской «ортодоксии»?

Некоторые отзовисты потому стали богостроителями, что они якобы стремились сохранить союз с крестьянством, чтобы удерживать его на революционных позициях. И этакая реакционная чушь повторяется в 1929 г.! Что же, т. Деборин, вы и теперь поддерживаете свою мысль, что махизм, отзовизм и богостроительство являлись выражением господствовавших «особенно в среде крестьянства» реакционных религиозно-мистических предрассудков, что эта триада стремилась сохранить (!) союз с крестьянством, удержать (!) его на революционных позициях?

В действительности же махизм, отзовизм и богостроительство решительно никакого отношения к проблеме союза пролетариата с крестьянством не имели. Крестьянство в эпоху реакции продолжало оставаться в своей массе на революционных позициях, и требование Ленина союза пролетариата с крестьянством оставалось незыблемым вплоть до 1917 г.

Представители философского руководства говорят о чем угодно, только не о том, о чем они должны были бы сказать. Теперь необходимо выяснение недостатков, ошибок, пороков прошлого движения для того, чтобы правильно наметить задачи дальнейшей философской работы. Руководители, замазывая недостатки прошлого, лишают себя возможности правильно наметить новые задачи.

В самом деле, какие теоретические задачи выдвинул в своем содокладе т. Деборин? Тов. Деборин нашел во всех работах Ленина по диалектике только одну проблему, проблему геометрического описания развития, вопрос о том, идет ли развитие по прямой или по спирали, нашел проблему циклов. К этой проблеме т. Деборин свел все новое, что дал Ленин в своих работах по диалектике.

Безграмотно, недопустимо выдергивать из всех задач, указанных Лениным, в области дальнейшей философской работы, какую-либо одну или две, пришедшихся по вкусу тому или иному представителю так называемого философского руководства. Надо работать над всеми основными проблемами материалистической диалектики, так как по всем этим проблемам у Ленина имеется чрезвычайно много нового, о чем наши руководители повидимому и представления не имеют.

Возьмите основные, центральные проблемы: о материи, движении, пространстве, времени. Вы можете по этим вопросам перерывать все написанное философским руководством и увидите, что все это—в подавляющем большинстве случаев—можно было сказать и говорилось 30—40 или 50 лет назад. Ленин поставил проблему связи материи и движения, проблему перехода от материи к движению, проблему единства пространства, времени и материального движения в связи с вопросом о единстве прерывности и непрерывности. Во всех этих случаях бы основных

вопросах нашим руководством не сказано решительно ни единого нового слова. Они даже и проблем здесь никаких не видят. Самое большое до чего мы дошли—это вопрос о невозможности сведения всех форм движения к движению механическому, к простому перемещению. Вот и вся премудрость: есть механическое движение, внешнее, и есть диалектическое движение—внутреннее (у нас, к слову сказать, просто помешались на абстрактном противопоставлении внутреннего и внешнего).

Следующий круг проблем—проблемы диалектики познания. Разве удивительно, товарищи, что выясняя в течение семи лет соотношение эмпирического и рационального моментов познания, никогда ни один представитель философского руководства не рискнул сказать, что переход от ощущения к мышлению совершается скачком? В этой проблеме дальше абстрактного противопоставления и поверхностного объединения эмпирического и рационального наши диалектики не пошли. Как же не заняться теперь этими вопросами, когда у Ленина мы находим неисчерпаемое богатство новых мыслей по диалектике как теории познания!

Следующий вопрос, относящийся к проблеме диалектики познания, есть вопрос о теории отражения. Надо сказать, что у философского руководства нет ясности в этом вопросе. Ведь это же факт, что т. Деборин и в 1929 г. прикрывает иероглифические ошибки Плеханова, создавая видимость, будто Плеханов и Ленин одинаково принимали теорию отражения. В содокладе т. Деборин вдруг заявил, что теория иероглифов это дело прошлое, изжитое, не имеющее в настоящее время никакого актуального значения. Но это грубейшая ошибка, товарищи. Борьба с теорией иероглифов или символов в наше время есть необходимейшее условие правильного усвоения энгельсовско-ленинской теории отражения. Теорию иероглифов надо разоблачать до конца. Она протаскивается механистами, в частности Аксельрод и Сараяновым, до сих пор. Она проникает в различные области знания. Она—родное детище агностицизма и скептицизма, неизбежного продукта продолжающегося кризиса в современной физике.

Сказать, что теория иероглифов—дело прошлого,—это значит не понимать того, какие важнейшие задачи стоят перед нами в деле разработки диалектики, как теории познания—отражения. Надо прямо сказать, что т. Деборин не разобрался в теории отражения. Надо сказать, что т. Деборин до сих пор протаскивает противопоставление теории познания диалектике как методологии¹.

В центральном вопросе диалектики, в вопросе о единстве противоположностей, наши руководители неизменно напутали, да еще похваляются, что они дали разрешение этой проблемы до появления фрагмента Ленина «К вопросу о диалектике», до появления «Диалектики природы Энгельса»².

¹ См. его «Философию и Марксизм», изд. 1930, ст. Гегель и Маркс.

² См. ст. т. Деборина в Итоги дискуссии в «Летописях марксизма».

Решительно ничего не было сделано по вопросу о взаимопроникновении, о взаимопереходах в с е х или по крайней мере в а ж н е й ш и х категориях.

Философские тетрадки Ленина с новой стороны выдвигают проблему объективной, относительной и абсолютной истины; о соотношении теории и практики. Вопрос о гносеологических корнях идеализма, впервые в мировой истории выдвинутый Лениным, должен быть поставлен в текст нашей разработки материалистической диалектики. Проблема гносеологических корней идеализма интересна и важна еще и потому, что, разоблачая гносеологические корни гегелианства, можно значительно облегчить все еще остающуюся задачу материалистической переработки диалектики Гегеля. Непонимание этой проблемы несомненно способствовало некритическому отношению руководящих товарищей к гегелевскому наследию.

Ленинская постановка вопроса о взаимоотношении материализма и идеализма весьма мало общего имеет с ходячим их противопоставлением. А ведь это противопоставление имело хождение и на нашем философском Олимпе. Слов нет, борьба с идеализмом как с вещью, абсолютно противоположной материализму, неизмеримо легче, нежели борьба с идеализмом, возможность которого, по Ленину, заключена в материалистическом познании.

До смешного мало сделано в нашем философском движении по вопросам критики формальной логики. Ведь это факт, что дальше абстрактной критики формально-логического закона тождества и формально-логического образования понятий мы не пошли. Проблемой суждения мы не занимались, проблемы умозаключения и вообще доказательства не касались, в вопросах о конкретном понятии ограничивались по большей части лишь высказываниями Гегеля.

Подвергли ли мы критике все эти формально-логические «абсурды»: *petitio principii*, *contradictio in adjecto*, *ignoratio elenchi*, *quaternio terminorum* и пр. и т. п. Решительно никакой такой критики мы не дали. А ведь это же прямая задача материалистической диалектики, логики, теории познания, методологии. Именно по этой линии мы найдем у Плеханова, не говоря о метафизических материалистах, механистах и пр., логические источники его теоретических и политических ошибок. Никакой действительной разработки материалистической диалектики мы не дадим, если не подвергнем систематической критике тысячелетия господствовавшего и господствующего ныне метафизического метода мышления. Но ведь и эту задачу поставил не кто иной, как Ленин, рекомендовавший подвергнуть систематической критике какой-либо ходячий общепринятый учебник формальной логики.

Далее, мы, философы, совершенно не занимались теоретическими проблемами антирелигиозной пропаганды. Удивительно ли, что до сих пор механисты имеют значительный вес в деле борьбы с религией. Пора наконец оказать действительно по-

мощь массовому антирелигиозному движению в нашей стране и за рубежом. Пора включить антирелигиозную работу в философскую повестку дня. Ведь это же важнейшее завещание Ленина.

Мы должны взяться за серьезное изучение и пропаганду того нового, что дал Ленин в деле развития исторического материализма. Здесь работы буквально на десятилетия.

Наконец по вопросу о подведении итогов в развитии естествознания от «Материализма и эмпириокритицизма» до наших дней надо сказать, что результаты нас ни в коей мере не утешают. Многие ли из нас знают, в чем конкретно основные проблемы и главные болячки современного естествознания? С другой стороны, у нас до сих пор распространяются взгляды и притом не без содействия так называемого философского руководства, будто «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина сводится лишь к борьбе за материализм в области физики. Это сплошные пустяки. Почти все основные методологические проблемы современной физики поставлены Лениным. Если вы вспомните, товарищи, что еще перед самым началом прошлогодней философской конференции т. Деборин в своей работе «Диалектика и естествознание» ни словом не упоминает о единстве волны и частицы в электромагнитном движении, хотя в работах Томсона например эта задача была поставлена уже в 1927 г., — вы поймете, насколько случайно осуществляется наше методологическое проникновение в естествознание. Я уже не упоминаю о том, что до сих пор наше отношение к крупнейшим современным естествознакам было и остается недостаточно критическим. Не лишена недостатков в этом отношении и речь т. Деборина на дискуссии в Комкадемии в апреле прошлого года. Правильно подмечая зародыши диалектики в современном естествознании, мы часто забываем основную нашу задачу борьбы с малейшими идеалистическими, скептическими и агностическими шатаниями крупных естествознаков.

Таковы наши основные задачи в философской работе.

Я не упомянул о задаче разоблачения методологических корней уклонов, о задачах помощи марксистам-теоретикам таких областей, как политическая экономия, литературоведение и др. Это как будто для всех ясно.

Хлопальщикам философского руководства невтерпех. Они давно уже кричат, чтобы я заговорил о Переверзеве. Беспринципность наших оппонентов состоит между прочим и в том, что они, ни слова не умея сказать о моих статьях против переверзевщины, вместе с тем тянут меня назад. Так получайте же о Переверзеве.

Напомню, что задолго до моей статьи в «Революции и культуре» там была помещена статья т. Беспалова — зав. отделом при редакторе т. Деборине. В этой статье т. Беспалов прямо заявлял, что он вместе с другими переверзевцами опирается на т. Деборина. Выступил ли против Беспалова т. Деборин? Нет. Через некоторое время против Переверзева (а заодно и против

философских основ марксизма-ленинизма) выступил в «На лит. посту» Цырлин, отмечавший между прочим, что т. Беспалов претендует на поддержку т. Деборина. Я пишу против Цырлина и иду к т. Деборину со статьей. Тов. Деборин ее прочитывает, не делает буквально ни одного исправления и лишь мимоходом спрашивает, не слишком ли я защищаю Переверзева. Вопрос о том, чтобы вообще не защищать Переверзева или же тем более критиковать Переверзева т. Деборин ни единым словом не выдвигал ни тогда, ни раньше, ни позже. Я исправил свою ошибку, уже не полагаясь на теоретическое чутье т. Деборина.

Если же на апрельской дискуссии в Коммунистической академии в этом году я не рассказал обо всем этом подробно, так признаюсь, что у меня еще оставалась надежда, что т. Деборин сам скажет откровенно о наших ошибках. Я не ожидал, что и в современной обстановке т. Деборин пойдет в хвосте своего беспринципного хвоста. Но всяким иллюзиям приходит конец.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТРОЦКОГО

МЕТОДОЛОГИЯ ТРОЦКИЗМА И „ЛЕВЫХ“ ЗАГИБОВ¹

ДОКЛАД С. НОВИКОВА

В мои задачи не входит развернутая методологическая критика всего троцкизма в лице всех его крупнейших теоретических и политических представителей. Такая развернутая критика требует анализа работ не одного только Троцкого, но и всех его спутников и попутчиков, как бывших, померкших спутников, вроде Зиновьева, Каменева, Радека и Преображенского, так и оставшихся верными ему до конца спутников вроде Раковского и разных лидеров иностранных течений, примыкающих к троцкизму, как-то: группок Урбанса в Германии и Бордига в Италии, всевозможных троцкистских школок, течений и теченьиц во Франции или, скажем, в Китае, где троцкизм сомкнулся с чендусионизмом. Понятно, что я не могу взять на себя эту миссию. Я даже не в состоянии исчерпать здесь сколько-нибудь подробно и обстоятельно все крупнейшие произведения самого Троцкого. Я ограничусь исключительно важнейшими политическими творениями Троцкого. Анализ левых загибов к сожалению, займет в докладе сравнительно немного места, хотя они требуют самого пристального внимания.

Предварительно несколько замечаний насчет общего отношения философии и политики. Мы стоим от начала до конца на точке зрения партийности философии и считаем, что диалектический материализм является философской основой большевистской партийности. Об этом прямо говорится во введении к программе Коминтерна. Философская и политическая ортодоксия конечно, находятся в тесной связи друг с другом. Равным образом в тесной связи друг с другом находятся философский и политический ревизионизм. Однако было бы неправильно думать, что между философией и политикой, между философской и политической ортодоксией, между философским и политическим ревизионизмом существует механическая связь, абстрактное соответствие. Соответствие между ними есть, но неполное.

¹ Литературная обработка доклада, зачитанного 12/VI—1930 г. в Философском институте Комкадемии.

Ленин в своей брошюре «О протиналоге» высказал очень глубокую философскую мысль, что полного соответствия нет ни в природе, ни в обществе. Он говорил, что это всеобщий закон развития в природе и обществе¹. Это положение Ленина применимо также и к соотношению между философией и политикой. Марксистская философия дает относительно надежную гарантию ортодоксальной большевистской политики, но она не дает и не может дать абсолютной гарантии. Конечно философский ревизионизм, философские уклоны содержат в себе реальную возможность всевозможных политических уклонов, но бывают и неизбежны «отступления от общего правила», возможность не всегда превращается в действительность. Плеханов-философ был крупнейшим воинствующим материалистом, но вместе с тем в вопросах политики он был «паразитическим недилектиком», по выражению Ленина². Покойный Степанов был твердокаменным большевиком, а в вопросах философии он был ревизионистом. Можно назвать целый ряд более свежих примеров, когда воинствующие материалисты-диалектики благодаря недостатку большевистского закала попадали в плен тех или иных политических уклонов и загибов. И так, раз нет абстрактного механического соответствия между философией и политикой, то было бы неправильно думать, что каждый политический уклон имеет свой особенный, одному ему присущий тип философского уклона. На гнилом дереве одних и тех же отступлений от диалектического материализма могут вырасти самые разнообразные, относительно противоположные политические уклоны. Если взять правые и «левые» уклоны от коммунизма, то общеизвестно, что все они в конечном счете являются мелкобуржуазными социал-демократическими уклонами. Уже по этому одному можно утверждать а priori, что правые и «левые» уклоны от коммунизма имеют в общем и целом одно и то же философское основание. Но это — тождество в различии.

Это положение относится также и к троцкизму, с одной стороны, и бухаринщине — с другой. Право-бухаринщина и «лево»-троцкизм — эти два политических антипода, два относительно противоположных политических течения несомненно имеют очень много общих и глубоко родственных корней по методологической линии. Методологическое родство бухаринщины и троцкизма соотносительно их политическому родству. Бухарин не только право-Бухарин, он был в свое время и лево-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 211.

² Плеханов был скорее воинствующим материалистом, нежели материалистом-диалектиком. И это не могло не отразиться на его политических взглядах и социологической теории, на его интерпретации исторического материализма. Срывы к вульгарному от материализму в философии, срывы к экономическому материализму в социологии и ползучий, типично меньшевистский эмпиризм в политике — таков замкнутый и порочный круг плехановского оппортунизма. Подмена материалистической диалектики софистикой и ползучим эмпиризмом служила логическим базисом плехановского меньшевизма; всесторонний политический оппортунизм питал непосредственно ревизионистские моменты в плехановской философии и социологии. — С. Н.

Бухариним, «левым» коммунистом. Как «левый» коммунист Бухарин был одним из политических спутников и родственников Троцкого. Далее Троцкий, как в свое время Бухарин, проделал на наших глазах эволюцию «слева» направо. Я имею в виду новейшую эволюцию Троцкого в вопросах индустриализации, коллективизации деревни и ликвидации кулачества как класса. Наконец известно, что и до Октября всю свою «Жизнь» (и без кавычек) Троцкий закономерно колебался между «левой» «революционной» фразеологией и подлинным меньшевизмом, между ликвидаторством «слева» и ликвидаторством справа. Вот почему нет никакого сомнения, что троцкизм и бухаринщина имеют целый ряд общих методологических установок.

I

Основную методологическую характеристику Троцкого можно найти уже у Ленина в его работах, посвященных профсоюзной дискуссии 1920—1921 г. Там содержится почти законченный методологический портрет Троцкого.

Ленин, критикуя позицию Троцкого в профдискуссии 1921 г., установил следующие основные черты его политической методологии: эклектизм, метафизику и схоластику. Ленин обвинял не только Бухарина, но и Троцкого в эклектичном и метафизическом решении вопроса о соотношении между экономикой и политикой. Ленин показал, что Троцкий ставил вопрос о профсоюзах (накануне перехода к нэпу) чисто метафизически: профсоюзы — либо аппарат управления производством, либо школа коммунизма, причем, он Троцкий, высказывался за то, что профсоюзы — это аппараты управления производством. По этому поводу Ленин говорил, что Троцкий рассуждает как метафизик — односторонне, узко, однобоко. Бухарин, как известно, «исправил» ошибку Троцкого, доказывая, что профсоюзы есть и то и се. Ленин доказал, что Бухарин рассуждает как эклектик. Гносеологически у Бухарина дело сводилось к подмене диалектики эклектикой, у Троцкого — к подмене диалектики метафизикой. Правильное решение вопроса, по Ленину, заключалось в подходе к профсоюзам как к единству противоположностей. Не метафизическое троцкистское или — и ли и не эклектическое бухаринское и — и, а диалектический синтез противоположностей: профсоюзы — школа управления производством, так разрешил проблему Ленин, указывая, что мы в нашей революции научились, когда и как нужно «соединять противоположности».

Троцкий любит кстати и некстати проезжаться насчет схоластики Бухарина. Но ведь комизм положения Троцкого заключается как раз в том, что еще в профессиональной дискуссии Ленин отметил не только у Бухарина, но и у него, Троцкого — у Троцкого раньше, чем у Бухарина, — именно эту же черту — мертвенную схоластику. Ленин говорил, что Троцкий своими те-

зисами о профсоюзах тащит партию назад от живого практического дела, от практического участия профсоюзов в организации производства к мертвенной схоластике «производственных атмосфер» и «производственных демократий». Ленин обвинял в десятке мест того же Троцкого и Бухарина в абстрактном, безжизненном, книжном, надуманном, интеллигентском (в конечном счете мелкобуржуазном) подходе к проблемам переходного периода в России. Он обвинял их в том, что они не учитывают и просто не понимают конкретных особенностей переходного периода в России, не понимают особенностей этого перехода, вытекающих из преобладания крестьянства в населении нашей страны, и не понимают в нашем переходном периоде того особого перехода, перед которым мы стояли на рубеже 1920 и 1921 гг. Итак черты эклектизма, метафизики, схоластики и формализма, эти «ценнейшие» (в кавычках) и далеко не ценнейшие (без кавычек) методологические достоинства были «проявлены» Лениным и у Бухарина и у Троцкого.

Далее Ленин называл Троцкого формально-логическим демократом. «Формально-логически демократ Троцкий», говорил Ленин, — конечно имеет право требовать всепартийной дискуссии по вопросам профдвижения. Но Троцкий забывает при этом соображения революционной целесообразности, не понимает, что формальный демократизм является частным, подчиненным и снятым моментом революционной целесообразности.

Вместе с тем, указывая на формально-логический демократизм Троцкого, Ленин выпячивал во всей полемике с Троцким и Бухариным другую, прямо противоположную черту политической методологии Троцкого, а именно его бюрократический субъективизм. Троцкий в профессиональной дискуссии все время подчеркивал, что гвоздем момента является подбор руководящего персонала профсоюзов, ибо этот руководящий персонал болен тредьюнионизмом. Отсюда у Троцкого вытекала линия на перетряхивание профсоюзов, на бюрократическое дерганье профсоюзов. Ленин, анализируя эту сторону политической методологии Троцкого, говорил, что у Троцкого чисто бюрократическое устремление всего внимания к руководящему персоналу и полное забвение масс. В результате у Троцкого получалась сплошная политическая бестактность в подходе к профессионально организованным массам рабочего класса, военно-бюрократический налет на организацию основных масс пролетариата.

Троцкий и Бухарин ловили тогда Ленина на мнимом противоречии: как же, на VIII съезде советов Ленин высказывал пожелание, чтоб у нас на советских и партийных съездах занимались не политикой, а вопросами хозяйства, чтоб на этих съездах выступали не политики, журналисты и публицисты, а хозяйственники, агрономы, инженеры, а в профсоюзной дискуссии, на фракции того же съезда советов, тот же Ленин, наоборот, утверждал, что к проблеме профсоюзов нужен прежде всего политический подход, что этого политического подхода нет ни у Троцкого ни у Бухарина. Они ловили Ленина на проти-

воречии. А Ленин разъяснил им, что у них самих получается чисто метафизическое и эклектическое сопоставление экономики и политики: Ленин-де подходит к проблеме профсоюзов чисто политически, а они хозяйственно-деловым образом. Ленин разъяснил, что политика не может не иметь первенства над экономикой. Конечно с точки зрения вульгарного понимания исторического материализма, с точки зрения экономического материализма это положение может показаться чистейшим идеализмом. Но с точки зрения диалектико-материалистического понимания истории это абсолютно правильное положение, ибо политика — это концентрированное выражение экономики, и понятно, что концентрированная экономика не может не иметь первенства перед просто экономикой. Хозяйственная работа должна подчиняться требованиям классовой политики пролетарской диктатуры. Ленин разъяснил, что если мы совершим политическую ошибку в вопросе о профсоюзах, мы потеряем власть и стало быть важнейшее условие, которое необходимо для разрешения всех наших хозяйственных задач. По сути дела Ленин тогда сформулировал против Троцкого политико-методологическое обвинение в «экономизме» — в том, что Троцкий подходит к профсоюзам делячески, как администратор, а не как политик, что он проявляет в этом вопросе «экономизм», отрыв экономики от политики и грубое забвение диалектического соотношения между политикой и экономикой, тех диалектических связей и опосредствований, которые превращают политику в концентрированное выражение экономики.

Отсюда общий политически-методологический вывод Ленина: у Троцкого — подмена диалектики метафизикой и схоластикой, у Бухарина — схоластикой и эклектикой, у того и другого — подмена политики политической бестактностью, подмена политического подхода к профсоюзам деляческим экономизмом.

Любопытно, что именно эти же черты Ленин подчеркивает у Троцкого в так называемом «Завещании». Воздав должное выдающимся способностям Троцкого, Ленин говорит, что, как показал опыт профдискуссии 1921 г., Троцкий страдает избытком самонадеянности и склонностью к переадминистрированию, к административному разрешению политических и хозяйственных вопросов. Это значит, что Троцкий вряд ли хороший администратор и наверняка скверный политик. Там нет специально методологической характеристики Троцкого как «теоретика». Там нет указаний на схоластику и абстрактность всей его политической методологии, на его эклектизм и метафизику. Это и дает Троцкому основание едко иронизировать над бухаринской схоластикой и ссылаться при этом на «Завещание» Ленина.

Но дело обстоит очень просто. Почему Ленин не дает методологической характеристики Троцкого в так называемом «Завещании»? Потому, что Ленин не считал Троцкого теоретиком. С этой стороны Троцкий был ему просто неинтересен. Не в этом, не в теории «суть» Троцкого, а в политике. Поэтому Ленин рисует его только с политической стороны.

В методологии Троцкого на общей основе схоластики, метафизики и эклектизма выступает прежде всего та черта, которую можно назвать субъективной социологией троцкизма. Я заранее конечно подчеркиваю, что это не субъективная социология Михайловского, — это субъективная социология Троцкого. Троцкий прошел известную марксистскую школу, он читал много марксистских книжек, он владеет конечно марксистской фразеологией, он умеет в нужное время и в нужном месте пустить в глаза пыль «диалектических» словес. Но вместе с тем у Троцкого выпирает на первый план во всей его методологии субъективная социология. К тому же это — социология эгоцентризма. Если политически Троцкий является несомненно представителем централизма (ведь Ленин часто обвинял Троцкого в централизме, во время войны он неоднократно называл его каутскианцем), то не следует забывать, что это не ординарный, а весьма своеобразный централизм, перерастающий на каждом шагу в политический эгоцентризм, что мы здесь имеем дело с социологией политического эгоцентризма. Как нельзя ярче эта субъективная социология Троцкого проступает наружу в его «учении» о партии.

Самое характерное для учения Троцкого о партии и вообще для троцкистской «теории» классово-партийной борьбы — это подмена масс классом, класса партией, а партии — руководящим персоналом. Любимое выражение Троцкого — «руководящий персонал». Мы помним, как в профдискуссии 1921 г. Ленин иронизировал над бюрократическим устремлением всего внимания Троцкого на руководящий персонал профсоюзов. Ленин схватил здесь всю музыку будущих писаний Троцкого, лейтмотив всех грядущих откровений Троцкого по вопросу о роли партии в революции.

Возьмем троцкистскую «Критику проекта программы Коминтерна», откроем параграф под заглавием «Основы стратегии революционной эпохи и роль партии». Троцкий видит главный недостаток проекта программы Коминтерна в мнимом забвении роли партийного руководства. Между тем, поясняет он, в нашу эпоху, в отличие от эпохи II Интернационала, роль партийного руководства приобретает исключительное значение; исключительное место занимает поэтому Коминтерн и его руководство во всей «механике» текущего исторического периода. Исходным пунктом и глубочайшей причиной так называемой «стабилизации» является слабость, неподготовленность и нерешительность коммунистических партий и грубые ошибки их руководства. Когда объективные факторы революции созрели, ключ ко всему историческому процессу поладает в руки субъективного фактора, т. е. партии и ее революционного руководства. Это следует из уроков немецкого Октября, англо-русского комитета и китайской революции. Во всех этих случаях оппортунистическая (sic:) тенденция ВКП и Коминтерна заключалась — де в том, что они полагались исключительно на массы, и совершенно оставляли в стороне вопрос о роли революционного руководства. Троцкий систематически отождествляет здесь субъективный фактор революции с партией и ее руководством, рабочий класс как

гегемон революции совершенно выпадает из схемы Троцкого, массы появляются лишь на момент как антипод руководства, главной и чуть ли не единственной движущей силой революции оказывается даже не партия, а ее руководство. Неудивительно, что при таком механо-идеалистическом взгляде на «механику» революции и на роль руководства в этой «механике» Троцкий вполне последовательно с точки зрения своей субъективно-социологической «механики», объясняет весь ход и исход революционного движения — да и всего исторического процесса на Западе и Востоке ошибками руководства ВКП и Коминтерна.

Как бы почувствовав субъективно-социологическую фальшь своей «механики», Троцкий под конец параграфа пробует поправиться. Он пишет, что основным политическим противоречием минувшего десятилетия был разрыв между субъективной зрелостью революционной ситуации и незрелостью субъективного фактора: «При объективно созревшей революционной ситуации, созревшей не только в отношении социальных предпосылок, но нередко также и в отношении боевого настроения масс, недоставало субъективного фактора, т. е. революционной массовой партии, или этой партии недоставало дальновидного и смелого руководства». Троцкий снисходительно готов здесь признать некоторую роль за массами; он субъективный фактор отождествляет уже не с партией вообще, а с массовой партией. Это конечно шаг вперед, но от этой оговорочки Троцкого как до звезды небесной далеко до ленинского понимания субъективного фактора, как диалектического взаимодействия вождей — партии — класса — масс. Действительная тенденция «учения» Троцкого о «механике» революции пробивает себе дорогу через все троцкистские оговорочки к оговоркам: под конец своего анализа Троцкий ставит все точки над «i». Проект программы Коминтерна — де «вообще не упоминает о своеобразном характере и внутреннем ритме современной эпохи. Без того, чтобы ее теоретически осмыслить и политически «почувствовать», невозможно действительно революционное руководство»¹.

Если в предыдущем контексте специального параграфа, посвященного учению о роли партии в революции, партия все время фигурирует как пьедестал партийного руководства, то в последнем абзаце партия совершенно забыта и похоронена... под звон музыкальных фраз о «прочувствованном» «ритме» эпохи. Троцкий поднялся здесь до вершин субъективизма, речь идет у него исключительно о революционном руководстве. Партия, класс и массы совершенно преданы забвению: они потонули в волнах печали по... утерянному «руководству».

Возьмем пресловутые «Уроки Октября». Троцкий спрашивает: «Что такое большевизация коммунистических партий»? И отве-

¹ Trotsky, Die Internationale Revolution und die K. I., S. 77—83. Подчеркнуто мною. — С. Н.

чает: «Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не дрейфовали в момент своего Октября». «Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей!»—Нетрудно понять, что центр тяжести и в большевизации компартий и в их подготовке к своему Октябрю переносится здесь опять-таки на подбор руководящего персонала.

Идет ли речь в 1921 г. о профсоюзах, или в 1925 г. о большевизации компартий, или в 1928 г. об уроках всей послевоенной эпохи—Троцкий неизменно видит суть дела в подборе руководящего персонала. Именно сюда устремляется все его внимание, заполненное идеями, чувствами и «ритмами» революционно-бюрократического субъективизма. Этой же бюрократической, субъективно-социологической установкой всей политической методологии Троцкого объясняется и его специфический, политический интерес к верхушечным комбинациям, к личному составу руководства ВКП, Коминтерна и наших братских компартий, к отдельным личностям из состава аппаратов ИККИ и ЦК и т. д. и т. п.

Большинство троцкистских документов берутся без конца с вопросами персонального порядка. Этим же вопросам посвящена вся «Моя жизнь» Троцкого, с ее бесвкусовой манерой величия при автохарактеристике Троцкого и гнусными пасквилями буквально на всех более или менее заметных деятелей ВКП(б), советской власти и Коминтерна.

Троцкий опубликовал в «Fahne des Kommunismus» целую серию пасквилей, где даны политические силуэты и характеристики и злобные пасквили на вождей и просто рядовых работников Коминтерна. В этих злобных пасквилях субъективная социология перерастает в субъективную дрянность Троцкого. Автобиография Троцкого—самое концентрированное, выражение этой субъективной дрянности и дрянной субъективной социологии ее автора, написавшего свое житие на тему: Октябрь—это я, Троцкий, двойник и учитель Ленина.

В 1904 г. в своей брошюре «Наши политические задачи» Троцкий, рисуя в злобно-меньшевистском стиле организационную систему большевизма, называл ее системой «организационного заместительства». В параграфе под звучным заглавием «Диктатура над пролетариатом» он развивает ту мысль, что большевики в качестве якобинцев и буржуазных демократов заменяют диктатуру пролетариата диктатурой партии над пролетариатом, диктатуру партии—диктатурой партийного аппарата над партией, а диктатуру самого партийного аппарата—диктатурой Ленина. Шутке истории было угодно, чтобы Троцкий здесь в пасквили на большевистский демократический централизм дал характеристику своей собственной политической и организационной субъективистской методологии, методологии политического заместительства массы классом, класса—партией, партии—руководящим персоналом, а руководящего персонала—персоной Троцкого. Разумеется, что вся эта политическая методология Троцкого ничего общего не имеет с ленинизмом. В этом легко убедиться, если

сопоставить весь субъективистский, поистине бюрократический подход Троцкого к проблемам зрелости революции с учением Ленина об основном законе революции: «Тут надо считать миллионами и десятками миллионов...», ибо... «революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»¹. Для революции надо, чтобы большинство рабочих или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих, вполне поняли необходимость переворота и готовы были идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящихся и угнетенных масс, доселе апатичных)... «Чтобы в пролетариате началось и стало möglich подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела»². «Бросить только один авангард в решительный бой... было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся... дошли до такой позиции» (либо прямой поддержки авангарда, либо по крайней мере благожелательного нейтралитета по отношению к нему)... для этого нужен собственный политический опыт, этих масс. Таков основной закон всех великих революций».

«Очередные задачи сознательного авангарда в международном рабочем движении, т. е. коммунистических партий, групп, течений,—уметь подвести широкие массы к этому новому их положению, или вернее—уметь руководить не только своей партией, но и этими массами... в умении подвести массы на новую позицию»³...

Ленин устремляет все свое внимание на массы, Троцкий—на руководящий персонал. Ленин видит роль партии и ее руководства в руководстве революционной борьбой рабочего класса и трудящихся масс, для Троцкого—это десятистепенный вопрос, для него все дело в «самочувствии» «руководящего персонала». Ленин видит субъективный фактор революции в большой диалектической цепи: вожди—партия—класс—массы, Троцкий механически и субъективно-идеалистически «сводит» всю цепь к одному ее звену—к руководящему персоналу вождей. Ленин считает миллионами и десятками миллионов, Троцкий—единицами и десятками единиц. Ленин рассуждает как великий революционный материалист-диалектик, Троцкий—как субъективный соци-

¹ Ленин, Соч., т. XVII, с. 180, 181.

² Там же, с. 172, 180. Подчеркнуто мною—С. Н.

³ Там же, с. 179—180. Подчеркнуто Лениным—С. Н.

лог-эгоцентрик. Ленин—концентрированное выражение революционных масс, Троцкий смотрит на массу сверху вниз, как «герой» на «толпу» зрителей или попутчиков революции.

Я не имею возможности дольше останавливаться на этой проблеме. Я мог бы отослать товарищам к блестящей статье М. Н. Покровского об автобиографии Троцкого. В этой статье М. Н. едким историческим и политическим анализом вскрывает всю дрянность субъективно-социологического метода этой книги, побившей все рекорды политического эгоцентризма и мании величия. Когда ищешь параллель среди бывших марксистско-образных фигур к Троцкому, в этом вопросе о роли личности в истории, невольно вспоминаешь эффектную фигуру Зомбарта. Желая разобраться в «механике исторического массового процесса», Зомбарт приходит к заключению, что «вождями является лишь немногие, огромная масса идет на поводу». «Исторический процесс может быть понят только как выражение массовой воли, вместе с тем направление ему всегда указывают только отдельные выдающиеся личности. Противоречие это разрешается, если мы постигнем исторический процесс как непрерывный конфликт между мощной индивидуальной волей и массовой волей». Движущей силой истории капитализма является поэтому не техника, или право, или рост населения, и не массы, а вожди, капитаны промышленности. «Хозяйство развитого капитализма, можно сказать, целиком построено на творческой инициативе небольшого числа лиц»¹.

Собственно говоря, вся позиция Троцкого во всех коренных вопросах революции, хозяйства и политики, его администраторско-бюрократически субъективистский подход к массам, как две капли воды походит на эту философию истории Зомбарта: историю делают большие персоны. Троцкий вкупе с Зомбартом—две яркие марксистскообразные фигуры в прошлом—освещают теперь друг друга бенгальским огнем и при свете этого огня они оказываются на несколько голов ниже даже таких исторических предшественников марксизма, как буржуазные историки эпохи реставрации, ибо уже эти последние отлично поняли ту истину, что движущей силой английской и французской революций были массы, что вообще историю делают не герои, а массы (ср. Плеханов, Предисловие к «Коммунистическому манифесту», «Огюст Тьерри» и работы о социалистах-утопистах).

Еще в 1921 г. Ленин сформулировал, что ошибки Троцкого по вопросу о профсоюзах связаны «с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата. «Дружная работа (с Троцким) не получается... из-за расхождения по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой». В этом вся суть»².

В этом действительно вся суть тогдашних и дальнейших «наших разногласий» с Троцким. Две тактики, две политические методологии, две концепции истории: марксизм (ленинизм)

¹ Зомбарт, Современный капитализм, т. III, с. 6—13.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 10. Подчеркнуто мною—С. Н.

против троцкизма, исторический материализм против субъективного идеализма в политике, во всех коренных вопросах революции—до, во время и после захвата власти пролетариатом.

II

«Теория перманентной революции» главное теоретическое построение Троцкого, строго говоря, является публицистической схемой журналиста. Она отмечена прежде всего пороком эклектизма. Хорошо известно мнение Ленина на этот счет, что «оригинальная» теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства» (т. XIII, с. 213).

Вторая знакомая нам черта социологии Троцкого—субъективизм, лежит в самом фундаменте всего здания теории перманентной революции. Говоря об этом, Ленин писал в «Письмах о тактике», посвященных обоснованию тезисов 4 апреля 1917 г.; «Не грозит ли нам опасность власть в субъективизм»¹, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера, к революции социалистической? Если бы я сказал: без царя, а правительство рабочее—эта опасность мне бы грозила»². А в докладе на Петроградской общегородской конференции РСДРП 14 апреля 1917 г. Ленин прямо разъяснил, что в этом субъективизме повинен именно троцкизм: «Троцкизм—без царя, а правительство рабочее». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом»³.

Таким образом субъективизм составляет наряду с эклектикой существеннейшую сторону (а это не «сторона», а суть) методологической основы всей «теории перманентной революции». В субъективизме, в субъективистском перепрыгивании через конкретные этапы революции—политико-методологическая суть русского и китайского вариантов троцкистской «теории перманентной революции». Я называю китайским, восточным вариантом последнее «издание» «теории перманентной революции», ибо Троцкий утверждает теперь, что сейчас его «теория перманентной революции» приобретает всемирно-историческое, планетарное значение, что она имеет даже особенное значение для Востока, для колоний и полуколоний. Главным, самым существенным политико-методологическим пороком и русского и китайского вариантов «теории перманентной революции» является перепрыгивание через конкретную стадию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В своих «Замечаниях» на «Экономику переходного периода» Ленин отмечает, что у Бухарина «на-

¹ Подчеркнуто мною—С. Н.

² Т. XIV, с. 32.

³ Т. XX, ч. 2, с. 112.

рушение диалектического материализма состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий¹. Бухарин постоянно «перескакивает». Он в своих работах об империализме и на VIII съезде партии «перескакивал» через конкретный капитализм к предельной абстракции «чистого» империализма; теперь он перескакивает через загнивающий капитализм к «организованному капитализму». В 1916 г. он «перескакивал» через переходный период, сводя его к «переходному моменту» диктатуры пролетариата; теперь он «перескакивает» через классовую борьбу в переходный период. Он «перескакивал» через самоопределение наций к самоопределению трудящихся, он «перескакивал» через национальное государство, объявляя фикцией то, что в действительности является историческим фактом, он «перескакивал» между Февралем и Октябрем через программный минимум, предлагая выкинуть ее из программы партии, и т. д. и т. д. Во всех этих перескакиваниях суть отступлений Бухарина от диалектического материализма, от марксизма, от ленинизма заключается в формально-логическом, т. е. нематериальном и недиалектическом скачке через несколько конкретных стадий.

Логика формально-логических, не материальных, метафизических, субъективистских, волонтаристских, авантюристических скачков и прыжков через несколько конкретных стадий — пронизывает собой насквозь всю троцкистскую «теорию перманентной революции» как в русском, так и в китайском издании.

Троцкий опубликовал тезисы: «Что означает перманентная революция» (F. d. K. 1930, № 2). Они должны лечь в основу теоретической части международной программы троцкизма; ясно, что здесь взвешено каждое слово. В этих тезисах, как еще раньше в «Критике проекта программы Коминтерна», Троцкий утверждает, что теория перманентной революции приобретает сейчас планетарное значение для Запада и Востока. Он утверждает, что диктатура пролетариата, вышедшая из демократической революции в колониях и полуколониях, например в Китае или Индии, быстро и незамедлительно перейдет к социалистическому строительству. В этом и будет заключаться перманентность революции. Переход от Февраля к Октябрю в колониях и полуколониях будет еще короче, чем в России, именно в силу отсталости этих стран, именно в силу переплетения остатков феодализма с торговым и промышленным капитализмом и высшими формами империалистического капитализма. Стало быть, на Востоке, в колониях и полуколониях, победившая демократическая революция устанавливает сразу же диктатуру пролетариата. Эта диктатура пролетариата тут же и незамедлительно приступает к социалистическому строительству, к глубокому вторжению в буржуазную собственность. «Диктатура пролетариата, пришедшая к власти, как вождь демократической революции, незамедлительно и очень скоро очутится перед задачами, которые связаны с глубоким вторжением в право буржуазной собственности.

Демократическая революция непосредственно перерастает в социалистическую и становится таким образом перманентной революцией¹.

Совершенно ясно, что Троцкий совершает здесь логический скачок через демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Самое демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, ленинский лозунг, воспринятый программой Коминтерна для стран Востока, Троцкий рисует иронически, как абстрактную, надисторическую схему для четырех пятых человечества, для Китая, Индии, Африки, Австралии, для Южной Америки и т. д. Он иронизирует, что этот абстрактный, надисторический лозунг будет путем Гоминдана во всевозможных вариантах. Он настаивает, что лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства изжит, что он представляет собой мертвую схему, что никакой демократической диктатуры пролетариата и крестьянства быть не может ни в Китае, ни в Индии, ни в одной колонии или полукolonии, ни в одной восточной стране; что в этих странах возможна исключительно диктатура пролетариата, не диктатура пролетариата и крестьянства, а диктатура пролетариата, выходящая из демократической революции; такая диктатура пролетариата, которая завтра же после демократической революции незамедлительно будет вынуждена приступить к социалистическому строительству и превратиться таким образом в социалистическую диктатуру.

Совершая логический скачок через демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий утверждает, что программа Коминтерна механически и метафизически противопоставляет диктатуру пролетариата демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и столь же механически и метафизически отрывает эти две диктатуры друг от друга («Тезисы», № 7). Троцкому просто невдомек, что в программе Коминтерна эти две диктатуры ни противопоставляются друг другу, ни отождествляются друг с другом. В программе Коминтерна, как всегда и у Ленина, речь идет не о противопоставлении этих двух диктатур и не об их отождествлении, а об их различии и, об условиях перерастания одной диктатуры в другую.

Троцкий не понимает, что в программе Коминтерна эти две диктатуры рассматриваются не под категориями абстрактной противоположности или абстрактного тождества, а как подлинное, конкретное единство противоположностей. Троцкий приписывает программе Коминтерна свои собственные пороки: он сам и противопоставляет, и отождествляет эти две диктатуры, не будучи в состоянии подняться до диалектического их различия. Троцкий выдвигает теперь две друг другу противоречащие, только эклектически соединимые версии о соотношении ленинской теории перерастания революции и троцкистской «теории перманентной революции» с ее формулой: «диктатура пролетариата, опи-

¹ «XI Ленинский сборник», с. 344. Подчеркнуто Лениным—С. Н.

¹ Fahne des Kommunismus, 1930, 2, ср. «Trotzki. Die permanente Revolution», S. 158—163.

рающегося на крестьянство». Троцкий утверждает, что если взять прошлое, то ленинская, старобольшевистская формула: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — по сути дела тождественна троцкистской формуле: «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство». Он пишет в своей автобиографии и в «Перманентной революции», что опыт Октября показал и Ленину и Троцкому существенное тождество «теории перманентной революции» и ленинской теории перерастания демократической революции в социалистическую. Постольку Троцкий старается во что бы то ни стало доказать ретроспективно тождество большевистской и троцкистской «формул». Но так как Троцкому, с другой стороны, нужно оправдаться не только за прошлое, но и за настоящее и будущее, то он противопоставляет эти две формулы, утверждая, что старобольшевистская формула «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» отжила свой век и поэтому она непригодна и для стран Востока, как она стала непригодной для России после Февраля.

Рядом с версией тождества двух «формул» Троцкий пускает в ход и другую прямо противоположную версию. На основе известного предсмертного письма физического и политического самоубийцы троцкиста Иоффе и личных бесед с ним Троцкий утверждает, будто Ленин в беседе с Иоффе заявил, что в 1905 г. прав был он, Ленин, а Троцкий. Получается поразительное противоречие. С одной стороны, Ленин, как и Троцкий, будто разделял троцкистскую философию тождества своей старобольшевистской и троцкистской формул, а с другой стороны, тот же Ленин будто признавал свою неправоту перед теорией Троцкого. Троцкий не понимает, что эти две версии друг друга исключают, образуя дурное «единство противоположностей». Если допустить смехотворную гипотезу тождества, тогда ведь оба правы, и Ленин и Троцкий. Зачем же Ленину было признавать свою неправоту или правоту Троцкого? Остается допустить, что туговатый ученик Троцкого — Ленин — просто не заметил своего мнимого тождества с Троцким и должно быть в силу своей недогадливости капитулировал в фантастической беседе с Иоффе перед «теорией перманентной революции». В действительности дело обстоит таким образом: Троцкий и в 1905 и в 1917 гг. противопоставлял и теперь противопоставляет свою формулу ленинской, но как эклектик он на всякий случай для прошлого допускает тождество обеих формул, чтобы *eo ipso* (тем самым) доказать заодно и свое тождество с Лениным и даже превосходство над ним.

Троцкий по возможности договаривает теперь до конца сущность своей «теории перманентной революции». Две идеи составляют душу этой теории: 1) неизбежность столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства, так сказать «на другой день после социальной революции», как только пролетариат вторгнется в буржуазную собственность и приступит к социалистическому строительству и 2) вытекающая отсюда невозмож-

ность победы социализма в одной отдельно взятой России. Сейчас Троцкий ставит вопрос о «теории перманентной революции» несколько по-новому. У него «коренная перемена точки зрения» (гм! гм!) на обе эти идеи. Что касается неизбежности столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства, то эту идею Троцкий просто на-просто «спрятал», ее нет ни в одной из многочисленных ретроспективных формулировок теории перманентной революции, рассыпанных в автобиографии Троцкого, ни в «Тезисах», ни в книге о «Перманентной революции». Канул в Лету знаменитый тезис об исторической неизбежности столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства, с помощью которых он пришел к власти, как только пролетариат вторгнется в буржуазную собственность и приступит к социалистическому строительству (Предисловие к «1905 году»). Троцкий «снял» этот тезис: он кое-чему «научился», — он научился как его спрятать. В «Тезисах о перманентной революции» Троцкий клянется в своей верности союзу пролетариата и крестьянства, и эта идея союза пролетариата и крестьянства сейчас положена им так сказать во главу угла всего восточного варианта теории перманентной революции: «В отношении стран с отсталым капиталистическим развитием, особенно колоний и полукolonий, теория перманентной революции означает, что полное и действительное разрешение их демократических и национально-освободительных задач мыслимо лишь через диктатуру пролетариата, вождя угнетенной нации, прежде всего ее крестьянских масс». «Не только аграрный вопрос, но и национальный вопрос отводит крестьянству, подавляющему большинству населения отсталых стран, значительное место в демократических революциях. Без союза пролетариата и крестьянства задачи демократической революции не могут быть разрешены, ни даже серьезно поставлены». «Победа демократической революции мыслима только через диктатуру пролетариата, опирающуюся на союз с крестьянством и разрешающую задачи демократической революции». F. d. K. 1930, № 2).

Итак, для победы революции, особенно на Востоке, в колониальных и полукolonияльных странах, нужны союз пролетариата и крестьянства и гегемония пролетариата внутри этого союза. Из национально-демократических революций в колониях и полукolonиях может выйти только диктатура пролетариата — не то диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, не то диктатура пролетариата, опирающегося на союз с крестьянством. В «Критике проекта программы Коминтерна» Троцкий одинаково беззаботно употребляет и отождествляет все эти три диктатуры при обсуждении перспектив революции на Востоке; так, он утверждает, что «социальное содержание буржуазно-демократической революции должно будет занимать собой первый период грядущей диктатуры китайского пролетариата и деревенской бедноты»¹.

¹ «Die Internationale Revolution», S. 174—175. Подчеркнуто Троцким — С. Н.

Итак, без союза с крестьянством (причем неизвестно, с кем — со всем ли крестьянством, с его основными массами, или с беднотой) пролетариат не может установить свою диктатуру в национально-демократической революции в колониях и полуколониях. О неизбежности столкновения с широкими массами крестьянства как будто ни звука. Но это только так кажется. В действительности этот тезис только «снят», стало быть и сохранен, и он действительно сохранен в другом тезисе: революция начинается на национальной арене, продолжается на интернациональной, но построение социализма, — учит теперь Троцкий, — может быть закончено только на планетарной арене, только в рамках всей нашей планеты. Социализм нельзя построить не только в одной отдельно взятой капиталистической стране, но даже на одном отдельно взятом континенте социализм можно построить только в рамках целой планеты. Никак не меньше! В этом суть той починки теории перманентной революции, которую Троцкий пытается сделать в своих новейших работах, посвященных его главному теоретическому детищу («Перманентная революция»). Политическая «тенденция» этой починки совершенно ясна: пролетариат в союзе с крестьянством даже целого континента не в состоянии ни удержать свою диктатуру, ни тем более построить социализм, ибо... диктатура пролетариата неизбежно должна рано или поздно притти в столкновение с широкими массами крестьянства. Поэтому нельзя построить социализм даже на одном отдельно взятом континенте.

Какова методологическая характеристика этой починки? Собственно говоря, мы здесь имеем у Троцкого образец дурной социалдемократической бесконечности, дурного социалдемократического понимания интернациональности революции. Ультраправый австро-марксист Карл Реннер к Брюссельскому конгрессу II Интернационала тоже писал, что социализм, как замкнутую хозяйственную систему, нельзя построить ни в одной стране, ни в комплексе стран — очевидно, что и по Реннеру, как и по Троцкому, социализм можно построить только в планетарном масштабе («Der Kampf», 1928, № 8.9).

Позиция Троцкого по сути дела совпадает с позицией Реннера. Через львиную «перманентную» шкуру Троцкого торчат ослиные социалдемократические уши Реннера: Троцкий рядится под Ленина, а выходит у него по Реннеру.

Все социалдемократические теоретики готовы теперь усюновить ленинскую идею союза пролетариата и крестьянства. «Левейшие» — из них, вроде М. Адлера, готовы принять и гегемонию пролетариата внутри этого союза и даже пролетарскую диктатуру, но с маленькой троцкистской поправочкой, чтобы это была демократическая диктатура, и во-вторых что даже в союзе с основными массами крестьянства пролетарская диктатура не может построить социализм в одной стране; ни на одном континенте, (в «комплексе стран»), а только в планетарном масштабе. Таким образом настоящая подлинная борьба за социализм откладывается до лучших времен, до возможности одновремен-

ного наступления революции во всем мире (версия Каутского — Реннера), или одновременного построения социализма во всем мире, на всей нашей планете (версия Троцкого). В первом случае пролетариат обрекается на фатализм без всяких оговорок; во втором случае, у Троцкого, пролетариат обрекается на фатализм с оговоркой, что начать революцию в одной стране, не дожидаясь других стран, можно и должно, но бороться за победу социализма, за построение социализма в одной стране или даже на одном континенте нельзя, с этим делом надо погодить до победы мировой революции в планетарном масштабе. В классической социалдемократической постановке вопроса у Каутского-Реннера пролетариат обрекается на тактику ожидания, пассивности и скрещенных рук еще задолго до победы революции; у Троцкого — завтра после социальной революции в одной стране или на одном континенте. Разница скорее чисто количественная, чем качественная.

Почему же нельзя построить социализм не только в одной стране, но даже на одном отдельно взятом континенте? Троцкий «аргументирует»: нельзя построить социализм ни в одной стране, ни даже на отдельном континенте, потому что существуют мировое хозяйство, мировой рынок, мировое разделение труда, поэтому и социализм можно построить только в мировом масштабе.

Нельзя-де построить социализм в такой отсталой стране, как Россия или Китай, потому что они зависят от техники передовых стран. Нельзя-де построить социализм в такой отдельно взятой передовой стране, как Англия, потому что она зависит от сырья отсталых стран и нуждается в мировом рынке для сбыта своей продукции. И вот, утверждает Троцкий, так как существуют интернациональное разделение труда, международный рынок и мировое хозяйство, то и речи быть не может о построении социализма в одной отдельной стране или даже на одном отдельном континенте. Разумеется, что никакой Реннер не станет возражать против этой аргументации, с помощью которой Троцкий опровергает «реакционную, утопическую теорию социализма в одной стране», как он изволит величать ленинскую теорию возможности победы социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране¹.

Троцкий к VI конгрессу Коминтерна писал буквально то же самое, что Реннер к одновременно происходившему Брюссельскому конгрессу II Интернационала. В работе, специально посвященной вопросу о «Мировых хозяйственных основах социалистической политики после войны», Реннер доказывал утопичность изолированного социалистического государства аргументами, обнаруживающими поразительную, хотя и неудивительную конгенитальность с Троцким. «Бойкот советской России показал, что и замкнутое, отдельно взятое социалистическое государство, даже если оно обладает размерами России, не может устоять, оно не

¹ Ср. „Die International Revolution“, I, § 8.

может выключиться из мирового хозяйства и должно поэтому тоже подчиниться мировому хозяйству». Реннер подчеркивает, что послевоенное «мировое хозяйство есть не только отношение обмена (мировой рынок, как прежде), оно стало реальным хозяйственным целым, состоящим из многих равноценных частей, вообще самой крепкой хозяйственной реальностью (разрядка Реннера—С. Н.). И это обстоятельство очень важно для социализма: одна страна или даже комплекс стран не могут для самих себя осуществить полностью социализм (т. е. социализм как замкнутую и законченную систему, противостоящую капитализму). Так мы, социалисты, по меньшей мере представляли себе осуществление нашего идеала в 1914 г. И социализм должен теперь научиться мыслить континентами...»¹. Троцкий мыслит теперь континентами... Реннера, а Реннер... планетами Троцкого. Даже под микроскопом нельзя открыть разницы между Троцким и Реннером в их «мирохозяйственной» аргументации против ленинской теории возможности победы социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране, короче говоря, о возможности построения социализма в России, т. е. в Советском Союзе. Впрочем маленькое различие в тождестве Троцкого и Реннера все же имеется: Реннер утверждает, что по своему хозяйственному укладу индустриализованная европейская Россия ближе к Западу, чем к Китаю, а Троцкий—наоборот: что Россия стоит ближе к Китаю, чем к Европе². Каков же методологический коррелянт политической сущности «теории перманентной революции» как в старом, так и в новом издании? Волонтаристический, субъективистский, формально-логический, рационалистический, левокоммунистический скачок через конкретную стадию демократической диктатуры пролетариата и крестьянства приводит Троцкого в конце концов к фаталистическому, объективистскому, ползуче-эмпирическому, истинно социалдемократическому пониманию проблемы интернациональности международной революции, к пониманию этой проблемы в стиле Реннера-Каутского. Присмотримся ближе к этому «переходу» в политической методологии Троцкого.

III

Исходным пунктом политической методологии троцкизма, в частности «теории перманентной революции», является субъективизм, исторический волонтаризм, т. е. идеализм, ибо «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà—гносеологические корни идеализма»³. Эти идеалистические черты составляют методоло-

¹ „Der Kampf“, 1928, № 8—9. С. 379—380.

² См. „Der Kampf“, там же, с. 390; Троцкий, Критика проекта программы Коминтерна.

³ XII, «Ленинский сборник», с. 321.

гическую основу так называемой «платформы большевиков—ленинцев («оппозиции»), с ее ультралевыми, авантюристическими троцкистскими установками на диктатуру промышленности, на гипертрофию плана, на сверхиндустриализацию, на раскулачивание кулачества методами военного коммунизма, на социалистическую революцию в Китае, на «диктатуру партии» и т. д. и т. п. «Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота», эти «гносеологические корни идеализма», действительно пронизывают собой насквозь всю троцкистскую «политику дальнего прицела», знаменитую троцкистскую «целеустремленность», к которой Троцкий сводит суть ленинизма, противопоставляя ее, эту «целеустремленность», диалектическому единству большевистской твердокаменности и гибкости. «Не гибкость была и теперь должна быть главной особенностью большевизма, а твердокаменность»¹. Троцкий отождествляет здесь свою «целеустремленность» с большевистской твердокаменностью и метафизически противопоставляет твердокаменность гибкости. Но как раз такую ультралевую твердокаменность Ленин избличал как «прямолинейность и односторонность», как «деревянность и окостенелость», как порочную доктринально-методологическую основу левого коммунизма, левого доктринерства. «Надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования соглашения, зигзаги, отступления и т. п., чтобы ускорить осуществление и изживание политической власти... II Интернационала... и правильно выбрать такой момент распада между всеми «опорами» системы частной собственности», чтоб революционным выступлением пролетариата разбить всех их и завоевать политическую власть»². «Во всех странах коммунизм расширяется и растет... недостает только одного, чтоб мы пошли к победе увереннее и тверже... повсеместного и до конца продуманного сознания всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально гибкими в своей тактике»³. Не выбирать односторонне: или гибкость, или твердокаменность, а соединить эти качества в неразрывном диалектическом единстве, строжайшую твердокаменную преданность идеям коммунизма с максимальной гибкостью в борьбе за их реализацию, применительно к конкретным особенностям каждой страны и каждой ситуации. Эта ленинская диалектика глубоко чужда односторонности троцкистской левизны.

Еще в 1920-21 г., во время профдискуссии Ленин отмечал, что теоретическая, гносеологическая ошибка у Троцкого: «односторонность...» т. е. та самая черта, которая во фрагменте «К вопросу о диалектике» характеризуется Лениным как гносеологический корень идеализма.

Оборотной стороной субъективной, идеалистической социологии Троцкого является экономический материализм, технологиче-

¹ Die Intern. Rev., с 124. Подчеркнуто Троцким—Н. С.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 181.

³ Там же, с. 65. Подчеркнуто Лениным—С. Н.

ское понимание истории, грубо-механическая интерпретация исторического материализма, которая Троцкому обща с ординарными социалдемократическими и правоуклонистскими теоретиками и политиками.

Эта иная сторона эклектической методологии Троцкого особенно ярко выступает в троцкистской концепции предпосылок Октябрьской революции и строительства социализма в Советском Союзе.

В «Критике проекта программы Коминтерна» Троцкий ведет изнурительную, позиционную войну с программой Коминтерна по вопросу о предпосылках строительства социализма в СССР. Троцкий утверждает, утверждает сам и Ленину приписывает ту мысль, будто бы в России, т. е. в Советском Союзе, имеются только политические предпосылки социализма, но нет экономических предпосылок. Он анализирует в известной статье Ленина «О кооперации» известное место о всем необходимом и достаточном для построения социализма в нашей стране и приходит к выводу, что у Ленина здесь речь идет исключительно о политических предпосылках. Троцкий утверждает, что перечисленные Лениным предпосылки — диктатура пролетариата, союз пролетариата с основными массами крестьянства, власть, собственность пролетарского государства на крупные средства производства, — что все это только политические предпосылки. У Ленина, говорит он, вообще здесь нет и речи об экономических, материально-производственных, технических предпосылках строительства социализма, ибо Ленин-де не считал, что у нас имеется вся полнота объективных предпосылок социализма. Утверждая, что рост кооперации тождественен росту социализма, уверяет нас Троцкий, Ленин имеет в виду кооперацию как экономическую организационную форму, отвлекаясь от материально-производственной, технической стороны дела, от технических условий перехода к социализму. Троцкий «обрабатывает» Ленина в том смысле, что такие материально-производственные, технические предпосылки социализма мы обретем только после победы социализма в Западной Европе, только после того, как западно-европейский пролетариат окажет нам государственно-техническую помощь; только тогда у нас окажется все необходимое и достаточное для построения социализма, не только в политическом, но и в материально-производственном, экономическом и техническом отношениях. Кооперацию же, кооперативную форму организации труда Троцкий понимает здесь лишь как форму, как организационную форму, лишенную материального содержания, стало быть, как бессодержательную форму, обнаруживая этим механический и за одно кантианский отрыв формы от содержания и содержания от формы.

Общеполитическая сторона вопроса хорошо известна, и я не буду на ней останавливаться. Но мне бы хотелось обратить внимание на некоторые недавно опубликованные работы Ленина, которые не могли быть использованы в свое время критиками Троцкого, в частности и т. Сталиным в его прекрасных работах

«Об оппозиции». Я имею в виду планы политдоклада Ленина на XI партсъезде, опубликованные в VIII и XIII «Ленинских сборниках». Ленин там черным по белому пишет, что «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело только в культурных слоях пролетариата и его авангарда». Ленин видит гвоздь момента в разрыве между всемирно-историческим величием задач, поставленных и разрешаемых нами, «и ничтожной материальной и культурной». Ленин подчеркивает «культурной». Коммунистам недостает прежде всего культуры. Ленин ставит тут во весь рост проблему кадров. У нас имеются стало быть экономические и политические, а не только политические предпосылки. (Недостает нам культурных предпосылок. Наконец в работе, которая давно была опубликована, в самом докладе Ленина на XI партсъезде, имеется прекрасная формулировка по этому вопросу, тоже не оставляющая никаких сомнений. Ленин говорит: «Экономических сил в руках пролетарского государства России совершенно достаточно, чтобы обеспечить переход к коммунизму»¹).

Как же после всего этого Троцкий может утверждать, что по Ленину-де у нас имеются хотя и необходимые и достаточные, но только политические предпосылки? Как и в дискуссии о профсоюзах Троцкий не понял здесь ленинской диалектики взаимодействия экономики и политики, с тем отличием, что тогда он отрывал экономику от политики, а теперь — политику от экономики; он тогда не понимал и теперь не понимает, что политика есть опосредствованная классовой борьбой экономика, что политика есть концентрированное выражение экономики. Троцкий даже не догадывается, что и политика есть экономическая потенция, что диктатура пролетариата и его экономический союз с основными массами крестьянства для строительства социализма — суть экономические потенции, что собственность пролетарского государства на крупные средства производства есть решающее производственное отношение, важнейшая экономическая категория переходного периода и стало быть, экономическая предпосылка строительства социализма. Не понимая этих основ исторического материализма, Троцкий запутывает вопрос и сам запутывается невероятным образом. Он спрашивает: почему же Ленин, перечисляя названные предпосылки, утверждает, что «это еще не построение социалистического общества, но все необходимое и достаточное для такого построения?» И отвечает: потому, что у нас-де имеются только политические предпосылки (Die Internationale Revolution).

По сути дела Троцкий приписывает Ленину в скрытой форме такой пикантный тезис: если бы у нас были экономические предпосылки, то это уже было бы построением социализма. Скажем, Германия или Соединенные Штаты имеют ведь всю полноту объективных предпосылок социализма. Когда там на-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 43.

зреют субъективные предпосылки, налицо ведь будет полный круг всех условий для пролетарской революции и построения социализма. По замечательной «логике» Троцкого выходит, что в Соединенных Штатах и Германии — словом, в «цивилизованных» странах, в отличие от России, «на другой день после социальной революции» это (наличие полного круга условий для построения социализма) уже будет построением полного социалистического общества, ибо там уже сейчас имеются налицо экономические предпосылки социализма. Иначе говоря, если бы Троцкий был убежден, что у нас имеются экономические предпосылки социализма, он бы взялся построить в нашей стране полное социалистическое общество в два счета, одним прыжком. Такова именно логика троцкистских логических, нематериальных скачков через несколько конкретных стадий. В Америке и Германии Троцкий по сути дела готов перескочить через весь переходный период от капитализма к социализму. Троцкий может быть и не сознает этих консеквенций, но они с железной необходимостью вытекают из его нелепой аргументации по вопросу о политических и экономических предпосылках социализма в России.

Гегель еще учил, что необходимость есть исторический процесс. «Когда все условия имеются налицо, предмет необходимо должен стать». «Развитая действительность есть необходимость». «Необходимость... единство возможности и действительности». Процесс необходимости включает три момента: условия, предмет и деятельность. Условия переходят в предмет через деятельность. Когда налицо полный круг условий предмета, деятельность, т. е. фреальное движение, переводит условия в предмет, возможность превращается в действительность, а развитая действительность — в необходимость¹.

В применении к пролетарской революции и к построению социализма это значит: предметом, конечной целью здесь является построение социализма, условиями — предпосылки революции, а деятельностью — сама пролетарская революция: борьба за установление и упрочение диктатуры пролетариата и строительство социализма, т. е. уничтожение классов классовой борьбой, заполняющей собой весь переходный период от капитализма к коммунизму.

Даже наличие полного круга условий социализма, даже наличие всех объективных и субъективных предпосылок социализма есть только возможность построения социализма. Чтобы строить и построить социализм, чтобы превратить возможность в действительность, нужна революционная деятельность, пролетарская революция, установление диктатуры пролетариата. Этого не понимают с.д., теоретики и политики, которые подменяют активную деятельность революции пассивной работой эволюции. Троцкий конечно понимает, что без пролетарской революции невозможно приступить к строи-

¹ Ср. «Энциклопедия», §§ 147, 148.

тельству социализма. Но он, с одной стороны, готов признать что наличие всех политических и экономических материальных условий строительства социализма уже тождественно построению социализма. Он смешивает возможность с действительностью, забывая, что переход возможности в действительность, а их единства — в историческую необходимость — есть исторический процесс, в нашем конкретном «случае» — исторический процесс революционного переходного периода, революционного, скачкообразного, но весьма длительного перехода от капитализма к коммунизму. В цивилизованных странах Троцкий как ультра-«левый» готов совершить нематериальный логический скачок через несколько конкретных стадий — через переходный период строительства социализма.

С другой стороны, Троцкий выдвигает обратное положение, что социализм нельзя построить ни в одной стране, ни даже на одном континенте, тем более в Советском Союзе, имеющем якобы только политические и предпосылки. Троцкий обнаруживает прямо социалдемократическое, метафизическое понимание полного круга условий построения социализма. Этот полный круг условий должен-де раньше охватить весь мир, всю нашу планету. Эта полнота должна включить все материальные условия, все так называемые объективные предпосылки: пока такой всесторонней полноты нет, — нельзя-де приступить к революции (так учил Каутский и К⁰, когда он еще прибегал к этой неудобной категории исторического материализма); при таких неполных условиях можно начать революцию, поправляет его Троцкий, но нельзя построить социализм в одной стране или даже на одном континенте. Каутские и Троцкие не понимают, что свершение полного круга условий социализма есть исторический процесс. Человечество, говорит Маркс, ставит себе только разрешимые задачи, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что материальные условия для разрешения этих задач либо уже имеются в недрах старого общества, либо находятся в становлении (im Werden)¹. Пролетарскую революцию можно начать, когда материальные условия ее зрелости еще находятся в становлении. Если в такой «среднеслабой» капиталистической стране, как Россия в 1917 г., материальные условия пролетарской революции и строительства социализма были в становлении, то как раз завоевание диктатуры пролетариата, включившись в круг условий борьбы за социализм в нашей стране, обеспечило нам возможность быстрых, невиданных в истории темпов вызревания и дозревания материальных условий социализма: в этом — смысл пятилетки в 4 года, электрификации, индустриализации, социалистической реконструкции всего народного хозяйства Советского Союза, в этом — смысл сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса; быстрыми, все ускоряющимися темпами мы догоняем, догоним и готовимся переиграть другие народы в смысле материально-про-

¹ Ср. Предисл. «К критике».

изводственной зрелости и построения социализма. Мы бросаем на чашку весов классовой борьбы всю экономическую и политическую силу пролетарской диктатуры, чтобы ускорить темпы исторического процесса свершения полного круга условий социализма в нашей стране. Именно в этом смысл ударничества и социалистического соревнования. Именно это имел в виду Ленин говоря, что «при общей закономерности всемирно-исторического развития во всемирной истории несколько не исключаются, а напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать,—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»².

Если для построения социализма нужен полный круг экономических, политических и культурных условий, то почему же, встретившись с не нами выдуманым, а исторически данным своеобразием формы и порядка начала всемирной революции на $\frac{1}{6}$ части земного шара, нам нельзя на основе диктатуры пролетариата начать с создания полного круга условий социализма? А мы можем это сделать, ибо мы для этого имеем достаточно экономической и политической силы, имеем достаточно сил для создания этого круга, для перевода условий в предмет, возможности в действительность социализма. Так учил нас Ленин, так делают массы. В этом смысл генеральной линии нашей партии—создать полный круг условий социализма, строить и построить социализм в нашей стране. Троцкий не понимает, что полный круг условий социализма есть исторический процесс, круг кругов восхождения по спирали расширенного социалистического воспроизводства, по спирали, где каждый круг шире и выше предшествующего круга, уже и ниже следующего круга, составляя переход от предшествующего к следующему кругу, со все ускоряющимися количественными и качественными показателями различных сторон, связей и опосредствований этого перехода, от круга к кругу, от года к году пятилетки и следующих больших кругов спирали генплана построения социализма в нашей стране.

Троцкий уподобляется ученым господам II Интернационала, которые утверждают, что «мы не доросли до социализма», что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма»³. Вопрос о зрелости революции Троцкий мыслит по «учебнику Каутского», он отождествляет зрелость революции с зрелостью производительных сил, а зрелость производительных сил — с зре-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 118.

² Там же, с. 119.

³ Там же, с. 118—119.

лостью техники, ибо подобно социалдемократическим теоретикам (и Бухарину) он отождествляет производительные силы с техникой. Он например органически не понимает, что коллективизация деревни, социалистическое соревнование и ударничество, эти новые производственные отношения, складывающиеся на великой социалистической стройке, в которой участвуют миллионы и миллионы рабочих и крестьян, образуют новую массовую производительную силу, что они представляют собой адекватную организационную экономическую форму революции в производительных силах, стало быть и технической революции в нашей промышленности и сельском хозяйстве. Рабочий класс, главная производительная сила общества, в длительном порыве героических будней, революционизируя производственные отношения, революционизирует этим самым рабочую силу, а через нее и с нею и технику всего нашего хозяйства. Экономическая революция в производственных отношениях не есть пустая, бессодержательная форма,— это вместе с тем и революция в производительных силах: в горниле новых производственных отношений—коллективизации, ударничества, соцсоревнования, общественного буксира, встречного промфинплана—вырабатывается и выковывается новый тип рабочей силы, последовательно социалистической, самоотверженно работающей на пользу «целого», на пользу трудящихся масс; выковывается тип рабочего-ударника и крестьянина-колхозника, а это—миллионы «новых людей» в новых экономических формах, которые творят и новую технику. Разумеется, что эта диалектика производительных сил и производственных отношений, вполне понятная с точки зрения исторического материализма, не под стать троцкистско-правоуклонистскому технологическому пониманию истории, которое отождествляет производительные силы с техникой и рассматривает производственные отношения как пассивный рефлекс производительных сил.

Механическая сторона всей методологии Троцкого выступает наружу особенно рельефно в его рассуждениях о зависимости советской экономики от мирового хозяйства. На XV партийной конференции, когда Троцкий впервые выступал на эту тему, он очень мило иронизировал: говорят, что с точки зрения внутренних экономических отношений у нас имеется возможность построения социализма, что можно и должно отвлекаться от международных условий. Троцкий гремел, что этого нельзя делать. Импорт, балагурил он,—дело как будто внутреннее, ввозят внутрь страны. Но ввозят откуда?—Снаружи. Выходит, что это дело внешнее. Экспорт? Дело как будто бы международное, внешнее дело, ибо вывозят за границу. Но ведь экспортируемые товары собираются внутри страны. Выходит, что это является внутренним делом. Стало быть, ни в коем случае, умозаключал Троцкий, нельзя, методологически недопустимо отвлекаться при решении проблемы возможности построения социализма в Советском Союзе от международных, от внешних условий.

В «Критике проекта программы Коминтерна» он ставит все точки над «i». Судьба советской системы зависит от двух фак-

торов: от успехов строительства социализма в Советском Союзе и от развития мирового капиталистического хозяйства. Примат, первенство, «решающее значение в конечном счете имеет второй фактор, т. е. судьба мирового хозяйства вообще» («Die Internationale Revolution» подчеркнуто Троцким—С. Н.). Советская система зависит таким образом от капиталистической мирохозяйственной среды, ключ к судьбе советской системы лежит в конечном счете в соотношении между советской системой и внешней для нее мирохозяйственной средой. Такова по существу методологическая нить рассуждения Троцкого. Ему указывали, что дело тут заключается не в односторонней зависимости Советского Союза от мирового хозяйства, а во взаимной связи между советской экономикой и мировым хозяйством. На это Троцкий отвечает в «Критике проекта программы Коминтерна», что марксистский, строгий, ясный и точный термин «зависимость» подменяют ни холодным ни горячим, а теплым бюрократическим (?) термином «связь», чтобы скрыть от рабочего класса опасность этой «связи». Троцкий совершенно не подумал, что он утверждает, говоря об односторонней зависимости советской системы от мирохозяйственной среды. Он не понимает, что он этим самым квалифицирует советскую систему, Советский Союз, как полуколонию. Если налицо односторонняя зависимость нашего Союза от мирового хозяйства, тогда очевидно, что наша страна есть по меньшей мере полуколония. Но даже в отношении колоний и полукolonий нельзя утверждать, что они находятся в односторонней зависимости от метрополий. Метрополии весьма и весьма зависят от колониальных рынков сырья, дешевой рабочей силы, сбыта товаров и вывоза капитала. Тем более нелепо говорить об односторонней зависимости Советского Союза, имеющего достаточно экономических, политических и военных сил, чтобы отстоять малейшее покушение на его экономическую и политическую независимость. И то, что у Троцкого на уме, у Урбанса на языке. Это правило, которое можно проследить на десятке вопросов. То, что Троцкий скажет завтра, то Урбанс говорит сегодня; то, что Троцкий думает про себя, Урбанс болтает вслух. Журналистик Урбанса, обсуждая работы VI конгресса Коминтерна, прямо сформулировал, что наша концессионная политика превращает Советский Союз в полуколонию, в страну, зависящую от мирового капитала. Разумеется, что и там сидят свои «диалектики». Они пускают в ход оговорочку, что все это надо понимать «*cum grano salis*», со щепоткой соли, что все это пока незаконченный процесс, все это надо брать в «становлении». Советский Союз становится, но еще не стал полуколонией. Разумеется, нет нужды опровергать эти поистине сумасшедшие пустяки. Если несколько лет назад можно было сказать, что мы не столько страдаем от концессионного капитализма, сколько от недостатка концессионного капитализма, то сейчас эта проблема вообще снята: концессии не получили и не получают у нас сколько-нибудь заметного развития. Мы обходимся и обойдемся без «помощи» иностранного капитала.

Присмотримся ближе к методологической подоплеке рассуждений Троцкого. Судьба советской системы, ее внутреннее равновесие по сути дела является у него функцией внешнего равновесия между советской системой и капиталистической средой. Троцкий мыслит взаимоотношения между системой и средой по Бухарину. Подобно Бухарину он ищет закон движения системы в ее внешнем равновесии—в ее отношениях со средой. Среда имеет у него примат над системой. Он упускает из виду самодвижение советской системы, ее саморазвитие, самодвижение ее внутренних сил, которое несет в себе реальную возможность осуществления пятилетки в четыре года и в конечном счете построения социализма. Троцкий даже не догадывается, что судьба капиталистической, мирохозяйственной среды и мировой революции в огромной степени будет зависеть, наоборот, от судеб Советского Союза, от успехов социалистического строительства в нашем Союзе. Подлинный подъем социалистического хозяйства во всех уголках Советского Союза укрепляет советскую базу мировой революции, расшатывает базу международного империализма на Западе и Востоке, в колониях и полукolonиях. Поэтому пятилетка в четыре года стала кошмаром для всех наших врагов: она пользуется заслуженной ненавистью империалистов и их социалдемократических подпевал, потому что реализация пятилетки в четыре года будет наилучшей пропагандой действием в пользу социализма, в пользу мировой революции; ненавистью Троцкого, потому что реализация пятилетки в четыре года знаменует подлинный подъем и продвижение нашего хозяйства к социализму еще до победы пролетарской революции в Западной Европе, что противоречит уставу «теории перманентной революции» и опрокидывает всю эту «теорию».

Такое же механистическое понимание взаимодействия системы и среды Троцкий обнаруживает в вопросе об источниках грядущих революционных ситуаций. Троцкий формулирует буквально по Бухарину, что главным источником грядущих революционных ситуаций будут военные конфликты, военные столкновения между Европой и Америкой. «В новом послевоенном десятилетии главным источником революционных ситуаций будут взаимоотношения между Европой и Америкой. Большой кризис в Соединенных Штатах станет набатом грядущей войны и революции»¹. Как и у Бухарина, главным источником революционных ситуаций оказываются не имманентные противоречия классовой борьбы внутри капиталистических стран, а военный взрыв внешних противоречий между империалистическими державами, между национально-«организованными капитализмами», между национально-организованными капиталистическими телами. Троцкистская и бухаринская концепции взаимодействия войны и революции походят друг на друга как две капли воды. Это по сути дела одна и та же концепция не только по ее внутренней логике, по форме, но и по содержанию, ибо по Бухарину главным

¹ «Die Internationale Revolution», 18. Подчеркнуто мной—С. Н.

источником грядущих революций будут военные катастрофы, в особенности война между Европой и Америкой¹.

Очень интересно было бы сопоставить—я это сделаю в двух словах—диалектику внешнего и внутреннего, в противовес с механистической трактовкой проблемы внешних и внутренних противоречий у Троцкого и Бухарина. Действительность представляет собой единство внешнего и внутреннего, внешнее тождественно внутреннему и вместе с тем различно от внутреннего. Внешнее и внутреннее образуют единство противоположностей. Внешнее составляет продолжение и проявление внутреннего. «Внешнее есть... во-первых, то же самое содержание, что и внутреннее. То, что внутренне налично также внешне и наоборот». «Во-вторых, внутреннее и внешнее... также и противоположны друг другу»². «Действительность есть ставшее непосредственным единство... внутреннего и внешнего»³. Это значит, что надо в зависимости от конкретного объекта исследования различать внешнее от внутреннего, а иной раз—приходится ставить ударение как раз на тождестве, на единстве внешнего и внутреннего, ибо внешнее и внутреннее образуют тождество в различии и различие в тождестве.

В чем же методологический порок бухаринской теории организованного капитализма? В чем порок бухаринской теории взаимодействия внешних и внутренних противоречий? Корень этих ложных теорий Бухарина, их методологическая основа лежат в механическом, метафизическом отрыве внешних противоречий от внутренних. Согласно бухаринской теории «организованного капитализма» внутренние противоречия замирают, внешние обостряются. Взрыв внешних противоречий ведет к нарушению внешнего равновесия, нарушение внешнего равновесия влечет за собой нарушение внутреннего равновесия. Нарушение равновесия между империалистическими государствами влечет за собой нарушение равновесия между классами внутри империалистических государств. Войны влекут за собой революции. Вся механическая цепь силлогизмов, из которых и построена вся бухаринская теория организованного капитализма и бухаринская концепция мировой революции, держится и распадается вместе с главным звеном этой цепи, с метафизическим различением и противопоставлением внешнего и внутреннего, внешних и внутренних противоречий, т. е. таким различением, которое за различиями не видит тождества.

Троцкий при разрешении проблемы взаимодействия войны и революции, подобно Бухарину, переносит ударение на внешние противоречия. Точно так же он при разрешении вопроса о возможности построения социализма в Советском Союзе исходит из примата внешних противоречий над внутренними. Но кроме этого

¹ См. Бухарин, Доклад по программному вопросу на VI конгрессе Коминтерна.

² Гегель, «Энциклопедия», ГИЗ, 1929, I, с. 232, 233.

³ Там же, с. 238.

он совершает еще и другую, специфическую, ему свойственную ошибку: он просто на-просто механически и чисто софистически смешивает, отождествляет внешние и внутренние противоречия, за тождеством он не видит их различия. Таковы его рассуждения насчет экспорта и импорта: нельзя-де остановиться на точке зрения внутреннего, на точке зрения внутренних экономических отношений, нельзя-де отвлекаться от мирохозяйственной среды, от международных условий, что-де экспорт и импорт в равной степени и внутреннее и внешнее. Троцкий по существу механически отождествляет здесь внешнее и внутреннее; он здесь «закрывает глазки» на различия внешнего и внутреннего. Он мыслит тождество как абстрактное тождество, лишенное внутреннего движения, как тождество без внутреннего различия.

Троцкий утверждает, что только метафизики могут резко разграничивать внешнее и внутреннее, ибо он даже не догадывается, что в этом разграничении «повинен» прежде всего Ленин. В статье «О кооперации» последний прямо говорит, что «если ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести сводится к «культурничеству». Разумеется, что, говоря о культурничестве, Ленин имел в виду культурную революцию, а она конечно опосредствуется классовой борьбой и является от начала до конца со всех сторон классовой борьбой на идеологическом фронте.

Ленин считал методологически обязательным различение и разграничение внешних и внутренних условий строительства и построения социализма в нашей стране, он условно «отвлекался» от международных отношений, он условно «ограничивался» внутренними экономическими отношениями для решения вопроса о возможности построения социализма в Советской республике, в конечном счете, для решения вопроса о характере, о социальном качестве нашей революции. Именно точка зрения внутренних экономических отношений дает ключ к «самодвижению» в данном конкретном вопросе. При этой концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения»,—таким источником оказываются внутренние экономические отношения и классовые противоречия. При механической концепции Троцкого, выражаясь словами ленинского фрагмента «К вопросу о диалектике», «сей источник переносится вовне», «остается в тени самодвижение, его двигательная сила»¹. У Троцкого источник движения к социализму переносится вовне, в мировое капиталистическое хозяйство и его судьбы, как мы помним по Троцкому, «решающее значение в конечном счете имеет... судьба мирового хозяйства», тогда как в действительности судьба советского хозяйства имеет огромное значение для судьбы самого мирового капиталистического хозяйства. В конце концов вся философия Троцкого опирается в социал-демократическое откровение, что у нас нет объективных предпосылок, нет внутрен-

¹ «Ленинский сборник», с. 324.

них экономических сил для перехода к коммунизму, тогда как по Ленину, как мы видели, такие силы у нас имеются.

Троцкий считает методологически недопустимым разграничение внутренних и внешних условий (и противоречий). Между тем и Маркс «повинен» в таком «грехе». Так, обсуждая причины ожидавшегося поражения Парижской Коммуны, он писал Кугельману: «Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа» (подчеркнуто мной—С. Н.), т. е. причину поражения Коммуны надо искать не во внутренних экономических отношениях, не в общих условиях французского общества, а во внешней интервенции. Парижская Коммуна могла бы устоять, победить своих внутренних врагов и преодолеть внутренние трудности, если бы она не была задавлена внешней военной силой, на помощь которой пришла внутренняя измена—«сотрудничество» версальцев с интервентами. Ленин буквально следует аргументации Маркса, говоря о Советской России, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой»¹. С точки зрения общих условий нашего общества, с точки зрения внутренних экономических отношений, с точки зрения экономических условий мы имеем реальную возможность победы в социалистической перестройке общественного хозяйства, если нас не задавит внешняя интервенция. Так решается эта проблема Лениным, Сталиным, нашей партией в полном соответствии с диалектикой внутреннего и внешнего в самой действительности.

Надо сказать, что именно Сталин дал методологически безупречное разрешение этой проблемы, опираясь, конечно, на работы Ленина. Он утверждает именно, что с точки зрения внутренних возможностей, внутренних сил, внутренних классовых противоречий, т. е. внутренних экономических отношений, у нас имеется реальная возможность построения полного социалистического общества. Построим социализм, если мы не будем задавлены военными силами иностранной интервенции. Надо помнить, что судьба внешней интервенции в немалой степени зависит от соотношения внутренних классовых сил. Так например, если бы кулачеству удалось отколоть основные массы крестьянства от пролетариата, мы бы не отразили интервенций 1918—1921 гг. Разумеется, что мы выиграли гражданскую войну благодаря помощи советского крестьянства и европейского пролетариата. Наконец отношение между нашим и европейско-американским про-

летариатом есть тоже отношение внутреннее—внутри одного класса. Наоборот, отношения между советским и мировым капиталистическим хозяйством есть внешнее отношение, отношение между двумя качественно различными, противоположными социальными системами. Троцкий же рассматривает советское хозяйство, подобно Реннеру, как обыкновенную часть мирохозяйственного капиталистического целого. Между тем это два качественно различных целых, которые ведут между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. Это не просто борьба пролетариата и буржуазии внутри одной капиталистической системы, а борьба двух реально существующих противоположных социальных систем. Результат, исход всей борьбы этих систем в конечном счете зависит от хода и истории классовой борьбы внутри этих систем.

IV

Механическое понимание вопроса о возможности построения социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране, конкретно в такой «средне-слабой» капиталистической стране, какой Россия была в 1917 г., теснейшим образом связано у Троцкого с механическим пониманием закона неравномерности развития капитализма и империализма. В противовес Сталину, Троцкий на XV партийной конференции утверждал, что при империализме неравномерность идет на убыль, что неравномерность при капитализме была значительно больше, чем при империализме, при котором-де берет верх другая—«уравнительная» тенденция—нивеллировка технико-экономических и социально-политических уровней развития отдельных стран.

На VII Пленуме ИККИ и в «Критике проекта программы Коминтерна» Троцкий сделал отступление по этому вопросу; а именно: Троцкий признал, что при империализме неравномерности больше, чем при капитализме. Но, разумеется, что отступление свое Троцкий сделал под барабанный бой. Прежде всего, стараясь умалить методологическое значение закона, конкретного закона неравномерности экономического и политического развития капитализма и особенно империализма, Троцкий выдвинул соображение, что «неравномерность есть вообще закон развития всей человеческой истории. Особенное значение этого закона при империализме он пытается утопить в «общем» законе неравномерности развития всей человеческой истории. Но очевидно, что такой «общий» закон представляет собою бесплотноное и бескровное «общее» место, тощую абстракцию, с помощью которой нельзя познать ни одной конкретной общественной формации, тем более такой особенной эпохи в развитии капитализма, как империализм. Далее, Троцкий выдвинул положение, что в капитализме борются две тенденции: центростремительная—нивеллировка технико-экономических, социально-политических и культурных уровней развития передовых и отсталых стран, и центробежная—неравномерность, скачкообразность их развития. При империализме, развивал свою мысль Троцкий, обе тенденции

¹ Ленин, т. XVI, с. 350. Подчеркнуто мной.—С. Н.

них экономических сил для перехода к коммунизму, тогда как по Ленину, как мы видели, такие силы у нас имеются.

Троцкий считает методологически недопустимым разграничение внутренних и внешних условий (и противоречий). Между тем и Маркс «повинен» в таком «грехе». Так, обосудая причины ожидавшегося поражения Парижской Коммуны, он писал Кугельману: «Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа» (подчеркнуто мной—С. Н.), т. е. причину поражения Коммуны надо искать не во внутренних экономических отношениях, не в общих условиях французского общества, а во внешней интервенции. Парижская Коммуна могла бы устоять, победить своих внутренних врагов и преодолеть внутренние трудности, если бы она не была задавлена внешней военной силой, на помощь которой пришла внутренняя измена—«сотрудничество» версальцев с интервентами. Ленин буквально следует аргументации Маркса, говоря о Советской России, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавят военной силой»¹. С точки зрения общих условий нашего общества, с точки зрения внутренних экономических отношений, с точки зрения экономических условий мы имеем реально возможность победы в социалистической перестройке общественного хозяйства, если нас не задавит внешняя интервенция. Так решается эта проблема Лениным, Сталиным, нашей партией в полном соответствии с диалектикой внутреннего и внешнего в самой действительности.

Надо сказать, что именно Сталин дал методологически безупречное разрешение этой проблемы, опираясь, конечно, на работы Ленина. Он утверждает именно, что с точки зрения внутренних возможностей, внутренних сил, внутренних классовых противоречий, т. е. внутренних экономических отношений, у нас имеется реальная возможность построения полного социалистического общества. Построим социализм, если мы не будем задавлены военными силами иностранной интервенции. Надо помнить, что судьба внешней интервенции в немалой степени зависит от соотношения внутренних классовых сил. Так например, если бы кулачеству удалось отколоть основные массы крестьянства от пролетариата, мы бы не отразили интервенций 1918—1921 гг. Разумеется, что мы выиграли гражданскую войну благодаря помощи советского крестьянства и европейского пролетариата. Наконец отношение между нашим и европейско-американским про-

летариатом есть тоже отношение внутреннее—внутри одного класса. Наоборот, отношения между советским и мировым капиталистическим хозяйством есть внешнее отношение, отношение между двумя качественно различными, противоположными социальными системами. Троцкий же рассматривает советское хозяйство, подобно Реннеру, как обыкновенную часть мирохозяйственного капиталистического целого. Между тем это два качественно различных целых, которые ведут между собой (борьбу не на жизнь, а на смерть. Это не просто борьба пролетариата и буржуазии внутри одной капиталистической системы, а борьба двух реально существующих противоположных социальных систем. Результат, исход всей борьбы этих систем в конечном счете зависит от хода и истории классовой борьбы внутри этих систем.

IV

Механическое понимание вопроса о возможности построения социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране, конкретно в такой «средне-слабой» капиталистической стране, какой России была в 1917 г., теснейшим образом связано у Троцкого с механическим пониманием закона неравномерности развития капитализма и империализма. В противовес Сталину, Троцкий на XV партийной конференции утверждал, что при империализме неравномерность идет на убыль, что неравномерность при капитализме была значительно больше, чем при империализме, при котором-де берет верх другая—«уравнительная» тенденция—нивелировка технико-экономических и социально-политических уровней развития отдельных стран.

На VII Пленуме ИККИ и в «Критике проекта программы Коминтерна» Троцкий сделал отступление по этому вопросу; а именно: Троцкий признал, что при империализме неравномерности больше, чем при капитализме. Но, разумеется, что отступление свое Троцкий сделал под барабанный бой. Прежде всего, стараясь умягчить методологическое значение закона, конкретного закона неравномерности экономического и политического развития капитализма и особенно империализма, Троцкий выдвинул соображение, что неравномерность есть вообще закон развития всей человеческой истории. Особенное значение этого закона при империализме он пытается утопить в «общем» законе неравномерности развития всей человеческой истории. Но очевидно, что такой «общий» закон представляет собою бесплотное и бескровное «общее» место, тощую абстракцию, с помощью которой нельзя познать ни одной конкретной общественной формации, тем более такой особенной эпохи в развитии капитализма, как империализм. Далее, Троцкий выдвинул положение, что в капитализме борются две тенденции: центристремительная—нивелировка технико-экономических, социально-политических и культурных уровней развития передовых и отсталых стран, и центробежная—неравномерность, скачкообразность их развития. При империализме, развивал свою мысль Троцкий, обе тенденции

¹ Ленин, т. XVI, с. 350. Подчеркнуто мной.—С. Н.

еще более усиливаются. Нивеллировку империализм осуществляет в насильственных формах, львиными прыжками и нападениями на отсталые страны, так что в результате объединение и нивеллировка мирового хозяйства, к которой он стремится, нарушается еще более стремительно и конвульсивно чем в предшествующую эпоху при капитализме. «Только такое диалектическое понимание закона неравномерного развития, а не чисто механическое позволяет избежать ошибок программы Коминтерна и самой главной ошибки—«теории социализма в одной стране»¹.

Сталин вскрыл без остатка механический характер троцкистской «диалектики» еще на XV партконференции и на VII пленуме ИККИ. Сталин показал, что Троцкий механически отождествляет и смешивает неравномерность с экономическим неравенством, с разницей в уровнях технико-экономического развития отдельных капиталистических стран. Сталин доказал, что именно поэтому Троцкий усматривает в нивеллировке антипод неравномерности, тогда как в действительности суть неравномерности заключается в скачкообразности развития, стало быть антиподом неравномерности является не нивеллировка, не уравнивательная тенденция, а нечто совсем другое, а именно—относительно плавное эволюционирование, которым промышленный капитализм существенно отличался от империализма. Экономическое неравенство, разница в уровнях технико-экономического развития отдельных капиталистических стран имеет свое «иное» в нивеллировке, в уравнивательной тенденции, в уравнивании этих уровней. Неравномерность, т. е. скачкообразность развития, усиливающаяся особенно при империализме, имеет свое иное, в «миром», «органическом», плавном эволюционировании. Троцкий же смешал неравномерность с разницей в уровнях развития и естественно увидел «иное» неравномерности в нивеллировке, и поэтому он на XV партконференции пришел совершенно логично к утверждению, что при империализме неравномерность идет на убыль, вытесняясь своей противоположностью—нивеллировкой.

В «Критике» он, оставаясь на прежней механической позиции, продолжает усматривать в нивеллировке «иное» неравномерности. Нивеллировка и неравномерность представляются ему как две противоположно направленные силы, тенденции, как центростремительная и центробежная силы, равнодействующая которых представляет собой «диалектику», т. е. троцкистскую механику развития капитализма и империализма. Обе силы существовали при капитализме, обе усиливаются при империализме, в столкновении обеих усиленных тенденций, в столкновении этих обеих противоположно направленных, потенцированных сил и заключается троцкистская «диалектика» империализма. Если на XV конференции Троцкий утверждал, что при империализме сила нивеллировки берет верх, превалирует над силой неравномерности, то теперь в «Критике» Троцкий признает так сказать рав-

ноправие обоих факторов, их одновременное усиление и взаимодействие. И это эклектическое решение проблемы, которое могло бы войти в школьные хрестоматии как недурной образец «теории факторов», Троцкий выдает за «диалектическое» понимание закона равномерности, в противовес сталинскому «чисто-механическому» (sic!) пониманию этого закона.

Еще на XV партийной конференции Троцкий механически противопоставлял нивеллировку неравномерности развития в период империализма (Сталин, об оппозиции, с. 515); с указанным выше различием, что на XV партконференции из этих двух противоположно направленных сил при империализме одна брала верх над другой—нивеллировка над неравномерностью, а теперь в «Критике», обе тенденции одновременно усиливаются и так сказать взаимно уравновешиваются. Однако и здесь, в «Критике», берет верх нивеллировочная тенденция. Троцкий проговаривается, что эта тенденция капитализма отличает последний от всех предшествующих формаций, превращает мировое хозяйство в «систему сообщающихся сосудов» и что «без этого основного процесса было бы немыслимо относительное нивелирование сначала Европы и Англии, а затем Америки и Европы». Стало быть нивеллировка оказывается основным процессом. Через несколько строк он разъясняет, что «только скрещение этих основных тенденций, центробежной и центростремительной, нивеллировки и неравномерности, может объяснить нам живую ткань исторического процесса». Тут уже обе тенденции оказываются основными. Далее, учит нас Троцкий, «империализм еще более усилил обе тенденции» (подчеркнуто Троцким—С. Н.). Конечный результат: обе тенденции при империализме усиливаются, но ни одна не берет верх над другой, стало быть они уравновешиваются. Но тут же следует новая оговорочка, что нивеллировка уровней разных частей мирового хозяйства, к которой стремится империализм, благодаря насильственным методам империалистической экспансии, нарушается еще более конвульсивно, чем при капитализме. Стало быть остороженьку допускается, что верх как будто берет неравномерность. Однако через все эти оговорочки к оговорочкам проступает наружу через все колебания нивеллировки и неравномерности и... «диалектики» Троцкого, как единственный устойчивый момент—механическое сравнение мирового хозяйства с системой сообщающихся сосудов и сведение неравномерности к нарушению одинаковости уровней жидкости в отдельных сосудах, т. е. уровней технико-экономического развития отдельных национальных хозяйств. Неравномерность сводится, стало быть, к нарушению нивеллировки. Стало быть попрежнему Троцким не поняты суть диалектическая душа неравномерности, не понято, что суть неравномерности—в скачкообразности развития.

Повторяя чулки, а именно сталинские слова и мысли, Троцкий в «Критике» начинает догадываться об этой сути. Так, он говорит, что «уже в доимпериалистическую эпоху Маркс и Энгельс пришли к заключению, что благодаря неравномерности,

¹ «Die Internationale Revolution», S. 27—28.

т. е. скачкообразности исторического развития пролетарская революция растянется на целую эпоху»¹. Неравномерность здесь совершенно правильно понимается как скачкообразность. А страшицей раньше Троцкий утверждает: «Хотя неравномерности и скачкообразности развития отдельных стран постоянно нарушает их хозяйственные связи и взаимную зависимость, однако она их не устраняет» (с. 28). Здесь скачкообразность прибавляется к неравномерности, как нечто «иное» — «неравномерность и скачкообразность»... Троцкий здесь даже не догадывается, что скачкообразность и есть суть неравномерности. Путаница Троцкого объясняется тем, что в «Критике» Троцкий никак не может выбраться из механического, «обывательского» (Сталин) смешения неравномерности с разницей в уровнях развития различных капиталистических и империалистических стран. Глубочайшей методологической основой всей этой путаницы является, как мы показали, троцкистская «диалектика» капитализма и империализма, скрепленная по механистической модели столкновения противоположно направленных сил.

Далее, по Троцкому, между капитализмом и империализмом существует только чисто количественное различие: другой вопрос, что на XV конференции он ставил минус там, где в «Критике» он ставит плюс: на XV конференции — уменьшение, в «Критике» — увеличение неравномерности при империализме. В обоих решениях Троцкий не может выбраться из механической, часто количественной точки зрения, тогда как различие между капитализмом и империализмом есть существенное различие, различие двух качественно особых типов развития: относительно мирного, плавного эволюционирования капитализма и скачкообразного, бурного, военно-революционного, конфликтного, зигзагообразного, насильственного развития при империализме. Этой стороны дела (это не сторона, а суть) не понял Троцкий, оставаясь при механистической концепции, которая понимает «развитие как уменьшение и увеличение как повторение»². Нового в империализме, скачкообразности его развития Троцкий не понял³.

Сталин дает безупречное диалектическое решение проблемы, когда он утверждает, что «закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других»; что «небывалое развитие техники и усиливающаяся нивелировка в уровне развития капиталистических стран создали возможность и облегчили дело скачкообразного опережения одних стран другими»³.

¹ «Die Internationale Revolution», S. 29.

² «Ленинский сборник», с. 524.

³ Была эпоха сравнительно «мирного» капитализма, когда он... мог развиваться наиболее сравнительно спокойно и плавно, «мирно» расширяясь на громадные еще области незанятых земель и не втянутых окончательно в капиталистический водоворот стран... Эта эпоха миновала безвозвратно, она заменилась эпохой сравнительно гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, «конфликтной» (Ленин, т. XVIII, 2-ое изд., с. 354). (Подчеркнуто мной — С. Н.)

³ «Об оппозиции», с. 515, 516. Подчеркнуто мной — С. Н.

Суть неравномерности в скачкообразности, нивелировка — подчиненный момент неравномерности, а не ее противоположность. Нивелировка содержится в неравномерности в снятом виде, как одно из условий неравномерности.

Вот суть неравномерности по Ленину: «Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками (подчеркнуто мною — С. Н.), зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, не может (подчеркнуто Лениным — С. Н.) развиваться капитализм»¹.

Мне кажется, что другой такой формулировки, которая с предельной ясностью показывает, в чем именно сущность закона неравномерности, у Ленина нет ни в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», ни в брошюре об «Империализме». Ленин писал это в своей работе 1908 г. — «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.». Суть неравномерного развития капитализма в том, что капитализм иначе как скачками не может развиваться. Вот этой сути Троцкий совершенно не понял, как не понял того, что при империализме эта скачкообразность обостряется. Троцкий ничего этого не понимает, иначе он бы не сводил неравномерности к экономическому неравенству и не топил бы неравномерности капиталистического развития, которая особенно увеличивается и обостряется при империализме, в «общем» законе неравномерности исторического развития вообще; он не писал бы тогда, что капитализм только изменяет своими методами и путями то чрезвычайно многообразное различие достигнутых уровней и ту исключительную неравномерность в темпах развития отдельных частей человечества, какковые различия и неравномерность он, капитализм, наследует от предшествующих общественных формаций².

Если б Троцкий понимал, что суть равномерности в скачкообразности развития, он бы не ставил рядом и не отождествлял бы неравномерности с многообразием различий в уровнях развития, с разнородностью развития капитализма в отдельных странах. А Троцкий это делает и в речи на XV партконференции и в «Критике». Так, на XV конференции он говорит: «Бесспорно гигантская неравномерность развития сохраняется и теперь; но сказать так, что в старину, в XIX столетии, до империализма, капитализм был более равномерно развит, и поэтому, дескать, тогда теория социализма в одной стране была неправомерна, а теперь, когда империализм увеличил разнородность развития теория социализма в одной стране правильна, нет, это не годится!»³.

Очевидно, что Троцкий отождествляет здесь увеличение неравномерности с увеличением разнородности развития капита-

¹ Ленин, Соч., т. IX, с. 668.

² Die «Internationale Revolution», S. 27.

³ Прот. XV конф., с. 524. Подчеркнуто мной — С. Н.

лизма при империализме, не только сам отождествляет, но и Сталину приписывает такое отождествление. В «Критике» он тоже ставит рядом и отождествляет разнородность с неравномерностью развития как равноправные и тождественные факторы: «Капитализм застаёт уже различные части человечества на различных ступенях развития с величайшими внутренними противоречиями. Исключительно многообразное различие достигнутых ступеней развития и чрезвычайная неравномерность темпов развития отдельных частей человечества—таковы были исходные пункты капитализма. Капитализм постепенно овладевает этой унаследованной неравномерностью и меняет ее своими методами и путями»¹. А эти методы и пути капитализма, в отличие от других предшествующих хозяйственных систем, заключаются «в основном процессе» капитализма и империализма в нивеллировке различий (с. 26, 27). Во всей этой «диалектике» Троцкого бросается в глаза полное непонимание, что разнородность, многообразие различий в уровнях есть подчиненный, снятый момент неравномерности темпов развития.

Если в речи на XV партконференции неравномерность более или менее последовательно отождествлялась с разнородностью, с различиями в уровнях капиталистического развития отдельных стран, то в «Критике» путаница Троцкого достигает апогея: сначала (на с. 26)² неравномерность прибавляется к разнородности, как будто разнородность не есть снятый момент неравномерности, затем (на с. 28) скачкообразность прибавляется к неравномерности («хотя неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных стран» и т. д.), как будто неравномерность не есть скачкообразность; после (на с. 29) неравномерность отождествляется с скачкообразностью («благодаря неравномерности, т. е. скачкообразности в историческом развитии» и т. д.),—дело как будто проясняется, Троцкий кувырком как будто начинает подходить к сути неравномерности, но все эти «достижения» сводятся на нет утверждением, что нивеллировка—основной процесс капитализма, стало быть в этом качественное своеобразие капитализма. Стало быть неравномерность как будто подчинена нивеллировке? Так нет же, эклектик Троцкий тут же выставляет примирительную формулу: что нивеллировка и неравномерность—обе являются основными тенденциями капитализма, т. е. обе являются равноправными силами и факторами, обе одновременно усилиются и равнодействуют при империализме.

Объясняются все эти шатания мысли Троцкого тем, что этот «теоретик» смешивает и отождествляет неравномерность с неравенством, с различиями в уровнях развития отдельных капиталистических стран; тем, что он поэтому противопоставляет нивеллировку неравномерности и выхолщивает из неравномерности ее диалектическую суть—скачкообразность разви-

тия. Поэтому т. Сталин справедливо пишет, что такое смешение двух разнородных понятий не говорит и не может говорить о высоком «теоретическом» уровне Троцкого»¹.

Следует прибавить, что «теоретический» уровень Троцкого в этом вопросе вполне «нивеллирован» с теоретическим уровнем Каутского. В лже-«Материалистическом понимании истории» Каутский философствует, что развитие капитализма и пути к социализму в различных странах представляют собой многообразие в единстве или даже в однородности. Он пространно толкует об однородности промышленного капитала и законов его движения во всех странах и о различиях, о многообразии его путей и путей рабочего движения в отдельных странах в зависимости от их особых географических и исторически унаследованных социальных условий. Поэтому, заключает он, пути и формы социализма будут различны в различных странах и в различных отраслях экономики одной и той же страны в одно и то же время. Каутский хочет этим сказать, что различные страны и, различные отрасли придут единым эволюционным путем к социализму в разное время и в разных формах, («Materialistische Geschichtsauffassung», II, 530—539). Это так сказать каутскианское «понимание» закона неравномерности развития капитализма и пролетарской революции. Каутский вообще не говорит о неравномерности; он подменяет неравномерность многообразием, разнородностью и старательно обходит суть неравномерности—скачкообразность развития капитализма при империализме. Троцкий не мог совершенно обойти скачкообразность, но из вышесказанного явствует, что его и каутскианское понимание представляют собой систему сообщающихся сосудов с нивеллированными теоретическими уровнями, ибо в конечном счете оба эти сосуда антибольшевистской «теории» сводят неравномерность к разнородности, к различиям в уровне развития отдельных капиталистических стран².

Различия технико-экономических уровней отдельных стран, экономическое неравенство последних характеризует скорее количественную сторону их движения, изменения и развития. Наоборот скачкообразность, неравномерность, как и мера, есть диалектическое единство количества и качества, количественных и качественных изменений. В неравномерности количественные изменения переходят в качественные изменения; первые содержатся во вторых в снятом виде; неравномерность ведет к образованию нового качества путем перерыва непрерывности, путем скачков, путем войн и революций.

¹ Сталин, Об оппозиции, с. 386.

² Любопытно, что и т. Бухарин склонен отождествлять неравномерность с разнородностью, многогранностью, многообразием, разнохарактерностью, разнообразием развития капитализма и мирового революционного процесса в различных странах (ср. Стен. отчет VI Конгресса К. И., вып. 3, с. 15, 17). Этот богатый словарь «синонимов» неравномерности очень беден—Бухарин забыл самое главное «слово», суть неравномерности: скачкообразность. Бухаринское понимание неравномерности ближе к троцкистскому и каутскианскому, нежели к ленинско-сталинскому пониманию этого вопроса—С. Н.

¹ «Die Internationale Revolution», S. 26. Подчеркнуто мной—С. Н.

² Немецкое издание, «Die Internationale Revolution», с. 26.

Плавное эволюционирование капитализма снимается преимущественно кризисным, судорожным, насильственным, зигзагообразным развитием империализма: империализм характеризуется обострением всех и всяческих внутренних и внешних противоречий капитализма, экономических, классовых, политических внутри всех стран и наций и между ними. «В целом капитализм неизмеримо быстрее чем прежде растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но и неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»¹. Стагнация и загнивание одних и быстрый, скачкообразный рост других стран и отраслей, спутывание монополий с конкуренцией, подкуп верхушки рабочего класса и революционизирование его основных масс, крайняя поляризация всех классовых сил в обществе, крушение срединных партий, скачкообразная смена войн революциями, революционных ситуаций контрреволюционными судорогами, политической реакцией и контрреволюции новым революционным подъемом — в этом обострении всех и всяческих противоречий капитализма и состоит скачкообразность, неравномерность развития империализма. Именно эта неравномерность и делает империализм загнивающим капитализмом, в отличие от плавно эволюционирующего капитализма, кануном социализма, кануном пролетарской революции. Спор Сталина и Троцкого, как и спор Ленина с Каутским об империализме, есть спор между диалектической и вульгарно-эволюционной концепциями развития.

Если бы Троцкий разобрался в сути закона неравномерности, он бы не сделал и еще одного открытия, что без нивелировочной тенденции, «без этого основного процесса совсем было бы немислимо относительное нивелирование сначала Европы и Англии, затем Америки и Европы, а равно и индустриализация колоний, которая например перебрасывает мост между Англией и Индией». Троцкий скатывается здесь к теории деколонизации. Он утверждает здесь не менее, чем нивелировка технико-экономических уровней развития при капитализме и империализме ведет к преодолению пропасти между Англией и Индией. Но в этом ведь и состоит вся пресловутая теория деколонизации. Оказывается, что эта с.-д. теория является побочным продуктом троцкистской трактовки закона неравномерности. В этом нет ничего удивительного. Из ленинского признания закона неравномерности развития капитализма следует возможность победы социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране и невозможность деколонизации колоний при империализме. Из троцкистского отрицания этого закона вполне логично следует отрицание возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, и наоборот — признание возможности деколонизации колоний, при империализме. «Оригинальная» в конечном счете с.-д., теория перманентной революции смыкается с ординарной с.-д. теорией деколонизации. Троцкий самостоятельно

открыл эту с.-д. теорию на точном основании своей теории перманентной революции. Теория деколонизации — неотъемлемый момент с.-д. теории империализма и национально-колониальной концепции социал-империалистического II Интернационала. Реннер развивал эту теорию деколонизации колоний при империализме с неменьшим успехом и блеском чем Троцкий, и одновременно с Троцким. Троцкий накануне VI конгресса Коминтерна, Реннер — одновременно заседавшему Брюссельскому конгрессу II Интернационала *.

V

Мы видели, что методология Троцкого представляет собою эклектическую похлебку из обрывков субъективно-идеалистической, волюнтаристской социологии, с одной стороны, и технологического, механо-материалистического, фапалистического понимания истории, — с другой. Политико-методологической кульминации вся эта путаница достигает в поистине с.-д. учении Троцкого о «нашем Термидоре». Троцкий не перестает утверждать, что шестилетие после смерти Ленина было эпохой общественно-политической реакции, эпохой сползания диктатуры пролетариата с классовых пролетарских рельс. Это, разъясняет он, еще не термидор, но уже становление термидора. Это еще не контрреволюция, а все необходимое и достаточное для победы термидора, это еще не диктатура буржуазии, а общественно-политическая реакция на основе сползающей диктатуры пролетариата. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе о троцкистском понимании существа классовой борьбы в Советском Союзе и социальной природы советского государства, укажу, что более подробно я занимался этой проблемой на страницах «Коммунистического интернационала»¹. Здесь же я хотел бы подчеркнуть методологическую сторону термидорианской гипотезы Троцкого. Троцкий и его немецкие ученики (группа Урбанса) понимают Советский Союз как кажущееся равновесие классов, при формальном господстве пролетариата, как систему двоевластия, как керенщину наизнанку. Известно «крылатое» и глупое словечко Троцкого, что по спине Керенского власть перекаталась от буржуазии к пролетариату, а по спине Сталина (sic!) она перекачивается в обратном направлении — от пролетариата к буржуазии.

Троцкий догадывается, что его учение о становлении термидора в Советском Союзе, о разворачивании общественно-политической реакции в шестилетие после смерти Ленина, т. е. как раз в восстановительный и реконструктивный периоды, уязвимо как раз в методологическом отношении. Он задает себе вопрос: нет ли тут противоречия — подъем в экономике и реакция в политике? И разъясняет, что это только мнимое противоречие, а именно что-де как раз автоматические успехи (sic!) восстановитель-

* См. «Kampf» № 8—9, 1928.

¹ С. Новиков, Путь Троцкого, «К. И.» № 12, 1929 г., Автобиография ренгата Троцкого. «К. И.», № 7, 1929 г.

ного периода в экономике усыпили политическую бдительность рабочего класса, и это привело к сползанию пролетарской диктатуры, к разворачиванию общественно-политической реакции. Этот классический софизм, которому мог бы позавидовать сам Каутский, покоится на грубейшем механико-идеалистическом отрыве политики от экономики, на таком же противопоставлении политической формы экономическому содержанию, на механическом понимании советской системы как равновесия классов.

Чтобы понять до конца всю меру этой политико-методологической пошлости и подлости, необходимо вспомнить, что для «восстановительного» периода в капиталистических странах, для периода относительной стабилизации капитализма он выставляет противоположное утверждение, что там, в капиталистических странах, политический подъем рабочего класса, подъем стачечной борьбы возможен только при экономическом подъеме, при улучшении экономической конъюнктуры, что экономический кризис или депрессия неизбежно сопровождаются политической депрессией рабочего класса¹. В Советском Союзе у Троцкого политика механико-идеалистически отрывается от экономики, в капиталистических странах политика механически (автоматически) следует за экономикой, как ее пассивный рефлекс, как тень за своим предметом. Троцкий не понимает такой вещи, что экономический кризис в Европе и Америке втягивает в политику сотни тысяч неорганизованных рабочих, связывает их в боевое единство с организованными рабочими, что как раз при экономическом кризисе сказывается с особенной силой «историческая тенденция капиталистического накопления», что именно тогда «наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все» выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства². Троцкому кажется, что экономическая депрессия автоматически влечет за собой политическую депрессию, падение стачечной борьбы. Он на этом же основании настаивает, что стачки во Франции и Германии носят теперь экономический, корпоративный характер. Он забегает вперед и иронизирует, что трещотки (sic!) Коминтерна обвиняют-де его в «экономизме», ибо они-де не понимают его, троцкистской «диалектики». Между тем «трещотки» правы, Троцкий действительно скатывается здесь к весьма шаблонному с.-д. «экономизму». Ведь любой с.-д. бонза, любой делец из социал-фашистских профсоюзов проповедует, как и Троцкий, что при депрессии надо избегать «стаечного азарта»... Вспомним, что к своеобразному «экономизму» Троцкий скатывался уже в 1920—1921 гг. в дискуссии о профсоюзах. Это был

¹ Ср. Троцкий, Третий период ошибок Коминтерна. «Бюллетень оппозиции», № 9.

² «Капитал», т. I, 1930, изд. 5-е, с. 613.

«экономизм» администратора, хозяйственника, который забывал о первенстве политики над просто экономикой. Между тем по Ленину политика не может не иметь первенства над экономикой. Концентрированное выражение экономики, экономика, опосредованная классовой борьбой, политика не может не иметь первенства над непосредственной экономикой. Троцкий не может подняться над уровнем экономического материализма. Даже «гений» Троцкого не в состоянии прибавить что-нибудь новенькое к политической методологии довоенного ликвидаторства.

Далее нетрудно понять, что Троцкий благополучно пришел к бернштейнско-струвистскому пониманию марксовой «теории обнищания». Бернштейн и Струве находили формально-логическое противоречие в вышеприведенной нами известной формулировке марксовой «теории обнищания». Рассуждая по формуле «или-или», они утверждали, что не могут одновременно расти эксплуатация рабочего класса (отрицательная тенденция) и его организованность, культурность, сплоченность (положительная тенденция). Либо одна, либо другая тенденция. Сочетание обеих тенденций есть гегельянский трюк. Также рассуждает и Троцкий: при экономическом кризисе с неизбежным его последствием в виде обнищания рабочего класса невозможен-де политический подъем активности пролетариата и его стачечной борьбы. Либо рост экономической эксплуатации, либо рост политической организованности пролетариата. Как и Бернштейн и Струве, Троцкий отвлекается от исторического факта, что как раз обнищание рабочего класса питает его возмущение, что «отрицательная» экономическая тенденция находит свое концентрированное выражение в политической «положительной» тенденции. Троцкий ищет автоматического, механического соответствия между экономикой и политикой там, где в действительности имеется лишь диалектическое, неполное соответствие—соответствие в несоответствии и несоответствие в соответствии. В капиталистических странах Троцкий ищет полного соответствия, в Советском Союзе он находит полное несоответствие между экономикой и политикой. Ясно, что и то и другое не соответствует ни действительности ни ее объективной диалектике. Полного соответствия нет ни в обществе, ни в природе. Это всеобщий закон развития в природе и обществе. Полного соответствия нет и между экономикой и политикой. Равным образом между ними нет и полного несоответствия¹. Троцкий ухитряется в двояком отношении не соответствовать ленинской диалектике. Зато его собственная «диалектика» вполне соответствует социал-демократическому пониманию многих вещей — от «теории обнищания» до социальной природы советского государства и классовой борьбы в Советском Союзе.

В понимании существа и форм классовой борьбы в Советском Союзе обнаруживается как нельзя лучше вся механистическая сторона троцкизма и всей его политической методологии. Троцкий механически отождествляет середнячество с кулачеством. Он

¹ Ср. Ленин, «О продналоге», т. XVIII, ч. I.

это делал как раньше «слева», так и теперь «справа». Он раньше «слева» утверждал (в знаменитой ретроспективной формулировке теории перманентной революции) о неизбежности столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства: это значит, что он мыслил отношения пролетариата и широких масс крестьянства по типу отношений пролетариата к буржуазии, к кулачеству, т. е. как отношения прямой и непосредственной классовой борьбы, как отношение непримиримой противоположности и противоречия. Он и теперь отождествляет середнячество с кулачеством, когда он выставляет положение, что ликвидация кулачества как класса равносильна ликвидации крестьянства, ликвидации середнячества, ибо, аргументирует он, середнячество есть конвейер кулачества; оно автоматически выделяет из себя, воспроизводит и подает середнячество как по конвейеру. Одновременно с Троцким с таким же открытием выступил в «Камре» небезызвестный меньшевистский экономист Югов в статье с буквально троцкистским заголовком: «Ликвидация крестьянства в Советской России». Троцкий, как и Югов, отождествляет кулачество со всем крестьянством, с его основными середняцкими массами. Далее всем хорошо известно, что Троцкий, подобно ординарным меньшевистским теоретикам и политикам, и раньше и теперь неизменно механически отождествлял законы дифференциации крестьянства в Советском Союзе и в капиталистических странах.

Именно на этом отождествлении и на отождествлении основных масс крестьянства с кулачеством и покоится троцкистско-меньшевистская теория невозможности строительства и построения социализма в нашей стране: Троцкий, как и ординарные меньшевистские тупицы, «автоматически» подставляет середнячество на место кулачества, когда он утверждает, что даже в союзе со средним крестьянством мы не можем построить социализм в нашей стране, ибо он незаметно для себя совершает подстановку: нельзя построить социализм в союзе с кулачеством. Последнее абсолютно верно, строить и построить социализм можно только в беспощадной борьбе с кулачеством, но, механически отталкиваясь от бухаринской теории вставания кулака в социализм (которая также покоится на отождествлении кулачества с середнячеством), Троцкий приходит и не может не притти к этому же отождествлению, но только с другого бока. Механистические крайности сходятся. Троцкий и Бухарин отрицают друг друга, но отправляясь одинаково от механического отождествления середнячества и кулачества, Троцкий ставит минус там, где Бухарин ставит плюс, и наоборот. Троцкий говорит, что нельзя построить социализм с середнячеством; Бухарин, что можно и с кулачеством, так как оба они мыслят крестьянство как абстрактное тождество (середнячество=кулачество, по Троцкому; кулачество=середнячеству, по Бухарину).

Ленин мыслил отношение двух основных классов Советского Союза хотя и как отношение существенного различия, но отнюдь не непримиримой противоположности или противоречия, Троцкий же—как отношение непримиримой противоположности и про-

тиворечия, т. е. он отождествляет отношение пролетариата к основным массам крестьянства с отношением пролетариата к буржуазии и кулачеству¹.

По Ленину раскол между нашими основными классами возможен, но он не заложен с внутренней необходимостью в нашем социальном строе, и это совершенно верно, ибо отношение существенного различия содержит в себе реальные элементы противоречия²; из них может вырасти отношение непримиримой противоположности и противоречия. Но возможность не есть еще действительность.

У пролетариата и основных масс крестьянства имеются общие и особенные интересы, но общих интересов у них больше нежели особенных. Именно на этом покоится ленинское утверждение, что раскол между нашими основными классами возможен, но не заложен с внутренней необходимостью в нашем социальном строе. По Троцкому же столкновение между пролетариатом и широкими массами крестьянства не только возможно, но и неизбежно; по Троцкому этот раскол между нашими основными классами заложен с внутренней необходимостью в якобы существующем между ними отношении непримиримой противоположности в противоречия. Понятно что, по ленинской концепции при отношении различия, союз пролетариата с основными массами крестьянства, для строительства социализма возможен и необходим—для преодоления этих различий, для переделки крестьянства в колхозном котле; по концепции Троцкого, при отношении непримиримой противоположности и противоречия такой длительный союз невозможен: пролетариат и его союзник должны неизбежно притти в столкновение как враждебные, противоположно направленные силы.

Далее, внутри колхозов должна неизбежно вспыхнуть с новой силой классовая борьба между бедной и неокулачеством, фермерством, которое якобы будет автоматически выделяться из коллективизированного крестьянства, так «учит» Троцкий в «Бюллетене оппозиции» из номера в номер. Это значит, что Троцкий автоматически отождествляет кооперацию и колхозы Советского Союза с крестьянской кооперацией в капиталистических странах.

Чтобы покончить с «автоматической», т. е. механической, стороной в политической методологии Троцкого, необходимо ближе присмотреться к той роли, которую Троцкий отводит автоматизму в общественных процессах. Крестьянство в Советском Союзе и в колхозах автоматически выделяет из себя кулачество;

¹ В заключительном слове мы доказали, что такую же ошибку сделал Карев, утверждая, что отношение пролетариата ко всем классам советского общества есть «отношение классовой борьбы». Эта троцкистская формулировка покоится на механическом отождествлении всех непролетарских классов и социальных групп советского общества, на теоретически неправильном и политически вредном троцкистском смешении основных масс крестьянства с кулаком и непманом—С. Н.

² «Между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства» „XI Ленинский сборник“, с. 368—С. Н.

фермеров, — Троцкий склоняет это положение на тысячу ладов. Ему мерещится, что будто он воспроизводит здесь мысли Ленина, что мелкое крестьянское, товарное производство стихийно выделяет из себя и порождает капитализм и мелких «капиталистиков»: «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»¹. Троцкий совершает двойную ошибку: он отождествляет стихийность с автоматизмом, что уже само по себе является грубейшим проявлением механистического мышления, и вдобавок он стихийность (и еще хуже — мнимый «автоматизм») общественных процессов в Советском Союзе отождествляет со стихийностью при капитализме. Между тем — это различные стихийности: стихийность, все более и более подчиняющаяся плану в Советском Союзе при диктатуре пролетариата, в переходный период от капитализма к коммунизму, недопустимо отождествлять с анархической стихийностью при капитализме, как нельзя отождествлять переходный период с капитализмом или империализмом. Троцкий в конечном счете делает и то и другое. Неудивительно поэтому, что он мыслит и политическую систему Советского Союза — наше государство — по образу и подобию бонапартизма, как керенщину наизнанку, как кажущееся равновесие классовых сил, как двоевластие под оболочкой якобы сползающей и термидоризирующейся диктатуры пролетариата. Группка Урбанса утверждает, что в системе советского двоевластия буржуазия уже стала экономически наиболее сильным классом. Троцкий «не» согласен с таким децистским толкованием. Но его немецкие ученики не хуже учителя умеют софистизировать диалектику: они припирают своего учителя к стенке такой цепью силлогизмов: «Тов. Троцкий характеризует настоящую ситуацию, как керенщину наизнанку. Это значит, что керенщина была взаимопроникновением двух диктатур: буржуазии и пролетариата под внешней формой капиталистического государства. Керенщина наизнанку стала поэтому взаимопроникновением двух диктатур, пролетариата и буржуазии под внешней формой пролетарского государства. Иначе нельзя толковать формулировку о «керенщине наизнанку»². Урбанс конечно правильно толкует своего учителя и договаривает до конца общую им децистскую с.-д. сущность. Децисты, сапроновцы, подобно К. Коршу, утверждают уже давненько, что в Советском Союзе господствует термидорианская, кулацкая диктатура. Однако справедливость требует сказать, что приоритет на открытие советского термидора и советского бонапартизма принадлежит все же не Троцкому и не Урбансу, не Коршу и не В. М. Смирнову или Сапронову, а их общему учителю К. Каутскому и его ученикам вроде Бауэра и К⁰. Все с.-д. теоретики мыслят соотношение классов в Советском Союзе по модели бонапартизма как кажущееся равновесие классов. Журналистик Урбанса не перестает склонять и

¹ Ленин, Соч., т. XVII, с. 118, курсив Ленина — С. Н.

² «Offene Antwort» an Trozky, «F. d K.», № 4, 1930.

повторять эту формулу с.-д. понимания классовой борьбы в Советском Союзе. Ученики Троцкого из группы Урбанса развертывают обычно такую цепочку силлогизмов от Энгельса до ...Троцкого: Энгельс назвал бонапартизм кажущимся равновесием классов, Ленин назвал керенщину русским бонапартизмом, Троцкий назвал «сталинщину» (sic!) керенщиной наизнанку, ergo... светское государство есть в настоящее время кажущееся равновесие классов, двоевластие, под внешней формой пролетарского государства, при фактическом экономическом господстве буржуазии, которая уже якобы стала экономически самым сильным классом Советского Союза. Троцкий «оспаривает» этот децистский оттенок в «учении» Урбанса о советском государстве, но Урбанс конечно прав, делая последовательные выводы из «учения» Троцкого о нашем «термидоре», о послеленинском шестилетии общественно-политической реакции в Советском Союзе, на основе якобы сползающей диктатуры пролетариата и становящейся диктатуры буржуазии.

Любопытно отметить в этой связи, что и т. Бухарин мыслит Советский Союз как равновесие классов на основе диктатуры пролетариата. В полемике с академиком Павловым он сообщил миру приятную новость, что «внутри нашего Союза мы уже, так сказать вчерне, достигли уравнивания социально-классовых элементов на основе пролетарского господства» (Атака, 191) Механистические крайности сходятся. Бухарин утверждает здесь, предвосхищая и варьируя Урбанса и конечно Троцкого, что в Советском Союзе установилось равновесие классов, равновесие между пролетариатом и крестьянством, между беднотой, середняцеством и кулацеством, между пролетариатом и нэпманством, равновесие, сотрудничество и гражданский мир всех «социально-классовых элементов» на основе пролетарского господства. Бухарин последовательно и сознательно применяет здесь свою механистическую теорию равновесия. Троцкий и его последователи применяют теорию равновесия может быть не столь последовательно и сознательно, как Бухарин, но они ее применяют, если не «автоматически», то стихийно. Существует не только стихийный материализм и стихийная, бессознательная диалектика, но и стихийный механицизм. Бухарин — сознательный механист, Троцкий — стихийный интуитивный, если ему угодно, автоматический механист.

Троцкий и его ученики говорят о кажущемся, Бухарин о некажущемся, равновесии в Советском Союзе. Троцкий и компания считают это злом, Бухарин — благом, они с противоположных концов и с различными субъективными политическими намерениями подходят к одинаковой по сути — механистической и с.-д. оценке соотношения классов в нашей стране.

VI

В своей автобиографии Троцкий дает себе автometодологическую характеристику. Так, он прежде всего сообщает, что зеленым юношей сидя в тюрьме, он, работая над историей франк-

масонства, открыл самостоятельно материалистическое понимание истории и диалектику, не будучи знаком с трудами Маркса, Энгельса, Плеханова и Меринга. «Я находил затем в работах Маркса Энгельса, Плеханова, Меринга подтверждение того, что в тюрьме мне казалось моей собственной догадкой, еще только подлежащей проверке и обоснованию. Исторический материализм не был воспринят мною сразу в догматической форме. Диалектика предстала предо мною впервые не в абстрактных своих определениях, а в виде живой пружины, которую я находил в самом историческом процессе, поскольку старался понять его»¹. Как видите, скромность необыкновенная — человек самостоятельно открыл истмат и диалектику. Впоследствии он рассказывает, что при чтении переписки Маркса и Энгельса он открыл у себя не только теоретическое, но и психологическое сходство с этими великими основоположниками марксизма. Еще дальше он, как мы уже знаем, открывает свое тождество с Лениным и даже превосходство над ним (легенда о капитуляции Ленина перед «теорией перманентной революции»). В конце II тома, под занавес, Троцкий открывает у себя духовное сходство с Фозой Люксембург, с Гете и Спинозой. Он-де с олимпийским спокойствием какого-нибудь Гете или Спинозы * созерцает закономерности приливов и отливов исторического процесса. Не плакать, не смеяться, а понять смысл происходящего, не нервничать, не впадать в субъективизм, не обижаться на историю, что она ведет свою работу в Советском Союзе извилистыми путями и т. д. и т. п. Как видите, Троцкому пришлось «мобилизовать» целый пантеон великих мыслителей и революционеров от Спинозы и Гете до Маркса, Энгельса, Ленина и Р. Люксембург включительно, чтобы сочинить из их черт автопортрет нашего самолюбленного Нарцисса и непревзойденного эгоцентриста.

В чем же суть его «истмата» и «диалектики»? Троцкий в том же «скромном» стиле сообщает о себе: «Чувство превосходства общего над частным вошло неотъемлемой частью в мою литературную работу и политику. Тупой эмпиризм, голое пресмыкательство перед фактом, иногда только воображаемым, часто ложнопонятым, были мне ненавистны. Я искал над фактами законов. Это вело, разумеется, не раз к слишком поспешным и ошибочным обобщениям, особенно в молодые годы, когда для обобщений не хватало ни книжного знания, ни жизненного опыта. Но во всех без исключения областях я чувствовал себя способным двигаться и действовать только в том случае, если держал в руках нить общего. Социально-революционный радикализм, ставший моим духовным стержнем на всю жизнь, вырос именно из этой интеллектуальной вражды к крохоборчеству, эмпиризму, ко всему вообще идейно неоформленному, теоретически необобщенному»².

¹ «Моя жизнь», т. I, с. 146-147.

² Там же, т. I, с. 110—111.

* L. Trotzki, Zum 12-ten Jahrestag der Oktober Revolution. «F. d. K.» № 40, 1929.

Может показаться, что Троцкий говорит самой настоящей диалектической прозой: ненависть к тупому, т. е. к ползучему эмпиризму, поиски законов над фактами, нить общего и тому подобные хорошие вещи. Троцкий говорит здесь, что чувство превосходства общего над частным было психологическим и логическим базисом его, троцкистского, социально-революционного радикализма. И это святая истина. Это «возвышенное» чувство превосходства «общего» над частным, абстрактного над конкретным в корне чуждо марксизму, материалистической диалектике. Это то самое «общее», которое Ленин так саркастически заклеил в методологии Бухарина и Троцкого в профессиональной дискуссии 1921—1921 гг. и еще до этого, в «Замечаниях» на «Экономике переходного периода». Это чувство превосходства общего над частным есть логика формально-логических, нематериальных скачков через конкретные стадии развития. Это чувство превосходства общего над частным есть метафизическое отвлечение от особенного и единичного и антипод конкретного понятия, конкретности истины. Чувство превосходства общего над частным имеет своим логическим коррелятом абстрактно-всеобщее, а не конкретно-всеобщее, несущее в себе все богатство особенного и единичного. Неудивительно, что с таким чувством превосходства общего над частным Троцкий отправляется в поиски законов над фактами. Диалектический материализм ищет не законов над фактами, над явлениями, а законы явлений, сущность явлений. «Закон есть... существенное явление». «Закон не потусторонен явлению, но непосредственно присущ последнему». Закон есть основа и суть явления. Поэтому ничего общего не имеют с диалектикой троцкистские поиски законов над фактами: законы существуют не потусторонне над фактами, а внутри фактов как их основа и сущность.

Троцкистские законы над фактами сродни кантовским законам и категориям, которые еще Гегелем были подвергнуты суровой критике как бессодержательные «внешние формы», как «формы, кои суть лишь формы на содержании, а не само содержание». Троцкистские законы над фактами являются пустыми, внешними формами над содержанием, а не «содержательными формами», не «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»¹. Нетрудно понять, что троцкистские законы над фактами — плоть от плоти формальных кантовских законов, о которых этот величайший формалист скажет: «рассудок не почерпает свои законы из природы, а предписывает их ей»². Возможно, что, сам того не зная, Троцкий говорит кантовской прозой: он подобно рассудку Канта диктует законы фактам, конструирует законы над фактами, руководясь даже не рассудком (и еще менее разумом), а только... чувством превосходства общего над частным, превращая таким образом свои «законы» в пустые всеобщности, в абстрактные, внешние формы, накладываемые извне на содержание и

¹ Ср. «IX Ленинский сборник», с. 39.

² Кант, Прологомена, § 36.

над содержанием. Наоборот, закон Маркса, Энгельса и Ленина является конкретными формами всеобщности, содержательными формами, наполненными всем богатством особенного и единичного в природе и обществе. Троцкистское понимание закона отмечено пороком механизма и формализма.

«Закон—спокойное отражение явлений»¹. Считая это гегелевское определение закона замечательно метким и материалистическим, Ленин добавляет: «Закон берет спокойное и потому закон, узок, неполон, приближителен». Диалектическая философия в высшей степени враждебна абстрактному («общему») и ведет обратно к конкретному. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике—таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»². А практика конкретна, «практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»³. Поэтому Маркс во «Введении к критике политэкономии» определяет свой метод как метод восхождения от абстрактного к конкретному, как единственно правильный способ воспроизведения конкретного человеческой головой. Троцкистское чувство превосходства общего над частным есть метод восхождения и прохождения мимо конкретного к абстрактному, к абстрактно-всеобщему и застревает поэтому в тощих, безжизненных схемах абстрактно-всеобщего, «общего» в теории и политике; метод Маркса и Ленина есть восхождение от абстрактного к конкретному и ведет в теории к конкретно-всеобщему, несущему в себе все богатство особенного и единичного, а в практике, в политике к «конкретному анализу конкретной ситуации».

Троцкистское чувство превосходства общего над частным есть не что иное, как логический базис троцкистской целеустремленности, троцкистской «политики дальнего прицела», троцкистской политики «перелетов и недолетов» (Сталин). Это не что иное, как антипод ленинского «звена», ленинского «гвоздя» момента, ленинского «конкретного анализа конкретной ситуации». Троцкистское чувство превосходства общего над частным есть не что иное, как психологический псевдоним бухаринского мышления абстрактными пределами и предельными абстракциями чистых категорий. Это психологическая и логическая основа «социально-революционного радикализма» т. е. «лево»-троцкизма, как разновидности «левого» коммунизма.

Исторический процесс вообще, классовая борьба, политика, любая объективная реальность есть синтез, сращение, взаимопроникновение, конкретное единство, конкретная целостность общего, особенного и единичного. Ленин и в общей теории диалектики и в диалектике политики, в тактике подчеркивает не превосходство общего над частным, а их взаимопроникновение. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдель-

¹ Ленин, Конспект «Науки логики», IX Ленинский сборник, с. 147.

² «IX Ленинский сборник», с. 185. Подчеркнуто Лениным—С. Н.

³ Там же, с. 216. Подчеркнуто мной—С. Н.

ное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее». «Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»¹. Диалектическое познание есть познание общего в особенном и особенного в общем. Эта же диалектика общего и особенного проходит через всю тактику Ленина. С троцкистским чувством превосходства общего над частным нельзя познать ни общего, ни особенного, и нельзя конечно действовать, ибо в политике, в тактике нельзя и шагу ступить без конкретного учета текущего момента, а текущий момент есть особенное и единичное в общем—момент всеобщего. Он может быть понят только в связи, которая ведет к общему. Программа и стратегия есть ключ к тактике, общее—ключ к особенному и единичному, но общее складывается из ряда особенных, текущих моментов, совокупное движение которых ведет к общей цели нашей классовой борьбы.

Троцкистское чувство превосходства общего над частным ведет в политике к методологическому и реальному перескоку, к мысленному и действительному перепрыгиванию через конкретные стадии, через реальное движение текущих моментов, «прямо» к конечной цели; это троцкистская «целеустремленность», оторванная от гибкости. Ленинское единство общего и особенного в политике ведет к диалектическому единству большевистской твердокаменности и гибкости. Поэтому Ленин так резко подчеркивает проблему общего и особенного, проблему своеобразия в политике.

Ленин разъясняет в «Детской болезни левизны», что главной задачей коммунистов является найти правильное отношение между общим и особенным в политике. Он говорит: «Задача... состоит в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой стране, и которое надо уметь изучить, найти, угадать»². Подчеркнутое Лениным своеобразие есть иное выражение особенного, в котором и реализуется общее. «Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с империализмом и левым доктринерством, так и конкретные особенности, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принять в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава, ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п.» Ленин подчеркивает не общие, основные принципиальные задачи,

¹ «XII Ленинский сборник», с. 325.

² Ленин, Соч., т. XVII. «Детская болезнь левизны», с. 175. Подчеркнуто Лениным—С. Н.

а «конкретные особенности» их применения в различных странах. «Единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения требует не устранения различия, а такового применения основных * принципов коммунизма, которое бы правильно видоизменяло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое, в конкретных подходах *1 каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения... вот в чем главная задача переживаемого... исторического момента»¹.

Не превосходство общего над частным или особенным, а особенное применение общего, единство общего и особенного, конкретные, национально-особенные подходы к реализации единой, общей цели — такова политико-методологическая суть ленинской стратегии и тактики, такова суть ленинской практической диалектики. Только такое диалектическое сочетание общего и особенного, большевистской твердокаменной принципиальности и большевистской гибкости превращает нашу стратегию и тактику в диалектический синтез рационализма и эмпиризма в политике, делает нашу политику диалектически-конкретной, глубоко враждебной и узколобой односторонности лево-доктринерского рационализма и механистической ограниченности и тупости правоуклонистского и с.-д. ползучего эмпиризма.

Троцкистское чувство превосходства общего над частным, поиски законов над явлениями выражают очень хорошо мертвенный, абстрактный, метафизический схематизм троцкистской теории и политики. Именно этот схематизм ведет Троцкого к подмене конкретного интернационализма абстрактным космополитизмом, «планетаризмом». Троцкистскому схематизму глубоко чужда мысль Ленина, что международную политику КИ нельзя строить «на шаблонизировании, на механическом выравнивании, отожествлении и тактических правил борьбы»².

Этот схематизм составляет суть и душу всего троцкизма и конечно его «теории перманентной революции», которая превращена теперь Троцким в универсальную схему, в абстрактную универсалию, в отмычку ко всем историческим замкам. В самом деле прислушаемся в данной связи, как Троцкий рисует существо уже известного нам новейшего издания «теории перманентной революции» и ее применения ко всем странам Запада и Востока. «Диктатура пролетариата, пришедшая к власти, как вождь демократической революции, незамедлительно и очень быстро станет перед задачами, которые связаны с глубоким вторжением в право буржуазной собственности. Демократическая революция непосредственно перерастает в социалистическую и становится таким образом перманентной». «За-

*1 Звездочкой отмечено подчеркнутое Лениным—С. Н.

¹ Там же, с. 178—179.

² «XVII Ленинский сборник», с. 178. Подчеркнуто мной.—С. Н.

хват власти пролетариатом не заканчивает революцию а только открывает ее. Социалистическое строительство мыслимо только на основе классовой борьбы в национальном и интернациональном масштабе. Эта борьба, при условии преобладания капиталистических отношений на мировой арене, незамедлительно приведет к взрывам, к внутренним, т. е. гражданским, войнам, и внешним, т. е. революционным, войнам. В этом состоит перманентный характер социалистической революции как таковой, независимо от того, идет ли речь об отсталой стране, которая только вчера совершила свой демократический переворот или о старой капиталистической стране, которая имеет за собой долгую эпоху демократии и парламентаризма»¹. Стало быть, по Троцкому, быстрота перерастания, да и весь характер перманентной революции, очевидно и ее социальное содержание, движущие силы и перспективы, определяются в любой стране независимо от ее исторических, социально-экономических, политических, культурных, национальных особенностей.

Развивая свою мысль, Троцкий декламирует, что «социальная революция начинается на национальной, продолжается на интернациональной и завершается на мировой арене». «Таким образом социалистическая революция становится перманентной в широком смысле этого слова: она завершается только при окончательной победе нового общества на всей нашей планете». Теперь уже очевидно, в чем суть перманентной революции: в узком смысле этого слова перманентность обозначает незамедлительное, очень быстрое перерастание демократической революции в социалистическую в любой стране, независимо от ее социальных особенностей; в широком смысле слова перманентность обозначает невозможность построения социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране или даже на одном континенте, а только в планетарном масштабе. В этой серой, безжизненной схеме топится вся неравномерность, все качественное своеобразие развития капитализма и движения революции в отдельных странах.

Не видя ничего дурного в этом голом схематизме, Троцкий с неподражаемой наивностью подводит итог: «Вышеозначенной схемой (вот именно!—С. Н.) развития мировой революции устраняется вопрос о странах, которые «созрели» или «не созрели» для социализма, в духе той педантической, безжизненной классификации, которую дает нынешняя программа КИ». Программа КИ, конкретизируя учение Ленина о неравномерности развития империализма и мировой революции, намечает три качественно-особых типа стран и соответственно этому—три типа революций (в странах: 1) высоко-развитого капитализма, 2) среднего капитализма и 3) в колониях и полуколониях). Педантическая классификация программы КИ просле-

живает более или менее конкретно диалектику переходов от одного типа к другому, своеобразие перерастания революции и типические особенности переходного периода применительно к каждому из трех названных типов стран и революций, т. е. программа КИ строит весь раздел о стратегии и тактике на методологических основаниях диалектики общего и особенного, развитых Лениным в «Детской болезни левизны». Приходит Троцкий и противопоставляет диалектически-конкретной, конкретной и гибкой конференции программы КИ свою методологическую, действительно безжизненную схему перманентности, в которой все конкретное, качественно-особенное, специфическое содержание развертывания мирового революционного процесса и его хода в отдельных странах растворено в воде общего, парящего над частным, и к тому же политически неправильного, специфически-троцкистского «общего» (перманентность в узком и широком смысле слова). Вся перманентная схема Троцкого, как мы видели, продиктована чувством превосходства общего над частным, она покоится на метафизическом отрыве общего от особенного и единичного¹.

¹ Выше мы показали родство троцкистского «планетаризма» с реннеровски-каутскианским «интернационализмом». Не лишне отметить в данной связи, что бывший троцкист Пятаков-Киевский, соратник Бухарина в полемике с Лениным по национальному вопросу, развивал тогда—в 1916 г.—«левые», абстрактно-космополитические идеи в духе «планетаризма». Ленин пишет об этом: «Обругав нас ужасно страшным словом «тамудисты самоопределения» автор говорит: этот процесс (социальный переворот) мы мыслим как объединенное действие пролетариев всех (!) стран, разрушающих границы буржуазного (!) государства, сносящих пограничные столбы, взрывающих (!) национальную общность и устанавливающих общность классовую». Эту филиппику Пятакова-Киевского Ленин отразил убийственными аргументами, которые попадали не в бровь, а в глаз, тогда и теперь попадают... Троцкому: «Социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев всех стран по той простой причине, что большинство населения земли до сих пор стоит еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития...» «Об объединенном действии пролетариев всех стран мечтать—значит откладывать социализм до греческих календ, т. е. до «никогда» (т. XIII, с. 368). Троцкистская теория невозможности построения социализма даже на одном отдельно взятом континенте откладывает социализм до «никогда».

Далее Троцкий даже не догадывается, что якобы «педантическая, безжизненная классификация, которую дает нынешняя программа КИ, воспроизводит в основном ленинскую классификацию трех типов стран по вопросу о «социалистической революции и праве наций на самоопределение национальностей»: «В наших тезисах (§ 6) говорится, что надо различать, чтобы быть конкретным (Подчеркнуто мной.—С. Н.), не менее трех разных типов стран по вопросу о самоопределении.

Первый тип—те передовые страны Западной Европы (и Америки), где национальное движение—прошлое. Второй тип—восток Европы, где оно настоящее. Третий—полуколонии и колоний, где оно в значительной степени будущее» (т. XIII, с. 349, Ср. т. XX, с. 175—176. Подчеркнуто Лениным.—С. Н.). Ленин спрашивал: «Верно это или нет? Пятаков-Киевский сюда должен бы направить свою критику. Но он даже не замечает, в чем состоят теоретические вопросы. Он не видит того, что пока он не опроверг указанного положения (в § 6) наших тезисов,—а опровергнуть его нельзя, ибо оно верно,—его рассуждения об «эпохе» похожи на то, что человек замахивается мечом, а удара не наносит» (там же). Очевидно, что вся эта убийственная характеристика целиком аспространяется на Троцкого и всю его критику учения программы КИ.—

Определяя ближе свою политическую линию, Троцкий говорит о себе в своем, хорошо известном нам, скромном стиле, что в условиях революции в периоды крутых сдвигов и переломов истории он всегда обнаруживал «революционную интуицию». Поэтому ошибки, которые он делал,—а были ошибки громадной важности», признается он,—якобы «всегда касались только производных вопросов, организационных или тактических, но не основных, не стратегических». «В оценке политической обстановки в целом и ее революционных перспектив, я по чистой совести не могу себе поставить в вину серьезных ошибок»¹. «Революционная интуиция, т. е. известное нам «чувство превосходства общего над частным», воображает здесь Троцкий, позволяло ему правильно оценивать политическую обстановку в целом (т. е. в общем, а по существу в «общем» и целом, т. е. абстрактно, а не конкретно), намечать якобы правильные стратегические планы революции (т. е. «перманентку» в ее различных изданиях). Но и сам Троцкий вынужден признать, что его политическая логика «общего» и «общая» интуиция подводила его к важным тактическим и организационным ошибкам в «производных», т. е. особенных и частных вопросах. Троцкий хочет сказать, что он был всегда прав в общем и целом, в основном, и иногда неправ в частности. В действительности Троцкий ошибался и в общем, и в основном и в частности, и в особенности. Тактические и организационные ошибки Троцкого, его зигзаги от левых фраз к ликвидаторским делам вытекали и вытекают с материальной и логической необходимостью из его основной теоретической стратегической «ошибки»,—из эклектической схемы перманентки, которая сама покоится методологически на колебаниях между левокоммунистическим летуническим рационализмом и меньшевистским ползуническим эмпиризмом.

Стратегия и тактика относятся друг к другу, как общее к особенному. Стратегия, тактика и организационная сущность большевизма как в теории, так и на практике, образуют неразрывное диалектическое единство. Исповедь Троцкого насчет его ошибок продиктована политически отрывом стратегии от тактики и организации, а логически—отрывом общего от особенного. Ленинская стратегия, тактика и организация—большевизм—оказался правым во всех отношениях, именно потому, что он на всяком этапе революции, при всякой политической ситуации правильно схватывал особенное в связи, которая ведет к общему. Поэтому он правильно решал свои частные, особенные, тактические и организационные задачи, охватывая их как звенья единой, общей стратегической цепи, тщательно подготавливая переход от одного

Ленина!—о трех типах стран. Программа КИ, следуя требованию Ленина—«быть конкретным», намечает три особых типа стран сообразно ступеням зрелости (или незрелости) их капиталистического развития; Троцкий же считает все это пустяками по сравнению с его «общей» абстрактной схемой «перманентки». Чувство, даже если это чувство превосходства общего над частным—скверный советник и в теории и политике.—С. Н.

¹ «Моя жизнь», т. I, с. 213.

звена к другому, без формально-логических, нематериальных скачков через конкретные стадии развития. Каждый особенный момент движения большевизм брал и берет в его всеобщей связи, которая материально в действительности ведет к ближайшей и конечной цели.

У Троцкого — ошибочная «революционная интуиция», ложное чувство превосходства общего над частным, у Ленина — истинная политическая наука, основанная на ленинской гениальной разработке и применении материалистической диалектики, на ее оплодотворении всем опытом классовой борьбы в эпоху империализма и пролетарских революций. Психологическая интуиция и чувство Троцкого, устремление на «общее», безошибочно... перепрыгивают через особенное, через все конкретное. Ленинская диалектико-материалистическая наука политики отводит интуиции роль подчиненного момента в целом ряду теоретических и практических актов увязки общего с особенным в мировом революционном процессе: «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи...»¹. Не угадать интуитивно общее, отрешенное от особенного, а исследовать и угадать и таким образом схватить особенное в общем — таков метод Ленина. Это диалектический метод отыскания «главного звена» в политике, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Это — одновременно аналитический и синтетический метод. Общая цель историко-революционного процесса разлагается на свои звенья, диалектическим анализом и синтезом отыскивается главное звено, гвоздь момента в его особенности, как особенное во всеобщем, со всеми опосредствованиями и переходами, которые ведут к следующим звеньям цели.

Именно в этом синтезе общего и особенного и заключается знаменитое ленинское звено, его гвоздь момента. Чтобы вытащить всю цепь (общее), надо ухватиться за главное, особенное звено этой цепи, выражающее существенный момент всеобщего при данной конкретной ситуации. Троцкистским чувством превосходства общего над частным нельзя ни ухватиться за главное звено цепи, ни вытащить всю цепь. Крепкой ленинской диалектической цепи рационализма и эмпиризма Троцкий может противопоставить только свою абстрактную «нить общего», не отягченную частным и особенным. От тяжести реального мира эта рационалистическая паутинная нить «общего» рвется на кусочки... ползучего эмпиризма. При столкновении с трудностями реального движения классовой борьбы и революции летучий левокоммунистический рационализм испаряется, остается твердый осадок ползучего, правооппортунистического эмпиризма. «Левая» троцкистская фраза разоблачается как меньшевистская, ликвидаторская сущность. Левокоммунистическая тактика рационалистических скачков и перелетов обнаруживается как при-

¹ Подчеркнуто Лениным — С. Н.

вооппортунистическая тактика ползуче-эмпирических ползков и недолетов: от «перманентной революции» к августовскому блоку, от «диктатуры партии» к лозунгу тайных выборов в партии, профсоюзах и в советах, от сверхиндустриализации и ставки на раскулачивание кулачества военно-коммунистическими методами (1925—1927 гг.) к отрицанию пятилетки в четыре года и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, от лозунга китайской диктатуры пролетариата (в теории и пропаганде) к лозунгу китайской учредилки (в практике и агитации) — таково политическое выражение методологических, эклектических переходов троцкизма от исторического волонтаризма к историческому фатализму, от субъективизма к объективизму, от летучего рационализма к ползучему эмпиризму. Выразаясь суммарно, это — переходы от «революционного» авантюризма и истерики к подлинно ликвидаторскому и просто контрреволюционному капитулянству в политике, это переход «левой» формы в правооппортунистическое содержание, переход «оригинальной» левой «рреволюционной» фразы в ординарно-меньшевистскую сущность. В общем и целом — тактика зигзагов, тушинских перелетов, примиренчества, центризма, т. е. эклектизма. «Капитулянство на деле как содержание, «левые» фразы и революционно-авантюристские замашки как форма, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание — таково существо троцкизма». «Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей «режима» диктатуры пролетариата и старающейся либо «сразу» перескочить в «социализм», чтобы избавиться от разорения (отсюда авантюризм и истерика в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда капитулянство в политике)»¹. Эклектизм Троцкого в теории и политике есть выражение социальной сущности троцкизма, как мелкобуржуазного интеллигентского течения, колеблющегося между мелкобуржуазным радикализмом и мелкобуржуазным либерализмом. Если эклектизм и центризм вообще характерны для теории и практики мелкой буржуазии, то субъективизм, индивидуализм, эгоцентризм, рационализм и формализм, являющиеся исходными пунктами политической методологии Троцкого, характеризуют как нельзя лучше социальную сущность троцкизма как интеллигентского мелкобуржуазного течения. Этот вывод вполне подтверждается социальным составом троцкистской оппозиции — «второй партии», которая вербовалась главным образом из среды служащих и интеллигентов, оторвавшихся от реального процесса классовой борьбы, от реальной действительности массового строительства социализма в Советском Союзе, от революционной борьбы масс на Западе и Востоке.

Троцкий живо интересуется политической методологией большевизма. Он приписывает большевизму свои собственные ме-

¹ Сталин, Доклад на XVI съезде ВКП(б).

тодологические качества: формализм, метафизику, эклектизм. Так еще в 1909 г., критикуя ленинскую формулу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, он утверждал, что это—абстрактная, безнадежно идеалистическая схема и метафизическая конструкция. Вспомним далее, что после VI конгресса КИ—он точно такими же выражениями квалифицировал воспринятый программой КИ для стран Востока ленинский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Он иронизировал, что это путь Гоминьдана во всевозможных вариантах и надисторическая, абстрактная схема для 4/5 человечества, для Индии, Китая, Южной Америки, Африки и т. д.

Троцкий неизменно величает ленинизм «сталинизмом», а «сталинизм»—центризмом, левым каутскианством, эклектизмом. Он утверждает, что у КИ и Профинтерна тактика состоит из очередного зигзага, а стратегия из механической суммы зигзагов. Он говорит, что КИ дает нашим братским компартиям «механические директивы» соответствующие механическому представлению о радикализации масс, как о непрерывно-автоматическом процессе; что в «глупенькой теории третьего и последнего периода» революционные перспективы выводятся не из реального процесса классовых противоречий, а из фальшивых и жалких схем. Троцкий обвиняет руководство нашей партии и КИ в бюрократическом центризме, в бюрократическом фатализме и в бюрократическом субъективизме, в ползучем эмпиризме и в экономическом и политическом авантюризме, в оппортунистическом пошиблизме и в ультралевом волонтаризме, а лучше всего в имманентном идеализме (ср. «Кризис право-центристского блока» и «Третий период ошибок КИ»). Он приписывает КИ и ВКП свои собственные политико-методологические зигзаги наизнанку: эволюционировав теперь сам «слева» направо, он приписывает КИ и ВКП эволюцию слова направо и справа «налево»: «1924—25 г. были периодом ультралевых ошибок... 1925—1927 гг. был периодом открытого оппортунизма... наконец с 1928 г. провозглашается третий период, который воспроизводит зиновьевские ошибки 1924—25 г. на более высокой исторической основе». Соответственно Троцкий рисует политико-методологическую эволюцию ВКП и КИ как очередной зигзаг от ползучего эмпиризма к экономическому и политическому авантюризму. «Религия третьего периода» (sic!)—это-де сплошная политический авантюризм; коллективизация и ликвидация кулачества как класса, 5-летка в 4 года—это экономический и политический авантюризм. Теория автоматического построения социализма в одной стране—это бюрократический формализм и имманентный идеализм. Темпы коллективизации и сверхиндустриализации стали вопросами чистой воли, это безудержный, необузданный субъективизм и волонтаризм» и т. д., и т. п., без конца «учит» Троцкий на страницах «Бюллетеня оппозиции» своих крайне поредевших адептов. Мы не думаем, чтобы следовало всерьез опровергать эти поистине сумасшедшие пуствяки. На них достаточно

указать пальцем, их можно осмеять, но смешно опровергать их. Взять хотя бы для примера «философский» перл насчет имманентного идеализма нашей партии, который будто и состоит в том убеждении, что раз у нас социалистическая революция, диктатура пролетариата и советская власть, то заранее и навсегда имманентно обеспечен пролетарский характер всех обстоятельств в Советском Союзе, автоматический рост и построение социализма и абсолютная гарантии против термидора. До чего вздорны эти глубокомысленные «философские» упражнения Троцкого, можно усмотреть хотя бы из того, что он приписывает нашей партии теорию автоматического построения социализма в одной стране. Между тем уже в самом начале борьбы с правым уклоном Сталин с предельной ясностью разъяснил всем большим и малым Бухариным и Троцким, что в нашей стране борются две объективно-реальные возможности: возможность реставрации капитализма и возможность построения социализма. Уничтожить первую и реализовать вторую возможность, выкорчевать корни капитализма и уничтожить классы можно только беспощадной классовой борьбой¹.

Отсюда выросли лозунги действенной самокритики, социалистического соревнования и ударничества, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, 5-летки в 4 года. Ведь все это—лозунги невиданной в истории активности масс, лозунги, реализуемые в небывалом трудовом энтузиазме рабочих и крестьян-колхозников, в активнейшем, сознательном движении миллионов и десятков миллионов тружеников. Неужели это все автоматические процессы? Не скажет ли Троцкий, что борьба нашей партии на два фронта, с правым уклоном и контрреволюционным троцкизмом, или, скажем, борьба с равнением на узкие места, практики преодоления их—есть тоже автоматический процесс? Троцкий вероятно слышал, что у нас ведется жесточайшая борьба с теорией и практикой самотек а. Не скажет ли он, что это тоже автоматический процесс? Не скажет ли он, что автоматическим процессом является развернутое наступление социализма по всему фронту? Приснившийся Троцкому кошмар автоматического построения социализма в одной стране есть рефлекс его собственного, троцкистского «автоматизма», троцкистского «механицизма». Идиллию, если не кошмар автоматического вранья в социализм, Троцкий может найти лишь у своего механического антипода—у Бухарина, с которым он сейчас великолепно смыкается в очень многих вопросах. Но наша партия не имеет ничего общего ни с кошмаром Троцкого, ни с правоуклонистской идиллией Бухарина.

Нет ничего удивительного в том, что эклектик и центрист Троцкий обвиняет нашу партию и КИ в эклектизме и центризме; что субъективист Троцкий приписывает нам необузданный субъективизм; что механист Троцкий квалифицирует стратегию КИ и ВКП как механическую сумму правых и левых зигза-

¹ Ср. Вопросы ленинизма, изд. 1930, с. 428—429.

гов; что автор перманентной схемы всемирного развития «вообще» величает третий период жалкой и фальшивой схемой. Или иначе, когда Троцкий обвиняет Интернационал и партию Ленина в ползучем эмпиризме, его устами глаголет его собственный, троцкистский, летучий рационализм и «революционный» авантюризм; когда он обвиняет нашу партию и Коминтерн в экономическом и политическом авантюризме и в необузданном субъективизме, то здесь превращает его собственный, троцкистский, ползучий эмпиризм и контрреволюционный с.-д. «объективизм».

Потешаясь над генеральной линией нашей партии и КИ, Троцкий изображает ее как механический ряд «козлиных прыжков авантюризма». Это—автоматический рефлекс троцкистских скачков, львиных прыжков его вчерашнего «левого» авантюризма и ослиных шагов его сегодняшнего меньшевистского капитулянтства. Се не лев, а... осел, почти ординарный с.-д. осел.

Так например он говорит, что нынешнее руководство КИ «знает только два метода: либо, в духе брандлерянцев плестись в хвосте социалдемократии (1926—1928 гг.), либо, отождествив социалдемократию с фашизмом (разрядка моя—С. Н.), заменить революционную политику бессильной бранью»¹. Всем известно, что брандлерянцев КИ исключил из своих рядов, что с социалфашизмом КИ ведет беспощадную войну, но не столь известно, что как раз брандлерянцы (Гальгеймер!) и с.-д. приписывают Коминтерну отождествление социалдемократии с фашизмом и ежедневно поносят нашу «бессильную брань», направленную против социалфашизма. Коминтерн равно далек как от абстрактного отождествления, так и от абстрактного противопоставления социалдемократии и фашизма. Коминтерн диалектически различает националфашизм и социалфашизм, рассматривая связь между обоими крыльями фашизма как единство различий. Националфашизм и социалфашизм осуществляют нужное буржуазии разделение труда, как, скажем брандлеризм и троцкизм осуществляют нужное социалдемократии разделение труда правых и «левых» ренегатов коммунизма в борьбе с коммунизмом.

Нет ничего удивительного, что Троцкий, привыкший систематически орудовать методом абстрактного отождествления, приписывает КИ свой собственный метод. Мы можем успокоить Троцкого: КИ и ВКП весьма далеки как от абстрактного отождествления, так и от абстрактного противопоставления троцкизма и брандлеризма, или троцкизма и правого уклона,—они прорабатывают их по закону единства противоположностей. Отсюда диалектика единой борьбы на два фронта. Это—диалектическая формула и практика, исключая как абстрактное противопоставление, так и абстрактное отождествление троцкизма и правого уклона. Наконец идейный и организационный разгром троцкизма и сокрушительный удар, нанесенный в ВКП и КИ правому уклону, должны были, казалось, вбить диалектику в самые механические

головы и ютучить наших двуединых противников от отождествления нашей генеральной линии с троцкизмом (это делают правые уклонисты), или с правым оппортунизмом (это делают троцкисты), от отождествления нашей генеральной линии с механической суммой зигзагов. В действительности наша генеральная линия является диалектическим сочетанием стальной большевистской гибкости и негибкой большевистской твердокаменности, архисторожного маневрирования и архисмелых поворотов, это—большевистское искусство и наука диалектических переходов от одного этапа к другому, от каждого из противоположных моментов большевистской стратегии и тактики к его иному. В зависимости от конкретного этапа революции наша партия выдвигает на первый план то один, то другой из противоположных моментов в конкретной целостности своей политики. Такому поверхностному наблюдателю, как попутчику нашей революции Троцкому, это казалось и кажется тактикой зигзагов. В действительности—это ленинский, диалектический метод отыскания «главного звена» в политике, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Руководясь именно этим методом, наша партия возглавляла переходы нашей страны пролетарской диктатуры от военного коммунизма к нэпу, от начала нэпа к восстановительному периоду, от восстановительного к реконструктивному периоду, от начала реконструктивного периода к «новому этапу»—к этапу развернутого наступления социализма по всему фронту (это и есть наша генеральная линия, которую Сталин в своем докладе на XVI съезде метко назвал подымающей и сгибающей большевистской кривой, в противовес потухающей троцкистской и кривой). В троцкистской прямолинейности, целеустремленности, в движении по траектории «политики дальнего прицела» и реализуется потухающая троцкистская кривая. Большевистское движение по восходящей спирали социалистического строительства и есть восходящая большевистская кривая. Сталин дал здесь замечательный образец применения диалектики в политике, применения ленинского учения о принципиальном различии прямолинейного и спиралевидного движения в историческом процессе, в истории познания, в объяснении и изменении мира, в разветвлении мирового революционного процесса. «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали»¹. Но таково же и движение нашей революционной практики.

Троцкий величает генеральную линию нашей партии суммой зигзагов, и он даже не подозревает, что крамола зигзагов проникла в конкретную целостность ленинской тактики: «надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги (подчеркнуто мной—С. Н.) отступления и т. п.»—«Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения обще-

¹ Бюллетень оппозиции, № 9.

¹ «XII Ленинский сборник», с. 326.

го уровня пролетарской сознательности, революционной способности к борьбе и к победе»¹. А наша партия доказала, что она это умеет. Подымающаяся большевистская кривая, тактика повышения общего уровня революции не исключает, а наоборот предполагает как побочную форму движения и зигзаги, как снятые моменты в спирали большевистской стратегии и тактики. Политическая линия Троцкого, построенная на геометрической аксиоме: прямая—кратчайшее расстояние между двумя точками, реализовалась в действительности как механическая линия потухающей кривой, которая привела Троцкого от максималистского авантюризма и истерики в конце восстановительного периода к поганенькому минимализму и капитулянтству в реконструктивный период. Окостенелая, деревянная, односторонняя прямолинейность и целеустремленность Троцкого раскрасилась как потухающая троцкистская кривая: левые фразы и «революционно-авантюристские замазки как форма», «капитулянтство на деле, как содержание»—«такое существо троцкизма» (Сталин). Это определение вскрывает до дна диалектику формы и содержания в политической методологии троцкизма.

VII

После сказанного нетрудно прощупать основные троцкистские моменты и суть в «методологии» левых загибов. В чем политико-методологическая сущность левых загибов по линии коллективизации? Это прежде всего логика логических, нематериальных скачков через конкретные стадии развития. Главным звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь коллективизации, в настоящее время является с.-х. артель, а левые загибчики кое-где пытались перепрыгнуть через это звено прямо к с.-х. коммуне, к высшей стадии коллективизации. Далее, вместо конкретного, диалектического учета разнообразия условий в различных районах СССР, левые загибчики отличались механическим пересаживанием, отождествлением методов и темпов коллективизации в передовых и отсталых, в производящих и потребляющих, в центральнопромышленных и национальных районах. Нарушался принцип добровольности коллективизации, убеждение подменялось принуждением. Коллективизация насаждалась методами бюрократического, бумажного декретирования; чисто механически количеству отдавали примат над качеством; действительная коллективизация действительных масс подменялась созданием нежизнеспособных, бумажных гигантов и «100%» бумажной коллективизацией. Наши доморощенные Пифагоры из породы левых загибчиков воображали, что число есть сущность вещей. Они насаждали бумажные колхозы, невзирая на качество, лишь бы количеством и числом побольше, обязательно «100%».

Далее, ликвидация кулачества как класса механически отрывалась от своей материальной базы, от сплошной коллективизации

и проводилась военно-коммунистическими, троцкистско-бюрократическими методами. Раскулачивались наряду с кулаками и середняки—по методу троцкистского отождествления середнячества и кулачества. Организация труда в колхозах механически отождествлялась с организацией труда в совхозах. Лозунг ликвидации кулачества как класса был механически продолжен до лозунга ликвидации кулачества и нэпманов как класса и т. д. и т. п. Большевистская тактика, соединяющая в одной целостности твердокаменность с максимальной гибкостью, подменялась абстрактной, троцкистской целеустремленностью. Об этом говорил Сталин: «Теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляются авантюристские попытки (в два счета) разрешить все вопросы социалистического строительства»¹. Начиналось головокружение сначала от реальных, а потом уже даже от формальных успехов. Наконец «левая» жестикуляция, авантюристская истерика бумажной «100% коллективизации» переходила совершенно естественно в капитулянтство перед трудностями действительной коллективизации действительных масс. Таковы в самых сжатых чертах основные троцкистские моменты политической методологии «левых» загибов по линии коллективизации. Само собой разумеется, что спекулируя на «левых» загибах, Троцкий механически сводит к левым загибам всю практику сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Говоря о «левых» загибах, нельзя обойти т. Стэна. В своей известной статье он выставил положение, что каждый комсомолец должен на собственном опыте проверить генеральную линию партии. С точки зрения ленинизма дело обстоит как раз наоборот, каждый член партии, каждый комсомолец должен проверить свой личный опыт на оселке генеральной линии нашей партии. Частный и единичный опыт любого комсомольца и партийца должен быть проверен в свете всеобщего теоретического и практического опыта нашей партии как авангарда рабочего класса. Именно под этим углом зрения проводилась чистка партии и комсомола. Ложная установка известной статьи т. Стэна сродни троцкистскому противопоставлению комсомола и партии, молодежи и стариков, троцкистской ставке на «молодежь—барометр партии». Вся эта ошибочная установка Стэна отдает троцкистским формально-логическим демократизмом. Конечно, формально логически каждый партийец и комсомолец и даже пионер имеет священное право «проверить» на собственном опыте генеральную линию партии, «право на сомнение» в... генеральной линии партии. Но такая постановка вопроса отрывает демократию от централизма и революционной целесообразности. Методологически ошибка Стэна заключается в подмене материалистической диалектики ползучим, субъективным эмпиризмом, или эмпирическим субъективизмом, узким, мизерным и эмпирическим опытом отдельной и к тому же не всегда политически-зрелой личности «каждого комсомольца». Хорошо, что Стэн публично отказался от своих

¹ Ленин, Соч., т. XVII, с. 181, 182, подчеркнуто Лениным—С. Н.

¹ Сталин, Головокружение от успехов.

политических ошибок, но будет еще лучше, если он вскроет их методологические корни, если он вскроет их антимарксистскую, антиленинскую политико-методологическую сущность.

В заключение несколько слов насчет общих условий, необходимых для глубокой и всесторонней методологической критики троцкизма. Это прежде всего дальнейшая разработка материалистической диалектики на основе ленинского философского наследия. Троцкизм не терпит материалистической диалектики, как и она троцкизм. Поэтому дальнейшая разработка материалистической диалектики на основе всего ленинского философского и вообще теоретического и политического наследия даст могучий толчок развернутой методологической критике троцкизма и всех его оттенков и отражений, остатков и пережитков в ВКП и КИ.

Разумеется, что самое непосредственное значение для критики троцкизма имеет разработка актуальных проблем исторического материализма, ибо область троцкизма—это прежде всего область политики, «подведомственная» непосредственно историческому материализму.

Особое, глубоко важное значение для критики троцкизма имеет развернутая философская и политическо-методологическая атака на социал-фашизм, ибо троцкизм есть социалдемократический уклон в прошлом и контрреволюционное, антипартийное с...-д. течение в настоящем.

Однако не следует думать, что Троцкий ординарный социал-демократ. Троцкизм—оригинальная разновидность меньшевизма. Поэтому было бы методологически и политически неправильно механически отождествлять троцкизм с ординарным меньшевизмом или с правым уклоном. Было бы неправильно точно также отождествлять теоретические корни троцкизма и правого уклона и сводить всю методологию троцкизма к механицизму и ползучему эмпиризму. А такое механическое отождествление методологии троцкизма и правого уклона кой у кого уже встречается.

И наконец на самом последнем месте по счету и на самом первом по важности, для развернутой критики троцкизма нужно успешное решение проблем индустриализации и коллективизации, ибо если троцкизм не выносит атмосферы материалистической диалектики, то он совершенно задыхается и окончательно задохнется в атмосфере практической диалектики нашего подлинного строительства социализма, в большевистской атмосфере наших дальнейших гигантских успехов на фронте построения социализма.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ С. НОВИКОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ П. ВЫШИНСКОГО

Если вдуматься в основные исторические лозунги троцкизма, то нельзя не заметить, что все они имеют своей канвой определенную схему, некоторый шаблон. При еще более внимательном рассмотрении этой канвой оказывается странная нигилистическая формула «ни-ни».

Как известно, диалектическое мышление пользуется формулой «и да и нет», формально логическое «или да, или нет», а троцкизм преподносит нам свою: «ни да, ни нет».

Возьмем наиболее ранний лозунг Троцкого на II съезде партии по вопросу о значении устава партии. Троцкий был ни за устав, ни против устава, считая, как и все теоретики II Интернационала, что для партии вопрос об уставе безразличен, несущественен. Это было первое центристское выступление Троцкого.

Далее 1905 г. Если большевики предлагали союзничать с крестьянством, а меньшевики—с буржуазией, то Троцкий предлагал пролетариату не союзничать ни с буржуазией, ни с крестьянством.—Отсюда его лозунг—«долгой царя, а правительство рабочее».

Годы реакции Троцкий провел под сенью лозунга—ни с большевиками, ни с меньшевиками (разумеется, по существу будучи с меньшевиками и ликвидаторами. Вспомним августовский блок!).

В годы империалистической войны Троцкий выдвигал лозунг—ни побед, ни поражений.

Во время Брестского мира лозунг: ни мира, ни войны.

Что же это за таинственная формула—«ни-ни»?

Рассказывают, что когда Троцкий на брестских переговорах выдвинул лозунг «войны не вести, мира не подписывать»,—генерал Гофман и вся германская делегация была ошарашена и несомненно нашлась с ответом. Эксперты немедленно начали искать во всемирной истории подобных прецедентов... Знатки военной истории нашли, что был один единственный подобный случай... в древней Греции, чуть ли не во времена Пелопонесской войны.

Однако мне кажется, что немецкие генералы искали слишком далеко. Такого экстравагантную формулу—ни того, ни другого, они, если бы военные спецы были немного знакомы с философией, могли бы найти у своего соотечественника Канта. Вы все помните, что свои так называемые математические антиномии Кант разрешает как раз по такой формуле «ни-ни». Мир ни кончен, ни бесконечен, ни прост, ни сложен и т. д. Кант считал, что формула «или-или» не всегда приемлема. Формулу «и да и нет» Кант считал неопределенной и противоречивой. Высшие вопросы философии Кант пытался разрешить с помощью формулы «ни-ни».

Все эти троцкистские лозунги, испеченные по рецепту «ни-ни», представляют собой с политической стороны центризм, которым троцкизм всегда страдал и которого он в то же время никогда не понимал. Последнее видно из бессмысленных обвинений троцкистами ЦК партии в центризме. Троцкизм не понимает, что центризм заключается не в борьбе на два фронта, но в словесном, трусливом заявлении, что ни с теми, ни с другими, а по существу ты за оппортунизм, ты за равновесие между теми и другими. Весьма характерно, что троцкизм прибегает к меньшевистско-либеральной терминологии относительно партийной жизни. В то время как мы говорим об уклонах, Троцкий предпочитает говорить о крыльях: левое крыло

и правое крыло, посредине центр, сохраняющий равновесие, и вся эта конструкция плавает в болоте оппортунизма.

Но вопрос о центризме сравнительно ясен, и т. Новиков достаточно на нем останавливался. Я хочу остановиться на вопросе, что представляет собой кантианско-троцкистская формула «ни-ни» с методологической стороны.

И вот оказывается, что ответ на этот вопрос можно получить из любого более или менее обстоятельного курса логики. Возьмем напр. Гейлера «Основные учения логики». Он пишет сначала о том, что формально-логический закон исключенного третьего (или-или) является особенно важным и т. д. Затем говорит:

«Кажущимися исключениями из «закона исключенного третьего» являются те случаи, когда мы не хотим считать картины ни прекрасной, ни отвратительной, подсудимого ни виновным, ни невиновным...»

Для противоречий противоположности «закон исключенного третьего» имеет безусловное значение» (с. 110).

Таким образом нет сомнений, что канвой троцкистских лозунгов является формальная логика, в частности ее закон исключенного третьего с его формулой «или-или». Диалектикой следовательно здесь и не пахнет. Решающего в марксизме Троцкий никогда не понимал, хотя и любил божиться диалектикой. Мне думается, что нет более меткой характеристики троцкистской методологии чем та, которую дал Ленин, назвав Троцкого «формально-логическим демократом»...

В связи с этим я хочу коснуться статьи т. Асмуса в № 4 «Под знаменем марксизма» за 1929 г. Критикуя т. Варьяша, он в одной из глав этой статьи останавливается на вопросе о соотношении формальной логики и диалектики. Совершенно правильно редакция «ПЗМ» сопроводила эту главу примечанием о своем несогласии с некоторыми положениями этой главы. Я думаю, что в этой главе гораздо меньше того, с чем можно согласиться, чем того, с чем нельзя согласиться.

В самом деле, вопреки всей марксистской традиции т. Асмус развивает в этой главе ту мысль, что формальная логика характеризуется «определенностью и конкретностью» (с. 50, 52), оставляя для вывода читателя, что диалектике наоборот свойственна неопределенность и абстрактность и рассуждения «вообще».

Найдя у Ленина рассуждение по формуле «или-или», «либо-либо», т. Асмус решил, что это и есть подлинная формальная логика, и сделал отсюда вывод, что все ленинские лозунги и практика классовых борб основаны на формально-логическом законе исключенного третьего.

Затем т. Асмус пишет:

«И наоборот, ошибка позиции, занятой Л. Троцким при брестских переговорах о мире, как раз и заключается в том, что Л. Троцкий предлагал противоречивое разрешение практической проблемы, которая на данном историческом этапе и при данной конкретной обстановке требовала напротив точ-

ного, определенного, недвусмысленного и не противоречивого ответа» («ПЗМ» № 4, 1929, с. 53, подчеркнуто т. Асмусом).

Итак, Ленин исходил из определенности и давал формально-логическое решение вопроса. Троцкий наоборот предлагал «противоречивое разрешение практической проблемы», которое, говорит далее Асмус, могло казаться диалектическим, «лучше выражающим диалектическое противоречие момента» (с. 53). Однако, замечает Асмус, «решение проблемы должно было осуществляться по формуле «или-или».

Я, надеюсь показал, что троцкистское «ни-ни» есть не что иное, как частный случай одного из законов формальной логики, в приверженцы которой т. Асмус зачислил Ленина. Конечно это поклеп на ленинизм. Ленин был величайшим диалектиком и правильно оценил Троцкого как «формально логического демократа».

Тов. Асмус допустил здесь большую и грубую ошибку, когда считает, что формальная логика характеризуется определенностью и конкретностью, и когда Ленину приписывает, будто он руководился формально-логическим компасом. Мы знаем как раз от самого Ленина, что диалектическая логика наиболее определенна и конкретна, в противоположность абстрактной и прямой, как телеграфный столб, формальной логике. Формула же Троцкого «ни-ни» есть формалистика и метафизика, имеющие свои корни в кантианстве. Диалектическая видимость пропадает как дым при внимательном анализе троцкистских лозунгов.

Теперь снова вернемся к центризму. Мне кажется, что центризм в троцкистском понимании, центризм на основе формулы «ни-ни» есть не что иное — с методологической стороны, — как разновидность теории равновесия. Не следует думать, что имеется однотипная теория равновесия в бухаринской формулировке. Нет, теория равновесия более широка и имеет много разновидностей. Например теория равновесия Богданова несколько отличается от бухаринской интерпретации, от этих двух опять-таки несколько отлична и теория равновесия в понимании Каутского, как он ее выдвинул в своей книге «Размножение и развитие в природе и обществе», а затем и в двухтомнике. Именно Каутский теорию равновесия сводит к отношению среды и системы, о чем я скажу ниже. Касаясь троцкизма как центризма, мне думается я не ошибусь, если скажу, что эта центристская идейка оппортунистической эквилибристики имеет свои методологические корни несомненно в теории равновесия. С этим увязывается и волюнтаризм Троцкого. Вспомним, что Каутский производственные отношения считает волевым фактом. И не даром Ленин называл Троцкого каутскианцем.

У меня создалось впечатление, что в своем докладе т. Новиков не вскрыл того основного методологического стержня, не нашел того узла, в котором увязываются все частные идеи троцкизма. Не играет роли, что Троцкий не философ или не писал философских работ. Ведь и мольеровский Журден не знал, что он всю жизнь говорил прозой.

Я думаю, что центральной методологической осью троцкизма является теория равновесия, причем теория равновесия в каутскианском механо-идеалистическом варианте.

Тов. Новиков говорил, что весь троцкизм венчается теорией перманентной революции. Это верно. Что же лежит в ее основе? Неправильное, недиалектическое представление о внутреннем и внешнем. Другими словами, вопрос о среде и системе Троцкий толкует в точности так, как все апостолы теории равновесия. В самом деле: Троцкий в своей формулировке теории перманентной революции говорит, что без помощи извне со стороны организованного в государственную власть пролетариата не может быть социалистического строительства. Но если даже Троцкий забывает о государственной помощи извне, то тогда выдвигается новая мысль, что пролетариат—это островок, а крестьянство—море и что все равно строить социализма нельзя. Это абсурдная точка зрения, ультрасхематическая—изображать пролетариат как островок, омываемый крестьянским морем! Троцкий забывает о том, что и в случае международной революции на нашей планете крестьянства неизмеримо больше, чем пролетариев!

Наконец здесь уже т. Новиков, приводит фактический материал, из которого следует, что и сейчас Троцкий считает, что СССР зависит от капиталистического окружения и не сможет от этой зависимости избавиться.

Мне кажется, нет никаких сомнений, что основным стержнем троцкистской методологии является особый вариант теории равновесия.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВА. БЕЛЕНКИНА

Мне кажется, что для лучшего выяснения философских основ «левого» оппортунизма, необходимо сопоставить его с правым оппортунизмом, а обе эти разновидности оппортунизма сопоставить с генеральной линией партии, с ленинизмом.

В связи с этим я хочу остановиться на двух сторонах данного вопроса.

Одной из особенностей ленинизма является правильное диалектическое сочетание объективного и субъективного, стихийного и сознательного, необходимости и свободы. Переоценка одной из этих сторон при недооценке, игнорировании, или забвении другой стороны неминуемо ведет к уклону вправо или «влево» от ленинизма. Рассмотрим с этой стороны обе разновидности оппортунизма.

В чем заключается философия правого оппортунизма? Это—философия чрезмерного объективизма, доходящего до фатализма, до преклонения перед стихийностью, при недооценке того огромного значения, какое имеет субъективное воздействие революционного класса на объективный процесс исторического развития. Начиная с экономизма и меньшевизма и кончая современным оппортунизмом,—все правые оппортунисты боролись и борются с большевизмом ссылками на непреодолимость объективного исторического процесса, «на незрелость» экономических

условий для строительства социализма в СССР, на недостаточное развитие производительных сил и т. д. Возьмите всем известный спор Ленина с Сухановым. К чему сводились возражения Суханова против большевиков? К тому, что для строительства социализма в России нет соответствующих «объективных условий», не хватает культуры, цивилизации и т. п. А Ленин ему ответил примерно так: вы говорите, что у нас нет цивилизации? Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли раньше захватить власть, а затем уже на этой основе стремиться догнать другие народы в культурном отношении?

Возьмите «Заметки экономиста» Бухарина. К чему сводится основной смысл этих «Заметок»? К тому, что мы должны равняться на «узкие» места, к тому, что у нас нехватка строительных материалов, к тому, что мы не сможем преодолеть лимиты индустриализации, к недооценке рычага планового руководства и революционной воли пролетариата, держащего в своих руках политические и экономические командные высоты. Вот к чему сводится философия правого оппортунизма, которая в значительной мере совпадает со взглядами Громанов, Кондратьевых и им подобных, «предостерегающих» нас от «нереальных» темпов нашей пятилетки.

Философия «левого» оппортунизма прямо противоположна. Это—философия чрезмерного субъективизма при недооценке объективных возможностей. Отсюда политика авантюризма, отсюда переоценка административно-бюрократических методов, отсюда унтер-пришибевская политика, отсюда увлечение «революционной» фразой, этой своеобразной формой проявления субъективизма, оборотной стороной которого является недооценка объективных возможностей.

Как Ленин характеризует революционную фразу? А вот как: «Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет»,—вот суть революционной фразы.

В этой цитате Лениным ярко подчеркнут субъективный характер революционной фразы, при недооценке объективных условий.

Приведем несколько иллюстраций для характеристики субъективного характера «левого» оппортунизма.

Что такое выдвинутый Троцким в 1905 г. знаменитый лозунг «без царя, а правительство рабочее», если не своеобразный, трансформированный «классовый» субъективизм политического деятеля, видящего один класс—пролетариат—и игнорирующего, недооценивающего другой класс, в данном случае—крестьянство.

Что такое перескок через революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, как не выражение субъективизма? Что представляет собою «левый коммунизм» и его авантюристический лозунг «революционной войны» без учета того, что крестьянство «голосовало ногами» против войны, как не тот же самый субъективизм?

Что представляет собою теория Троцкого о «перетряхивании профсоюзов» в 1921 г. при недооценке значения масс? Это есть тоже ни что иное, как бюрократический субъективизм, который был в свое время подчеркнут еще Лениным.

Что представляет собою теория «сверхиндустриализма» при недооценке соответствующей сырьевой базы и требование «царапанья» с кулачеством, как выражается Сталин, в тот период, когда у нас еще не было почвы для решительной борьбы с кулачеством,—что это означает, как не тот же самый субъективизм.

Что представляет собою полуанархический взгляд Троцкого на партию и партийный режим, как не крайнее выражение барского индивидуализма и интеллигентского субъективизма?

Что представляют собою «левые» загибы в вопросах коллективизации, стремление «добежать до социализма в два счета» без объективного учета революционных возможностей, перескок через основное звено колхозного движения, через артель, унтер-пришибевщина, политика того, что «мы все можем», «нам все ни о чем»,—что это означает, как не крайнее выраженный субъективизм, представляющий одну из философских основ «левого» оппортунизма?

Таковы отличительные черты правого и «левого» оппортунизма с точки зрения социально-экономического детерминизма.

Куда может повести уклон в сторону субъективизма, если углублять эту концепцию? На это мы имеем определенное указание у Ленина. Ленин говорит, что «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота — вот гносеологические корни идеализма»¹. Таким образом Ленин считает, что субъективизм ведет в конечном счете к идеализму.

Теперь подойдем к вопросу с другой стороны.

Одна из особенностей ленинизма заключается в диалектическом сочетании принципов эволюционного развития и революционных скачков. Чрезмерное раздувание одной стороны при недоучете другой неизбежно ведет к уклону вправо или «влево» от ленинизма. К чему сводятся философские основы правого оппортунизма, если их рассматривать под этим углом зрения? В политическом отношении это есть не что иное, как реформизм, методологически—это теория эволюционной постепенности, которая выражается в теории гармонии классов, классового мира, мирного вращающегося кулака в социализм. Вот к чему сводится философия правого оппортунизма.

Философские основы троцкизма противоположны. Это есть не что иное, как теория катастрофизма, теория перманентной скачкообразности в отличие от эволюционизма, как его антипода. Отсюда теория перманентной революции, перманентной гражданской войны в отличие, с одной стороны, от бухаринской теории «гражданского мира», понимаемого в смысле классового мира, а с другой стороны, от ленинской диалектической теории

классовой борьбы, как сочетания эволюционного развития и революционных переворотов. Отсюда сверхколлективизация, как выражение «левого» загиба, отсюда головоупячество, отсюда перескок через с.-х. артель непосредственно к коммууне, без учета объективных возможностей.

Таковы вкратце отличительные черты философских основ правого и левого оппортунизма.

Что общего между ними?

Общее между ними заключается в несомненном отходе от материалистической диалектики: тут либо замена диалектики ее прямой противоположностью, скажем, схоластикой, формальной логикой, либо подмена диалектики какими-либо диалектическими суррогатами в виде эклектизма, эволюционизма, субъективизма и т. д. Отсюда неизбежный переход одного уклона в другой на определенной стадии развития.

Приведем иллюстрацию перехода «левого загиба» в правый уклон. С чего начал «левый» загиб, который является, по выражению Сталина, «тенью правого уклона», изнанкой правого уклона? Начал он с сверхколлективизаторских прыжков, с переоценки административно-бюрократических возможностей и недооценки объективных настроений середняцкого крестьянства, с намерения добежать до социализма в два счета. А чем он кончил? Тем, что скатился к фаталистической теории неизбежности приливов и отливов в колхозном движении, к теории неизбежных колебаний середняка и т. д. Таким образом «леват» философия превратилась в свою противоположность. Троцкий например начал с «архилевой» сверхиндустриализации, а перешел к архиправому высмеиванию современных «призовых» скачков индустриализации СССР. Начал он с левореволюционной фразы, а скатился к правооппортунистической кулацкой контрреволюционной программе, с которой каждый имел возможность ознакомиться хотя бы по докладу тов. Ярославского.

Выводы. Философские основы правого оппортунизма, в отличие от «левого», есть философия чрезмерного объективизма и фаталистического детерминизма, это есть философия эволюционной постепенности. Философия «левого» оппортунизма есть философия субъективизма и катастрофизма. Общее между ними есть отход от революционной диалектики, замена ее или прямой противоположностью диалектике, или диалектическими суррогатами; отсюда и отход от ленинизма.

Вот почему борьба на два фронта—против хвостизма, фатализма и эволюционной постепенности, с одной стороны, против субъективизма, авантюризма и перманентного катастрофизма,—с другой, против «отстающих и забегающих вперед» (Сталин), при сосредоточении огня на главной опасности в каждый данный момент,—есть единственно правильный метод борьбы за революционную диалектику, за ленинизм, за генеральную линию нашей партии.

¹ «Ленинский сборник», т. XIII, с. 326.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. РАЗУМОВСКОГО

Нельзя не выразить своего удовлетворения, что наконец в Коммунистической академии мы заслушали доклад о методологии троцкизма, о его философских корнях. Мы это делаем с запозданием на несколько лет и в этом, конечно, сказались известное отставание нашей теоретической мысли от практической работы нашей партии, о котором упоминал Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов. На этом примере отставание нашей теоретической мысли получило быть может одно из наиболее ярких своих подтверждений. Если мы сделаем беглый обзор философских работ периода нашей борьбы с троцкизмом, — если не считать отдельных полемических моментов в работах А. М. Деборина да пары статей, которые промелькнули в наших журналах, — то почти не найдем ничего такого, где бы мы имели попытку вскрыть философские, методологические корни троцкизма. Разумеется, это бездействие философов в данный период ни в коей мере не приходится оправдывать. Но если пытаться его объяснить исторически, то мне представляется, что здесь нельзя ограничиваться лишь указанием на то, что некоторые философы сами занимали в период борьбы с Троцким троцкистскую позицию и поэтому, естественно, не могли бороться с Троцким. Не следует также ссылаться на недостаточность философских кадров, которые могли бы вести эту борьбу. Если говорить уже о «систематизации» троцкистской методологии, то в этом-то и заключалась основная задача философов, которые должны были вскрыть философскую подоплеку троцкизма. Разумеется известная доля правды есть и в том указании, что некоторые философы занимали в период борьбы с троцкизмом троцкистскую позицию. Есть известная доля правды и в том, что правильному освещению вопроса препятствовало отсутствие философских кадров. Не приходится забывать того обстоятельства, что теоретическую борьбу с троцкизмом в свое время, не только в области экономической, но даже и в области философии возглавлял т. Бухарин!

Вспомните хотя бы в его известной статье «Теория перманентной революции» главу, посвященную формальной логике троцкизма.

Но если попытаться исторически подойти к этому вопросу, то нужно иметь в виду также и некоторую внутреннюю логику нашего философского развития. Очевидно, что нам нужен был опыт борьбы с механистами, нужна была критика механистической методологии, нужна была критика механистических корней правого оппортунизма, чтобы теперь можно было дать гораздо более глубокую философскую критику троцкизма. Поэтому — «нет худа без добра». Мы очень запоздали разумеется с этим делом. Но поскольку Троцкизм является и сейчас чрезвычайно живучим течением, возрождаясь частично не только в «левых» ваггонах у нас, но находя себе почву в деятельности различных лево-троцкистских групп за границей, настолько исследование его философских корней и сейчас является крайне необходимым.

Доклад т. Новикова в этом отношении был чрезвычайно показателен. Он показал, что мы сейчас имеем возможность глубже и гораздо внимательнее подойти к целому ряду проблем, например к вопросу о диалектике внутреннего и внешнего. Целый ряд замечаний т. Новикова, в которых методология троцкизма сопоставляется им с механистической методологией т. Бухарина, тоже является несомненным продуктом нашего предшествующего философского развития.

Как следует, товарищи, подходить к критике троцкизма? Прекрасную характеристику троцкизма как особой разновидности меньшевизма дал Сталин. Если подойти именно с этой точки зрения к троцкизму так, как подходит Сталин, если исходить из того, что троцкизм есть особая разновидность меньшевизма, то мне кажется чрезвычайно важным подчеркнуть не только моменты различия в правом и левом уклонах. Не менее существенно именно на данном этапе, когда мы имеем постепенное перерастание троцкизма в открытое с.-д. течение, смыкающееся в целом ряде пунктов с современной с.-д., наряду с особым, вскрыть и моменты тождества подчеркнуть то общее, что имеется во всякого рода разновидностях и с.-д. ревизионизма, что должно было найти свое место и в троцкизме.

Этим общим для всего с.-д. ревизионизма, если иметь в виду линию мировоззрения, является подмена материализма позитивизмом или различными видами идеализма. Если же говорить о методе, то методологическую основу с.-д. современного ревизионизма составляет механистическая методология — непонимание диалектики, отсутствие понимания диалектического взаимоотношения между общим и особенным, между развивающимся содержанием рабочего движения и теми своеобразными особыми формами, которые возникают на пути развития этого содержания, — с этой точки зрения троцкизм может быть охарактеризован, как механистическая методология, не только порождающая механистическое понимание общественно-исторического процесса, но уже перерастающая в субъективизм, в субъективный идеализм по линии мировоззрения. Этот момент является очень существенным именно в наш период борьбы за диалектико-материалистическую методологию. В этом и заключается своеобразие троцкистского эклектизма и в мировоззрении и в методе.

Любопытно сопоставить ту автохарактеристику, которую дает себе Троцкий, с характеристикой, данной методологии Троцкого Лениным в его известной статье о профсоюзах. Эту статью здесь уже цитировал т. Новиков. Как Троцкий характеризует свою методологию? «Чувство превосходства общего над частным, революционная интуиция, ненависть к ползучему эмпиризму, революционный радикализм». А как трактует те же черты троцкистской методологии Ленин? «Односторонность, увлечение, преувеличение, упрямство». Так и напрашивается сопоставление: по Троцкому — «чувство превосходства общего над частным», по Ленину — «односторонность», «абстракция»; по Троцкому — «революционная интуиция», по Ленину — «увлечение»; по Троцкому — «ненависть к полз-

вучему эмпиризму», по Ленину—«торопливое преувеличение»; по Троцкому — «революционный радикализм», по Ленину—упрямство»¹.

Конечно для характеристики троцкизма как течения нельзя останавливаться слишком много (мне кажется здесь был некоторый «уклон» у т. Новикова) на личности самого Троцкого. Сам Троцкий весьма «оригинальная», если хотите, фигура. Но своеобразие его теории заключается не в том, что мы имеем дело с оригинальной фигурой, а в том, что мы имеем дело с своеобразным течением с.-д. Для характеристики троцкизма следует иметь в виду не только те субъективные моменты, которые характеризуют физиономию самого Троцкого, в частности, тот крайний индивидуалистический подход, который имеется у Троцкого при разрешении целого ряда проблем. Несомненно, что и здесь в известной мере сказались то общее, что имеется у всего «левого» оппортунизма. Если исходить из общих моментов, характеризующих как общую методологическую основу с.-д. ревизионизма вообще, так и троцкизма в частности, то здесь прежде всего необходимо отметить непонимание материалистической диалектики. В первую очередь бросается в глаза непонимание взаимоотношений «общего» и «особого», что сам Троцкий характеризует, как «чувство превосходства общего над частным». Понимание общего у Троцкого представляет собою ту форму абстрактного схематизма, которая на поверку оказывается самым доподлинным эмпиризмом. Когда т. Новиков приносил здесь известную, на шумевшую в нашей печати фразу т. Стана, где он предлагает каждому комсомольцу самому добираться до истин ленинизма, то это является почти что дословным повторением того, что имеется у Троцкого. Троцкий также говорит, что каждый рабочий должен добираться до истин ленинизма.

Разумеется, с точки зрения марксизма «общее» превалирует над «особенным». Но что мы понимаем под «общим»? Закономерность исторического развития. Мы видим закономерность определенного исторического процесса, но мы видим и развитие этой общей закономерности в особых конкретных формах. Троцкий же наоборот сводит «общее» к «особому», низводит закономерность, низводит необходимость до простой случайности. В этом смысле очень характерна та цитата, которую недавно приводил М. Н. Покровский в своей рецензии на биографию Троцкого². «Широко говоря,—глубокомысленно замечает Троцкий,—весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность осуществляется через естественный отбор случайностей. На этой основе развертывается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору». Что здесь говорит Троцкий? Он говорит следующее: «Историческая закономерность осуществ-

вляется через естественный отбор случайностей». Вдумайтесь в эту фразу, которая внешне как будто звучит «марксистски». Ведь еще Энгельс говорил о том, что случайность есть особая форма проявления необходимости. Но совершенно очевидно, что одно дело проследить закономерность общего, которая находит свое осуществление и в особых формах случайностей, совсем другое дело рассматривать «общее», как нечто такое, что осуществляется стихийно, благодаря случайностям. Это—две совершенно различные вещи. Троцкий в своем понимании исторического процесса несомненно стоит на точке зрения случайности, на эмпирической точке зрения. И в то же время у Троцкого наряду с этой явно механистической тенденцией мы находим и черты своеобразного и идеалистического понимания исторического процесса.

«На этой основе (т. е. на основе естественного отбора случайностей —И. Р.) развертывается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору». С одной стороны, эмпиризм, чисто стихийное понимание исторического процесса, с другой стороны, явный национализм, преувеличивающий значение сознательной деятельности и противопоставляющий ее «естественному подбору случайностей».

Здесь нет прежде всего точки зрения развития, здесь нет понимания особых форм, в которых происходит развитие, общего понимания тех ступеней, по которым оно проходит. Отсюда схематизм, отсюда прыжки через отдельные ступени и через соответствующие этапы развития. Все это—типическое проявление рационализма, чисто механически сочетающегося у Троцкого с явным эмпиризмом. Приведенная мною цитата вовсе не случайна. Если поинтересоваться всей историей троцкизма, то в ней очень часто проявляется это эклектическое сочетание, с одной стороны,—эмпиризма, подчинения стихийному началу, а с другой стороны,—чрезмерного рационализма. Если взять например раннюю работу Троцкого, в которой он некогда формулировал свое политическое кредо,—«Наши политические задачи», то и здесь выступает этот эклектизм Троцкого. С одной стороны, Троцкий становится на точку зрения «экономизма». Он предполагает, что нужно идти за «массой», он благородно негодует против всякого рода «бюрократического», «аппаратного» и т. д. режима в организации партии. Но тот же Троцкий глубоко обижается при одной мысли о том, что его, сознательного интеллигента, могут учить рабочие массы. Особенно ярко выявилось в этом раннем произведении Троцкого и нашло затем свое отражение во всей дальнейшей его деятельности,—это недоверие троцкизма к массе,—недоверие, характерное для всего меньшевизма, для всего социалдемократического ревизионизма. Неверие в силы и способности масс и нашло свое выражение потом и по вопросу об отношении к крестьянству и по вопросу о силах и возможностях советского пролетариата, строящего социализм в одной стране. Этот момент совершенно справедливо подчеркивает и т. Сталин в одном из своих докладов, посвященных троц-

¹ Л. Троцкий, Моя жизнь. Ленин, Еще раз о профсоюзах, Соч., т. XVIII, с. 65.

² «Большевик» № 7—8, 1930, с. 132.

клизму: одна сторона троцкизма—это неверие в силы и способности крестьянства, подвергающегося социалистической переделке, другая сторона троцкизма—неверие в силы и способности пролетариата, строящего социализм. Сочетание этих сторон и составляет то, что характеризует троцкизм (политически и что поэтому Сталин правильно обозначает как «особую разновидность меньшевизма»).

Отсюда и проистекает фатализм, пессимизм Троцкого, отсюда и его субъективизм. Кажущийся, по существу, формальный, демократизм Троцкого, когда он например в период борьбы с партией считает возможным апеллировать к молодежи, к рабочей массе и т. д.,—и эта «апелляция» к массам основывалась в конечном счете на том же недоверии к массам. Троцкий не верит в революционную инициативу масс, и если апеллирует к этим массам, то мысленно подменяет массы своей собственной персоной, подменяет массы иным, новым партийным руководством. Легко заметить, что во всех случаях, когда Троцкий пытается занять «демократическую» позицию, когда он вопиет против бюрократизма, он всегда занимает позицию реакционную. Его теперешние оппортунистические ссылки на «трудности», на «чрезмерность» темпов и т. д. только внешне противоречат его прежней гипертрофии плана, «сверхиндустриализации». Эклектизм Троцкого именно характерен этим сочетанием ползучего эмпиризма, с одной стороны, и торопливых преувеличений рационализма,—с другой. Он базируется на отношении к массам, которое совершенно естественно со стороны «сверхчеловека», как остроумно назвал Троцкого Сталин.

Если проследить некоторые работы Троцкого (например относящиеся к вопросам культуры, к вопросам литературы и т. д.), то нетрудно заметить чрезвычайно любопытную вещь. Стоит только Троцкому начать говорить о массе, как моментально выступает на сцену консерватизм масс. Масса в его представлении—это нечто неподвижное, слепое, «бессознательное» и раз навсегда данное, или во всяком случае изменяющееся очень медленно. У Троцкого нет понимания процесса развития этой массы, понимания того, как изменяются ее побуждения, стремления под влиянием революционной идеологии, под воздействием партийного руководства.

С этим связан характерный «биологический» уклон троцкизма. У Троцкого революционное чутье пролетариата нередко сравнивается с «мышечным напряжением». Общественные переживания отдельных классов трактуются им как «общественно-условные рефлекс», к пониманию социальной жизни он считает возможным применять фрейдизм. Троцкий очень интересуется фрейдизмом, видит в фрейдизме разновидность рефлексологии и указывает на необходимость применения фрейдизма и рефлексологии, которые, по его мнению, дают понимание чувств, стремлений масс и т. д. Не даром мы встречаем у Троцкого и такое, может быть случайное, но с моей точки зрения характерное упоминание, что мол марксизм является только методом общественной науки наряду с дарвинизмом и рефлексологией. И конечно

неслучайна также в его известном докладе о Менделееве, который он делал на съезде химиков, попытка, правда в несколько завуалированной форме, но в сущности стать на точку зрения сведенная высших форм к низшим формам. Правда, Троцкий старается подчеркивать наряду с этим и «своеобразие» высших форм. Но как некоторую перспективу научного развития он полагает возможным сведение социальных форм к физическим, физиологическим и т. д. процессам, очевидно исследованием которых и должны заниматься фрейдизм, рефлексология и т. д.

Перехожу еще к одному любопытному моменту в методологии троцкизма—к роли «революционной интуиции» у Троцкого. Эта «революционная интуиция» повторяется у него в целом ряде мест. В своей автобиографии Троцкий охотно говорит о том «вдохновении», которому он очень часто подчиняет сознательную работу своей мысли. Легко установить здесь известную связь между различными выразителями «левого» коммунизма. Например известный бельгийский ревизионист Гендрик Де-Ман был когда-то «левым» коммунистом, а потом скатился к «социализму чувств», к признанию примата биологических чувств, к фрейдизму. Есть очевидно какая-то связь между левооппортунистическими течениями и той ролью, которая отводится ими в теории познания чувству, своего рода возвращение к старой точке зрения современного Канта Якоби, к интуитивизму. Когда мы говорим о «гипертрофии плана» у Троцкого, мы имеем здесь дело больше с «чувством»—плана: здесь нет свободы как познания необходимости, здесь—радикализм чувства. Это такого рода радикализм, о котором Ленин в другом месте очень удачно выразился, что это радикализм «взбесившегося мелкого буржуа». Действительно радикализм троцкизма это—настоящий «радикализм взбесившихся мелких буржуа».

В основе этого мелкобуржуазного радикализма, этого троцкистского субъективизма лежит то же самое неверие в революционную инициативу масс. Троцкому приходится обращаться к «чувству», чтобы замаскировать свое пессимистическое, фаталистическое неверие в возможность построения социализма, свое недоверие к массам и т. д. Не только в последний период,—я здесь не совсем согласен с т. Новиковым,—но на всем протяжении развития троцкизма в основе его теории лежит самая настоящая с.д. теория производительных сил. Ведь в самом деле, на чем основывается теория невозможности построения социализма в одной стране, как не на с.д. теории производительных сил, как не на «техническом» понимании исторического процесса.

Но быть может не всем известно, что теория культуры Троцкого основывается на той же самой с.д. теории развития производительных сил. Теория культуры Троцкого, как известно, сводится к тому, что Троцкий отрицает те своеобразные формы культуры, которые принимает ее развитие в переходный период на пути к социалистическому обществу. По существу он утверждает: «Или-или»,—одно из двух—или культура буржуазная, или культура будущего, культура коммунистического общества. Троц-

кий здесь сражается с «пролеткультуровской» теорией Богданова, он издевается над ней, но, по его мнению, выходит, что нельзя говорить о какой бы то ни было пролетарской культуре.

Когда Троцкий говорит о культуре, он под нею понимает не только духовную культуру, но и материальную культуру. В мелких статьях Троцкого о культуре, в особенности в статьях, относящихся к последнему периоду, где он делает известный прогноз будущего, характерно следующее: во-первых, непонимание Троцкий роли противоречий и борьбы в развитии производительных сил, материальной культуры. У него речь идет лишь о некотором росте производительных сил. Во-вторых, недооценка роли общественной формы, как закона развития производительных сил на данной ступени, как закона развития данной ступени культуры. Наконец непонимание Троцким проблемы возникновения нового, непонимание взаимоотношений нового со старым, того, что новое возникает из старого, тоже в противоречиях, тоже в борьбе. Чего стоит хотя бы такое определение Троцкого: «Ленинизм есть знание и умение культуру, т. е. все накопленное в предшествующие века знание и умение повернуть в интересах трудящихся масс». В этом определении мы не имеем проблемы новой культуры, мы не имеем здесь классовой борьбы за ее возникновение. Учитывается лишь рост, накопление предшествующей культуры, которую в определенный момент, на определенном этапе нужно и можно повернуть в интересах трудящихся масс.

Неудивительно, что Троцкий постоянно говорит об «ужасающей культурной отсталости» пролетариата и т. д. Неудивительно, что он утверждает, будто пролетарские художники и писатели появятся только тогда, когда пролетариат овладеет всей человеческой культурой.

А вот как понимает Троцкий культуру переходного периода, какие моменты включают в эту борьбу. Во-первых, буржуазную культуру, во-вторых, буржуазную технику, в-третьих, крестьянскую некультурность, в четвертых, социалистическое строительство и в пятых, коммунистический идеал. Получается впечатление, что в основе культуры переходного периода лежат, очевидно, буржуазная культура, буржуазная техника, крестьянская некультурность и уже на последнем месте находятся лишь «коммунистические идеалы»! Конечно при таком своеобразном сочетании «элементов» не приходится говорить о культуре нашего переходного периода, как о чем-то новом, своеобразном по отношению к буржуазной, старой культуре.

С этой точки зрения характерно также и понимание Троцким исторической роли интеллигенции. Троцкий считает, что интеллигенция представляет собою группу, которая все время находится «между двумя жерновами», между двумя классами—между борющимися пролетариатом и крестьянством. По Троцкому интеллигенция сохраняется вплоть до полного развития социализма. Этим объясняются особые симпатии Троцкого к литературному попутничеству и вся его позиция по отношению к культуре и интеллигенции.

Борьба за социализм для Троцкого,—это прежде всего борьба за технику, это борьба за материальную культуру, за те «навыки» и «споры», которые вырастают из предшествующих этапов культуры. Точка зрения непрерывности—вот, что характерно для троцкизма. Здесь нет прерывности, нет дискретности, нет качественного своеобразия, нет скачков; есть только постоянное непрерывное развитие одной культуры из другой. Создается совершенно неправильное представление об историческом процессе. Основой исторического процесса Троцкий считает не борьбу классов, но развитие производительных сил, их изменение. Мы имеем здесь метафизический разрыв между классовой организацией общества, между производственными отношениями и между производительными силами, развитие которых мыслится лишь как техническое развитие.

С этим связано также и то, что говорит Троцкий о нашем переходном периоде, о чрезмерном понижении у нас производительных сил, о невозможности социалистического строительства в национальном государственном масштабе, непонимание им роли государства в социалистическом строительстве и т. д. Товарищ Новиков здесь останавливался,—это, по-моему, были наиболее интересные места его доклада,—на вопросе о трактовке Троцким «внешнего» и «внутреннего». Тов. Новиков уже указал, что, согласно Троцкому, внутреннее развитие зависит от условий внешней среды. Мне лично казалось бы, что для правильного понимания методологии троцкизма помимо категорий внешнего и внутреннего, категорий качества и т. д. необходим набор всех категорий диалектической логики у Троцкого, необходима вся сумма категорий материалистической диалектики, понимание им исторического процесса, специфичности советского государства и т. д. В частности, нет никакого сомнения, что его позиция в вопросе о законе неравномерного развития, т. е. непонимание качественного своеобразия, скачкообразного неравномерного развития тесным образом связана с вопросом о внешнем и внутреннем. Троцкий не видит различного развития каждой страны, ибо это внутреннее развитие у него сливается с внешним. Мы имеем здесь не только зависимость внутреннего от внешнего, но полное их отождествление. Существенно лишь «вообще» накопление производительных сил, некоторый «вообще» рост капитализма, который заканчивается пролетарской революцией во всех странах сразу, без которой немыслимо продолжать нашим социалистическим отношениям.

Сопоставление точки зрения Троцкого с точкой зрения Бухарина, с точки зрения методологической, очень полезно и плодотворно. Если сейчас проследить всю ту критику, которую когда-то производил т. Бухарин по отношению к работам Троцкого, то в этих критических заметках Бухарина вы найдете сейчас также немало весьма спорных и сомнительных моментов. Разумеется и здесь сказалась особенность классовой борьбы. Правильная практическая, политическая позиция ближе всего подводит

и к правильным теоретическим основам и в методологии. Нужно сказать, что в своей критике Троцкого в целом ряде пунктов Бухарин, несомненно, отражает правильную для того момента позицию партии. Но наряду с этими правильными моментами у того же Бухарина имеется ряд моментов неправильных. В самом деле, чего стоит одна такая формулировка (я беру только для примера): «Нужно развитие производительных сил в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений». Точно предполагается, что в этом развитии производительных сил уже имеется раз навсегда данная форма и эта раз навсегда данная форма обеспечивает бесперебойный, спокойный рост производственных отношений. Нет классовых противоречий, нет классовой борьбы. А чего стоят без этого призывы Бухарина к укреплению новых общественных отношений, чего стоит одна его идея «сотрудничества» классов, которая конечно принимает у Бухарина характер равновесия классов, как необходимого момента для равновесия всего общества. Не даром в одном месте Бухарин говорит о склеивании различных частей общественного целого и сводит к этому задачу социализма.

Конечно, критикуя точку зрения Бухарина, не нужно впадать в другую крайность, не нужно забывать о той простой истине ленинизма, что наше экономическое развитие на определенном этапе характеризуется общностью коренных интересов двух основных классов нашего общества—пролетариата и среднего крестьянства. Это та общность их интересов, которая очень правильно подчеркивается в целом ряде докладов и статей т. Сталина. И поэтому конечно нельзя становиться на такую точку зрения, которая очень близка к Троцкому и является невольным рефлексом троцкистской позиции, нельзя утверждать, что в нашей экономике мы имеем только один основной класс—пролетариат. Недавно в печати было сделано соответствующее указание на то, что такой тезис содержится в одной из работ т. Карева. Эта точка зрения мне представляется глубоко ошибочной. Тов. Карев несомненно объяснит ее борьбой с точки зрения Бухарина. Но я полагаю, что от этой неправильной, глубоко ошибочной формулировки т. Карев должен самым решительным образом отказаться. В сущности эта формулировка, как ее ни истолковывать и какие причины ее возникновения ни находить,—льет воду на мельницу троцкизма. Она представляет собой только иное выражение той формулы, согласно которой пролетариат вступает в борьбу со всеми классами современного общества, отличаясь от всех других классов своими интересами, переходя с ними во враждебные столкновения, осуществляет свою диктатуру. Это извращение ленинской идеи диктатуры пролетариата, которая представляет собой на определенной ступени развития союз пролетариата с крестьянством. Я надеюсь, что в своем выступлении сам т. Карев подвергнет ожесточенной критике этот тезис, выдвинутый в его статье.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ К. А. ТИМИРЯЗЕВА

ЗАВАДОВСКИЙ

В В Е Д Е Н И Е

Развитие естественно-научных музеев дореволюционного периода происходило как и развитие всех других областей культурной жизни царской России под непосредственным влиянием западных стран. На первых этапах своего развития эти музеи представляли собою кунсткамеры, рассчитанные главным образом на внешнюю занимательность и поражающие эффекты. Ценность экспонатов определялась по величине, яркости окраски или причудливости форм тех или других животных и растительных организмов. Все внимание руководителей и организаторов таких музеев оказалось сосредоточенным главным образом не на вопросах просветительного характера, а на той внутренней научной обработке материала, которая происходит в закрытых внутренних помещениях музеев. Внешние же экспозиционные залы, открытые для посетителей, рассматриваются как подневольная дань любопытству толпы, как нечто побочное, подсобное и несущественное в работе музеев. В той же мере, в какой научное руководство современных музеев вносит в организацию музея свой научный опыт и свои требования, это вмешательство выражается до сих пор почти исключительно в чисто систематическом расположении их материалов, согласно требованиям научной классификации. К сожалению даже эти чисто систематические принципы расположения материалов даже в лучших столичных музеях капиталистического Запада и по сие время нередко нарушаются побочными соображениями внешней красивости и занимательности, как это можно видеть на примерах Венского музея, зоологического музея Jardin de Plantes и даже центрального зала Британского музея, продуманные эволюционные темы которого разбавляются не имеющими к ним отношения увеличенными экспонатами и моделями блох, вшей, мух и комаров.

Отвлекаясь однако от той внутренней научной работы, которая развертывается во внутренних помещениях таких систематических музеев и от тех отдельных, чрезвычайно ярких и ценных препаратов, которые представляют своего рода уника, как например знаменитое мучело мамонта в Зоологическом музее Академии наук,—

нельзя не признать, что все эти музеи в значительной мере изжили себя и в конечном итоге мало понятны и доступны по своему содержанию тем народным массам, тому широкому посетителю, на которого они казались бы в первую очередь рассчитаны. К этому надо прибавить, что даже и с точки зрения чисто научной такое сухое систематическое расположение материала не отвечает научным требованиям современности, так как наука сама по себе давно уже перешла от простого накопления сырых систематических материалов к обобщениям фактов, осмысливанию их, обработке их с точки зрения общих проблем, с точки зрения общих законов, управляющих явлениями природы. Вот почему совершенно понятно, что создание такого музея как Дарвиновский музей, организованный при 2 Московском университете больше 20 лет назад профессором А. Ф. Котсом, целиком посвященный идее эволюции организмов, был встречен с полным одобрением прогрессивной общественностью того времени. Дарвиновский музей, создавший экспонаты чрезвычайно большой научной и художественной ценности, почти целиком изготовленные в мастерских самого музея, и демонстрирующий в ряде ценнейших экспонатов основные факты эволюционной теории, несомненно является большим шагом вперед в практике естественно-научных музеев не только нашей страны, но и всех других стран.

После завершения революции и рождения из недр царской России Советского Союза именно этот Дарвиновский музей получил чрезвычайную популярность и горячий отклик в тех широких народных массах, которые устремились к овладению наукой. Однако и Дарвиновский музей несет еще и до последнего времени на себе ту печать академичности и замкнутости, которая так характеризует музеи систематического характера. Приемы экспозиции этого музея, в частности отсутствие этикетки, который был бы рассчитан на широкого посетителя и давал бы ему возможность самостоятельно, собственной инициативой и собственным трудом, помимо объяснений представителя к нему экскурсовода, понять смысл выставленных экспонатов, то гипертрофированное внимание, которое этот музей отводит тем самым роли руководителя экскурсий, т. е. небольшому кругу организаторов и строителей этого музея, — все эти стороны значительно суживают возможности использования ценностей, заключенных в таком музее.

Революция 1917 г. и те задачи реконструкции всего народного хозяйства, которые были ей поставлены для всей страны, поставили совершенно иные задачи также и перед музейными учреждениями Советского Союза. Те же сдвиги во всей конструкции народного хозяйства неизбежно имели своим последствием и не менее глубокий сдвиг во всем мировоззрении народных масс и с чрезвычайной остротой повысили те требования, которые предъявляются со стороны этих масс по отношению ко всем научным, культурным и педагогическим учреждениям страны.

Музеи Советского Союза должны были рано или поздно откликнуться на эти зовы жизни, должны были принять участие

в социалистической реконструкции народного хозяйства и в осуществлении тех задач культурной революции, которые так неразрывно с ними связаны. Совершенно естественно, что такой живой отклик был бы невозможен, если бы музеи нашего Союза не изменили, не пересмотрели, не перереформировали всех основных предпосылок музейной экспозиции и самого воззрения на задачи и внутреннее содержание музейного учреждения, которое поддерживалось в дореволюционный период.

Биологический музей им. Тимирязева, начавший организоваться в 1921 г. и официально открытый в 1922 г., явился такой сознательной попыткой противопоставить эти новые воззрения на музей как на мощное орудие просвещения народных масс и как на базу культурной революции всем тем принципам музейного строительства, которые мы унаследовали от дореволюционного прошлого.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ БИОМУЗЕЯ ИМ. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

В чем же заключаются те основные противопоставления, те пункты разногласий, которые отделяют современные воззрения на музейное строительство в Советском Союзе от нашего недавнего прошлого?

Прежде всего конечно в том, что дореволюционные музеи в царской России всеми своими интересами и всем содержанием своих экспонатов прежде всего и больше всего обращены к прошлому. Это есть собрание памятников исторического прошлого или же, если речь идет о зоологическом музее, то это есть собрание памятников тех интересных экспонатов и коллекций, которые являлись уже предметами научного исследования в руках того или другого представителя науки. С точки зрения современных взглядов на задачи музеев, музеи должны прежде всего отражать состояние своей эпохи и на основе детального анализа и вскрытия характерных черт современности суметь и в своих экспозициях и во всех приемах своей работы с музейным посетителем толкать его внимание и его взоры не столько на прошлое, сколько в будущее. С этой точки зрения и в свете этих требований конечно не систематика и не классификация могут отвечать современности биологических наук или любой области естествознания. Даже в применении к строго научным задачам систематика уже давно рассматривается как подготовительная фаза научного исследования, которая должна быть направлена на разрешение общих проблем биологии и конечно в первую очередь тех, которые выражены в учении об органической эволюции. Вот почему в применении к задачам биологического музея основным стержнем несомненно должна явиться эволюционная идея, как тот основной стержень и те рамки, которые вмещают в себе по существу все другие частные идеи и проблемы биологии. Далее, наука в наших условиях не может замыкаться в свои храмы, ограничивать свои интересы разрешением чисто теоретических задач вне их непосредственной связи

с той реконструкцией народного хозяйства, которая происходит в Советском Союзе. Это тем более было бы неприемлемо и недопустимо, поскольку сама реорганизация и реконструкция народного хозяйства Советского Союза покоится и опирается на предпосылки того научного анализа социально-исторических явлений, которые даны были учением Маркса, Энгельса и Ленина. Вот почему вторым принципом, который был положен в основу организации биологического музея им. Тимирязева, явилось требование—полностью сочетать и увязать свои теоретические интересы с текущими задачами и практикой сегодняшнего дня. Эта связь внутренней композиции биологического музея с требованиями и запросами жизни в нашем представлении должна развиваться в двух основных направлениях: 1) это использование могучего орудия наглядного показа, которым обладает музей, для борьбы за научно-материалистическое мировоззрение. В непосредственном приложении к задачам народного просвещения и пропаганде основ материалистического мировоззрения задачи биологического музея конкретизировались в наших глазах в значительной мере на фронте борьбы с религиозными суевериями и предрассудками как одним из основных препятствий, стоящих на пути осуществления культурной революции в широких народных массах.

Второй важнейшей задачей музея является участие в осуществлении задач реконструкции народного хозяйства. Эти задачи конкретизируются в наших классах прежде всего в виде экспозиций, наглядно иллюстрирующих и пропагандирующих биологические основы сельского хозяйства и методы реконструкции последнего на научных началах, ибо эти задачи были также учтены Биологическим музеем им. Тимирязева при его организации.

С точки зрения внешнего оформления и приемов использования своих экспонатов музей старого времени характеризуется главным образом тем, что они демонстрируют каждый экспонат в его изолированном, самостоятельном виде, не связанном с рядом стоящими экспонатами. Для музея старого типа каждый экспонат представляет собою вещь в себе. Музейные экспозиции музея им. Тимирязева противопоставляют этому положению идею подчинения отдельного экспоната интересам выявления общих идей и тем, которые должны быть вскрыты на основе изучения и обследования отдельных частных явлений природы. Таким образом основным методическим принципом в музее им. Тимирязева является то, что каждый отдельный экспонат музея приобретает свою ценность только как часть в некоторой группе экспонатов, подчиненных той или иной общей теме, входящей в состав общеэволюционных или прикладных задач музея как целого.

Дальнейшей особенностью, характеризующей Биологический музей им. Тимирязева, является тот принцип историчности и динамичности его экспозиций, который противоп-

ставляется статике, неподвижности музеев старого типа. Во всех приемах своих экспозиций Биологический музей следует правилу, что всякое явление может быть полностью познано и изучено только тогда, когда мы знаем также и его историю. Этот принцип историчности и динамичности находит свое выражение в экспозициях нашего музея прежде всего в том, что он стремится показать посетителю не только конечные результаты и достижения нашей науки, но методы, способы и приемы их достижений. Если речь идет таким образом о достижениях экспериментальной биологии, то с нашей точки зрения должен быть показан не только конечный результат опыта, но и самый опыт в ходу, в его развитии, в его осуществлении. В порядке осуществления того же принципа динамичности Биологический музей применил впервые в своей практике прием экспонирования наряду с мертвыми экспонатами также и живых объектов природы, в виде ли живых растений, водяных животных или же терриумов и клеток с живыми и растительными организмами. Именно этот прием введения в музейные экспозиции живых объектов уже несколько лет назад, даже в условиях нашей страны, нередко вызывал большие недоумения и сомнения в законности такого сочетания. Между тем мы можем отметить, что именно в последние годы эти принципы органического синтеза живого экспоната, стоящие в наших экспозициях нередко в центре той или другой темы, успели уже завоевать себе полное признание и находят многочисленное отражение в ряде других молодых музеев нашего Союза.

Таковы основные характерные черты в области приемов музейной экспозиции, которые резко отличают Биологический музей им. Тимирязева от музеев капиталистического Запада, а также даже и от большинства современных музеев Советского Союза, еще сохраняющих в практике своей работы инерцию и архаические приемы дореволюционного прошлого. Не менее резкие отличия разделяют Биологический музей им. Тимирязева от большинства других музеев также в области педагогического использования выставленных экспонатов. Как уже было отмечено, даже такой относительно прогрессивный музей, выделяющийся своими достоинствами, как Дарвиновский музей, не считает для себя обязательным позаботиться об интересах индивидуального и массового посетителя путем снабжения своих экспонатов достаточно понятными и доступными надписями, разъясняющими смысл и содержание его коллекций. Во многих случаях организаторы этих музеев и обслуживающий их персонал снабжают свои экспонаты ничего не говорящими широкому посетителю латинскими надписями и уже во всяком случае совершенно не задумываются над необходимостью дать достаточно подробный этикетаж, который бы на доступном родном языке разъяснял посетителю не только необходимость данного экспоната, но и тот внутренний смысл, который вкладывался в него организа-

торами музея, когда его включали в список музейных экспозиций. В противовес этой практике Биологический музей им. Тимирязева основным лозунгом своей деятельности считает обязательным проявить полное внимание к тому рабоче-крестьянскому посетителю, на которого он прежде всего рассчитан. Ибо он считает, что как все богатства советской страны, так и в частности его музейные сокровища принадлежат трудящимся массам народа и должны быть организованы так, чтобы эти массы могли понимать смысл этих сокровищ.

Одной из характерных черт Биологического музея им. Тимирязева является то, что он стремится как все свои отдельные экспонаты, так и их группы, объединенные в некоторую общую, обобщенную тему снабдить более или менее подробным и во всяком случае понятно составленным этикетажом, который позволил бы сделать музейные коллекции предметом творческого инициативного изучения со стороны посетителей.

Дальнейшим отличием, характеризующим Биологический музей им. Тимирязева, является то обстоятельство, что он не боится включать в свои экспонаты наряду с натуральными препаратами тех или других животных или живыми формами растительных и животных организмов также и плакаты, художественные картины или даже рисунки, вырезанные из книг. Именно таким путем синтетического использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств мы достигнем максимальной и наивысшей выразительности музейного оформления и преодолеем ту изоляцию, которая характеризовала музеи прошлого, которая за систематическими рядами своих скелетов и чучел не хотела или не умела видеть потребностей жизни и не считалась с интересами своего посетителя, желающего извлечь максимум пользы из каждого объекта, осознавши и оценивши его место в общем ряду явлений природы.

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ И ЭКСПОЗИЦИИ БИОМУЗЕЯ

Охарактеризуем теперь основные экспозиции нашего музея, останавливаясь более подробно на тех моментах, которые являются наиболее специфическими и характерными для его физиономии. Как сказано выше, основной, ведущей идеей нашего музея является идея органической эволюции. В соответствии с этим, в основе музейных экспозиций лежит ряд тем, дающих обоснование и доказательство факта эволюции в их первоначальной классической форме, так гениально проработанной Чарльсом Дарвином. Эти экспозиции делятся нами на соответствующие темы, куда относятся: 1) доказательство эволюции, которые черпаются из области палеонтологии, или, как мы иначе называем эту тему,—отдел истории развития жизни на земле; 2) далее идет отдел доказательств сравнительно-анатомического порядка; 3) затем—отдел—эмбриологических доказательств и наконец, 4) отдел, который начал разворачиваться, посвящен специально теме животного происхождения человека.

Все эти отделы и по характеру своей экспозиции и по подобию отдельных экспонатов мало чем отличаются от аналогичных отделов Филогенетического музея, или Дарвиновского зала Британского музея если не считать конечно вполне осознаваемую нами относительную бедность и несовершенство наших иногда наспех собранных материалов. Однако уже и сейчас мы можем отметить некоторые оригинально выполненные в собственной мастерской сравнительно-анатомические препараты, дающие характеристику строения отдельных систем, как-то: органов пищеварения, дыхания и т. д.

Значительно более характерным для нашего музея является отдел экологии, или как мы его иначе называем, отдел, посвященный выявлению взаимоотношений между организмом и средой, а также взаимоотношению организмов между собой. Этот отдел, подводящий еще с одной стороны, а именно—со стороны чисто натуралистических исследований, ведущих свое начало опять-таки от того же Дарвина, к тем же выводам эволюционной теории, разворачивается нами соответственно уже вышевысказанным принципам, прежде всего на основе живых животных и растительных экспозиций. В центре отдела мы ставим ряд аквариумных экспозиций, выявляющих характер внешнего строения и соответственно значение приспособления организмов, обитающих в водной среде. Беря в основу этих экспозиций рыбу как форму наиболее приспособленную к обитанию в водной среде, этот отдел демонстрирует прежде всего тот факт, что и представители всех других классов и типов животного царства, попадая в водную стихию, неизбежно приобретают ряд особенностей аналогичного характера. Живые экспозиции жуков-плавунцов, или клопов-гладышей являются яркими демонстрациями этой идеи. Поскольку же объем нашего музея не позволяет нам здесь же разместить в живом виде более крупные формы водоплавающих птиц или живущих в воде млекопитающих, эти живые экспозиции дополняются рядом чучел соответствующих животных. Отправляясь от этой основной идеи, дальнейшие экспозиции демонстрируют ряд тем, освещающих характерные черты строения внутренних органов, в особенности органов передвижения, дыхания и кровообращения, которыми отличаются животные организмы, обитающие в той же водной среде. Параллельно к водной среде обитания дальнейшие темы этого отдела музея демонстрируют формы приспособления животных организмов к воздушно-наземному обитанию. Но эти темы уже в значительно большей мере дифференцируются на более специальные иллюстрации, посвященные, способам и органам защиты животных организмов от нападения, и органам нападения, которыми снабжены хищные представители различных классов и типов животных. Далее здесь же даются специальные шкафы, посвященные вопросам способов передвижения. Причем характерные черты передвижения как в водной среде, так и на земной поверхности иллюстрируются соответствующими живыми экспонатами (живые белки, как пример летающих живот-

ных, террариумы с ужами, ящерицами, лягушками и рядом насекомых, характеризующих различные способы передвижения). Наконец темы, посвященные покровительственной окраске, заботе о потомстве и характерным чертам взаимоотношения организмов между собою, как-то: паразитизм, симбиоз, каменсализм и т. д. завершают основные темы этого отдела и эти залы музея.

На всей совокупности этих тем, выявляющих взаимоотношения организма со средой и идею эволюции животных организмов, как неизбежный вывод и результат этого взаимодействия, наш музей надстраивает несколько завершающих тем, которые мы рассматриваем как наиболее оригинальные и специфические для нашего музея установки. Одной из таких надстроек является разработанное музеем и представленное в виде подбора натуральных препаратов дерево эволюции животного мира, занимающее центральную стену основного зала музея. В этом «дереве эволюции» натуральные препараты животных собраны как характерные представители основных типов и классов животных и в наглядной форме демонстрируют посетителю вероятный путь их развития, начиная от простейших беспозвоночных одноклеточных форм и кончая сложными организованными современными животными, включая человека. Эта же идея музейной экспозиции дерева эволюции осуществлена была независимо от нас и повидимому, несколько раньше в Нью-Йоркском естественно-научном музее. Однако с нашей точки зрения экспозиция нашего музея как со стороны ее простоты и выпуклости, так и в том отношении, что она отличается от нью-йоркского дерева эволюции, составленного целиком из рисунков, убедительностью своих натуральных объектов,—наше дерево эволюции обладает некоторыми существенными преимуществами. Рядом с этим общим деревом эволюции дано уже в одних только рисунках по естественным соотношениям недостатка имеющегося в нашем распоряжении места, специальное дерево развития млекопитающих животных и человека, которое доводит свои основные ветви до скелета млекопитающих. Эти деревья эволюции, первоначально экспонированные нами в 1922 г. и показанные к моменту официального открытия нашего музея, в настоящее время получили чрезвычайно большую популярность по всему Союзу и вызвали целый ряд подражаний в других музеях, развивающихся под непосредственным влиянием Биологического музея им. Тимирязева. Будучи же переведены на стенные плакаты, эти деревья эволюции являются одним из существенных пособий в работе школьных и внешкольных групп в различных концах нашей страны.

Другим принципиальным и существенным дополнением и надстройкой над уже упомянутыми темами является лишь недавно сконструированная тема, посвященная проблеме нецелесообразности и явлениям дистармоничности в природе. Эта тема выросла как естественный вывод из предшествующего педагогического опыта работников музея. Принимая

большое количество рабочих и школьных экскурсий, мы убедились, что основные экспозиции экологического отдела, концентрирующие внимание посетителя на явлениях видимой приспособленности организма к окружающей среде, создают в посетителе однако совершенно неправильный вывод и представление о якобы абсолютном совершенстве и целесообразности, господствующих в природе. Этот опыт подсказал нам, что правильное диалектико-материалистическое воззрение на явление целесообразности как на понятие относительного значения и как на конечный результат тех глубоких противоречий, которые имеют место в природе и которые разрешаются путем естественного отбора относительно приспособленных форм и гибели миллионов неприспособленных и менее целесообразно организованных существ,—что вся эта гениальная дарвиновская концепция мира может быть прекрасно проиллюстрирована и внесена в сознание нашего посетителя, если наряду с основными, ранее упомянутыми темами музея мы выставим, а до известной степени им противопоставим подбор экспозиций, подчеркивающих многочисленные факты нецелесообразности несовершенства форм в природе. В основу этой экспозиции в порядке резкого, грубого противопоставления банальным и сусальным представлениям обывателя о гармонии, царящей в природе, мы выставили ряд экспонатов, различных форм уродств. Таким образом целый ряд материалов тератологического характера, которые до сих пор еще коллекционируются музеями и научными институтами, как простое собрание раритетов, используются нами как основа для музейного оформления одной из наиболее глубоких и принципиальных идей биологии. Несмотря на полную молодость этого отдела, нам удалось собрать в нем несколько чрезвычайно ценных самих по себе экспонатов, как-то: сросшихся ягнят, обладающих наряду с раздельными туловищами общей уродливой головой и одним циклопическим глазом, скелетом и чучелом ягненка, родившегося без передних конечностей, двухголового теленка, сросшихся телят-близнецов и несколько интересных уродств среди цыплят, обладающих дополнительными конечностями. В соответствии с основными принципами экспозиций нашего музея всюду, где представлялась для нас возможность, мы эти экспонаты первоначально демонстрировали в живом виде и только после их смерти они пополняли мертвые постоянные коллекции музея. Что касается соответствующих параллельных примеров уродств в человеческой семье, то и здесь музей обладает в настоящее время несколькими интересными препаратами уродливых эмбрионов, а в остальном в широком масштабе использует фотографии и рисунки, заимствованные из специальных книг и монографий. Эти тератологические материалы, являющиеся отправным пунктом для демонстрации фактов дистармонии и несовершенства форм в приро-

де, дополняются далее рядом экспонатов, которые переводят посетителя в анализ более тонких и менее бросающихся в глаза примеров таких дисгармоний, причем дисгармоний такого порядка, которые имеют место даже в построении организмов, выживающих в борьбе за существование и рассматриваемых обычно как примеры полного совершенства. Сюда входят конечно знаменитые примеры червеобразного отростка у человека и ряд многочисленных рудиментарных органов, характеризующих собой факты неполной приспособленности организмов к жизни или же примеры излишних и ненужных органов, являющихся только балластом в общей экономике организма. Наконец сюда же включаются нами и экспозиции, характеризующие факты неполной приспособленности инстинктов, или пример мелких певчих птичек, которые воспитывают птенцов кукушки, становясь тем самым в противоречие с интересами продолжения своего собственного рода. Идейная значимость этой нашей экспозиции расценивается нами тем выше, что от нее мы естественно с несколько новой и неожиданной для многих стороны подходим к вопросу о путях видообразования, ибо нетрудно показать каждому посетителю, что в несколько иных, изменившихся условиях целый ряд таких явлений и форм природы, которые обычно рассматриваются нами как явления уродства, могут стать основой для образования новых форм животного или растительного царства. Иллюстрацией такого положения служит для нас подбор рыбок-вуалехвостов и золотых рыбок, являющихся, как известно, уродливыми аберрациями обычного китайского караса, а также и подбор ряда других домашних животных, как-то кур, голубей, крупного скота и т. д. Таким образом эта тема, базирующаяся в своей основе на тератологических раритетах, в своем высшем анализе позволяет нам подвести нашего посетителя к чисто диалектическому пересмотру как всей проблемы целесообразности, так и к совершенно новым представлениям об уродстве, как столь же относительном понятии, где окончательным критерием того, что считать целесообразным или нецелесообразным, что считать уродливым или неуродливым,—решается в конечном счете эмпирическим фактом выживания или невыживания данного организма в данных конкретных условиях его обитания. Совершенно естественно, что эта чрезвычайно актуальная в экспозициях нашего музея тема потребовала от нас дальнейшего продолжения в виде попыток экспонировать в музее в наглядной форме параллельную и чрезвычайно тесно связанную с ней тему борьбы за существование. Эту тему мы считаем, конечно, менее всего допустимым изображать в той уродливой форме кровавой борьбы, которой ограничиваются соответствующие экспозиции Британского музея и других крупнейших музеев капиталистических стран, ибо, как это хорошо известно, сам Дарвин с большой силой подчеркивал, что факты кровавой борьбы являются лишь небольшой частностью в общей схеме его учения об естественном отборе и борьбе за

существование. Мы не считаем, чтобы эта задача музейного оформления столь сложной проблемы, как идея борьбы за существование, была нами в настоящее время разрешена, а чисто внешние технические условия переполненности всех уголков музея уже существующими экспонатами являются к тому же одним из существенных факторов, которые задерживают окончательное завершение этой уже начатой и частично выполненной нами темы.

Третьим и весьма значительным с нашей точки зрения разделом тем, развернутых нашим музеем над основной базой уже упомянутых эволюционных экспозиций, является так называемый экспериментальный отдел биологического музея. Как уже было сказано выше, в задачи нашего музея входит экспозиция не только простых эмпирических данных фактов эволюции, но мы стремимся вскрыть перед нашим посетителем основные движущие силы процесса эволюции, т. е. раскрыть не только факты, но и факторы эволюционного развития. Эти факторы эволюции отнюдь не исчерпываются только принципом борьбы за существование и естественного отбора, разработанными со столь гениальной полнотой самим Дарвином. Дарвин оставил нам как бы завещание подвергнуть дальнейшей экспериментальной разработке и изучить основные законы изменчивости и наследственности, образующие собой как бы противоречивое единство тех действующих в организованной природе сил, которые определяют собой образование новых форм организмов, с одной стороны, и их закрепление в потомстве,—с другой. Эти законы изменчивости и наследственности, которые подвергнуты дальнейшей научной разработке уже после смерти Дарвина, нашли прежде всего свое наилучшее выражение в тех замечательных законах наследственности, которые получили название менделизма. Наш музей, ставящий своей основной задачей идти в ногу с современными достижениями биологических наук, считал абсолютно необходимым вернуть специальный отдел, посвященный явлениям изменчивости и наследственности в природе, как они даются при простом натуралистическом подходе к этим явлениям прежде всего, а затем и главным образом в обстановке нашего непосредственного экспериментального вмешательства. В силу чрезвычайной ограниченности места и необходимости специально, в порядке специально для этой цели организованных учебных опытов подготовить материал по генетике, эти отделы далеко не достигли еще того развития, которое мы считали бы для них необходимым; однако и здесь отметим довольно уже богатый подбор примеров изменчивости различных групп животных в виде явлений альбинизма, меланизма и других аберраций в окраске у птиц, интересные примеры географической изменчивости, а также индивидуальных вариаций, которыми обладает этот отдел музея, в особенности на примерах насекомых. Наряду с этим, с целью вскрыть конечные движущие факторы изменчивости организма, в нашем музее даны отдельные экспозиции, повторяющие классические опыты Штанфуса и Фишера, посвящен-

ные влиянию аналогически выделенных факторов внешней среды, как-то влиянию температуры на окраску некоторых видов бабочек. Наконец подбор пород кур и голубей в натуральных экспонатах и параллельные рисунки различных пород крупных млекопитающих домашних животных дополняют собой эти коллекции, посвященные вопросам изменчивости в природе. Законы Менделя демонстрируются как в схематических плакатах, так и в некоторых натуральных экспонатах демонстрируются основные менделевские правила на окраске аксолотлей, ночной красавицы, морских свинок и некоторых других животных.

Принципиально новым в этом экспериментальном отделе музея является тот его раздел, который носит название раздела внутренних факторов формообразования. Этот отдел имеет своей целью показать, что наряду с внешними факторами—температурой, влажностью, светом и т. д., с одной стороны, и наряду с теми гено-вариациями, которые дают основание к образованию новых мутаций, с другой, существует еще богатая группа чисто физиологических и главным образом гуморальных факторов, действующих в самом организме и дающих импульсы для образования новых признаков как в окраске, так и во внутреннем и во внешнем строении живых существ. На современном этапе развития науки особое место и чрезвычайное внимание в этом отношении привлекают к себе железы внутрисекреторной системы. Именно в последние годы экспериментальная эндокринология накопила чрезвычайно богатство фактов, подтверждающих эту точку зрения на железы внутренней секреции как на внутренний источник, определяющий собой как общее развитие, так и различные отклонения в формообразовании животного организма. Этот раздел Биологического музея получил в нынешних условиях его быть может несколько непропорционально большое развитие в силу того обстоятельства, что именно этот круг вопросов является предметом специальных научных исследований как автора этих строк и руководителя Биологического музея, так и группы его сотрудников. В основу экспозиций этого отдела положены замечательные опыты, ведущие свое начало от Гудернача и выявившие ответственное значение щитовидной железы в процессе метаморфоза у земноводных животных. В музее демонстрируются как препараты, взятые из учебных опытов Биомузея, в которых был повторен классический опыт Гудернача над влиянием щитовидной железы на превращение головастика лягушки, так и живые и мертвые экспонаты, иллюстрирующие параллельный факт на аксолотлях и амблистомах, которые являются обычным экспериментальным материалом в научных исследованиях Биомузея и примыкающем к нему научно-исследовательском институте. Наряду с этим опытом в музее собраны материалы из наших специальных исследований, посвященных изучению вновь открытых нами фактов влияния щитовидной же-

лезы на оперение у птиц. Как это было уже описано в специальных работах, дача даже одной разовой дозы щитовидной железы вызывает у кур и у других пород птиц быстро и бурно наступающую линьку, доходящую нередко до абсолютной потери всего пера. Вырастающее взамен выпавших перьев новое оперение оказывается в большей или меньшей мере депигментированным. Таким образом нам удается первоначально чисто черных, желтых или красных кур переокрашивать в белый цвет. Дальнейшие исследования наши и других исследователей показали возможность путем применения меньших доз щитовидной железы вызывать замену рыжего пигмента пера феомеланина черным пигментом эвмеланином и это позволяет нам экспонировать в залах музея чучела кур, одна половина или отдельные части тела которых окрашены в один цвет, а другие—в другой.

Другая группа экспонатов музея посвящена роли половой железы для определения вторичных половых признаков у тех же кур, как это было выявлено в основных работах Гудая, Пезара и М. Завадовского. Музей имеет в настоящее время подбор экспонатов, характеризующих последствия кастрации, произведенной как на петухах, так и на курах, равно как и чучело бывшей курицы, которая в результате регенерации правого яичника самопроизвольно превратилась в петуха. Здесь же имеется большой подбор других видов птиц, которые в различных вариантах подтверждают эти основные факторы действия щитовидной железы и половых желез на окраску и оперение птиц.

Дальнейшие экспонаты этого отдела углубляют полученные основные выводы в трех различных направлениях. Одна из групп этих экспонатов посвящена вопросу о перекрещивании влияния щитовидной и половых желез на описанные только что морфогенетические явления в отношении пера у кур, причем эта общебиологическая проблема уточняется в направлении химической идентификации действующих в каждом данном случае гормонов. Таким образом в применении к влиянию щитовидной железы в музее выставлен ряд экспонатов, относящихся к специальным исследованиям Биомузея и научно-исследовательского института, в которых выясняется возможность получения тех же эффектов линьки, депигментации и ряда структурных изменений в форме и пигментации пера под действием чистого гормона щитовидной железы, каковым является добытый и описанный Кандаиллем и Готтенгтоном тироксин, а наряду с этим и параллельные опыты с другими, более простыми препаратами иода и непосредственными производными тироксина. Аналогичные же опыты демонстрируются и в применении к аксолотлям и амблистомам. Параллельные опыты, произведенные над половыми железами, позволили в настоящее время раскрыть, что действующим гормоном яичника, определяющим собой специфические половые признаки куриного оперения являются фоликулин, вырабатываемый в графовых пузырьках яичника,

как это установлено новейшими работами Б. Цондека, выделяемый в огромных количествах с мочей у беременных женщин. В недавних еще неопубликованных опытах Биологического музея и института нам удалось получить при помощи чистого фоликулина, полученного нами из мочи беременной женщины, росту нормального петуха пера чисто женского типа и таким образом показать, что именно фоликулин принадлежит специфическое определяющее значение в явлениях полового диморфизма как у млекопитающих, так и у птиц. Более специальные экспонаты, завершающие этот цикл тем Биомузея, посвящены вопросу о совместном влиянии тироидных гормонов и фоликулина на реакцию пера у кур. В этих опытах удалось выяснить, что дача мелких доз тироидного гормона петухам и кастратам, безразлично полученным из бывших петухов или бывших кур, дают на шейном пере петухов куропатчато-итальянской породы общую картину почернения пера, в то время как на нормальных курочках с активно действующим яичником эта реакция меланизации заменяется реакцией перераспределения черного и рыжего пигментов из продольных рядов в поперечные. При совместном же введении тироидного гормона и фоликулина нам удалось на шейном пере бесполого или петушьего типа получить реакцию перераспределения пигмента, характерное для женского пера.

Таким образом этот раздел экспонатов музея, вобравший в себя материалы оригинальных работ, проводимых в его собственных стенах, позволяет нам с полной отчетливостью идентифицировать химическую природу гормонов, или тех факторов формообразования, которые имеют отношение к развитию оперения у птиц.

Не вдаваясь в перечисление других более специальных экспозиций, которые дополняют и углубляют в разные стороны отмеченные ниже результаты, перейдем ко второй группе экспозиций этого отдела музея, которые направлены к выяснению проблем, несколько уходящих в сторону от чистых морфогенетических задач отдела в целом. Мы имеем в виду ту группу специальных исследований, экспонированных в этом разделе музея, которые посвящены проблеме судьбы тироидного гормона в организме у гипертеризированных животных. Основной смысл этих экспозиций состоит в следующем: проводя наши исследования над влиянием щитовидной железы на кур, мы задумывались над вопросом о том, имеется ли возможность доказать наличие в крови у гипертеризированных животных избыточного содержания тироидного гормона. Для разрешения этой проблемы мы собирали кровь, а затем и кусочки различных тканей птиц, накормленных накануне большими дозами щитовидной железы, и вводили измеренное количество этих тканей в полость тела аксолотлей. Факт превращения аксолотлей в ам-

блистом послужил для нас показателем присутствия или отсутствия гормоно-щитовидной железы в исследуемых тканях. Таким образом нам удалось доказать, что еще через девять дней после скаर्मливания курице дозы щитовидной железы в крови, печени и почках у этих птиц количество тироидного гормона достаточное для того, чтобы вызвать превращение аксолотлей в амблистом. Другая параллельная серия опытов позволила углубить эти первоначально достигнутые нами результаты в направлении изучения судьбы тироидного гормона в организме не только у птиц, но также у млекопитающих животных как в пространстве, так и во времени, т. е. как в смысле определения тех кровов, в течение которых введенный гормон сохраняется в организме у исследуемых животных, так и в смысле изучения распределения этого гормона между различными органами тела гипертеризированных животных. Этому более специальному кругу вопросов посвящены соответствующие экспонаты, размещенные в одном из шкапов экспериментального отдела музея.

Наконец третья группа экспонатов позволяет нам уже расширить упомянутое специальное исследование, углубленно проработанное и прорабатываемое до сих пор у нас в музее на опытах аксолотлей и амблистом со щитовидной железой и половыми железами, также и в другой области изучения внутренней секреции. Так, в нашем музее имеется группа экспонатов, посвященных специальным работам пишущего эти строки, над влиянием щитовидной железы на рост и развитие щенков. Здесь же имеется группа экспонатов, характеризующих влияние фоликулярного гормона, а также гормона нижнего придатка мозга, вновь открытого тем же Цондеком под названием пролана, на половое созревание инфантильных мышей и крыс. Наконец влияние удаления нижнего придатка мозга на рост демонстрируется на чучелах и скелетах пары собак, любезно предоставленных в распоряжение музея доктором Карликом из его собственных научных работ. Наконец продолжая и развивая нашу точку зрения на железы внутренней секреции как на внутренние факторы формообразования в животном царстве, мы охватываем в составе экспозиций этого отдела также и тот богатейший материал человеческой клиники, который до сих пор рассматривался только как объект медицинского исследования. В ряде фотографий клинических случаев, монтированных из клинической литературы, посвященной клинике желез внутренней секреции, Биомузей выявляет роль всех основных желез внутренней секреции и как источника многочисленных заболеваний человеческого организма, но также и как источника формообразования этого человеческого организма. Под этим же углом зрения рассматриваются и работы, Штейнаха и Воронова над влиянием желез внутренней секреции и в частности половых желез на явления старчества и омоложения у человека и животных.

Своеобразие Биологического музея, как музея живых объектов, выявляющих динамику биологических закономерностей, осо-

бенно легко выявляется на примере экспозиций ботанико-агрономического сектора. В силу самого содержания своих экспозиций и технических удобств растительных культур именно в этом секторе Биологического музея удалось в полной мере выявить преимущества живых экспозиций, отличающих наш музей от тех мертво-академических гербарных коллекций, которые свойственны всем до сих пор существующим так называемым ботаническим музеям. Экспозиции ботанико-агрономического сектора, непосредственно примыкая к экологическому отделу зоологического сектора, непосредственно продолжают темы эволюционного содержания. Здесь развернуты схемы эволюции растительных организмов и в частности известная схема Ветштейна, демонстрирующая переход первоначальных водных растительных форм в наземные формы, и рядом дана небольшая коллекция основных типов и классов растений, начиная от водорослей, грибов и лишайников, далее мхи, папоротники затем голосемянные и наконец покрытосемяные цветковые растения. Все эти основные систематические группы растений даны не только и даже не столько в гербарных экспонатах, сколько в виде живых растений размещенных в аквариумах и в горшках-вазонах.

За этой темой следуют элементы растительной экологии, развертываемые в частности на примере групп растительных ксерофитов, с такой яркостью выявляющих зависимость всей морфологии и внутреннего строения растений от недостатка влаги или, как это иначе говорят, «приспособления» растений к пустынной жизни. В ряде живых и мертвых экспонатов иллюстрируются и другие темы растительной морфологии, причем ряд экспонатов характеризует закономерности в изменчивости формы, в частности закономерность расчленения пластинки листа и биологические факторы, определяющие это расчленение, что представлено на основе специальных работ руководителя этого сектора Н. П. Кренке, выполненных им как специальное научное исследование.

Дальнейшим крупным разделом, который экспонирует музей, ния у растений, причем тема бесполого размножения иллюстрируется рядом экспериментов над бесполом размножением бегонии путем черенкования ее листьев и рядом других аналогичных опытов, которые посетитель музея может видеть в их непосредственном ходу. В витринах полового размножения наряду с прочим показаны гибриды разных растений, в частности между рожью и пшеницей, гибриды хлопчатника, кукурузы и т. д.

Дальнейшем крупным разделом, который экспонирует музей, является отдел экспериментальной морфологии. Темы этого отдела могут быть поставлены в полную параллель с соответствующим экспериментальным отделом зоологического сектора не только в смысле динамичности тех экспериментальных экспонатов, которые составляют основу этих тем, но также и в том отношении, что именно относящиеся сюда проблемы экспериментальной растительной морфологии являются предметом специ-

альных научных исследований коллектива сотрудников ботанико-агрономического сектора.

Здесь получены новые искусственные химеры (Кренке), показано экспериментальное придание листу функций стебля (Дубровицкая) и т. д.

Ряд интересных опытов с прививками различных видов растений, друг на друге постоянно сменяясь, являются объектом для рассмотрения их экскурсиями. Ряд других законченных опытов экспонируются в непосредственном соседстве в виде зафиксированных и законсервированных препаратов. Здесь посетитель музея может воочию видеть интересные опыты с образованием картофельных клубней на воздушных стеблях, надземное развитие свекловичных корней, привитых на цветочные побеги свеклы, ягоды паслена на табаке и ряд других аналогичных опытов.

Параллельно показаны и аналогичные явления самопрививок в природе, естественные химеры и т. д.

Следующий раздел тем этого сектора музея посвящен внутренней динамике растительной жизни или физиологии растений. При конструировании ранее описанных тем музея и в особенности в этом отделе экспозиций ботанико-агрономического сектора были задуманы живые музейно воплощенные иллюстрации к последовательным главам книги Тимирязева «Жизнь растений», как живая дань и памятник этому великому советскому естествоиспытателю, имени которого посвящен весь музей. Таким образом и физиологические темы ботанико-агрономического сектора представляют собой как бы музейное оформление основных сторон жизни растений, начиная от условий прорастания семян и переходя к физиологии корневого и листового питания растений. В этих отделах наряду с некоторыми законченными опытами, например обнаружение крахмала в зеленом листе, опытом по испарению растений и т. д. показаны и (опыт Сакса) физиологические эксперименты, непосредственно находящиеся в ходу. Так, условия прорастания семян растений иллюстрируются постоянно сменяющимися банками с прорастающими семенами гороха в условиях различного количества воздуха. Принципы корневого всасывания иллюстрируются моделями осмотических явлений в искусственной клеточке Траубе и на полупроницаемых перепонках в виде оболочки куриного яйца (опыт Остергаута). Соответствующие установки позволяют в любой момент продемонстрировать на глазах у экскурсионных групп опыты над различной проницаемостью различных видов почв и наконец калориметрические методы определения кислотности почвы или водной среды, в которых приходится обитать и произрастать растениям. Здесь же смонтированы опыты с испарением воды растениями, опыты по тропизмам, по росту растений и прочее.

Наконец естественным продолжением и выводом из этих тем является переход экспозиций музея к темам, непосредственно иллюстрирующим биологические основы организации сельского хозяйства. Раньше всего здесь,

исходя из опытов по питанию растений, развернуты опыты, иллюстрирующие основные положения удобрения почв и создания структуры у них. При этом некоторые опыты являются оригинальными, предложенными сотрудниками музея (гл. образом Бельской). Опыты по почвоведению и удобрению почв представлены параллельно: в монтировках по фазам течения опыта и в лабораторной форме для демонстрации явления на ходу на глазах экскурсантов.

В связи с вопросами удобрения растений и структурности почв показаны примеры многопольных севооборотов, в частности один, поддерживаемый в живом виде путем высевы в ящиках. Для упражнений курсантов и экскурсантов имеются перекладные модели севооборотов, из которых обращает внимание обычная система кубиков, но с изображенными на них отдельными полевыми культурами (изобретение сотрудников данного сектора). Из других элементов полеводства необходимо отметить тему по борьбе с сорняками, а также две темы, приуроченные непосредственно к посевным кампаниям, именно: «Определение качества посевного материала» и «Подготовка посевного материала к посеву». Не останавливаясь на ряде других экспонатов из области растениеводства, укажем, что ныне шире разворачивается и отдел животноводства, причем в первую очередь показаны основы питания скота по нормам, основы силосования кормов, основы ухода за скотом и разведения его. В частности имеется экспонат и по искусственному оплодотворению.

Окончательным завершением этих производственных прикладных выводов, которыми заканчивается ботанико-агрономический сектор музея является подготавливаемая к постановке модель колл. хоз. (колхоза). Задача этой модели на совершенно конкретном примере одного из колхозов московской области — выявить все основные характерные черты экономики и организации коллективного хозяйства. Эта модель и все соответствующие темы и таблицы, которые должны расширить опыт данного коллективного хозяйства до обобщающих выводов, имеющих приложение к проблемам коллективизации, волнующим весь Союз вне зависимости от района и местоположения, находятся в настоящее время в стадии организации. Они должны сменить, свернутую в настоящее время, но просуществовавшую в нашем музее в течение двух лет аналогичную модель средняцкого индивидуального хозяйства одного из крестьян московской области. Нам не приходится здесь обосновывать необходимость такой смены, неизбежной и обязательной для нашего музея, обязанного безотлагательно реагировать на директивы партии и связанные с этим сдвиги и повороты в экономической структуре сельского хозяйства нашего Союза.

Перечисленные нами темы ботанико-агрономического сектора определяют собою основную линию и тенденции в развитии этого отдела музея. Основной характерной чертой его является целостное и компактно увязанное между собою сочетание обще-теоретических проблем биологии растений с прикладными производственными задачами, экспонируя и музейно оформ-

ляя которые наш музей стремится внести посильную дань в целевые установки и задачи социалистической реконструкции страны, которыми охвачена вся советская общественность. Недостаток места и соответствующих материальных условий не позволяют в должном виде развернуть эти чрезвычайно актуальные именно в настоящее время темы. В силу этого ряд весьма важных и принципиально учтенных нами тем, как например тема, посвященная животным вредителям сельского хозяйства, и наравне с этим также тема, посвященная животным и растениям полезным для борьбы с этими вредителями, лишь бегло затронуты в экспозициях музея, хотя они и заслуживали конечно гораздо большего развития, чем это мы имеем возможность сделать в настоящий момент.

ВНЕШНОСТЬ ЭКСПОЗИЦИЙ МУЗЕЯ

Переходя теперь от характеристики внутреннего содержания и тематики нашего музея к его внешнему оформлению, мы должны отметить, что это последнее находится далеко не на безупречном уровне. Биологический музей им. Тимирязева первоначально был сконструирован из совершенно случайных, почти что бросовых коллекций, заготовлявшихся в дореволюционное время главным образом мастерскими «Природы и школы» непосредственно для школьной практики. Многие из этих экспонатов помимо своего невысокого идейного уровня находились в почти непригодном состоянии, некоторые из них были просто поломаны и повреждены. Тем не менее, преследуя свои задачи приемами того же музейного метода показа противопоставить наш новый принцип музейного строительства всей практике ранее существовавших, хотя и находящихся внешне в гораздо более выгодных условиях музеев, мы считали себя вправе пренебречь этими дефектами внешней красоты и только в последние годы, по мере развертывания работы собственных мастерских Биологического музея, нами осуществляется последовательная замена старых сношенных коллекций новыми экспонатами, смонтированными по нашим непосредственным указаниям с учетом потребности наших тематических установок. Но еще и до сих пор мы отнюдь не можем похвастать внешней красотой и изяществом в экспозиции значительного количества тем экспонируемых нашим музеем, хотя и можем в некоторых случаях считать отдельные, изготовленные в мастерских музея экспонаты анагомических препаратов и в особенности результаты экспериментальных работ как зоологического, так и ботанико-агрономического секторов как значительную оригинальную ценность музея уже в его настоящем виде.

Сделанное нами в предыдущих строках перечисление основных руководящих отделов и тем Биологического музея в его целом в достаточной мере выявляют те основные целевые установки, которые легли в основу всей организации музея. По своему

идейному содержанию музей стремится сочетать в единой целостной картине демонстрации общебиологических закономерностей природы, находящих свое высшее завершение в идеях и теории органической эволюции, с задачами и установками на всемерное содействие науки социалистическому строительству и творческому применению и переработке старых методов использования природных сил на новых началах.

МАССОВАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА МУЗЕЯ

Не в меньшей мере меняются в связи с этим и все основные методические установки и оформления музейных тем, равно как и самое отношение музея к его посетителям. В то время как музей старого замыкается в своем собственном величии и рассматривает себя как некие «храмы науки», лишь снисходящие в силу необходимости к любопытству толпы, наш музей всеми своими установками обращен к массам. Этот лозунг—лицом к массам—осуществляется прежде всего в форме того подробного этикетажа и разъяснительных записок и лозунгов, которыми мы стараемся снабдить как каждый отдельный экспонат, так и их тематические группы на возможно более понятном и доступном посетителю языке. Он (лозунг) выражается также и в том, рассматривая музей как одну из главнейших и основных баз осуществления задач культурной революции, мы ставим перед собою задачу преодоления той обособленности, которая отделяла музей прошлого времени от всяких других методов и форм массовой просветительной работы. Мы стремимся метод музейного показа сочетать со всеми преимуществами библиотеки-читальни и таким образом уже в настоящее время по ряду основных тем музея мы имеем выставку доступных популярных книг, относящихся к экспонируемым материалам, которые посетитель музея может по выбору взять в свои руки и здесь же, на месте, читая книгу, углубиться в детальное изучение музейных экспонатов, их смысла и содержания. Совершенно естественно, что на базе такой структуры музея в музее развертывается большая работа по приему экскурсий. Эти экскурсии формируются из посетителей самого разнообразного состава, но в преобладающем своем большинстве это—организованные группы, записывающиеся предварительно в очередь, или от школьных организаций, или профсоюзов, или от красноармейских частей или наконец от студенчества различных вузов или комвузов. Основными темами, проводимыми для этих экскурсий, являются различные главы эволюционной теории, причем значительное количество экскурсий проводится музеем со специфическим антирелигиозным заострением в порядке противопоставления достижений и выводов научного знания, с одной стороны, и религиозных суеверий и предрассудков,—с другой. Именно в порядке такой антирелигиозной тематики наш музей пришел к идее создания специальной уже упомянутой выше темы, посвященной фактам дис-

гармонии в природе, и в течение последних четырех лет нами создан специальный отдел физиологических демонстраций, посвященных оформлению двух актуальных тем. Первая тема, озаглавленная нами «Есть ли душа?» и вторая—«Живая природа в руках человека». Эти демонстрации музея, построенные на опытах из области животной физиологии по вполне понятным техническим условиям не могут быть постоянными экспозициями музея, так как ни включенная в эти темы демонстрация фистульных собак, ни опыты с изолированными сердцем и кишкой или опыт с обезглавленной лягушкой не могут быть экспонируемы как длительные экспозиции и вне участия соответствующего экспериментатора, осуществляющего эти опыты. Рядом с этими опытами над изолированными органами и нервной системой обезглавленной лягушки выставляется ряд демонстраций жизни капли воды и клеточного строения организмов под микроскопом. Опыт, демонстрирующий кровообращение в лапке лягушки, и некоторые другие элементарные опыты, которые объединяются в уже отмеченные нами темы, утверждающие, с одной стороны, нелепость веры в единую, неделимую душу, якобы оживотворяющую тело, а с другой стороны, утверждающие ту все растущую власть, которую приобретает человек над явлениями в организованной природе на почве новейших открытий физиологии. Именно эти физиологические демонстрации нашего музея являются на протяжении последних четырех лет, пожалуй, главным «гвоздем» и мотивом, привлекающим все растущий поток рабочих, школьных и красноармейских экскурсий в Биологический музей им. Тимирязева, как в популярную базу и чуть ли не единственное место, где массовый посетитель может непосредственно и вочию собственными глазами увидеть многие из тех новинок и достижений науки, о которых до сих пор и в других странах приходится лишь читать или узнавать по наслышке. Все растущая популярность и посещаемость музея отнюдь однако не дают нам ни права ни оснований к тому, чтобы удовлетвориться достигнутыми успехами и скрестить руки на груди в уверенности дальнейшего самотека посетителей в стены музея. С нашей точки зрения музей ни в какой мере не должен пребывать в пассивном ожидании посетителей, но должен найти способы и методы к активному выходу в массы и на улицу, активно завоевывая и привлекая к себе все новые группы посетителей, утверждая и пропагандируя разрабатываемые музеем методы массовой просветительной работы. Одной из таких наиболее актуальных форм активного завоевания массового посетителя мы видим в лозунге, провозглашенном музеем еще в самом начале его основания. Это лозунг—«выход на улицу», т. е. вынос музейных экспозиций за непосредственные стены музея первоначально в прилегающие к основным залам нашего музея коридоры, в которых студенчество Свердловского университета, в здании которого расположен наш музей, проводит время в промежутках между лекциями. Именно таким образом почти весь ботанико-агрономи-

ческий сектор, а также и палеонтологический отдел зоологического сектора развернуты нашим музеем не в закрытых залах, а в открытых коридорах, доступных обозрению в любое время для всех входящих в здание Свердловского университета.

Дальнейшим развитием этой идеи является опыт, повторяемый нашим музеем уже в течение двух лет — организация живых биологических растительных тем на площади Миусского сквера, непосредственно прилегающего к зданию музея. Здесь уже два года подряд под руководством и по планам, разработанным музеем, большая часть растительных насаждений организована в биологические темы, посвященные как вопросам вообще биологии растений (способы размножения, перекрестное опыление, морфология, способы распространения семян и т. д.), так и в особенности темам производственного прикладного значения. В числе таких производственных тем, получивших особую популярность и оправдавших себя, относится большая делянка, иллюстрирующая сравнительную ценность трехпольного и восьмипольного севооборота, данная в этом сквере уже не в виде модели, а в виде, если можно так выразиться, натуральных экспонатов, а также ряд насаждений лекарственных, медоносных и технических культур, включая сюда и такие растительные формы, которые подобно кенафу, сое, кендырю и некоторым другим растениям именно в наши дни должны быть максимально пропагандированы и акклиматизированы на советских полях. Соответствующий этикетаж имеет своей целью разъяснить техническое и соответствующее лекарственное значение и пропагандировать идею сбора лекарственных трав или культивирование тех растений, которые не получили еще достаточного признания в нашем населении.

Большим плюсом нашего музея как организатора этого вида работы мы считаем то обстоятельство, что фактическое осуществление этих растениеводственных тем удалось поставить при помощи объединенной организации школ Красно-пресненского района и таким образом эти экспозиции музея выполняют одновременно многогранное и в одинаковой мере важное задание. С одной стороны, они являются непосредственной активной формой культурно-воспитательной работы в широких кругах населения окружающих и примыкающих к району местоположения музея, а с другой стороны, они являются формой действительного внедрения трудовой производственной практики в школьную работу, с третьей же стороны, эти первые попытки и опыты нашего музея являются, как мы в этом убеждены, наилучшей формой инструктирования организаторов коммунального хозяйства как в Москве, так и во всем Союзе, в том направлении, что зеленые насаждения города можно и должно использовать не только как место бе-

зидейных насаждений в виде цветников, но и как один из действенных методов массового народного просвещения.

В том же порядке развития массовой просветительной работы Биологическим музеем организуются многочисленные выезды с лекциями в рабочие клубы. Характерной чертой этих лекционных выездов является то обстоятельство, что в них молодые сотрудники опираются на все те выработанные музеем и оправдавшие себя методы наглядного показа, при помощи которых мы достигаем возможности всестороннего охвата внимания нашей клиентуры. Это осуществляется нами при помощи достаточно богатого снаряжения и пополнения лекционных выступлений большим количеством опытных демонстраций, диапозитов и других иллюстративных предметов. Результаты и преимущество этих форм работы, которую мы противопоставляем воспитательной, но к сожалению до сих пор еще не изжитой практике большинства культурно-просветительных организаций, использующих методы чисто словесной культуры, видны из следующего: в статистике лекционных выездов музея, которые, как уже отмечено, осуществляются молодыми сотрудниками, нередко еще не окончившими студентами, зарегистрировано много случаев, когда рабочая аудитория по окончании лекций с сожалением заявляла, что если бы они знали, что эти лекции будут так интересны, то пришло бы во много раз больше слушателей, но так как они думали, что это одна из обычных скучных лекций, с которыми к ним приезжают университетские профессора, то большинство рабочих не захотело итти вновь скучать. Совершенно несомненно, что успехи лекционных выездов музея обуславливаются далеко невысокими данными и красноречием сотрудников музея как лекторов, ибо вряд ли сравнительно мало опытные и молодые работники могут в этом отношении конкурировать с искушенными лекторами-профессорами. Мы видим в этих многочисленных отзывах свидетельство того, что основной линия разветвления и установления массовой просветительной работы должна итти, конечно не по пути изошрения словесных приемов популяризаторской работы, а заключаться в вещном оформлении и в тех методах наглядного показа, которые настолько сумели бы говорить сами за себя, что роль сопровождающего их лектора должна была бы сводиться к роли просто-го интерпретатора и пояснителя этих музейных экспозиций.

Дальнейшим продолжением и углублением этой идеи, требующей умения говорить языком вещей, организованных в оформленные темы, является организация типовых выставочных передвижек, на путь которых стал Биологический музей два года тому назад с того момента, как несколько улучшившиеся материальные возможности позволили ему реально осуществить эту, уже давно возникшую в нем потребность. В настоящее время

Биологическим музеем разработан план и осуществлены в виде музейных экспозиций передвижные выставки на следующие темы: 1) «Происхождение животных и человека». 2) «Победители в жизненной борьбе». 3) «Посевной материал и подготовка его к посеву». 4) «Природа в руках человека». Все эти выставки в первую очередь были испробованы музеем в подшефном музеем клубе имени Авиакима (б. завод Дукс). Каждая из этих выставок задерживалась там в течение от одного до двух-трех месяцев и являлась местом прохождения всей массы рабочих нескольких заводов, прикрепленных к этому клубу. Наряду с этим весной 1930 г. музеем были изготовлены аналогичные выставки-передвижки по заданиям Московского областного союза работников просвещения и были высланы вместе с выделенными музеем инструкторами в Московскую область по колхозам и сельским избам-читальням. В настоящее время ставится вопрос о дальнейшем расширении списка тем таких выставок-передвижек и об использовании уже имеющихся выставок путем перенесения на другие заводские и фабричные предприятия в целях охвата нашей работой и других крупных заводов и фабрик. Как и в других формах нашей работы мы преследуем при этом не только задачи непосредственного просвещения и пропаганды тех или других идей, но и задачи инструктирования и наглядного показа клубным работникам тех возможных, но еще неиспользованных ими методов работы, которые несомненно должны найти свое применение в ближайшей будущности рабочих клубов и изб-читален.

Наконец эту же задачу активного выхода в массы музей осуществил и с нашими физиологическими демонстрациями на тему: «Существует ли душа?». Используя летнее затишье, когда массовые экскурсии, минуя закрытые стены музеев, направляются основным своим потоком за город или в Парк культуры и отдыха, Биологический музей в течение двух лет получил один из павильонов Парка культуры и отдыха, где нами разворачиваются в летнее время уже упомянутые нами физиологические демонстрации. Успех этих демонстраций, разворачиваемых в месте массовых гуляний и сборища десятков тысяч отдыхающих, превзошел все наши ожидания. Достаточно сказать, что минувшим летом в небольшом тесном павильоне Парка культуры и отдыха, где мы в этом году помимо физиологических демонстраций развернули и некоторые экспонаты на эволюционные темы и при условии не ежедневных демонстраций через демонстрации прошло около 50 000 человек, т. е. количество посетителей, которое вдвое превосходит годовое число посетителей самого музея в его основной базе.

В настоящее время та же тема с физиологическими опытами развернута в качестве временной выставки-передвижки на упомянутом уже заводе б. Дукс. Само собой разумеется, что эти передвижные выставки, разворачиваемые Биологическим музеем на подшефном заводе, рассматриваются нами не как нечто самодо-

вляющее, но как та опорная база, вокруг которой надстраиваются в данном клубе все другие формы и методы культурно-просветительной работы. Таким образом организованная нами на подшефном заводе выставка-передвижка явилась для нас наилучшим способом для вовлечения отдельных, наиболее заинтересованных рабочих и членов их семей в специальные систематические кружки и семинары, причем конечно среди таких семинаров центральное место занимают вопросы антирелигиозного мировоззрения и антирелигиозная пропаганда.

Для того чтобы закончить нашу характеристику той массовой просветительной работы, которая сделалась возможной на базе организованного нами музея, отметим, что этот же опыт музейного строительства подсказал нам и некоторые новые формы литературной популяризации, также получившие свое признание в течение последних лет и обещающие, как мы в этом глубоко убеждены, еще более развернуться в дальнейшем.

В содружестве с издательством «Безбожник» Биологическим музеем осуществляется в настоящее время серия книг-альбомов, в которых на базе естествознания освещаются те узловые вопросы биологии, которые упираются в проблемы антирелигиозного мировоззрения. С точки зрения методической эти книги-альбомы представляют собою издание, в котором центральное место занимают комплекты соответствующим образом подобранных картинок, говорящих тем же языком музейного наглядного показа, а текст играет роль подсобного пояснения и дополнения картинок. Наряду с этим музеем осуществляются также и серии стенных плакатов, которые в той или иной форме повторяют или используют опыт музейных экспозиций и которые имеют своей задачей размножить в десятках тысяч экземпляров наиболее удачные оформления и достижения музея в целях их применения как в условиях школьного преподавания, так и в условиях массовой антирелигиозной пропаганды. Таким образом в настоящее время нами были изданы «Деревья эволюции животных» и специальное «Дерево эволюции млекопитающих», повторяющие известные экспозиции музея.

ИНСТРУКТОРСКАЯ РАБОТА МУЗЕЯ

Само собою разумеется, что наш опыт организации музея нового типа мы отнюдь не имеем в виду оставлять и закреплять только за собою. Наоборот, в числе ближайших задач Биологического музея им. Тимирязева с самого начала его организации входила задача пропаганды идеи реорганизации и переоборудования всех форм, до сих пор практиковавшихся в работе музеев. Вместе с тем, отказываясь решительно от взглядов на музей как на архивное учреждение и стремясь в противовес этому создать новый тип музея как орудия массовой просветительной работы, мы ставили перед собою цель создать вокруг себя коллектив друзей музея и инструктировать их в направлении тех действенных методов массовой ра-

боты, которые кажутся нам наиболее верными и наиболее отвечающими потребностям сегодняшнего дня. Вот почему наряду с непосредственными формами массовой просветительной работы музей им. Тимирязева с давних пор уделяет значительное внимание организации ряда краткосрочных курсов. На этих курсах мы передаем наш опыт тем кругам политпросветительных и культурных работников, которые реально осуществляют задачи культурной революции в самых широких массах. Именно таким образом нами повторяются из года в год краткосрочные курсы для избачей, педагогов, инспекторов ликбеза, военкомов, партактива, антирелигиозных работников и ряда других групп, которые обращаются к нам через профессиональные, общественные и партийные организации. Нами осуществляются и даются также консультации по вопросам методики массовой просветительной работы и по вопросам организации аналогичных нашему музею биологических уголков в избах-читальнях или в краеведческих музеях. Уже несколько лет назад в двух случаях избачами, прошедшими курсы нашего музея, были организованы соответствующие небольшие музейные антирелигиозные уголки в избах-читальнях. В настоящее время работа музея вырастает в более прочную и обещающую стать длительной связь с некоторыми провинциальными музеями, обращаясь к нам за содействием и постоянной консультацией по вопросам своего собственного строительства. Не приходится конечно говорить, что все эти обращения и все доступные нам возможности к углублению такой связи встречают со стороны нашего музея самый горячий и сердечный отклик, ибо, как уже сказано, одной из основных задач нашего музея является распространение и пропаганда выработанных в нашем строительстве идей на практике всей музейной сети нашего Союза. Нам кажется, что в настоящее время приобретенный музеем за восемь лет его существования опыт должен стать также опытом других аналогичных музейных учреждений. Опробованные нами методы музейного строительства должны дать толчок к соответствующей реорганизации и перестроению этих других музеев, не сумевших во время откликнуться на зовы жизни и осуществить столь необходимый для их собственного существования поворот лицом к массам, лицом к производству и лицом к тем общим запросам, которые направляются ко всем научно-культурным учреждениям нашего Союза в смысле обоснования и конструирования научно-материалистического марксистского мировоззрения. Вместе с тем опыт проделанной работы убеждает нас все в большей мере в том, что, несмотря на все усилия небольшого коллектива сотрудников, объединившихся вокруг Биологического музея, давать своевременный отклик и по мере сил удовлетворять всем бесчисленным запросам, которые направляются в Биологический музей со стороны рабочих организаций, это неосуществимо до тех пор, пока Биологический музей находится в условиях чрезвычайно небольшой площади и небольших материальных возможностей, закрывающих все дальнейшие пути к его собственному будущему развитию и росту. В насто-

ящее время Биологический музей им. Тимирязева, выросший в стенах Коммунистического университета им. Свердлова, настолько явно перерос как потребности самого университета, так и ту площадь, в пределах которой он первоначально получил свое оформление, и с другой стороны, настолько использовал эту имеющуюся в его распоряжении площадь, что дальнейший его рост, а следовательно и развертывание его массовой и инструкторской работы возможны только при условии получения своего собственного, самостоятельного здания. В настоящее время Биологический музей им. Тимирязева разработал достаточно широко продуманный план развертывания Биологического музея в Центральный биологический музей всесоюзного значения, который должен будет в рамках ближайшей пятилетки вырасти в недрах Коммунистической академии, в ведение которой передан в настоящее время Биологический музей. Создание такого Центрального биологического музея диктуется всеми обстоятельствами, всеми потребностями страны, теми грандиозными задачами культурной революции, которые поставлены перед страной партией и советской властью и всем пройденным нами опытом строительства Биологического музея, который показал тот ненасытный голод, который существует в нашей стране по отношению к действенным динамическим методам наглядного показа, которые необходимо противопоставить словесной халтуре, если мы хотим, чтобы лозунг «культурная революция» действительно был фактически и реально осуществлен. Точно так же наличие такого собственного здания позволит нам построить такой всесоюзный центр массового просвещения, который сумел бы в должной мере сочетать основную музейную базу со всем тем сложным комплексом методических приемов просветительной работы как лекционная аудитория, кино-зал, помещение для выставок передвижек, отвечающих ударным кампаниям текущего момента, ряд помещений для углубленных семинарских и кружковых работ с школьными, рабочими и педагогическими группами. Вместе с тем, только создавая такой всесоюзный музей, мы были бы последовательны в том смысле, что примером и наглядным показом создания такого музея мы вещественным оформлением наших идей с наибольшей силой сумели бы влиять и инструктировать всю сеть музейных единиц, которыми должна быть покрыта страна Советов в ближайшем будущем.

Помещая настоящий обзор о деятельности биологического музея им. Тимирязева, редакция „Вестника“ рекомендует Об-ву биологов—марксистов и Тимирязевскому биологическому ин-ту организовать в порядке научной общественности обсуждение принципиальных установок в строительстве и деятельности биомузея.

Редакция.

СОГЛАСУЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ С ФАКТАМИ ИСТОРИИ

(Доклад на VII интернациональном философском конгрессе в Оксфорде по разделу А „Метафизика“ I секция)

И. ЛУППОЛ

Печатаемый ниже текст представляет собою доклад, прочитанный по-немецки на VII интернациональном философском конгрессе, на котором представителями СССР являлись А. В. Луначарский и пишущий эти строки.

Работы конгресса протекали с 1 по 5 сентября 1930 г. в Оксфорде. Участников конгресса было свыше 500 человек, съехавшихся со всего мира. Однако местопребывание конгресса в Оксфорде обусловило то, что подавляющее большинство членов и гостей были англичане, которым, как «хозяевам», по установившейся традиции, принадлежало руководящее как конгрессом в целом, так и всеми его разделами и секциями.

Деловые заседания конгресса проходили по разделам и секциям. Каждый раздел имел по одному общему заседанию и четыре секционных. Работали следующие разделы: А. Метафизика, В. Логика и гносеология, С. Этика, политика и эстетика, Д. История философии. Секций социологической и психологической не было, так как и социологи и психологи имеют свои особые интернациональные конгрессы.

В Оксфорде каждая секция имела лишь одну тему, и на эту тему ставилось четыре доклада, после которых открывались прения, а в случае надобности предоставлялись и заключительные слова. Таким образом достигалась большая сосредоточенность мысли, но вместе с тем участники конгресса оказывались связанными и ограниченными в выборе тем.

Темы были продиктованы заранее организационным комитетом. Некоторые из них были интересны для диалектических материалистов в смысле возможности выпуклого выявления на конгрессе своей точки зрения, но большинство тем было сформулировано весьма нелепо и не только звучало чуждо для нашего уха, но свидетельствовало о многолетнем топтании буржуазной мысли на одном и том же месте, о ее консерватизме и реакционности.

Самые вопросы формулировались так, что отрицательный или положительный ответ на них был ясен сам собой; в других

случаях постановка вопроса была настолько абстрактна, что ответа вообще не могло быть дано, и всякий диалектический материалист должен был бы начать с критики самой постановки проблемы. Вот темы работ некоторых секций: «Согласуется ли философия истории с фактами истории?» «Является ли окончательным различие между моральной правдой и неправдой?» «Имеют ли новейшие достижения физики значение для метафизики?». «Должны ли биологические процессы быть либо телеологическими, либо механическими?» «Всегда ли одинаково основание политического обязательства?» «Введением своего трансцендентального метода сделал ли Кант ненужным изучение своих предшественников?»

Уже перечисленных вопросов достаточно, чтобы видеть, что конгресс за редкими исключениями не сосредоточил своего внимания на действительно актуальных проблемах современной мысли. Почти сто процентов тем с одинаковым успехом могли бы быть поставлены и четыре года назад на шестом конгрессе, и через четыре года, на восьмом конгрессе.

Оставляя общую характеристику и оценку работ съезда до специальной статьи, мы ограничимся в настоящей заметке лишь некоторыми указаниями по поводу печатаемого ниже доклада.

Будучи стеснены заданными темами, а также оказавшись в силу ряда обстоятельств в необходимости написать свои доклады срочно за границей, члены конгресса от СССР остановились на следующих: А. В. Луначарский: «Новейшие течения в западно-европейской теории искусства и марксизм» (по общей теме «Новейшие течения в теории изящных искусств») и пишущий эти строки: «Согласуется ли философия истории с фактами истории?»

Теоретически возможны были два пути построения этих докладов: или построить доклад историографически, т. е. после обрисовки решения проблемы в буржуазной философии привести в систематическом изложении высказывания классиков марксизма, или непосредственно заняться обсуждением проблемы и, дав критику буржуазной ее постановки, наметить пути марксистского решения. Печатаемый ниже доклад построен именно по этому принципу.

Всего на данную тему было сделано четыре доклада. Два из них не представляли абсолютно ничего интересного. Ни новых точек зрения, ни оригинальной трактовки проблемы, ни острой постановки они в себе не заключали. Это были банальные продукты традиционной буржуазно-философской мысли.

Первый докладчик француз Жак Шевалье (Гренобль) назвал свой доклад «Об обозначении фактов». (De la signification des faits) Начав с правильного положения о том, что согласование философии истории с фактами истории должно быть не внешним, а внутренним, что философия истории должна быть основана на «естественных принципах», а не «условных теориях», что, наконец только та философия истории будет обладать ценностью, которая способна отдать себе отчет в фактах и которая подчинится фактам и будет сообразовываться с ними, докладчик поставил гносеологический вопрос о том, «что такое факт?» Ответ

на этот вопрос представлял собою смесь буржуазно-идеалистической эклектики с мелкобуржуазной обывательщиной. «Необходимо остерегаться смешивать факт с явлением». В качестве доказательства фигурировал следующий пример из французских моральных прописей: «Накануне битвы командующий войсками спит. Бездеятельность ли это или высшее хладнокровие и самообладание? Большинство, судя по видимости, заключит, что это бездеятельность, инертность, но другие знают, что вождь узнается по тому, что он может спать и в трагические часы» (1).

Человеческий ум познает лишь абстрактные феномены и их отношения. Он не простирается непосредственно на самые факты в их конкретной сущности. Это происходит потому, что только явления видимы, факты же сами по себе не видимы. Но важны не явления, а факты, именно их хотим мы познать, так как не явления, а факты правят миром.

Для того, чтобы понять факты, нужно брать их в совокупности. Феноменальная наука анализирует явления и может предвидеть возможности, но она не может ни предвидеть ни объяснить их взаимосвязи, из которой проистекают сами факты. Можно ли на основании этого сказать, что в природе налицо принцип радикального индетерминизма? Напротив, в природе все детерминировано, но это статистический детерминизм. Исторические факты имеют причины, однако они не имеют законов. И так, в мире господствуют факты, они причинно обусловлены, но закономерности в них нет; поэтому историческим фактам можно дать объяснение, но никакой философии истории в систематическом смысле слова быть не может.

Таким образом требуя изучения фактов на основе их причинного объяснения, Шевалье в то же время упраздняет теоретическую науку истории. Это тем более понятно, что с его точки зрения «причины в сущности своей духовны... Если материальные факторы вызывают войны, то выигрывают их духовные силы. Существуют лишь духовные факты». Кончив следовательно стопроцентным идеализмом, Шевалье оказался прав лишь в том смысле, что действительно на почве идеализма никакой науки истории создать нельзя.

Более интересным оказался доклад третьего докладчика Ник. Гартмана из Кельна. Автор большой монографии о Гегеле, Гартман поставил вопрос об основных категориях философии истории. Стремясь к возможно более адекватному построению философии истории, Гартман стал методологически на верный путь, но в результате его доклада оказалось, что он запоздал примерно на сто лет. Основную категорию философии истории Гартман усмотрел в гегелевском объективном духе. Нравственность, право, государство — таковы главные понятия, долженствующие лечь в основание философии истории. Доклад Гартмана блистал диалектикой объективного духа, гегельянской идеалистической диалектикой!! Он был свидетелем возрождения Гегеля-идеалиста в Западной Европе, и вместе с тем лучшим доказательством того, что современная либеральная и даже радикальная философская

мысль буржуазии не в силах преодолеть идеализма, а стало быть и не в силах сколько-нибудь близко подойти к разрешению проблемы философии истории, претендующей быть наукой.

При некоторой ориентировке в состоянии умов господствующих классов капиталистического общества это было ясно и до конгресса. Поэтому напрашивался следующий схематический план выступления по данной теме со стороны диалектического материалиста: 1) философия истории не согласуется с фактами истории. Современная теоретическая социология, являющаяся фактически преемницей старой философии истории, не вносит принципиально ничего нового; 2) почему философия истории или социология не согласуется с фактами истории? Основная причина — классовая природа буржуазных философов, в современном капиталистическом обществе выходящих предел, его же не преидеши. Отсюда всевозможные методологические направления и направления, в основном повторяющие старые ошибки и лишённые возможности, говоря кратко, в силу своего идеализма и своей метафизики наиболее возможно адекватно отразить общественно-историческую действительность; 3) что нужно сделать, чтобы философия истории согласовалась с фактами истории? Опять-таки говоря в двух словах, необходима точка зрения диалектического материализма, что, во-первых, невозможно для господствующих при капитализме классов, а во-вторых, уничтожает как старую философию истории, так и современную абстрактную социологию, открывая дверь науке о «приемах объяснения истории» и о «руководстве для исторического действия».

Как видит читатель, в такой постановке вопроса, в таких путях его решения нет для марксистов чего-либо выходящего за пределы азбуки, однако эти азбучные для нас истины необходимо было сказать на VII интернациональном философском конгрессе в пределах отпущенных на доклад двадцати минут.

В процессе исторического развития философии философия истории как отрасль знания, претендующая быть наукой, меняла не только свои содержание и выводы, но и форму и предпосылки. Ограничивая себя беглым рассмотрением философско-исторического наследия эпохи капиталистического общества, начиная с его ранних стадий, мы видим, что у не по заслугам забытого сейчас материалиста XVII века П. Гассенди философия истории скрывалась в «этике» в отличие от «физики», т. е. будущей натурфилософии; у его великого современника английского материалиста Т. Гоббса философия истории была заключена в «политику», в «учении о гражданине». Если во Франции накануне Великой революции Вольтер пытался дать собственно философию истории, то там же у материалиста Гольбаха она приняла более широкую форму «социальной системы». Стремление выйти за пределы философии истории в узком смысле этого слова в особенности имело место у крупнейших представителей классического немецкого идеализма. Гениальный Гегель включил философию истории в «философию духа», в отличие от «философии природы».

В настоящее время схематическое деление на науки о при-

роде и науки о духе, или о культуре (терминология Г. Риккерт), другими словами и с иным оттенком: науки естественные и науки общественные (терминология, принятая диалектическим материализмом) стало уже почти всеобщим достоянием и притом не только в отношении самих отдельных позитивных наук, но и в отношении их философских обобщений и методологических предпосылок. И если старая в большинстве случаев метафизическая «философия истории» как будто вытесняется в последние десятилетия претендующей быть более позитивной «социологией», то в формальном, в структурном отношении социология является не более, как преемницей философии истории.

Расширительно толкуя таким образом понятие философии истории, мы должны в настоящее время при обозрении всего наследия и современного состояния философии истории вынести суровый, но объективный приговор: философия истории не согласуется с фактами истории.

Ныне не требует уже никаких доказательств утверждение, что рационалистические и механистические философско-исторические системы XVII—XVIII вв., основанные на самых разнообразных интерпретациях идей и теорий естественного права и договорного происхождения общества, находились в явном несоответствии с фактами истории. Отражая современное им состояние как естественных наук, так и науки истории, к настоящему времени они сохраняют лишь историческую ценность.

Но и гениальный диалектик Гегель, исходивший в своей философии по преимуществу из данных общественных наук, до Ч. Дарвина, философски осмысливший понятие развития, Гегель, вся система которого была пропитана историзмом, оказался в явном противоречии не только с фактами истории, но и с собственным диалектическим методом. Достаточно вспомнить то, что он прусской действительностью тридцатых годов прошлого столетия «замкнул» исторический процесс, как и своей философской системой «замкнул» процесс исторического развития философии.

Эпигоны классического немецкого идеализма и философы второй половины XIX и истекших десятилетий XX вв., представляя необычайную пестроту направлений, предложили целый ряд философско-исторических концепций. Эти концепции свидетельствуют о напряженной работе мысли и вместе с тем о том, что мысль не справляется с историей. На обширных полях философии истории безудержный полет метафизико-«исторической» фантазии уживается рядом с узким эмпиризмом, заблуждающимся среди отдельных фактов. Всемирно-историческая точка зрения сосуществует с циклическими теориями, с расовыми гипотезами, с ограниченными псевдоэмпирическими концепциями, разбивающими историю на ряд отдельных переулков и тупиков и даже с «философиями истории», ликвидирующими историю как науку. Проблема диалектического синтеза всеобщего, особенного и единичного, решение которой необходимо для построения всякой философии истории, претендующей быть научной, в философии капиталистического общества не решена: философия истории не согласуется с историей.

Мы не можем сказать, как это по существу сделал Гегель,

«тем хуже для истории». В глазах современного реалистически мыслящего ученого это означало бы выдачу *testimonium paupertatis* собственной науке, ибо первая задача науки—наиболее возможно адекватно отразить реальную историческую действительность, познать ее. С другой стороны, мы не можем и просто отбросить всю работу предшествующей мысли, как это делали историки философии до Гегеля. Это было бы противно принципу историзма, а также не соответствовало бы историческому факту рождения истины в длительном процессе борьбы противоречий. Нужно разобраться в философско-историческом наследии и, взяв оттуда все ценное, сделать так, чтобы преемница философии истории не только причинно разъясняла настоящее, но и, ориентируя в будущем, давала бы руководящие методологические принципы для действия, ибо вторая задача науки—*last but not least*—дать руководство для действия.

Прежде всего, почему философия истории не согласуется с фактами истории? На это есть причины как теоретико-познавательного характера в собственном смысле слова, так и характера общеметодологического, причем как те, так и другие своими корнями уходят в социально-историческую действительность.

Непреложным фактам социальных революций историками и философами даются объяснения от религиозно-философских до научно- и последовательно-материалистических. Это происходит от того, что философско-исторические системы и концепции, так или иначе связанные с определенными социальными группами, так называемыми общественными классами, не могут не отражать общей идеологии этих классов. Для объективно-научного понимания данной общественной структуры необходимо как бы выйти за пределы ее, т. е. видеть не только ее наличное бытие, но и тенденции ее развития, не только ее утреннюю зарю, но и ее закат: сова Минервы совершает свой полет в сумерки. Это требование невыполнимо для тех философско-исторических систем, которые в породившей их общественной формации—сознательно или бессознательно—видят предел, его же не преидеши. Эта общая почва питает все теоретико-познавательные и общеметодологические ошибки философско-исторических систем, должествующих ютойти в вечность вместе с изменением того общественного строя, который воспитал их.

С философией истории повторилось, то, что было с докантовской метафизикой: философы конструировали законченные метафизические системы, вгоняли текучую действительность в жесткие схемы, субъективно рисовали часто поэтические картины того, что есть, не дав себе труда проанализировать, как это сущее познается.

Старая философия истории также конструировала исторические схемы, не дав себе труда призадуматься над их теоретико-познавательными основаниями. Она была субъективной, не отражая того, что по самому названию своему должна была отразить, и именно поэтому она оказалась научно бесплодной.

Беда всех старых философско-исторических систем заключалась в том, что они были построены на субъективных абстрак-

циях, которые не были абстракциями от исторических, действительных, переходящих явлений и событий. Они скользили по поверхности предмета, не отражая специфически характерных для общественной действительности признаков, не возводя факта в знание.

Неудовлетворительность старой европейской философии истории эпохи феодального общества и ранней стадии современного капиталистического общества была ясна уже на первых шагах капитализма. Но очевидно неудовлетворительность системы, содержания скрывала от философов истекших десятилетий неудовлетворительность метода, формы, ибо в методологическом отношении они совершали те же ошибки.

В ходе этих методологических ошибок можно проследить определенную закономерность. По мере того как отдельные отрасли знания отдифференцировались как отдельные науки, покоящиеся на более или менее прочных научных основаниях, делались попытки универсализировать эти науки, распространять их метод и категории и на область истории, шире, на область обществоведения. Ошибка заключалась в том, что единичное и особенное принималось за общее, часть—за целое, одна область действительности—за всю действительность.

Философско-исторические концепции XVII и XVIII вв. являлись по преимуществу механистическими концепциями именно потому, что математика и механика в новое время первыми «стали на ноги» в качестве наук. Но как только в начале XIX в. стала оформляться как наука физика, была сделана попытка построения философии истории или социологии в качестве «социальной физики». С бурным развитием естествознания во второй половине XIX в., с первыми успехами биологии и наше старшее поколение уже встретилось с стремлением биологизировать общественные явления. Достаточно вспомнить «органическую теорию общества» и попытки перенести в общество принципы дарвинизма, так называемый «социальный дарвинизм». От подобных ошибочных методологических приемов не уберег себя и такой большой синтетический ум как Г. Спенсер. Ближе к нашим дням, в связи с некоторыми успехами экспериментальной психологии, а также в связи с реакцией на односторонний метафизический материализм естествоиспытателей появились многочисленные философско-исторические и социологические теории на психологической основе, явившиеся типичным выражением идеализма в обществоведении.

Не усматривая для социологии прочной базы, неокантианство, введя метод оценки по существу, вообще отрицало историю как науку. Но и после этого уже проторенный методологический неправильный путь приводил и продолжает приводить к ошибкам того же порядка. Успехи физиологии в ее рефлексологическом направлении увлекают некоторые крупные умы к построению социологии как «коллективной рефлексологии»; метод психоанализа, дающий некоторые результаты в психотерапии, универса-

цепции внешни в отношении истории, они не способны осмыслить специфические особенности общественных явлений, они не адекватны исторической форме движения действительности; в лучшем случае они захватывают лишь побочные формы движения, оставляя в стороне главную; пользуясь определенными категориями, они не имеют или почти не имеют специфически общественных категорий.

В последнее время делаются попытки адекватного построения социологии; все больше и больше говорят о специальном социологическом методе. Это свидетельствует о поисках более эффективных путей. Однако первые итоги вызывают к критике. Псевдопреемница старой философии истории—современная социология—страдает той же абстрактностью и, будучи абстрактной наукой, не в состоянии понять всей многообразной конкретной действительности.

В самом деле социология является наукой об обществе вообще, об обществе, как таковом. Современные социологи различных направлений рассматривают естественные и общественные явления в связи именно с таким «обществом» вообще.

Конечно нельзя сказать, что эти социологи не знают истории и ее отдельных стадий, но они не понимают исторического характера объекта своего исследования и не отдают себе рече в конкретности общественных явлений. Между тем необходимо отказаться от понятия общества «вообще» именно в силу его абстрактности и ничемности. Следует говорить не об обществе как таковом, а об определенных общественных формациях, характеризующихся определенными закономерностями.

Современная социология, заимствуя свой материал из живой действительности, убивает его, превращая конкретные исторические явления и события в мертвые, застойные, метафизические категории. Различные моменты общественной действительности, конкретно сращенные друг с другом, изолируются и анализируются, превращаясь под скальпелем социолога из живого тела в мертвый скелет. Ряд моментов, существенно специфических для общественной исторической действительности, например общественные классы, классовая борьба, в большинстве случаев вовсе выпадают из анализа или интерпретируются в субъективном, произвольном смысле. В силу этого и в современной социологии господствует метафизический метод в гегелевском смысле этого слова: анализ превалирует над синтезом, абстракция убивает конкретное содержание, формальная логика напрасно тщится понять диалектическую действительность, которую стремятся «освободить от противоречий», и наконец созерцательная точка зрения делает невозможными действительные выводы из науки.

Что же нужно сделать для того, чтобы философия истории или социология согласовалась с фактами истории? Я не льщу себя надеждой представить это здесь в сколько-нибудь полном развернутом виде; моя задача—лишь выставить несколько условий.

Прежде всего необходима определенная теоретико-познавательная установка. Эта установка недвусмысленно обусловлена в самом вопросе. К какому бы философскому направлению ни при-

надлежал историк, он, как таковой, считается с фактами истории, как с фактами внешней от его, как историка, сознания независимой действительности. Нельзя разрывать единую действительность и полагать, что реальное в истории, на практике, не имеет значения для философии, для теории. Нужно отказаться от всякого рода иллюзионизма и связанных с ним различного характера идеалистических теоретико-познавательных течений мысли. На идеалистической базе невозможно создание никакой философии истории, согласующейся с фактами истории.

Философия истории, вернее, ее преемница, из формальной и идеалистической должна стать реальной и материалистической. Что такое реальная философия истории? Это есть философия, которая соответствует действительности, философия которая располагает свои категории и их соотношения, строй, опосредования так, что они отражают объективно существующие предметы и их соотношения, строй, опосредования. Само собой разумеется, такая философия истории может быть создана лишь на основе соответствующим образом построенной логики.

Задача заключается не в том, чтобы отказаться от абстракций (без них вообще невозможна никакая наука), а в том, чтобы абстракции были конкретны. Категории диалектической логики суть абстракции от вещей и отношений между материальными вещами, которые хотя и не предметны, но тоже материальны и конкретны; именно поэтому и все категории будущей преемницы социологии должны быть конкретны. Это понимал еще Гегель, который ныне начинает вновь привлекать к себе внимание философов. «Если истинное абстрактно, то оно не истинно», философия в высшей степени враждебна абстрактному и ведет обратно к конкретному».

Философия истории или социология, претендующая быть научной, не может не пользоваться абстракциями, но каждая ее абстракция должна быть «не только абстрактно-всеобщим, но всеобщим таким, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (В. И. Ленин). Именно таковы все те абстракции-категории, которые ввел в употребление переработавший идеалистическую диалектику Гегеля К. Маркс и которыми ныне пользуется в своем анализе общественных явлений марксизм. Не просто общество, как таковое, а общество, стоящее на определенной ступени развития, другими словами, конкретная общественная формация; не просто социальная группа лиц, а конкретный общественный класс; не просто государство, хотя бы и с той или иной формой правления, но конкретная государственная форма, как политическая надстройка конкретного общества. В противоположность этому абстракции современных социологов при всей своей кажущейся определенности суть абстракции—пустые всеобщности.

Абстрактная точка зрения современной социологии гармонически сочетается в ней с статическим рассмотрением предметов или, в лучшем случае, с их стадийным описанием. Точка зрения развития внутренне чужда социологии, и это понятно, потому что абстракция, не являющаяся отражением живого конкретного

предмета, неподвижна. Можно очень часто употреблять слово «развитие» и несмотря на это не стоять на точке зрения развития. Подобно этому и современная социология в лучшем случае понимает развитие как постепенное исчезновение одних признаков предмета и нарастание других признаков, а не как внутренний закономерный процесс самодвижения опосредованного предмета, процесс, имеющий определенные тенденции. Только диалектическая понятие развития как борьбы и единства противоположностей, как расщепление единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними способно пронизать принципом истинного историзма всякую социологию, претендующую быть научной. Только такая социология может понять движение подлинного исторического предмета. Это движение, как сказано, имеет определенные тенденции, отражаемые и в науке.

Познанием законов движения не исчерпывается однако роль науки. Спиноза говорил: «Non lugere, non ridere, nec detestari sed intelligere». Это верно, нельзя впадать в моральные оценки, прежде чем не поймешь объективного хода вещей. Так поступают субъективисты: не познав причинной связи явления, они зывают к действию. Нужно познать предмет. Но останавливаются на полпути объективисты, которые, познав связь и тенденции явлений, на этом успокаиваются. Истинный социальный философ, познав предмет, не может не «засмеяться», или не «заплакать», он не может не стать в определенную позицию к познанному им общественному предмету исследования. Другими словами, вместе с причинным объяснением общественного явления он должен дать и принципы руководства к конкретному действию. Еще в 1845 г. было сказано: «Философы до сих пор так или иначе объясняли мир, а дело идет о том, чтобы его изменить».

Историческое действие таким образом вдвойне связано с претендующей на научное звание философией истории. Само являясь предметом исследования, оно вместе с тем завершает и восполняет этот исследовательский процесс. Так осуществляется единство философии истории и истории, единство теории и практики.

Однако эти положения уже означают то, что в дальнейшем не может идти речь ни о метафизической философии истории с ее жесткими, раз навсегда данными схемами, ни об абстрактной социологии с ее формальной установкой. Их преемницей может мыслиться лишь наука, построенная на основе единства теории и практики. Эта наука не может быть метафизической догмой, она не должна ставить себе задачей давать универсальные, завершенные, всеобъемлющие схемы или подписывать пригодные во все эпохи рецепты, но она и не может оставаться созерцательно-пассивной концепцией, лишь констатирующей и описывающей некоторые любопытные факты. Эта наука может и должна дать единственно научный прием объяснения истории и вместе с тем руководство для исторического действия.

Мюнхен, 12 августа 1930.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ

КЕН. ГИДЛЕВСКИЙ

В настоящее время никто уже не спорит, что проблема кадров в социалистическом строительстве является решающей. Споры теперь идут о том, как готовить кадры, какие практические мероприятия должны проводить учреждения и общественные организации в своей повседневной работе, подготавливая эти кадры. В основном эти мероприятия можно свести к трем следующим группам: во-первых, организация учебной жизни аспиранта (рациональное распределение во времени семинарских занятий, количество часов в учебную декаду и т. п.); во-вторых, организация внеучебной нагрузки (общественно-партийной работы); в-третьих, организация бытовых условий аспиранта (жилище, отдых и т. п.). Несомненно, эти группы мероприятий тесно переплетаются и находятся во взаимодействии, влияя на качество подготовки. Необходимо отметить, что это теоретически бесспорное положение в практической жизни весьма часто не привлекает к себе надлежащего внимания. Если грандиозность и трудность стоящих перед нами задач вообще, и по подготовке кадров, в частности, обязывает нас к быстрым темпам при развертывании работ, если мы, исходя из настоятельной необходимости, должны работу по подготовке кадров выполнить в минимально возможные сроки, используя все наши внутренние ресурсы как материальные, так и организационные, то это как раз обязывает помнить об условиях, обеспечивающих наилучшее качество выпускаемой нами «продукции», понимая это качество не только с точки зрения научной квалификации молодого научного работника, но и с точки зрения продолжительности дальнейшей его работы.

Нельзя забывать, что от условий, в которых готовятся научные кадры, также зависит очень многое, и такое забвение может приводить, а часто и приводит к тому, что подготовленный научный работник очень быстро «выходит в тираж», становясь через сравнительно небольшой промежуток времени инвалидом. В результате нерациональная потеря материальных средств, затраченных на его подготовку, и потеря (а это в наших условиях главное) ценной научной силы. Вопрос об использовании и сохранении научных сил весьма сло-

жен. Он хорошо осознан нашей партией, но тем не менее еще нельзя сказать, что в своей практической работе мы подходим к его разрешению как заботливый и рачительный хозяин. Наоборот наблюдается совершенно непоправимая растрата научных сил.

Мы не думаем затронутый нами вопрос осветить и исчерпать во всей его полноте. Он очень обширен и требует, по нашему мнению, участия большого коллектива и в первую очередь участия самих научных работников и аспирантов.

Наша задача более скромная—приковать внимание к этому вопросу и высказать несколько соображений, правда общего характера, связанных с подготовкой аспирантуры и касающихся объема нагрузки аспиранта.

К этому нас побуждают результаты медицинского обследования аспирантов, произведенного в Ленинградском отделении Комакадемии в марте 1930 года.

Нужно оговориться, что количество освидетельствованных незначительно—60 человек, но к общему контингенту аспирантов ЛОКА это составляет 74%.

Незначительное количество освидетельствованных все же не остановило нас поднять этот вопрос и сигнализировать о нездоровых и опасных симптомах на этом участке, тем более, что данные освидетельствования не говорят о больших изменениях в сторону улучшения по сравнению с многими прежде произведенными освидетельствованиями как в вузах, так и в комвузах.

Среди освидетельствованных 32% рабочих, 28% крестьян и 40% служащих. По образованию—63% с высшим, 26 — с средним и 10%—с низшим.

По профессии до поступления в ЛОКА—педагогов—69%, квалифицированных рабочих—21% и 10%—неквалифицированных.

По семейному положению—женатых (замужем)—88%, причем из них бездетных 50%; с одним ребенком—45%; с двумя детьми—3% и с тремя—2%.

Физическое состояние освидетельствованных рисуется следующими данными: здоровую наследственность имели 76%; туберкулез—16%; душевные, нервные, алкоголизм—8%, т. е. для подавляющего количества освидетельствованных данные являются благоприятными.

Если к этому прибавить, что 45% не болело тяжелыми болезнями, 57% совершенно не было на войне и только 30% всего количества курильщиков, то благоприятность данных о физическом состоянии аспирантов становится еще понятней.

Все приведенные показатели позволяют предполагать, что до поступления в ЛОКА в своем большинстве освидетельствованные в основном находились в довольно нормальных условиях.

При освидетельствовании во время пребывания в ЛОКА выяснилось, что дней отдыха фактически никто не имел; зимними каникулами пользовались только 30%.

Из всех освидетельствованных не совмещают учебу с работой 25%, остальные аспиранты одновременно и учатся и пре-

подают. По количеству рабочих часов данные распределяются следующим образом: по 8 часов работают—11%, по 10 часов—30%, по 12—34% и свыше 12—25%. Другими словами, свыше 8 часов работало 89%; по 12 часов и выше—59%, т. е. почти 60% несут сверхнормальную нагрузку.

При довольно благоприятных физических данных (телосложение хорошее и среднее—96%; мускулатура хорошо развитая и средняя—82%; упитанность хорошая и средняя—95%) субъективные данные освидетельствованных рисуют совсем неблагоприятную картину. Заявили жалобы на болезненное состояние 80%, из них: 16%—на головные боли, 10%—на боли сердца; 16%—на смену настроений и на подавленное настроение; 40%—на усталость, вялость и падение работоспособности и остальные 18% на то или иное недомогание.

Значительно больший интерес представляют данные медицинского освидетельствования. Малокровие обнаружено у 63%; хронический катарр желудка и запоры—у 27%; начальный катарр легких—у 30% и хронический—у 8%.

При испытании функциональной деятельности сердца у 30% коллектива проба дала неудовлетворительный результат.

Особо неблагоприятны данные, рисующие состояние нервной системы. Только у 30% аспирантов оказалась здоровая нервная система; остальные же 70% страдают расстройством нервной системы в той или иной степени, имея в своих рядах как резко выраженную неврастению (1,8%), так и психостению (3,2%).

Давая общую характеристику состояния здоровья аспирантов ЛОКА, медицинское освидетельствование установило, что только 25% имели вполне удовлетворительное здоровье; 32%—удовлетворительное и 43%—неудовлетворительное. Но весьма красноречиво примечание, говорящее о том, что «у большинства вследствие утомления неустойчивое состояние здоровья, главным образом в отношении нервной системы». Это примечание дает основания повысить процент аспирантов с неудовлетворительным здоровьем далеко за 43.

Поэтому президиум ЛОКА поступил совершенно правильно, занявшись изучением влияния нагрузки аспирантов как на их здоровье, так и на выполнение учебного плана.

В своем заседании 15/V—1930 г. президиум отмечает, что нагрузка аспирантов в текущем учебном году была чрезмерной, не давала возможности нормально выполнить учебный план и привела к переутомлению аспирантов и понижению вследствие этого их работоспособности. Президиум ЛОКА тут же признает недопустимость отсутствия выходных дней.

В чем же президиум ЛОКА видит выход из создавшегося положения? Прежде всего он считает необходимым в будущем учебном году усилить учебную работу за счет сокращения нагрузок и рационализации партийной, педагогической и учебной работы. Вряд ли против этого можно возражать. Как общее положение это верно.

В целях осуществления этого президиум наметил: а) ограничить количество часов нагрузки аспиранта основного отделения внеучебной работой 27 часами в декаду (педагогическая, подготовка к ней, партработа, общественная работа); б) допустить ведение педагогической работы только в одном вузе, ведение 1 курса и не более 27 часов в декаду; для аспирантов же, академически отстающих, снизить максимум педагогической работы до 4—6 часов в декаду. Как правило, аспирантов подготовительного отделения совершенно освободить от педагогической работы.

В целях же предупреждения чрезмерной утомляемости и падения работоспособности, а также улучшения здоровья аспирантов, признано необходимым: а) установить два выходных дня в декаду для всех аспирантов; б) организовать систематическое медицинское наблюдение за состоянием здоровья аспирантов; в) добиваться организации столовой с горячей пищей; г) установить отпуск в 1929/30 году длительностью в 4½ декады.

Прежде всего необходимо категорически добиваться реального осуществления выходного дня, пресекая в корне всякие попытки смазать проведение этого мероприятия.

Помимо ряда серьезных объективных причин большую роль играет отсутствие культурных навыков в работе, неумение рационально построить бюджет времени. Было бы весьма целесообразно в начале академического года провести при участии соответствующих специалистов 1-2 лекции для аспирантов по вопросам организации умственной работы.

Что же касается количества часов внеучебной нагрузки (27 часов в декаду), то простой подсчет показывает, что это—предел, выше которого ни в коем случае не следует подниматься.

При условии обязательного использования двух выходных дней в декаду, 27-часовая декадная нагрузка означает 3,5 часа в день. Если же принять во внимание, что выполнение общественных обязанностей почти всегда связано с передвижением, которое довольно затратно и утомительно, то количество часов внеучебной работы будет равняться примерно 4,5—5 час.

Учебная работа (проработка учебного материала) требует в среднем не менее 5 часов. Если к этому прибавить 8 часов, необходимых для нормального сна, то у аспиранта на отдых, еду, обслуживание самого себя и пр. остается 6 часов.

Встает вопрос, где должен быть сосредоточен учет внеучебной нагрузки?

Учебная работа для аспиранта является его основной производственной работой, отвечает за нее в первую очередь учебная часть, понятно, что и учет всей внеучебной нагрузки должен быть сосредоточен в учебной части.

Нужды останавливаться здесь на формах учета, взаимоотношениях при проведении учета учебной части с общественными организациями и т. д. Здесь важно установить принципиальную сторону вопроса, а она нам представляется в организации концентрированного учета аппаратом учреждения, а не

общественной организации. Другое совершенно дело планирование нагрузки. Эта работа должна проводиться при полной координации с общественными организациями, причем решающее слово должно быть за партийной организацией.

Громадную роль в успешном проведении учебных занятий играет правильная организация учебной жизни. Мы совершенно не склонны настаивать на идеальной постановке, так как великолепно учить массу трудностей, препятствующих правильному и нормальному течению учебной жизни, но тем не менее все же считаем, что своевременный учет всех обстоятельств позволяет значительно лучше наладить учебную жизнь, нежели случайные мероприятия.

Необходимо теперь же добиться такого положения, чтобы аспиранты знали, где, когда и какие занятия должны состояться. Нужно продумать и такой, казалось бы мелкий и не стоящий внимания вопрос, как вопрос о формах и местах размещения досок объявлений и ряд других, ему подобных «технических» вопросов. При составлении расписания необходимо добиваться такого сочетания в распределении занятий, при котором было бы как можно меньше «окон», являющихся самым большим злом учебной жизни, дезорганизующим работу аспиранта.

Время работы учебно-вспомогательных организаций должно находиться в строгом соответствии с учебными занятиями в целях наибольшего приспособления их к обслуживанию аспирантов. Особенно внимательно должен быть продуман вопрос об обслуживании аспирантов библиотекой и ее отдельными кабинетами.

Большое место в организации учебной жизни занимают своевременное сообщение необходимой литературы, представление тезисов и т. д. и т. п.

Большую роль играет бытовая сторона жизни аспиранта, например такие вопросы, как снабжение продовольствием и предметами широкого потребления и т. п. Они могут быть в значительной мере разрешены при условии внедрения принципов коллективизации в быт аспирантов. Этому благоприятствует то обстоятельство, что большинство аспирантов живет в общежитии и материальные условия у всех примерно одинаковы.

При небольших затратах со стороны учреждения и дополнительных затратах со стороны аспирантуры можно было бы организовать ясли и детские сады. Почему бы не приступить к организации коллективных завтраков и ужинов, прачечных и т. п. Осуществление только этих мероприятий сохранило бы каждому аспиранту много времени.

Некоторые мероприятия (организация столовой, договоры с торгующими организациями об отпуске дефицитных товаров и т. п.) должно осуществить учреждение через свой аппарат, а некоторые—должны и могут быть осуществлены инициативой самих аспирантов.

Высказанные нами соображения конечно абсолютно не исчерпывают всего вопроса о подготовке научной смены, но

все же осуществление их по всем трем направлениям дало бы значительные положительные результаты, способствующие обеспечению более нормальной подготовки и сохранению научной смены.

Было бы совершенно неправильно всю эту работу взвалить на одни плечи. В ней заинтересованы как учреждения, подготавливающие аспирантуру, сами аспиранты и преподавательский персонал, так и вся общественность и в первую очередь партийные организации.

С. ПИКУС

Из рядов марксистов-теоретиков выбыла С. Пикус, одна из лучших в новом поколении научных работников советской формации и пришедших с фронтов гражданской войны на фронт пролетарской науки.

Жизненный путь Сони был predetermined в те дни, когда 16-летней девочкой она бросилась на борьбу с польскими бело-гвардейцами, посланными мировым империализмом на удушение молодой пролетарской республики. Сапог немецкой и польской оккупации душил трудящихся Белоруссии, оказавшихся первыми жертвами этого похода империализма на Страну советов. Надо было быть такой подлинной революционеркой, какой была Соня, чтобы, имея неполных 16 лет от роду, отважно ринуться в самый огонь классовых боев, разгоревшихся на полях Белоруссии, на этой пограничной полосе, отделявшей мир пролетарской революции от мира, где еще господствует капитал.

Каких только опаснейших поручений партии не выполняла С. Пикус в годы 1917—1920! В подпольных комитетах большевистской партии, в организации партизанских отрядов, подымавшихся на помощь Красной армии, в работе по связи с большевистскими центрами по эту сторону фронта, по информации нашей Красной армии—на каких только боевых постах не испробовала своих сил юная пролетарская революционерка, зажегшая огнем классовой ненависти к буржуазному миру, объявившему «священный поход цивилизации» против «взбунтовавшихся рабов».

Ни бешеные преследования врага, жестокого и бессильно-злобного, ни гибель товарищей, ни отчаянная тяжесть задач не останавливали Соню на ее славном пути.

Когда Соня была в 1921 году освобождена из польской тюрьмы, ей было всего лишь 20 лет. Но за спиной этой молодой большевички был уже такой путь революционной борьбы, какой в другую эпоху можно пройти лишь в десятилетия. Познав рево-

люцию на практике, в военной обстановке гражданской войны, Пикус берет за обладание теорией классовой войны—марксизмом.

Она успела сделать на фронте марксистско-ленинской теории только первые шаги. Но уже в первых ее схватках с враждебными марксизму теориями чувствовались не только боевой дух и большевистская непримиримость, но и недоожинные теоретические способности.

С. Пикус опубликовала несколько своих работ по теории аграрного кризиса. На этом, чуть ли не труднейшем участке марксистской аграрной теории Пикус сказала безусловно некоторое новое слово, основанное на учении Маркса и Ленина и направленное против вульгаризаторов марксизма. Можно спорить против выдвинутой ею концепции, которая отводит решающее значение в объяснении аграрного кризиса уровню земельной ренты. Однако нет сомнения, что марксистская теория аграрных кризисов не сможет пройти мимо тех соображений, которые Пикус так удачно и остроумно привела в обоснование своей концепции.

С подлинным энтузиазмом бралась Соня Пикус за те теоретические работы, где речь шла о разгроме буржуазных теорий или буржуазной контрабанды под флагом марксизма. Ее последние доклады в Комакадемии об учебниках по с. х. экономике (Лященко и др.) были последними боями, в которых Пикус с успехом дралась на позициях воинствующего марксизма.

Журнал «На аграрном фронте», в котором Пикус в последние месяцы своей жизни вела руководящую работу, потерял в ее лице лучшего своего работника, впервые добившегося критики на страницах журнала ряда меньшевистских извращений в аграрной теории и упорно добивавшегося поворота этого органа марксистов-аграрников лицом к социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Упорно добивалась С. Пикус организации большевиков-аграрников для изучения и теоретической разработки той уймы проблем, которые поставила перед аграрной теорией практика социалистического строительства. Ее статьи на эту тему в «Правде», ее борьба за поворот в Аграрном ин-те Комакадемии были немаловажным фактором борьбы против отрыва теории от практики на аграрном фронте.

Армия большевиков, воюющих на фронте теории, растет с каждым годом. Но те, кто знали Соню Пикус, никогда не забудут той потери, которую понесла эта армия со смертью этой прекрасной большевички, чуждой академизма, книжной «учености» и проклятых буржуазных традиций и навыков. И когда идет речь о создании нового типа пролетарских ученых-бойцов, ученых-партийцев, негибаемых сынов и дочерей своего класса, учеников Ленина, то Соня Пикус будет долго жить в нашей памяти, как одна из первых, давших образ такого теоретического работника, какой нужен нашей партии.

Соня погибла в результате тяжелой болезни, овладевшей ее молодым организмом в те годы, когда она боролась в польском

водства. В оценке этих-то основ марксизма мы видим полный разноречивый не только в социалистическом лагере, но и в буржуазном.

Указанный разноречивый и безрезультатность научной критики марксизма объясняется по мнению Муса тем, что критики пользовались главным образом эмпирико-статистическим методом. Вот почему историческая школа, напр., ничего не сделала для уразумения и оценки марксова учения. Между тем творение Маркса есть теория, а не история, и «не из исторических иллюстраций Маркса, но из его теории капитала возникла та могучая власть, с которой его произведение овладело массами»². Преодолеть его можно лишь его же методом. Здесь наш критик дружески протягивает руку Оппенгеймеру, который выставил положение, что «Маркса можно преодолеть только марксовым методом» («Marx kann nur durch Marx Methode überwunden werden») ³.

Нет другого произведения в социалистической литературе, заявляет Мус, которое было бы в такой мере основано на абстракции, в котором абстракции вместе с тем имели бы столь произвольный характер, как «Капитал». В своем анализе капитализма, как и во всей своей научной системе, «Маркс показывал себя оргом абстракции»⁴. Так например односторонняя теоретическая конструкция двухклассового капиталистического общества, имеющего одну цель—производить прибавочную стоимость, помешала Марксу видеть те культурные и социальные силы, которые противодействуют основной задаче капитала; именно постепенно возрастающую роль общественного контроля над процессом производства и над его условиями. Столь односторонние и неестественные абстракции нужны были, по мнению нашего критика, Марксу не только для того, чтобы представить производство прибавочной стоимости, как имманентное свойство капитализма, но и для того, чтобы вооружить теорией рабочий класс, призванный капитализм уничтожить. Вооружить же его теорией тем легче, чем она проще и примитивнее. Абстракция таким образом не есть (более орудие «чистого научного анализа»⁵, но является средством априорно и произвольно построенной теории.

Построением абстрактного двухклассового общества, продолжает далее наш критик, Маркс придал противоречию между этими классами абсолютный характер, упростил и принизил все содержание жизни этого общества, знающего один только экономический, денежный интерес. Маркс не знал подлинной капиталистической действительности. «Материальные основы своей теории он стремился получить не из живой жизни хозяйства, но из книжных полок Британского музея в Лондоне; элементарнейшие

² „Anti-Marx“, S. 9.

³ Там же, с. 493.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ Там же, с. 12.

вопросы практического ведения хозяйства были ему чужды, и он их не понимал»⁶.

Каким же методом думает пользоваться автор «Анти-Маркса» в своей критике «Капитала»? Методом имманентной критики. Последняя должна сделать предметом своего исследования логическую, причинную связь отдельных теорем в общей системе марксизма, проанализировать внутреннюю структуру марксовых категорий. Ведь марксова экономическая система, как это признает Мус, есть одно целое, в котором один тезис вытекает из другого: из стоимости—прибавочная стоимость, из последней—аккумуляция капитала, а из аккумуляции вытекает, с одной стороны, резервная армия и обнищание и, с другой—концентрация и централизация, со всеми основными противоречиями капитализма, приводящими его в конечном итоге к гибели. Так вот, если из этой цепи положений вырвать и опорочить хоть одно, тогда падает все построенное Марксом здание.

Вот это-то призван сделать «имманентный» критический метод Муса. Он должен проникнуть в экономическую систему марксизма до самых глубоких ее основ, чтобы «снять магическую силу с марксова пророчества о сумерках богов капитала»⁷. В исполнении столь четко намеченной задачи автор «Анти-Маркса» видит доказательство «научной необходимости» своей книги и вместе с тем ее «внутреннее оправдание». «Если же «имманентной» критике это похвальное дело удастся, то тем самым будет поражен на-смерть принцип социализма в целом, поскольку он в наше время опирается главным образом на марксизм».

Автор, как видим, отчетливо формулировал цель своей имманентной критики. Прицел взят далекий, но взят вполне сознательно... Мус только забыл об одной вещи: о том, что сам же упрекал Маркса в предвзятости и тенденциозности его построений.

Мы, с своей стороны, не станем упрекать Муса в подобных же грехах—в том, что он уже успел совлечь с своего «имманентного» метода чистые ризы бесклассовости. Мы только обратим внимание на то, что оригинальное изобретение нашего критика, его имманентный метод представляет по своей сути и основным принципам нечто весьма неопределенное, но задача, стоящая перед ним, вполне ясная. Именно этот метод должен вскрыть противоречия марксовых конструкций и категорий, исходя из основ самого марксизма. Запомним это, мы теперь последуем за автором «Анти-Маркса» и посмотрим, каким образом он развенчивает марксово учение о сумерках богов капитализма...

II

Мус считает, что марксово понимание исторического процесса есть ключ к марксистской политической экономии, ибо теория

⁶ „Anti-Marx“ S. 13.

⁷ Там же, с. 16.

капиталистического развития, какую дал Маркс, есть по сути экономическое обоснование его философских воззрений. Поэтому наш автор предпосылает своему анализу экономической теории Маркса разбор его философско-методологических взглядов.

Критику материалистического понимания истории Мус ведет по трем линиям. Он рассматривает, во-первых, вопрос о том, как понимает Маркс сущность закона, закономерности исторического процесса и соотношение между свободой и необходимостью; во-вторых, как по Марксу идеология общества регулируется его производственными отношениями, т. е. какова связь между базисом и надстройкой; наконец в-третьих, каковы взгляды Маркса на сущность диалектики в ее применении к историческому процессу.

С характерной для профессоров мусовского типа манерой расчленив живое тело какого-либо явления на отдельные мертвые части автор подходит к проблеме закономерности у Маркса.

Оказывается, что у Маркса имеется не меньше чем пять построенных категории закономерности общественных явлений. Именно: в одних местах своих работ автор «Капитала» понимает закон то как «естественный закон», то как историческую тенденцию. В других местах он говорит будто бы о законе как идеальном типе явлений, либо как законе, ограниченном историческими рамками, либо наконец как о законе, действие которого устраняется благодаря тому, что познана его необходимость. Оказывается далее, что эти пять марксовских конструкций понятия закона не только не имеют между собою ничего общего, но противоречат один другому и взаимно друг друга исключают.

Легко видеть, что механическое и схоластическое понимание Мусом марксовой идеи закономерности мешает нашему критику видеть в ней категорию диалектическую, многостороннюю и многогранную, охватывающую все указываемые Мусом оттенки, но вместе с тем единую в своей основе. Автор, например, упрекает Маркса в том, что он «закон стоимости» в качестве основы для создания прибавочной стоимости понимает в смысле закона природы; в связи с образованием цен товаров—как закономерность идеально-типического характера; в связи же с процессом обмена человеческого труда—как социально-историческую категорию.

Мы не будем останавливаться на «правильности» этих трактовок связи. Мусу хочется—непременно хочется—диалектические категории марксизма разложить по отдельным ящичкам и на каждый из них наклеить схоластический ярлычок.

Такая же судьба постигает марксовы категории свободы и необходимости в метафизической их обработке нашим ученым профессором. «Или,—декретировал Мус,—движение человеческого общества определяется законами, действующими с железной необходимостью, тогда для свободы человека не остается никакого места; или же общество и процесс его развития есть в конечном счете продукт человеческой деятельности, но тогда не останется

никого места для существования и действия каких бы то ни было естественных законов». «Всякий компромисс между необходимостью и свободой,—вещает далее Мус,—противоречит как существу необходимости, так и существу свободы»⁹.

Не лучше обстоит у Муса дело с его интерпретацией марксова решения проблемы базиса и надстройки. В одном месте автор приписывает Марксу ригористически-одностороннее понимание базиса как абсолютной и единственной причины исторического развития. Ибо, заключает он, «раз внеэкономические факторы считаются лишь «идеальным рефлексом социальных отношений», тогда они не могут быть причиной, но лишь следствием»¹⁰.

Тот принцип марксизма, что надстройки влияют друг на друга и все вместе—на экономический базис, совершенно помрачает метафизическую мысль Муса. И в схоластическом умопомрачении он восклицает: если формы идеологии обратно влияют на экономический базис, то они уже более не следствия, но причины (*sind sie nicht mehr verursachte Wirkung, sondern wirkende Ursache*), причем безразлично, будут ли они самостоятельного происхождения или же сами вытекают из экономического базиса.

А что, достопочтенный метафизик, если формы идеологии суть одновременно и «verursachte Wirkung» и «wirkende Ursache»? Как превратить эту истину ваша схоластическая мысль? Но вы очень прудумотрительны. На случай такого заявления вы говорите: для решения проблемы безразлично, самостоятельно ли возникли формы идеологии или они порождены экономикой. Извините, дорогой профессор, совсем не безразлично. Ибо в первом случае мы имеем самый беспринципный плюрализм, что очевидно ближе вашей душе, а во втором случае—перед нами марксов принцип взаимодействия, представляющий для вашего схоластического мышления книгу за семью печатями.

Своеобразен подход автора «Анти-Маркса» к марксистской диалектике. Как и следовало ожидать, в центре его внимания—триада. При этом наш критик не считает нужным проанализировать марксово понимание роли и значения отрицания, а ставит чисто схоластический, умерщвляющий всякое действенное, живое решение проблемы, вопрос о том, с какого члена триады идет развитие капиталистического способа производства—по Марксу и по Энгельсу. Оказывается, что исходным пунктом марксова анализа является право частной собственности производителей на продукты их труда; Энгельс же, напротив, начинает анализ с общественной собственности. Итак, оба «учителя» приходят к одинаковому члену триады—коллективной собственности, отправляясь от разных исходных пунктов...

Как будто бы в этом дело! Послушать нашего критика, так

⁹ „Anti-Marx“, S. 29.

¹⁰ Там же, с. 33.

¹¹ Там же, с. 34.

Маркс написал свое грандиозное творение не для того, чтобы проследить законы движения капитализма, а исключительно для вящей славы триады; причем, поставив себе столь возвышенную цель, Маркс исказил и извратил чистые, непорочные линии триады, какими они представляются схоластической голове Муса.

Впрочем справедливость требует отметить, что Мус все же переходит от проблемы триады к вопросу о марксовой трактовке противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Однако и эту проблему он расплющивает схоластическим прессом надуманных построений. Мус тут, как и в других местах, пользуется излюбленным приемом: он разрывает живое целое изучаемого явления на части, умерщвляет каждую из них в отдельности и, обездушив таким образом данное явление, преподносит его как продукт марксова анализа.

«Материалистическое понимание истории,—воображает наш знаток марксизма,—устанавливает гомогенность материального процесса производства и идеологической надстройки... совпадение сущности и формы общественного развития. Поэтому оно исключает в корне всякое отклонение институтов права и собственности от материального процесса производства; потому... не остается места для какого бы то ни было противоречия между производительными силами и производственными отношениями»¹².

Чье материалистическое понимание истории нам только-что было преподнесено? Маркса или Маркса в мусовском искажении? Наш критик просто приписывает автору «Капитала» свои затанные, дорогие сердцу мысли.

Как отчасти мы уже видели и увидим еще в дальнейшем, в теоретическом объективе мусовского анализа лучи капиталистической действительности преломляются в один только цвет—кисейно-розовый... Все у него гармонично, согласно, «гомогенно». Надстройка мирно и спокойно восседает на уютном базисе. Противоречия исчезли—и вместе с тем марксова диалектика предстала в кривом зеркале.

Так обездушил и извратил ученый метафизик основы марксистской философии и тем подготовил себе «базис» для критики экономического учения автора «Капитала».

Присмотримся к этой критике.

III

Как мы уже знаем, критик «Капитала» считает теорию стоимости Маркса основой всей его экономической системы. Поэтому Мус и направляет все стрелы своей критики на эту поистине основу основ марксистской политической экономии.

Разумеется, автор сейчас же начинает метафизически обрабатывать марксову категорию стоимости. Сам Маркс, по словам Муса, понимает свой закон стоимости по-разному: то как «закон

природы», то как идеальный тип явлений, обнаруживающийся лишь при определенных условиях. Далее, известные слова Маркса, что обмен товаров по стоимостям соответствует более низкой ступени развития, чем их обмен по ценам производства, Мус умудряется толковать в том смысле, что, значит, стоимость в капиталистическом обществе вовсе и не проявляется. На возражение, что сумма цен производства всех товаров данной страны равна сумме их стоимостей, наш критик имеет ответ, подсказанный ему Бернштейном, Зомбартом и др. Значит, скажет он, стоимость не есть что-либо реальное, а лишь идеальная, «мыслительная» категория¹³.

Так упрощенно разделяется ученый критик с категорией стоимости. Раз вы, господа марксисты, утверждаете, что стоимость есть реальное явление капиталистической действительности, то я желаю ее видеть в каждой отдельной сделке купли-продажи, твердит Мус вслед за Бем-Баверком.

Грубый, возведенный в принцип, эмпиризм буржуазной экономической науки, прямолинейность мышления, неспособная охватить явление в его сложнейших, запутанных взаимоотношениях со всей системой капиталистического хозяйства,—такой выглядит перед нами имманентная критика марксовой категории стоимости, данная Мусом.

Переходя к рассмотрению марксова анализа товара, наш критик раньше всего останавливается на категории потребительной стоимости и делает несколько «проникновенных» замечаний. Так как по Марксу потребительная стоимость и полезность товара идентичны, то между ними необходимо должна существовать пропорциональная связь. Однако в экономической действительности мы видим, что предметы высокой полезности часто низко оцениваются («werden gering bewertet») и наоборот. Поэтому «построенное Марксом соотношение между субстанцией, полезностью и стоимостью есть фикция»¹⁴.

Шедевр! Наш мудрец сначала обрабатывает марксову потребительную стоимость в субъективистическом смысле оценки, а затем, подкапываясь под объективную категорию стоимости (Wert), исподтишка подсовывает, как ее видовое понятие, категорию потребительной стоимости (Gebrauchswert). Этимологическую созвучность этих слов (Wert und Gebrauchswert) Мус с невинным видом толкует, как логическую родственность понятий, выражаемых этими словами. Рассуждения Муса вкратце сводятся к следующему. Согласно Марксу продукты высокой объективной полезности, т. е. полезные в силу своих свойств, должны были бы высоко оцениваться, иначе говоря, иметь высокую потребительную стоимость, а значит—и соответствующую стоимость. Но, утверждает наш критик, этого в действительности не бывает.

Утверждение Муса нас сейчас не интересует. Нам лишь важ-

¹² Там же, с. 47.

¹³ „Anti-Marx“, с. 56.

¹⁴ Там же, с. 57.

но подчеркнуть, что, по его мнению, стоимость у Маркса вытекает из потребительной стоимости. Так понял Маркса его глубокомысленный критик! «Материальное содержание товара не является причинным фактором стоимости», заявляет он¹⁵. Интересно знать, где же это он вычитал у Маркса, будто материя товара есть фактор его стоимости?

Продолжая далее анализ марксовской категории стоимости, Мус смешивает ее самым грубым образом, во-первых, с меновой стоимостью, во-вторых, с ценой. Разумеется, этим он создает бесконечную путаницу в изучении проблемы. С другой стороны, он считает нужным дать свою теорию стоимости и в ее свете разобрать марксизм. Мус обещал разобрать марксово учение, вскрыть его противоречия с точки зрения самих основ марксизма. Теперь он покидает эти позиции и просто берется противопоставить марксистской теории стоимости свою, другую. Мус обещал зажечь море, опорочить хотя бы одно звено и тем разорвать всю цепь логических построений марксистской экономической теории. Теперь он от этого отказывается.

Мус считает что стоимость¹⁶ создается не в процессе производства, не в результате затраты труда, а на рынке, в результате оценок товаров хозяйствующими субъектами. Стоимость базируется на функции блага удовлетворять человеческие потребности; она есть функциональное отношение человека к предмету. Правда, затрата труда, как правило, служит предпосылкой стоимости, в смысле создания предмета для оценок, но это обстоятельство интересует производителя, а не потребителя. Впрочем и производитель рассматривает товар не как овеществление труда, а как продукт суммы издержек, причем эти последние берутся под углом зрения оценок тех условий, которые облегчают возможность удовлетворения потребностей¹⁷.

Постоянство величин стоимости при данных условиях производства есть басня марксистской теории. Фактически стоимости непрерывно колеблются, поскольку они зависят от оценок со стороны хозяйствующих субъектов. Что же касается процесса обмена, то он представляет собою отношение не количеств, а качеств. Именно это есть такое отношение, при котором каждый из агентов обмена получает больше, чем отдает; руководящим принципом обмена является не эквивалентность, а различие в оценках.

Такова теория Муса. Для читателя ясно, что критик Маркса, во-первых, смешивает цены со стоимостями, во-вторых, спутывает, точнее, не различает роли потребительной стоимости и стоимости в процессе обмена. Труд благосклонно принимается на-

¹⁵ Там же, с. 58.

¹⁶ Следовало бы, говоря о мусовской категории стоимости, употреблять термин «ценность». Но так как Мус не проводит терминологического различия меж своей и марксовской категорией стоимости, то и мы, чтобы сохранить «дух» его критики, поступим точно так же.

¹⁷ См. указанное соч., с. 63.

шим автором во внимание, но лишь в качестве одного из факторов, создающих субстрат для оценок.

Вместе с тем, читатель легко узнает подчеркнуто-субъективистский, как далеко и не оригинальный характер теории Муса. Правда, наш антимарксист пытается отгородиться от психологистов, делая реверанс в сторону материального субстрата товара. Однако это сути дела не меняет. Но в таком случае спрашивается: стоило ли повторять старые, слегка омоложенные перепевы австрийцев и прочих субъективистов?

IV

Как мы видели, основой стоимости товаров является, по мнению Муса, полезность, т. е. потребительная стоимость в психологическо-оценочном смысле. Такой взгляд на дело дает нашему критику возможность устранить марксов диалектический принцип единства противоположности стоимости и потребительной стоимости. Вместо этого хлопотливого, беспокойного принципа водворяется мирное сожительство, плоское тождество указанных двух свойств товара. Диалектика товарной формы убита в самом зародыше.

Похерив столь неприятный сердцу буржуа принцип двойственного характера товара, Мус пытается подкопаться под марксово положение о двойственности труда, создающего товары. Невежество, обнаруживаемое нашим ученым критиком в этом «исходном пункте политической экономии» (Мус берет эти слова Маркса в иронические кавычки), изумительно. Во-первых, абстрактный труд есть по Мусу не более и не менее, как дематериализация конкретного труда¹⁸. Представление о совокупной рабочей силе общества, в котором индивидуальная рабочая сила есть часть целого, Мус безапелляционно называет «фикцией, теоретической конструкцией, которой в действительности товарного обращения не соответствует ничего реального»¹⁹. Во-вторых, автор хочет убедить нас, что Маркс фактически сам отказывается от категории абстрактного труда и, значит, от своего принципа двойственного характера труда, создающего товары. Именно, приведя известное положение Маркса, что в меновом отношении двух товаров конкретный труд, заключенный в эквивалентном товаре, есть форма проявления своей противоположности, Мус торжествующе восклицает: «Что это означает, как не то, что конкретный труд дает меновому процессу его реальную, «осязаемую» форму, а следовательно, меновое отношение регулируется именно этой осязаемой формой?»²⁰.

Всякому грамотному экономисту наших дней известно, что вся теоретическая система марксистской политической экономии опирается на этом, действительно «исходном» принципе двой-

¹⁸ См. указанное соч., с. 71.

¹⁹ Там же, с. 72.

²⁰ Там же.

ственности труда в товарном обществе, что из этой эмбриональной формы противоречия, заложенной в одном товаре, Маркс генетически вывел все дальнейшие антагонистические формы капитализма, вплоть до самых высших. Но нашему глубокому критику все это ни по чем.

В поле зрения мусовской критики стерлась марксова категория абстрактного труда, пропал марксов принцип двойственного характера как труда, так товара. Товары, освобожденные от раздражающих их природу противоречий, мирно и спокойно ждут потребителя, дабы осуществить свою, предустановленную высшей гармонией товарного хозяйства, миссию—удовлетворять людские потребности...

Как известно, стоимость в марксовом ее понимании есть категория *par excellence* общественно-трудовая и, как таковая, она определенным образом связана с производительностью общественного труда. Мус стремится эту связь расторгнуть, а тем самым и оторвать категорию стоимости от труда вообще. Как он это делает?

Прежде всего он выявляет, что производительность труда есть категория качественная, а не количественная, а потому «ключевое основание теории стоимости поколеблено и замещается принципом качества»²¹.

Следует заметить, что почтенный наш критик страдает болезнью количества. Его душе более близко понятие качества, разумеется, идеалистически препарированное, освобожденное от всякой грубой связи с количеством. Стоимость в марксовом ее понимании не есть только категория количественная, но главным образом качественная. Однако Маркс понимает качественную сторону категории стоимости совсем в ином смысле, чем его критик.

Далее, Мус возражает против того, что Маркс включает в число элементов, определяющих производительность человеческого труда, орудия производства (капитал по Мусу) и природу. Это, мол, самостоятельные факторы, образующие стоимость²².

Так и запишем! Суровому критику марксизма, стоящему на высоте современной науки, ласково улыбается Сей... Как самостоятельные, независимые от принципа труда факторы, образующие стоимость, утверждает наш духовный наследник Сей, орудия производства и природа «вообще не могут быть включены в понятие производительности труда»²³. Если же Маркс их включает, то это означает не более и не менее как то, что он уже не признает труд единственным фактором стоимости.

Прием, которым Мус доказал, что Маркс сам нарушил трудовой принцип своей теории стоимости, в высшей степени характерен для нашего критика. Он берет факторы, влияющие по Марксу на производительность труда, обрабатывает их по-своему, приписывая им свойство самостоятельно создавать стои-

²¹ Там же, с. 73.

²² Там же, с. 74.

²³ Там же.

мость, затем исподтишка, подсовывая их читателю как свойства, будто бы признаваемые и Марксом,—и, разумеется, получает желанный вывод... Надо думать, что этот прием искажения марксовой теории представляет собою один из составных элементов «имманентного» метода Муса...

В дальнейшем течении своей критики автор смешивает марксову категорию производительности труда с его интенсивностью и тем извращает перспективу. Действительно, если под производительностью разуметь интенсивность, то с ее повышением должна повышаться и стоимость товара. Маркс снова уличен в противоречии—и посредством того же приема. В другом месте наш критик пытается, правда нерешительно, идентифицировать понятие производительности труда с квалифицированным трудом. Повышение производительности труда, говорит он, есть процесс замещения простого труда сложным. Но в таком случае этот процесс должен привести к повышению стоимости—опять в противоположность тезису Маркса.

Действительно—должен, но лишь при том условии, если марксово понятие производительности труда подменить категорией квалифицированного труда и представить эту подмену, как согласную с учением марксизма...

Чувствуя, очевидно, необоснованность таких подмен, автор в третьем месте выдвигает еще одну версию. Оказывается, что повышение производительности труда, теперь уже в согласии с Марксом, приводит к понижению стоимости товаров. Но видите ли, во-первых, стоимость падает не в такой степени, как повысилась производительность труда, а в меньшей, и во-вторых, для этого падения товарных стоимостей требуется определенный период времени. А пока этот период не закончится, мы будем иметь такое положение, что стоимость товаров все же окажется выше, чем это соответствует новой ступени производительности труда.

Итак, связь между стоимостью и производительностью труда (а следовательно, и с трудом вообще) порвана. Наш критик достиг своей цели... Правда он этого достиг или путем подтасовки и подмен одних понятий другими, как это мы видели выше, или же путем искажения роли и значения стоимости, как мы видим по последней версии Муса. Закон стоимости есть по Марксу закон движения товарного (и товарно-капиталистического) общества. Но толковать его в том смысле, что стоимость всякого данного товара во всякий данный момент должна совершенно отчетливо определяться количеством затраченного труда, значит совсем не понимать сложной, диалектической природы стоимости. В этом отношении Мус—не первый и вероятно не последний...

V

Учение Маркса об общественно-необходимом труде и редукции Мус подвергает беспощадному разному. Прежде всего он просто заявляет, что в реальной действительности мы вовсе не

видим факта приведения всех видов труда к среднему общественно-необходимому, а также сложного к простому. Гетерогенность и несравнимость бесчисленных видов отдельных работ исключает возможность какого-нибудь tertium comparationis между ними.

Апелляция нашего критика к гетерогенности и несравнимости отдельных видов работ крайне характерна для него: по сути она говорит об отказе найти закономерность в стихийном потоке экономических явлений. Впрочем, Мус и тут непоследователен. Признание гетерогенности не мешает ему—без претензии на оригинальность—конструировать категорию «предельных издержек», на которые, по его мнению, ориентируются индивидуальные издержки в отдельных предприятиях. Значит, уже есть какой-то общий уровень, определяющий стоимость товаров; только этим уровнем является не ненавистный Мусу критерий общественно-необходимого труда, а указанные «предельные издержки предельного производителя»²⁴. Почему же не общественно-необходимое рабочее время? А вот почему, отвечает нам критик.

Возьмем категорию общественно-необходимого рабочего времени в ее наиболее «либеральном» толковании, именно в форме классического учения об издержках производства. Тогда, очевидно, стоимость товара будет определяться «общественно-средними издержками», которые представляют собою среднее арифметическое индивидуальных издержек²⁵. А если это так, то пугает нас автор «Анти-Маркса», произойдет вот что: товаропроизводители, у которых издержки производства выше средней нормы, выйдут из строя. Уровень «общественно-средних издержек» понизится, ибо он есть теперь средняя арифметическая величин абсолютно меньших, чем раньше. Последует банкротство следующей группы производителей, у которых издержки оказались выше этого нового, уже пониженного уровня. С выпадением второй группы производителей средний уровень издержек опять понизится, что вызовет выпадение следующей группы,—и так до того изумительного конца, пока на поле битвы не останется один товаропроизводитель как представитель «общественно-среднего рабочего времени и как верховный свидетель марксистской теории стоимости»²⁶.

Такая страшная картина, нарисованная Мусом, пожалуй может отпугнуть читателя от марксистского принципа общественно-необходимого рабочего времени и перетянуть его на сторону «предельного производителя», «предельными издержками» которого определяется будто бы стоимость товаров.

Но дело в том, что во всей этой концепции Муса, что ни положение—то ошибка и искажение. Во-первых, о теории издержек производства классической школы можно говорить с значительной натяжкой. Если не в полной мере у Смита, то у

²⁴ См. указанное соч., с. 82.

²⁵ Там же, с. 83.

²⁶ Там же, с. 84.

Рикардо мы безусловно имеем трудовую теорию стоимости, а не теорию издержек, в особенности в отношении к простому товарному хозяйству (а ведь и наш критик пока говорит в сущности о стоимости товара в условиях простого товарного хозяйства). Во-вторых, классическая школа, как известно, не имела четкого представления об общественно-необходимом рабочем времени. У Рикардо имеются намеки на эту категорию, не более. Поэтому свести обоснованное учение марксизма об общественно-необходимом рабочем времени к эмбриональным его зачаткам в классической школе и, критикуя последние—в форме «общественно-средних издержек»—приписать их неясность и противоречивость марксизму, более чем странно. В-третьих, видеть в марксовой трудовой теории стоимости только так сказать филиацию теории издержек производства, значит в корне не понимать глубокого и принципиального отличия первой теории от второй. Что Мус, несмотря на свое геллертерство, таким похвальным невежеством в области коренных основ марксизма отличается, мы уже видели и—увь!—еще увидим. В-четвертых, страшная картина, нарисованная Мусом, который сделал теоретическое избиение всех товаропроизводителей и оставил на рынке во славу Маркса только одного из них,—эта картина имеет исходным пунктом то положение, что уровень «общественно-средних издержек» есть не более и не менее, как средняя арифметическая индивидуальных уровней. Экономический анализ подменен таким образом сомнительными арифметическими манипуляциями, логическая ценность которых так же безупречна, как ценность товара, определяемая мусовскими «предельными издержками». В-пятых, жуткая перспектива, созданная нашим критиком для товарного общества, по сути говорит об одном реальном факте: о несовпадении цен со стоимостями товаров и о печальных последствиях, какие этот факт имеет для производителей, затративших рабочего времени больше, чем общественно-необходимое в данной стране. Но так как Мус не знает категории цены, то у него действительно получается нечто умопомрачительное, а именно—несовпадение стоимостей со стоимостями, несовпадение, которое неотвратимым образом вышибает из мусовского поля зрения всех товаропроизводителей, за исключением одного.

Во всяком случае, во всей этой истории поучителен один факт. Автор «Анти-Маркса» согрешил против субъективистического символа веры. Построением категории «предельных издержек» он апеллирует к таким презренным вещам, как машины, сырье, как реальный труд, и никакие оговорки автора,—а их делает он много,—не могут снять с него упрека в измене основным принципам психологической школы.

Материя, изгнанная Мусом в форме трудовой теории с парадного крыльца, пробралась—правда в искаженной форме «предельных издержек»—с черного хода...

VI

Разделавшись с марксовой стоимостью товара, наш критик нувствует себя в настолько выгодном положении, что прямо переходит к критике учения Маркса о стоимости рабочей силы.

По сути такой переход имеет свои логические основания. Ведь вся особенность марксова учения о рабочей силе заключается в том, что оно тесно связано с его теорией стоимости, служит дальнейшим развитием и углублением этой последней. Но так как «имманентная» критика Муса поставила себе задачу опорочить теорию стоимости Маркса, эту «основу всей марксистской экономики»²⁷, то наш автор и тут, сознательно и бессознательно, прибегает к целому ряду искажений.

Послушаем Муса.

Стоимость товара определяется по Марксу трудом, затраченным на производство этого товара. Но чем определяется в свою очередь стоимость труда? Спрашивает критик.

Мы могли бы не продолжать далее рассуждений Муса. Ибо для всякого человека, более или менее знакомого с марксистской теоретической экономией, ясно, что поставленный Мусом вопрос выдает его с головой. Ясно, что для буржуазной экономики, выдвинувшей в XX в. нашего геллертера на передовые позиции борьбы с марксизмом, прошла бесплодной и незамеченной огромная работа научной мысли, которая в лице Маркса выставила составившее эпоху в истории политической экономики положение, что труд стоимости не имеет, а имеет товар «рабочая сила». Но чтобы вскрыть всю ценность рассуждений Муса, этого новопеченного трубадура психологической школы, слегка подправившего ее гомеопатической дозой материальности (припомним «издержки производства»), мы прислушаемся к его разглагольствованиям.

Итак, чем определяется стоимость труда? Спрашивает Мус. Оказывается, что по Марксу «стоимость труда определяется стоимостью средств существования, т. е. стоимостью товаров». Итак, по Марксу будто бы выходит, что «стоимость товара определяется стоимостью труда, а стоимость труда определяется стоимостью товара»²⁸. Круг!

Какой товар в реальной действительности покупается и продается? спрашивает Мус. «Товар рабочее время» (Die Wage Arbeitszeit) И вот, стоимость этого товара «рабочее время» определяется подобно стоимости всех других товаров (тут наш критик цитирует Маркса) «рабочим временем, необходимым для производства и значит для воспроизводства...» — чего? И здесь Мус юнчает за Маркса «...для воспроизводства рабочего времени», и злорадно, вслед за Оппенгеймером, восклицает: но это нечто «бессмысленное!»²⁹.

²⁷ См. указанное соч., с. 85.

²⁸ Там же, с. 86.

²⁹ Там же.

Уважаемый профессор, мы согласны с тем, что положение: «стоимость рабочего времени определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства или воспроизводства рабочего времени», представляет собою бессмыслицу. Но эта бессмыслица есть дело ловкости рук самого Муса. Не верите? Прочтите соответствующее место в первом томе «Капитала». Там сказано: «Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли»³⁰. («Der Wert der Arbeitskraft... ist bestimmt durch die Production... dieses besonderen Artikels notwendige Arbeitszeit»)³¹.

А у Муса сказано: «Стоимость рабочего времени определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства или воспроизводства рабочего времени» («Der Wert der Arbeitszeit bestimmt, wird durch die Production... der Arbeitszeit erheisch, ist»)³².

Читатель видит, какими методами Мусу удалось доказать наличие круга и бессмыслицы в построении Маркса. Но наш критик беспощаден. В том же построении он видит «двойную тавтологию». Для Маркса, говорит Мус, стоимость является существенным, неотъемлемым, логическим свойством (Wesensattribut) труда. Но если товар и труд есть по Марксу стоимость, то это означает, что «товар есть товар, а труд есть труд». Двойная тавтология!

Присматриваемся ближе к делу. Поистине надо иметь очень смутное представление о марксовом учении, чтобы приписать Марксу мысль, будто стоимость есть независимое от эпохи, логическое свойство труда и продуктов. Что касается продукта, то поскольку он есть товар, все равно, как о нем сказать: есть ли он стоимостью или имеет стоимость. Так что напрасно критик наш упрекает Маркса в неряшливости формулировок³³. Что же касается товара «труд», то, рискуя опять вместе с Мусом попасть в неловкое положение, мы процитируем одно-два места.

Мус, как мы видели, следующими словами передает мысль Маркса: «Труд не имеет стоимости своих средств существования, но есть стоимость средств существования». Оставляя в стороне логическую ясность и вразумительность этой фразы, спешим найти соответствующее место в «Капитале», в котором угадывает нас автор. Там сказано: «Стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца»³⁴. Далее, у Муса встречаем такую цитату, из «Капитала»: «Подобно всем другим товарам труд (разрядка наша) обладает стоимостью («Gleich anderen Waren besitzt

³⁰ «Капитал», т. I, перевод Богданова и Степанова, с. 146.

³¹ «Kapital», B. I, 7 Auflage, Berlin, S. 126 (разрядка наша).

³² «Anti-Marx», S. 86.

³³ Указанное соч., с. 517, прим. 222.

³⁴ «Капитал», т. I, с. 146.

die Arbeit einen Wert*)³⁵. Находим соответствующее место у Маркса: «Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью». А всего одной строчкой выше ясно и четко сказано, кто этот «он» — именно: товар «рабочая сила»³⁶.

Чтобы пришить Марксу «двойную тавтологию», не жалко прибегнуть к двойному искажению текста, упорно подставляя на место марксова термина «рабочая сила» — свой мусовский «труд».

Paris «ant une messe, дорогой профессор! Мус утверждает, что Маркс, оказывается, сам признал, что тезис «труд имеет стоимость» приводит к безнадёжной тавтологии. Поэтому-де Маркс попытался спасти положение тем, что он объявил стоимость труда иррациональной категорией. Что же это такое? возмущенно спрашивает автор: положение: «стоимость равна труду» имеет рациональный характер, а обратное положение, что труд равен стоимости, есть уже нечто иррациональное! «Труд образует стоимость, но сам стоимости не имеет; из фактора, не имеющего стоимости, рождается стоимость (aus Nichtwert erwächst Wert), из ничего создается нечто реальное: рациональное делается иррациональным, «разумное — бессмыслицей...»

Почтенный профессор, Маркс говорит об иррациональном характере категории «стоимость труда» не для того, чтобы спасти свои конструкции от упрека в тавтологии, а потому, что эта иррациональность порождена условиями товарно-капиталистического общества. Конечно, если вместе с вами думать, что в товарном хозяйстве все экономические процессы протекают гармонично и «омогенно», то придется признать, что иррациональность эта есть плод измышления Маркса. Но вы сами, там, где это вам нужно, говорите о «гетерогенности» различных видов труда и даже как будто отказываетесь найти в них какой-либо единый, регулирующий принцип. А если мы имеем такую хозяйственную систему, в которой все виды трудовых деятельностей «гетерогенны и несравнимы», то почему нам не допустить возможности существования в ее экономических явлениях иррационального момента, который получает мыслительное отображение в построении тех или иных иррациональных категорий?

Это раз. А что касается вашего упрека по адресу Маркса, что у него из «не-стоимости» (Nichtwert) рождается стоимость, то этот упрек явно лишен научного значения. Ведь если бы труд, как образователь стоимости, сам имел стоимость, то надо было бы найти тот фактор, от которого зависит эта стоимость труда. А так как из не-стоимости, по вашему мнению, не может быть создана стоимость, то найденный нами фактор тоже должен был бы иметь стоимость. Но тогда возник бы вопрос о новом факторе, определяющем стоимость уже найденного фактора, и так ad infinitum. Судите поэтому, какой путь научного исследования стоимости более преврат тавтологиями, более грозит

³⁵ „Anti-Marx“, S. 517.

³⁶ „Капитал“, т. I, с. 146.

³⁷ Указанное соч., с. 87.

отдалить исследователя от решения проблемы — ваш или марксов. Что же касается наконец более общей постановки вопроса, как это из «не-А» может быть создано «А», то на сей предмет еще раз рекомендуем вам проштудировать Гегеля. Авось извлечете пользу. Поймете, напр., как из не-революции создается революция, из капитализма (т. е. не-социализма) — социализм, из слабости — сила. Поймете даже, как из незнакомства с основными проблемами марксизма может родиться нечто, как вы уверены, весьма положительное — фолиант в 500 страниц и 1000 примечаний.

VII

Насколько Мус понимает плоско и упрощенно марксову категорию стоимости, видно из сделанного им анализа относительной и эквивалентной формы. Наш критик согласен с тем, что обе эти формы неотделимы одна от другой, но он не может понять, что одна другую исключает. Ведь именно, говорит он, с точки зрения материалистическо-количественного мировоззрения марксизма, которое принимает меновой акт до математического равенства, товар, представленный в относительной форме стоимости, должен быть одновременно и в эквивалентной. Ибо принцип математического равенства тот, что раз $a = b$, то и, обратно, $b = a$. Далее, спрашивает автор, раз в меновом отношении противопоставлены два одинаковых количества абстрактного труда, то какой смысл в утверждении, что относительные и эквивалентные формы взаимно противоположны? Ведь оба товара, носители этих форм, ничем тогда друг от друга не отличаются. Наконец, и сам Маркс выводит всеобщую форму стоимости из развернутой только тем путем, что производит перестановку: товары, которые в развернутой форме были эквивалентами, во всеобщей делаются носителями относительной формы.

Не говорит ли все это о том, что Маркс в сущности отошел от материалистическо-количественного обоснования своей теории стоимости и откинул категорию абстрактного труда, что в конце-то концов и для него меновое отношение есть психический акт двусторонней оценки, а конкретный труд — если уж говорить о труде — есть реальный фактор стоимости.

Во всяком случае наш критик видит в учении Маркса о формах стоимости бездну противоречий. То Маркс утверждает, что потребительная стоимость товара, представленного в эквивалентной форме, имеет важное значение, ибо она есть форма проявления своей противоположности; то, наоборот, он заявляет, что характерной особенностью менового отношения служит именно абстрагирование от потребительной стоимости. Точно так же меновое отношение есть по Марксу противопоставление величин, качественно однородных и равных; с другой же стороны, он видит в меновой стоимости количественное отношение... Можно прийти в отчаяние от такой «принципиальной беспринципности» (Prinzip der Prinzipienlosigkeit)³⁸.

³⁸ Указанное соч., с. VI (оглавление).

Мус, как мы уже знаем, не любит противоречий, противоположностей; его душе близко только то, что «гомогенно». Относительная и эквивалентная форма пребывает в добром согласии, — к такому положению он с удовольствием присоединится; они, эти формы, вместе с тем друг друга исключают, — с этой марксистской ересью он ни в коем случае согласиться не может. Все своеобразие и оригинальность марксистской категории стоимости, объемлющей как единство, так и противоположность ее форм, недоступны безмятежно-гармоничному мировоззрению Муса.

В самом деле, чем мотивирует он факт совпадения относительной и эквивалентной формы? Единственно тем обстоятельством, что меновое отношение имеет двусторонний характер, так что товар, представленный для одного из агентов меновой сделки в относительной форме стоимости, для другого из них представлен в эквивалентной форме.

Как будто бы это обстоятельство не было известно Марксу! Наш критик не понимает, что дело совсем не в этом бесспорном факте, который, конечно, служит реальной базой для единства обеих форм. А дело в том, что меновой процесс, объединяя агентов товарной сделки, тем самым их разъединяет; создавая временную гармонию их интересов, он в то же время порождает противоречия, борьбу между ними. И именно это второе обстоятельство создает внутри специфического общественного отношения между товарпроизводителями, именуемого стоимостью, эквивалентную форму, совершенно своеобразную по своей природе. Если на первых ступенях товарного обмена эквивалентная форма еще совпадает с относительной, то по мере развития товарного хозяйства первая все более эмансипируется от второй, становится все более противоположной по отношению к ней, пока наконец не кристаллизуется в денежную форму стоимости.

Излишне говорить о всех, полных противоречия, особенностях этой последней. Следует только заметить, что Мус боится денежной формы стоимости, в ее реальном проявлении и марксистской интерпретации, как огня. Ему важно снять о нее все отрицательные моменты, оставив одни лишь положительные, а для этого надо эти отрицательные стороны уничтожить в самом зародыше, т. е. в эквивалентной форме. Отсюда — нападки Муса на эквивалентную форму, точнее на ее марксистское обоснование, попытки слить ее с относительной, т. е. по существу так сказать ее обезличить.

Отсюда далее полное нежелание, вернее неспособность автора «Анти-Маркса» понять ту глубокую марксову мысль, что, с одной стороны, характерным для процесса обмена товара А на товар В является абстрагирование от их потребительных стоимостей; но зато, с другой стороны, природа товарного хозяйства такова, что товар А может получить свою общественную апроприацию, в качестве стоимости, т. е. быть включенным в совокупную цепь общественного труда, как его частица, лишь в образе потребительной стоимости, природной оболочки товара В. Это окольный путь, очень противоречивый, полный фетишизма, но

он совершенно неизбежен в условиях неорганизованного товарного общества, при которых выразителями специфической общественной природы товаров, т. е. их стоимости, могут быть только сами же товары. И именно потому, что это проявление стоимости вовне, наружу, должно произойти не иначе, как в вещественной и осязаемой форме, потребительная стоимость одного товара выступает в совершенно нужной для нее роли — носителя стоимости другого товара. Соглашаемся, что эта роль ей, потребительной стоимости, несвойственна, но она так сказать навязана ей антагонистическими условиями товарного хозяйства, сообщающими продуктам человеческого труда совершенно особенную, вернее, искаженную общественную сущность, сущность стоимости.

Так каким же языком, который выразил бы все тончайшие изгибы, всю глубину и богатую содержательность диалектического марксистского анализа стоимости и ее форм, каким языком говорить с Мусом, этим махровым представителем буржуазной экономической теории современности, который порхает по поверхности явлений, для которого в капиталистической действительности все так просто, понятно, гармонично и «гомогенно»? Поймет он вас? Не надейтесь! Ибо «социальный заказ», полученный им от мировой буржуазии послевоенной эпохи и сводящийся к тому, чтобы какой бы то ни было ценой опровергнуть марксистский миф о сумерках богов капитала, делает для него классово-невыгодным вас понять.

VIII

Наш Аника-воин в борьбе с марксизмом приближается к страшному и ненавистному для него учению Маркса о прибавочной стоимости, и, очутившись на аванпостах этого учения, т. е. подойдя к главе «о превращении денег в капитал», Мус мобилизует против нее всю махловую силу своей субъективистской аргументации.

Как известно, основная, проникнутая подлинной диалектикой идея этой главы сводится к тому, что превращение денег в капитал не может быть теоретически выведено из чистых законов простого товарного хозяйства, что анализ этого процесса вводит нас в круг новых отношений — капиталистических. Но, во-первых, метафизически-формальному мышлению нашего уважаемого критика диалектика совершенно чужда; во-вторых, Мус чувствует себя прекрасно в сфере простых товарных отношений и по их типу хочет мыслить — и фактически мыслит — отношения капиталистические. Вот эти методологические и социальные корни его позиции пропитывают его возражения против указанной главы острой враждой и резко выраженной тенденциозностью.

Рассмотрим главные из этих возражений.

В своем анализе формулы $D-T-D$ Маркс, придерживаясь внешне формально отношений простого товарного хозяйства, исходит из двух предпосылок. Во-первых, товар и деньги, обменивающиеся по этой формуле, представляют нечто равное, а именно одинаковые количества затраченного труда; во-вторых, стоимость

товара, среднего члена формулы, в процессе обращения не меняется.

Вот против этих двух предпосылок и ополчается Мус. Какое возражение он выставит против первой предпосылки Маркса, легко понять. Это именно тот принцип, что хозяйствующий субъект выше оценивает, с точки зрения удовлетворения своих потребностей, приобретаемый продукт, нежели отчуждаемый. Поэтому об эквивалентности обмена не приходится говорить. Так как это пресно-субъективистическое смакование Мусом потребительной стоимости как основы стоимости читателю уже известно, то мы на сем доводе нашего критика останавливаться не станем. Мы перейдем к тому его возражению, которое он делает против второй предпосылки Маркса.

В процессе обмена, утверждает Мус, стоимость товара претерпевает изменения. В сфере обращения товар не меняется в технико-производственном отношении, но не в экономическом; он «остается неизменным только как феномен производства, но не как феномен стоимости»³⁹. Поэтому торговый капитал, придвигая в пространстве и во времени товар к потребителю, тем самым делает его более приспособленным к удовлетворению человеческих потребностей, предметом более интенсивной оценки и, значит, увеличивает его стоимость.

Однако, продолжает Мус, процесс Д—Т—Д объемлет внутри сферы обращения область производства. А последняя безусловно увеличивает стоимость изготовленного товара. Маркс без сомнения понимал, что центр тяжести вопроса о превращении денег в капитал лежит не в сфере играющего в общем незначительную роль торгового капитала, а в сфере производственного капитала^{39а}. Между тем отличительной чертой научного характера марксистского метода исследования является игнорирование процесса производства товара. Для обоснования марксовой «общей формулы капитала» «совокупное содержание общественного процесса производства, с его чрезвычайно важными проблемами, в особенности по отношению к факту образования капитала и прибавочной стоимости—является совершенно безразличным».

Скажите, читатель, вы верите своим глазам? Так знайте, что вся эта вылазка против Маркса сделана не кем иным, как Мусом, что это его подлинные слова⁴⁰.

Ведь именно Маркс передвинул центр тяжести исследования из сферы рынка в сферу производства.

Как бы то ни было, Мус доволен. Он взял под свою защиту производство. Присмотримся поэтому поближе, зачем нашему критику, который в сфере и атмосфере рынка вообще чувствует себя, как у Христа за пазухой, зачем ему понадобилась область производства.

Послушаем Муса.

«Благодаря своему вступлению в сферу функционирования этой категории капитала (т. е. производственного капитала—С. С.) товар подвергается коренному изменению своих материальных свойств; бесформенный и непригодный к употреблению сырой материал приобретает форму и становится товаром, пригодным для потребления. Только благодаря изменению своих природных и материальных свойств продукт делается хозяйственным благом... пригодным средством для целей хозяйственной деятельности людей и в качестве такого приобретает стоимость⁴¹.

Итак, производственный капитал сообщает товару (т. е. сыроу и полуфабрикату) стоимость тем, что делает его предметом потребления. Только и всего? Ах, да, спохватывается Мус, производственный капитал совершает эти благие свойства, дающие товару новую стоимость, не один, но «в сотрудничестве с человеческим трудом»⁴².

Значит, два фактора сообщают новую стоимость сыроу и полуфабрикату: первый—это «производственный капитал», второй—человеческий труд. Что же это за «производственный капитал»? Ясно (да и сам автор о том говорит), что это не что иное, как орудия и средства производства.

Но в таком случае «производственный капитал» в смысле орудий и средств производства существует и при простом товарном хозяйстве? Конечно, отвечает Мус. Значит, приращение стоимости, т. е. образование прибавочной стоимости, может иметь место и в условиях простого товарного хозяйства? Несомненно, слышим мы в ответ.

Теперь позиция Муса для нас ясна. «Производственный капитал», т. е. исключительно орудия и средства производства, сообщает продукту новую стоимость приведением его к форме, пригодной для потребления. Человеческий труд, правда, тоже участвует в этом процессе, но, во-первых, это милый сердцу нашего критика конкретный труд; во-вторых, это труд человека вообще, безразлично, наемного ли рабочего или владельца этого самого «производственного капитала». А раз это так, то товарно-капиталистическое производство, на широкое поприще которого, полное противоречий, выводит нас марксов диалектический анализ формулы Д—Т—Д, приравнивается Мусом к идиллически-простому товарному хозяйству. Здесь эксплуатации наемного труда нет, а все же есть прибавочная стоимость, благодаря магической способности орудий и средств производства создавать новые стоимости путем «облагораживания формы»⁴³ продуктов, т. е. превращением их в пригодные для потребления блага.

Сферы производства, как производства прибавочной стоимости в таком понимании, действительно нет в концепции Маркса, и в этом отношении упрек Муса по адресу автора «Капитала» вполне справедлив...

³⁹ Muls, указанное соч., с. 149.

^{39а} Там же, с. 151.

⁴⁰ Там же, с. 152.

⁴¹ Указанное соч., с. 149.

⁴² Там же, с. 148.

⁴³ Там же, с. 150.

Далее наш критик начинает перетасовывать карты. «Здесь (т. е. в сфере производства) нет никакого противоречия между марксистским принципом стоимости и изменением стоимости товара»⁴⁴. Почему? А вот почему. «Так как облагораживание формы продуктов совершается, как правило, путем применения человеческого труда и увеличению стоимости товара... соответствует увеличение овеществленного в нем количества общественно-необходимого труда, то Маркс мог бы признать изменение стоимости товара в результате производства, не нарушая собственного принципа стоимости»⁴⁵.

Итак, если верить Мусу, то марксов принцип стоимости, как много раз пытался доказывать наш критик, субъективистический и имеющий основой способность товара удовлетворять человеческие потребности. Но до сих пор этот принцип, как опять-таки уже не раз силился нас убедить Мус, находился у Маркса в противоречии с притянутым им за волосы трудовым началом. Теперь наконец найдена область, в которой оба принципа — марксово понимание стоимости и труд — не противоречат друг другу. Эта счастливая для Маркса область — сфера производства. И ю «мог бы это сам признать», но, представьте, он не хочет... Он берет и «просто игнорирует процесс производства товара»...⁴⁶.

Но да избавит нас судьба от таких «производственников», как Мус!

Справедливость однако требует признать, что наш критик не долго задерживается в секторе производства, а благополучно возвращается на лоно рынка. Здесь, в родной стихии, он пытается встретить лицом к лицу основной тезис Маркса о невозможности получения прибавочной стоимости из сферы обращения.

Выставляя этот свой тезис, Маркс, как известно, исходил из идеи закономерности явлений рыночного обращения. Цены товаров могут быть либо выше, либо ниже стоимости, но в конце концов к ней тяготеют. Реализация всей товарной массы по цене, равной, в последнем счете, ее стоимости, исключает поэтому возможность образования прибавочной стоимости в обращении.

Мус с этими положениями не согласен. Утверждение, что товары продаются по цене выше или ниже стоимости он считает *contradictio in adjecto*. Ведь покупка и продажа товара по известной цене именно говорит о том, что стоимость, сообщенная ему покупателями и продавцами, как раз и нашла в этой цене свое внешнее выражение. Не кто иной, как Маркс, определяет цену как денежное выражение стоимости. Каким же образом цена может отклониться от стоимости, раз она есть ее выражение?

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 152.

Отсюда следующие выводы критика. Тезис Маркса «находится в противоречии с действительными фактами обмена»⁴⁷. Повышение или понижение цены одного товара по отношению к другому товару означает повышение или понижение его стоимости⁴⁸. Поэтому товарное обращение, с его неподдающимися никакому учету изменениями конъюнктур, «очень хорошо может быть истинным прибавочной стоимости, как и потери стоимости (Minderwert)»⁴⁹.

Как видит читатель, «субъективистически обоснованная теория стоимости, которая не знает динамического различия между ценой и стоимостью»⁵⁰, призвана здесь выполнить важную служебную роль, Она должна убедить нас в незаконности, произвольности, беспорядочности движения цен-стоимостей, дабы в мутных рассуждениях Муса об этой незаконности его хозяйствующие субъекты могли выудить для себя прибавочную стоимость...

Далее, свирепый индивидуализм Муса дает ему сомнительные силы встретить другое соображение Маркса. Предположим, говорит Маркс, что А владельцу вина, стоимостью в 40 ф. ст., удалось обменять свой товар на пшеницу, стоимостью в 50 ф. ст., у владельца пшеницы В. Правда, А. выиграл 10 ф. ст., но с точки зрения обоих — выигрыша нет, ибо общая сумма обоих товаров, как до, так и после обмена, равняется 90 ф. ст.

Вот это соображение Маркса его критик встречает с истинным негодованием. Автор «Капитала» заменил «смелым прыжком» (*mit kühnem salto mortale*) подлежащую обсуждению проблему другой, которая «лежит вне дискуссии»⁵¹. «Вопрос не в том, испытывает ли общая стоимость товаров какое-нибудь изменение в процессе обращения, а в том, получится ли для владельца товаров больше или меньше стоимости. Вопрос об образовании прибавочной стоимости следует рассматривать только с точки зрения обменивающихся индивидуумов»⁵².

Но вопрос в том и состоит, получится ли для общества товаровладельцев в целом приращение стоимости в процессе обмена. Марксистская политическая экономия, как это вам должно было бы быть ведомо, если бы вы постарались понять ее основы, имеет дело с группами, классами общества но не с отдельными личностями; отношения лиц она берет как отношения классов.

Однако нечего надеяться на то, чтобы автор «Анти-Маркса» понял все это. Он своих анархо-индивидуалистических позиций не сдаст. Индивидуалистическая точка зрения дает возможность, как мы выше видели, безобидного и мирного объяснения во-

⁴⁷ Указанное соч., с. 153.

⁴⁸ См. там же, с. 153—154.

⁴⁹ Там же, с. 154 (разрядка автора).

⁵⁰ Там же, с. 155.

⁵¹ Там же, с. 151.

⁵² Там же, с. 161—162 (разрядка автора).

проса о происхождении прибавочной стоимости, тем более мирного, что в упомянутом примере товаровладелец В, собственно, тоже не в убыде. Ибо приобретенное им вино, стоимостью в 40 ф. ст., имеет для него, с точки зрения его психической оценки, большую стоимость, чем отданная им пшеница, стоимостью в 50 ф. ст. Не верите? Факт! Иначе он не обменял бы своей более дорогой пшеницы на более дешевое вино. Ну, а что он потерял при сей операции 10 ф. ст., так это пустяк! Для вящей гармонии товарно-капиталистического хозяйства не жаль и поступиться такой мелочью...

Что же касается подчеркиваемого Мусом факта незакономерности, анархичности рыночных отношений, то и эта сторона дела также вносит соответствующую лепту в гармоническое мировоззрение Муса. Дело в том, что «движение рыночных явлений и цен имеет значение для капиталиста как выражение состояния и динамики общественных потребителей... Приравнение производства товаров по их роду и объему к изменчивым рыночным отношениям есть одна из труднейших и важнейших задач для предпринимателя... есть функция, из которой вытекает как необходимость, так и оправдание его существования в пределах капиталистического хозяйства»⁵³.

Так вот для чего понадобился нашему трубадуру капитализма гимн рыночной анархии! Он, во-первых, дал основу для наинидиллического объяснения проблемы прибавочной стоимости. Он, во-вторых, послужил прелюдией для апологии и гимна в честь капиталиста.

IX

Как справедливо в общем указывает Мус, автор «Капитала» строит свою теорию прибавочной стоимости, исходя из двух положений. Во-первых, Маркс рассматривает рабочую силу как товар и выводит законы, которыми определяется ее стоимость, на основе своей общей теории стоимости. Во-вторых, Маркс доказывает, что разница между стоимостью изготовленного рабочим товара и стоимостью его рабочей силы в результате имманентных законов капиталистического хозяйства притекает к капиталисту в форме прибавочной стоимости. Вот эти-то два положения служат объектом ожесточенных нападок со стороны нашего критика.

Мы уже указывали, что марксова теория стоимости — главная мишень всех атак Муса. И это не случайно. Он отлично понимает, что «раз стоимость труда связывается с принципом стоимости товара, то тогда весь прибавочный продукт с абсолютной необходимостью должен попасть классу капиталистов»⁵⁴. Поэтому-то Мус всеми силами старается выразить пропасть между теорией стоимости Маркса и его учением о рабочей силе.

Рабочая сила, поучает наш мудрец Маркса, есть, правда,

товар, но товар sui generis; он заключается в живой личности человека, представляет собою «феномен этического, психологического и социального порядка»⁵⁵. Поэтому и стоимость рабочей силы (автор везде говорит: стоимость труда) определяется совсем иными законами, чем стоимость «мертвого товара». Все дело в том, продолжает многотумный критик, что Марксу не хватает ясного понимания исторического характера капиталистических отношений. Ведь «капиталистическое производственное отношение, которое отделяет рабочего от его орудий производства, не дано как нечто естественное. Оно не свойственно всем историческим периодам экономического развития, но скорее есть продукт особого исторического развития... человеческого общества. В своем возникновении и разворачивании оно (т. е. капиталистическое отношение) было связано с определенными историческими условиями и с ослаблением последних, благодаря новым экономическим и социальным факторам, может быть, заменено другой формой производства. Постольку сущность капитала и капиталистического способа производства имеет исторический характер»⁵⁶.

Итак, как же определяется стоимость рабочей силы? Не стоимостью продуктов, потребных для ее воспроизводства, а факторами иного порядка. «Обеспечение воспроизводства его (рабочего) рабочей силы... образует нижнюю границу»⁵⁷ оплаты; стоимость изготовленного рабочим продукта — высшую. В пределах этих границ действительный размер оплаты устанавливается путем перманентной борьбы рабочих против капиталистов»⁵⁸. Указанные пределы являются лишь экономической границей для определения величины стоимости рабочей силы; решающим же фактором является соотношение общественных сил⁵⁹. Это соотношение есть, с одной стороны, продукт все более высокой организации рабочего класса; с другой же стороны, оно умеряется, облагораживается влиянием культурных социальных и моральных моментов.

«Непонятно, — говорит Мус, — как Маркс, который стоял в центре социального движения своей эпохи и отдал ему все счастье и спокойствие своей жизни, как он проглядел могущество и силу общественного движения и его влияние на образование стоимости труда»⁶⁰. Как и подобает заправскому ученому, наш критик пытается даже объяснить причины того «непонятного» факта, что Маркс, видите ли недооценивал роли и значения организации рабочего класса и его классовую борьбу. Причины эти сводятся к тому, что «идея стоимости товара, как основной принцип марксовой системы»⁶¹, прямо поработила мысль Маркса.

⁵⁵ Указанное соч., с. 173.

⁵⁶ Там же, с. 171 (разрядка автора).

⁵⁷ Там же, с. 175.

⁵⁸ Там же, с. 176 (разрядка автора).

⁵⁹ Там же, с. 191.

⁶⁰ Там же, с. 177.

⁶¹ Там же, с. 179.

⁵³ Там же, с. 161.

⁵⁴ Там же, с. 177.

Мы на минуту согласимся с Мусом в этом его обвинении против автора «Капитала». Значит, Маркс был строгим ревнителем чистоты своей теории стоимости—и настолько, что проглядел особенности товара—рабочей силы и законов, регулирующих ее стоимость. Нашему критику эта приверженность Маркса к своей теории стоимости не нравится. Ладно! Мы с ним в этом вопросе согласимся.

Однако перелистываем одну-две страницы, находим нечто другое. Теперь уже оказывается, что «сведением процесса образования стоимости (рабочей силы) к обычаям и жизненным потребностям рабочего класса, к общему историческому и культурному развитию общества «марксистская теория покидает область чистой экономики... Этот прыжок (анализа стоимости рабочей силы) в высшую и более благородную сферу морали, культуры и нравов... означает не более и не менее как salto mortale всей теории стоимости»⁶² Маркса.

Что-нибудь одно. Или Маркс был в плену своей теории стоимости, или он ее отдал на поток и разграбление любезной вашему сердцу сферы этики, культуры и прочих приятных вещей.

Мус здесь, как и в других местах своей книги, применяет излюбленный им прием: разрезает живое целое марксовой теории на мертвые части.

Всякому образованному и непредубежденному экономисту нашего времени известно, что марксова категория стоимости есть категория экономическая, которая объемлет широчайшую область общественно производственных отношений между людьми в товарном (и капиталистическом) хозяйстве. Мус же видит в своей категории стоимости также экономическое отношение, но последнее он трактует как отношение (оценочно-психологическое) индивидуума к продукту, и такое свое субъективистическое понимание стоимости подсовывает Марксу. И вот, когда автор «Капитала» строит свое учение о рабочей силе на основе своей общей теории стоимости, наш критик, естественно, приходит в замешательство. Как же это так, восклицает он! Ведь теория стоимости имеет дело с отношением человека к товарам. Товар—это мертвая вещь, а рабочая сила—живая личность, и определение ее стоимости есть отношение людей. Как же можно вторую теорию—рабочей силы—базировать на первой?

В том-то и дело, если бы автор «Анти-Маркса» глубже вник в суть марксовой категории стоимости, он бы понял, что тут речь идет о людях—и только о них, об известных (и специфических) отношениях между ними на базе определенного способа производства. Он бы понял тогда, что тесная связь учения о рабочей силе с теорией стоимости логически и методологически совершенно закономерна и необходима, что именно эта связь придает характер цельности всей марксовой экономической системе. И тогда наш критик не приходил бы в ярость от введения Марксом в свой анализ моментов культурного и социального порядка.

⁶² Там же, с. 180 (разрядка автора).

Итак, по Мусу стоимость рабочей силы регулируется соотношением силы капиталистов и рабочих, степенью организованности последних, их обычаями и нравами, общим культурным состоянием страны. Мус с радостью принимает все эти факторы, лишь бы оторвать их от закона стоимости. Тогда как у Маркса они базируются на определенном состоянии развития производительных сил, на известных экономических отношениях, теоретически формулируемых законом стоимости,—у нашего критика все эти силы, лишённые экономического фундамента, остаются висеть в воздухе, вносят в объяснение законов капиталистического хозяйства идеализм и беспринципный плюрализм.

И вот автор на крыльях своего жизнерадостного оптимизма несется по XIX столетию, и, используя Шмоллера и др., доказывает статистическими данными, что не только рабочий день уменьшился, но и реальная заработная плата за вторую половину века удвоилась по сравнению с первой его половиной. Это ясно доказывает, что, во-первых, марксово определение стоимости рабочей силы, говорящее о более или менее неподвижном уровне средств существования, неверно; что, во-вторых, стоимость рабочей силы есть категория не экономическая, а историческая. Ибо во вторую половину века она изменилась, стала иной, чем в первую половину...

Мы еще к этому в высшей степени оригинальному «историзму» Муса вернемся. А сейчас, не задерживаясь на анализе статистического материала, приводимого автором, мы хотели бы обратить внимание читателя на другой момент.

Мус, стоя у начала своего «великого» творения и изыскивая новые, еще не протеренные методологические пути критики Маркса, поставил вопрос: а почему буржуазная критика марксизма была до сих пор бесплодной? И ответил: ибо она большей частью выступала против «дедушки автора «Капитала» с одним—лишь эмпирико-статистическим материалом⁶³. Он, Мус, это делать не собирается, ибо у него в руках другой талисман—имманентный метод. И вот оказывается, что в трудные минуты жизни, когда вдохновение, которое наш критик черпает от имманентного метода, иссякает, у него на сцену выступает тот же эмпирико-статистический материал.

В заключение мы обратимся к другому положению Маркса, которое вызывает резкую критику нашего автора, именно к тому, что прибавочная стоимость есть продукт «свободы» рабочего в смысле юридическом и в смысле экспроприации у него классом капиталистов орудий производства.

Мус, не имея возможности отвертеться от факта этой «свободы» рабочего, тем не менее приходит к оригинальному выводу.

«Монополизация классом капиталистов общественных орудий производства, есть, правда, предпосылка для возникновения специфически капиталистического способа производства, но она может проявиться в таком направлении лишь до тех пор, пока ра-

⁶³ См. указанное соч., с. 8.

бочему или рабочему классу не удастся организовать противодействующие силы для укрепления своих позиций, дабы ввести в свою пользу корректив в регулировании зарплаты. И в действительности, великий исторический процесс объединения и организации рабочего класса в передовых индустриальных странах, особенно за последнюю половину века, показал, что путь для движения вверх стоимости рабочей силы, несмотря на отделение ее от орудий производства, — не закрыт»⁶⁴.

Итак, уверяет нас наш оптимист, монополия капиталистов на орудия производства есть предпосылка, но не необходимое условие образования прибавочной стоимости.

И действительно, «движение вверх зарплаты, которое, без всякого сомнения, показывает развитие последних десятилетий, позволяет признать, что внешняя юридическая форма капиталистического производственного отношения только при исторически-определенных общественных условиях... сводит стоимость труда к стоимости необходимых средств существования; она (эта юридическая форма) есть поэтому только исторически-обусловленный фактор и не может иметь никакого притязания на внеисторическое значение»⁶⁵.

Отсюда окончательный вывод нашего критика: «Прибавочная стоимость... есть историческая, но не экономическая категория, которая не безусловно имманентна капиталу»⁶⁶.

Какие же доказательства привел Мус в пользу своего положения, что прибавочная стоимость возникает при одних исторических условиях, а при других может исчезнуть? Единственно то, что в первую половину XIX столетия заработная плата была низкая, во вторую же половину она повысилась... В этом смысле прибавочная стоимость есть историческая категория. Т. е. в том смысле, что она зависит от уровня заработной платы. Но она ни в коем случае не есть категория экономическая, ибо ее уменьшение или даже уничтожение зависит от факторов чисто исторических: организованности рабочих, их борьбы, культурного развития общества и т. д.

На совершенно резонный вопрос, а для чего же капиталисты будут организовывать предприятия, раз наградой им не послужит прибавочная стоимость, Мус отвечает: «Не потребление рабочей силы, но изготовление продуктов... есть мотив и цель производства»⁶⁷, или в другом месте: «Капиталистический способ производства ни в коем случае не связан с предпосылкой производства прибавочной стоимости»⁶⁸.

Взгляды нашего критика можно таким образом формулировать пятью положениями:

1) орудия производства остаются в руках капиталистов;

⁶⁴ Там же, с. 171 (разрядка автора).

⁶⁵ Там же, с. 172 (разрядка автора).

⁶⁶ Там же, с. 183 (разрядка автора).

⁶⁷ Там же, с. 175.

⁶⁸ Там же, с. 183.

2) сохраняется классовое деление общества на капиталистов и рабочих;

3) продукт труда рабочих притекает к ним в форме зарплаты;

4) заработная плата может в конце концов поглотить всю прибавочную стоимость и

5) капиталистическое производство эмансипируется от критерия прибавочной стоимости и направляет имеющиеся в его распоряжении силы исключительно на производство полезных продуктов.

Иначе формулируя скрытую, но главную мысль автора, можно сказать: пусть организация рабочего класса будет идеальная, пусть заработная плата повышается как угодно, вплоть до поглощения ею прибавочной стоимости, — все равно никакого отношения это к факту монополизации капиталистами орудий производства не имеет.

Это скрытая, но главная идея нашего «анти-марксиста»!

Дипломатическими, искусственными, софистически-лукавыми и ханжески-благодушными положениями и формулировками Мус заговаривает зубы читателю и водит его вокруг коренного, главного вопроса.

Так вот, достопочтенный «Анти-Маркс», ответьте четко и разумительно: орудия производства останутся у капиталистов или не останутся? Да или нет? Классовое деление общества сохранится? Рабочие будут получать продукт своего труда в форме заработной платы? Да или нет? Ибо всякая попытка доказать возможность капитализма, т. е. монопольного права частной собственности на орудия производства без прибавочной стоимости, есть извращение смысла и хода исторического развития.

Наш дипломат в ответ на эти прямые вопросы молчит... Он старался убаюкать нас рассказами об организации рабочего класса, лукаво толкуя ее как организацию, которая преследует одну лишь цель повышения заработной платы, но не покушения на право частной собственности.

Он тешил нас баснями об историческом характере категории прибавочной стоимости, иезуитски толкуя эту «историчность» в смысле изменения уровня прибавочной стоимости — и только для пушного втирания очков ублажал нас перспективой об ее уничтожении (путем роста заработной платы) в туманной дали веков.

Он старался нарисовать нам кисло-сладкую идиллию, что хотя капиталистическое производство останется, но оно изменится, станет ручным, направит все свои заботы исключительно на удовлетворение человеческих потребностей, но отнюдь не на производство прибавочной стоимости.

А под сурдинку всех этих рассказней и басен был протасен, остался незатронутым основной факт монополии капиталистов на орудия производства.

Под громким и так сказать передовым и либеральным лозунгом организации рабочего класса мы видим фактическое суживание его задач лишь до одной, именно — борьбы за уровень заработной платы.

Под фирмой мусовского «историзма» в действительности проведена идея увековечения прибавочной стоимости.

Так исказил и извратил наш «анти-марксист» картину капиталистического хозяйства, данную Марксом.

Но на кисейно-розовом фоне, намалеванном ханжеской кистью нашего критика, все же остался незамазанным основной штрих марксовой картины — монополия класса капиталистов на орудия производства...

* * *

Нам неизвестно, работает ли Мус над критикой II и III томов «Капитала». Надобно думать, что работает. Геллертерское трудолюбие, острая вражда к марксизму, страстная привязанность к капитализму и тревожная забота о его судьбах — все это вдохновит его по всей вероятности на дальнейшие вылазки против «Капитала». Однако вряд ли мы найдем что-либо нового и принципиально интересного в тех антимарксистских откровениях, которыми Мус надеется обогатить теоретическую критику марксизма. В I томе он себя исчерпал без остатка.

Как же следует расценивать выступление нового критика марксизма? Оно, во-первых, лишний раз показало, что в научной тяжбе с теорией Маркса современные идеологи капитализма способны главным образом на одни лишь перепевы старых мотивов и ничего свежего и оригинального дать не в состоянии. Оно, во-вторых, выявило удивительную беззаботность этих критиков в вопросах понимания истинной сущности марксова учения, беззаботность, не останавливающуюся перед прямым искажением смысла и текста марксовых работ.

На большее эти ревнители капитала не способны и вряд ли окажутся способными, что блестяще доказал Мус своим «Анти-Марксом».

В этом, пожалуй, можно видеть «оправдание»⁶⁹ необходимости его книги...

Санис

⁶⁹ См. указанное соч., с. 16.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Контрреволюция, правый и «левый» оппортунизм и задачи теоретической работы	3
О разногласиях на философском фронте Заседание президиума Комакадемии.	12

Отдел докладов и дискуссий

Политическая методология Троцкого (Методология троцкизма и «левых» загибов)	165
Завадовский. Биологический музей им. К. А. Тимирязева	243
Луппов И. С. Сопласуется ли философия истории с фактами истории . . .	270
Гидлевский И. Кен. Некоторые замечания по вопросу о подготовке кадров.	280
Некролог С. Пикус	286

Критика и библиография

Санис. Антимарксизм новейшей формации (О книге Муса «Анти-Маркс»).	289
--	-----

Редакционная коллегия:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Доборин А. М., Крицман Л. Н., Лукин Н. М., Милютин В. П., Пашукайис Е. Б., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.